

МУЗЕЙ-
ЗАПОВЕДНИК
РОДИНА
В.И. ЛЕНИНА

НИИ
истории и культуры
имени Н.М. Карамзина

МУЗЕЙ-
ЗАПОВЕДНИК
РОДИНА
В.И. ЛЕНИНА

VIII СЫТИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

2014

ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ ИМЕНИ Н. М. КАРАМЗИНА»

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК
«РОДИНА В.И. ЛЕНИНА»

VIII СЫТИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
В ИСТОРИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

ЧАСТЬ 1

Издательство
«Корпорация технологий продвижения»

Ульяновск
2014

VIII СЫТИНСКИЕ ЧТЕНИЯ
РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
В ИСТОРИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

VIII SYTIN READINGS
REGIONAL IDENTITY IN THE HISTORICAL AND
CULTURAL SPACE OF RUSSIA

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

Сергей Львович Сытин
(1925–2001)

ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ ИМЕНИ Н. М. КАРАМЗИНА»

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК
«РОДИНА В.И. ЛЕНИНА»

**VIII СЫТИНСКИЕ ЧТЕНИЯ
РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
В ИСТОРИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ**

**VIII SYTIN READINGS
REGIONAL IDENTITY IN
THE HISTORICAL AND
CULTURAL SPACE OF RUSSIA**

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЁННОЙ ПАМЯТИ ИСТОРИКА С. Л. СЫТИНА
Ульяновск, 25–26 сентября 2014

PROCEEDINGS OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL
CONFERENCE IN HONOUR OF THE HISTORIAN SERGEY SYTIN.
Ulyanovsk, September 25–26, 2014

ЧАСТЬ I

PART I

истории и культуры

Ульяновск
2014

имени Н.М. Карамзина

ББК 63.3 (2Рос – 4Уль) – 7
УДК 9 (с 149)
Р 32

Материалы печатаются по решению Учёного совета ОГБУ «НИИ истории и культуры Ульяновской области имени Н. М. Карамзина» и Учёного совета Музея-заповедника «Родина Ленина».

Р32 Региональная идентичность в историческом и культурном пространстве России. VIII Сытинские чтения. Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой памяти историка С.Л. Сытина. Ульяновск, 25–26 сентября 2014 г. Ч. 1 / ред.-сост. Липатова Н. В. – Ульяновск: Издательство «Корпорация технологий продвижения», 2014.– 288 с.

ISBN 978-5-94655-275-2

В издании представлена первая часть материалов международной конференции «Региональная идентичность в историческом и культурном пространстве России» (VIII Сытинские чтения). В центре внимания – проблематика идентичности и вопросы её формирования. Исследователи с позиций разных дисциплин, в частности, географии, культурологии, истории, социологии, рассматривают многогранное явление региональной идентичности. Статьи авторов раскрывают пространственный, личностный, конфессиональный, этнический, образовательный, визуальный, ландшафтный, ретроспективный аспекты этого понятия, в том числе и на примере Симбирского–Ульяновского края.

Издание рассчитано на широкий круг читателей, интересующихся вопросами региональной идентичности, и адресовано исследователям, преподавателям, краеведам, архивным и музейным работникам, аспирантам и студентам. Отдельные статьи сборника могут быть использованы преподавателями и студентами вузов в рамках курсов истории России, социологии, антропологии, краеведения, регионоведения.

Regional identity in the historical and cultural space of Russia. VIII Sytin readings. Proceedings of the International Scientific and Practical conference in honour of the historian Sergey Sytin. Ulyanovsk, September 25–26, 2014. Part 1. – Ulyanovsk Publisher “Corporation of Promotion”, 2015. – 288 p.

The publication presents the first part of the proceedings of the International conference "Regional identity in the historical and cultural space of Russia" (VIII Sytin readings). In the spotlight are the issues of identity and questions of its formation. Researchers consider multifaceted phenomenon of regional identity from the perspective of different disciplines, such as geography, cultural studies, history, sociology. The authors' articles reveal spatial, personal, religious, ethnic, educational, visual, landscape, retrospective aspects of this concept, including the example of Simbirsk Ulyanovsk region.

The publication is designed for a wide range of readers interested in regional identity and it is addressed to researchers, teachers, local historians, archive and museum specialists, postgraduates, and students. Particular articles in the miscellany can be used by university lecturers and students within the courses of Russian history, sociology, anthropology, local history, and regional studies.

ISBN 978-5-94655-275-2

ББК 63.3 (2Рос – 4Уль) – 7
УДК 9 (с 149)

© Коллектив авторов, 2014.

© ОГБУ НИИ истории и культуры, 2014.

© Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Родина В. И. Ленина», 2014.

© Издательство «Корпорация технологий продвижения», 2014.

Н. В. Липатова

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЕЁ РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Региональная идентичность – совокупность наследуемых, стихийно возникающих и целенаправленно создаваемых для определённой территории образов, символов, мифов, представлений. Она включает множество различных вариантов идентичности человека – этническую, конфессиональную, историко-культурную, языковую, политическую, экономическую, территориальную, различные представления о регионе его жителей и соседей и т.п. Без понимания этого многообразия немыслимо существование региона как некой целостности и системы связей, выходящих далеко за пределы формальной территориальной привязки или границ, а также консолидация регионального сообщества.

В полиэтничных регионах, таких как Ульяновская область, задача формирования региональной идентичности становится ключевой, поскольку является одним из важных условий гармонизации межэтнических отношений и одновременно стартовым ресурсом для решения социально-экономических, политических и культурных проблем в развитии региона. Сформированная позитивная региональная идентичность может стать мощным идеологическим и психологическим фактором развития региона. Она позволяет сформировать благоприятный социально-психологический климат, консолидировать жителей области вокруг общих задач, обеспечивать политическую стабильность и конкурентоспособность региона.

«Региональная идентичность в историческом и культурном пространстве России» – тема VIII Сытинских чтений, посвящённых памяти учёного и краеведа Сергея Львовича Сытина (1925–2001). Конференция прошла в Ульяновске 25–26 сентября 2014 года в год 30-летия Государственного историко-мемориального заповедника «Родина В. И. Ленина». Тема региональной идентичности выбрана не случайно, ведь её олицетворяет даже сам Музей-заповедник. Родина Ленина – это чёткое закрепление территории. Два постановления¹, республиканское и союзное, вписывают музейный комплекс площадью 174 га в общее пространство страны. Первые Сытинские чтения состоялись 2 октября 2003 года и стала важным событием в научной,

¹ Постановление Совета министров СССР о его создании под № 1032 было подписано 2 октября 1984 года

краеведческой и культурной жизни города Ульяновска. За 11 лет Сытинские чтения не только выросли не только количественно (в 2014 году в конференции приняли участие около 100 учёных и исследователей), но и пространственно. В 2014 году география российских участников впервые «перешагнула» за Урал, а сама конференция с 2006 года обрела статус международной. Работа конференции делилась на пять секций: 1) региональная идентичность и культурно-историческая память; 2) историко-культурные, территориальные, этнокультурные, национальные, языковые, религиозные аспекты региональной идентичности; 3) социокультурный феномен Симбирского–Ульяновского края; 4) культурный и персональный текст как исторический источник в исследованиях Симбирской–Ульяновской идентичности; 5) миссия музея в современном обществе, его место в процессе формирования культурной идентичности.

В эту книгу вошла та часть текстов, в которых рассматривается именно региональная идентичность в её многочисленных проявлениях. В полном объёме на страницах данного издания представлена лишь одна секция – «Региональная идентичность и культурно-историческая память». Вместе с другими текстами статьи из этой рубрики заново сгруппированы по рубрикам так, чтобы рельефнее отобразить такое сложное мультидисциплинарное и многогранное явление – региональную идентичность.

В каждой из рубрик содержится региональный компонент – пример проявления региональной идентичности в Симбирском–Ульяновском крае. Как именно формируется и осознается эта принадлежность к точке на карте с определенными координатами и культурным кодами именно этого пространства? Как этот сплав традиций, современности, мифов, представлений и всего того, что в обыденном понимании выражается в формулировках «а это у нас..», «мы делаем вот так..», «это по-нашему», превращает место жительства в «свою» территорию, к которой человек неравнодушен? Это пристрастность не столько восторженная, сколько определяющая и значимая с точки зрения формирования как самого человека, так и его отношения к окружающему миру, к территории /или территориям, с которыми он сталкивается на протяжении жизненного пути. Это и личная география человека, обозначающего его место пребывания, и языковое пространство, и символическая наполненность, придающая территории уникальность.

В сборнике поэтапно рассматривается опыт исследования региональной идентичности в рамках нескольких рубрик: ПРОСТРАНСТВО, ЛИЧНОСТЬ, СОВЕТСКОЕ VS ПОСТСОВЕТСКОЕ, РЕТРОСПЕКТИВА, СОВРЕМЕННОСТЬ, НАРОДЫ И РЕЛИГИИ И ТОЧКА ЗРЕНИЯ. В каждой из рубрик есть одна или две статьи, которые можно назвать заглавными, так как именно они определили текстовое пространство рубрики и её поле. Именно эти статьи размещены в начале рубрики.

Сборник содержит как объёмные тексты с обобщением и серьёзными

теоретическими компонентами, так и небольшие зарисовки. Логика расположения рубрик задаётся названием конференции «Региональная идентичность в культурном пространстве России», т.е. сначала рассматривается опыт формирования региональной идентичности и сравнительный анализ подходов к пониманию собственно региональной идентичности. В силу этой логики статья С. А. Прокопенко помещена в отдельной **рубрике ОПЫТ** в начале книги, так как она вводит читателя в проблематику сборника.

Региональная идентичность имеет чётко выраженную географическую составляющую. **Рубрика ПРОСТРАНСТВО** представлена пятью статьями. Они содержат как теоретические, так и практические представления о пространственном измерении идентичности. Гуманитарно-географические подходы (Д. Н. Замятин), вернакулярные районы и их отличительные черты в Нью-Йорке и России (Л. В. Смирнягин), включая Ульяновск (Д. В. Русин), ландшафт как база формирования идентичности на примере тайги и усадьбы – все эти компоненты позволяют увидеть и прочувствовать пространство как неотъемлемую составляющую региональной идентичности.

Рубрика ЛИЧНОСТЬ посвящена, прежде всего, личностному измерению идентичности. Именно человек определяет ту или иную территорию как свою или как ту, что дает ему вдохновение и служит своеобразной мерой всех вещей в его личной шкале ценностей. В фокусе внимания, прежде всего, город Ульяновск.

Изюминкой этой рубрики является текст о взгляде на Ульяновск сквозь объектив фотоаппарата легендарного советского фотохудожника Л. Н. Лазарева. Статья И. Л. Зубовой о его творчестве сопровождается богатым иллюстративным материалом, который позволяет увидеть прошлое города.

В канун празднования 250-летия Н. М. Карамзина в 2016 году стал как никогда актуален вопрос о месте его рождения. Одна из статей рассматривает истоки спора о месте рождения Николая Михайловича, начавшегося после его смерти, и роли этой личности в идентичности современных ульяновцев.

Рубрика СОВЕТСКОЕ VS ПОСТСОВЕТСКОЕ отражает окружающее нас пространство и его смысловую наполненность на современном этапе. Авторы статей этой рубрики пытаются найти ответы на вопросы: «Как советская эпоха отразилась и сохранилась, и насколько она отличается (и отличается ли) от современности?» (Н. И. Карбаинов), «Что такое советский город как явление?» (М. Ю. Тимофеев) и «Как видоизменяются, мифологизируются и одновременно встраиваются в контекст современной, уже постсоветской, эпохи смысловые формулы и конструкты в одном из наиболее ярких *советских* городов – Ульяновске – родине Ленина?» (Т. Б. Качкина).

Рубрика РЕТРОСПЕКТИВА практически вся состоит из текстов молодых учёных, для некоторых из которых статьи в этом сборнике – авторский исследовательский дебют. В своих текстах с разных позиций они рассматривают историю Симбирского–Ульяновского края. Каждая статья содержит фрагмент

загадки и уникальности этой территории. В то же время эта рубрика, как никакая другая, цельная с точки зрения рассмотрения именно практической составляющей исследования региональной идентичности. В этих текстах – ответы на вопросы: как именно историческое знание формирует региональную идентичность, как историки-исследователи, изучая те или иные темы, создавали облик региона; каким видели Ульяновск иностранцы, приезжающие в город; как спортивная история влияла на образ региона в стране? Все эти ответы прочно связаны с историей именно Ульяновской области и её культурным наследием.

Рубрика СОВРЕМЕННОСТЬ самая практикоориентированная. В ней рассматривается как опыт, так и будущие проекты, которые основываются на понимании уникальности и использовании региональной идентичности в качестве модернизационного ресурса как в рамках проекта «Ульяновск – культурная столица Поволжья», так и в рамках российско-китайского туристического проекта.

Человек не может отделить себя от своего народа, традиций и картины мира, обусловленных, в том числе, и конфессиональными факторами. В рубрике **НАРОДЫ И РЕЛИГИИ** рассматриваются типология локальных поселений Симбирской губернии, этноконфессиональный мир российской провинции, роль исторической памяти на примере кряшенской общности и крестьянства Ульяновского округа Средне-Волжской области в период сопротивления коллективизации.

Рубрика ТОЧКА ЗРЕНИЯ представляет системный взгляд на региональную идентичность в рамках рефлексивного партнёрства личности, образовательного пространства с учётом историко-культурных, территориальных, этнокультурных характеристик. Отдельно стоит отметить полемичную статью В. М. Журавлёва «Ускорение истории на примере модели исторического развития России (988–2030)». Она написана на основе доклада в рамках секции «Математические методы и информационные технологии в историко-краеведческих исследованиях» на VII Сытинских чтений 5–6 октября 2012 года. Помещена в рубрику, поскольку это тоже своего рода системный взгляд на территориальную идентичность в рамках макрорегиона – Россия.

VIII Сытинские чтения в 2014 году организовывались совместно Музеем-заповедником «Родина В. И. Ленина» и Областным государственным бюджетным учреждением «Научно-исследовательский институт истории и культуры Ульяновской области». Кафедра ЮНЕСКО Российской международной академии туризма «Культурный туризм в целях мира и развития» (г. Москва), Ульяновский областной ресурсный центр развития туризма и сервиса и Некоммерческое партнёрство «След» (г. Москва – г. Ульяновск) обеспечили практическую составляющую конференции, прежде всего, дискуссионную площадку «Устойчивое развитие культурной дестинации "Симбирск–Ульяновск"», которая проходила 26 сентября. Модератором на

ней выступил Президент Российской международной академии туризма И. В. Зорин. Участники дискуссионной площадки, кроме обозначенной темы, обсудили вопросы региональной и территориальной идентичности в брендинге территорий, исторической памяти как ресурса туристической политики региона. К сожалению, не все материалы дискуссионной площадки были представлены для публикации.

Ввиду обширности докладов принято решение выпустить материалы Сытинских чтений в двух книгах. Материалы первой части содержатся в данном издании.

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

ОПЫТ

С. А. Прокопенко

СОПОСТАВЛЕНИЕ ЗАРУБЕЖНОГО И РОССИЙСКОГО ОПЫТА КОНСТРУИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Обращение к зарубежному опыту объясняется несколькими причинами. Во-первых, выход за рамки страноведческого опыта является обязательной методологической необходимостью при сопоставлении моделей развития. Во-вторых, сегодняшняя актуализация проблематики вызвана современным этапом глобализации, которая объективно больше затронула зарубежные страны. Как следствие до сих пор многие теоретические модели наши специалисты заимствуют у зарубежных коллег¹. Характерно, что в одном из первых номеров специализированного журнала «Регионоведение», выходящего в Саранске с 2008 г., была опубликована статья, имеющая прямое отношение к компаративистскому подходу. В ней анализировался опыт социокультурной региональной идентификации в США² – стране, которую часто называют символом регионального разнообразия. В-третьих, интерес к опыту стран Евросоюза стимулирует отсутствие в нашей стране внятной федеральной политики, направленной на проектирование и гармонизацию российской и региональных идентичностей. Во многом системная политика подменяется импровизацией, диктуется конъюнктурными причинами, носит реактивный характер, что в свою очередь порождает новые противоречия между регионами на самых разных уровнях и, таким образом, несёт угрозу федеральной целостности³.

Для отбора литературы использовался специализированный поисковик Dialnet, базу данных которого составляют более 1600 журналов на основных европейских языках. Выборка по ключевому выражению «Regional Identity» включила 151 исследование разного жанра: от статей до диссертаций. В ходе дальнейшего отбора были использованы следующие критерии/фильтры:

¹ См., напр.: Жаднова Е. В. Конструирование идентичности в рамках перформативных концепций // Регионоведение. – 2008. – № 3. – URL: <http://regionsar.ru/node/1298> (Дата обращения 12.12.2014.)

² Танасейчук А. Б. «Фабрика истории» Г. Х. Бэнкрофта и процессы региональной социокультурной идентификации // Регионоведение. – 2008. – № 3. – URL: <http://regionsar.ru/node/169?page=0,0> (Дата обращения 12.12.2014.)

³ Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» // Российская газета. 25.08.2013. – URL: <http://www.rg.ru/2013/08/25/programma-anons.html> (Дата обращения 12.12.2014.)

территориальный (оставлены только работы, где анализировался опыт стран Запада), этнический (учитывая ситуацию в Ульяновской области, где проживает около 70 % русского населения, были отсеяны регионы с преобладающим населением нетитульной нации). После этого дополнительно на основе баз данных Dialnet, Google и Academia.edu были привлечены работы наиболее интересных авторов, не вошедшие в круг первоначальной выборки.

Исследование включало в себя несколько этапов и велось по трём направлениям:

1. Выявление теоретических подходов и теоретической модели феномена.
2. Анализ общего и особенного в российской ситуации с учётом глобального контекста.
3. Анализ ульяновской региональной специфики.

* * *

Поворот к обозначенной тематике в нашей стране и на западе произошёл почти одновременно, но по разным причинам. Признанный авторитет в области регионоведения финн А. Пааси и его коллега по университету Оулу К. Зиммербауэр указывают, что академическая институализация этого направления (первоначально в географии) и начало соответствующих политических дебатов в Западной Европе пришлось на 1990-е гг.¹. Тот же Пааси аргументировано утверждает, что обращение к региональной составляющей в процессе конструирования социальной идентичности – наряду с её такими традиционными маркерами, как этнический, расовый, конфессиональный, социальный, гендерный – было вызвано, прежде всего, глобализацией². В нашей стране тема региональной идентичности была актуализирована распадом СССР и возникновением новой России. Косвенным свидетельством интереса к данной проблематике в России служит бурное развитие краеведения. Можно констатировать, что на сегодня эта тематика хорошо разработана в нашей стране на теоретическом, конкретно-историческом и практическом уровнях.

Несмотря на признание существования «позитивной» и «негативной идентичности»³, в целом понятие «региональная идентичность» имеет положительные коннотации, так как имплицитно предполагает объединение людей и регионов на основе региональных ценностей и самоидентификации, превращая тем самым «регион» в культурно-экономический и политический субъект борьбы за ресурсы и долю центральной власти. При этом в наших специфических условиях (полиэтничность и национальные автономии) важно

¹ Paasi A., Zimmerbauer K. Theory and practice of the region: a contextual analysis of the transformation of Finnish regions // Treballs de la Societat Catalana de Geografia. – 2011. – № 71–72. – P. 164.

² Paasi A. Bounded spaces in the mobile world: deconstructing "regional identity" // TESG: Journal of Economic and Social Geography. – 2002. – Vol. 93. – № 2. – P. 139.

³ Панарин С. Вместо послесловия: двенадцать тезисов о региональной идентичности // В поисках России: Серия публикаций к дискуссии об идентичности. Т. 3. Восточная Россия – Дальний Восток; сост., отв. ред. Сергей Панарин, ред. Светлана Михайлова. – СПб.: Интерсоцис, 2011. – С. 208–211.

то, что регионализм является определённым противовесом угрозе этнической обособленности.

На практике существуют достаточно сложные связи типа регион–регион. Несмотря на значимость регионального соперничества, иногда возникает ситуация объединения регионов в противостоянии центру. Как это происходит, видно на примере современной Австрии, где конструкции федерализма, заложенные ещё конституцией 1920 г., испытываются на прочность давлением со стороны девяти Земель¹. Но всё-таки, основная проблематика региональной идентичности сводится к дихотомии центр–периферия.

Динамика этой бинарной структуры циклична. То есть и «благополучная» модель не застрахована от кризисных явлений. Так, пример Бельгии показывает, что даже гибкая конституционная формула федерализма – согласно ст. 1 Бельгия является федеральным государством, образованным регионами, коммунами и коммунальными комиссиями, а также широкая финансовая автономия (ст. 170) – не спасает от обострения противоречий. Заметим, что предлагаемый для Бельгии рецепт, а именно дальнейшая финансовая автономизация, не выглядит бесспорным, так как в перспективе может создать барьеры региональному перераспределению бюджетных потоков и усилению, таким образом, региональных диспропорций со всеми вытекающими из этого негативными последствиями².

Региональная идентичность не только является объективной действительностью, но одновременно и конструктом. Не случайно для замера региональной идентичности часто используют психометрические инструменты, например, психометрическую шкалу Лайкерта³. Из субъективного характера идентичности следует, что на процесс строительства и развития региональной идентичности можно активно влиять. Логично поэтому то, что в центре внимания исследователей и практиков оказывается функциональный аспект конструирования идентичности. Она рассматривается как разновидность социального инжиниринга, вид мобилизующей стратегии.

С точки зрения центра основной риск региональной идентичности – потеря управляемости регионом (вплоть до сепаратизма). Но в основном такая угроза касается иноэтнических регионов. Яркие негативные современные образцы этого даёт Испания, Бельгия, Великобритания, и особенно (при всей её специфике) подобное показала Югославия в 1990-е гг. Хотя основу сепаратизма составляет недовольство социально-экономическим положением, решающую роль в оформлении и канализации протестных отношений играет именно национальный элемент. Потому в ходе дебатов по поводу монографии

¹ См.: Bussjäger P. Between Europeanization, Unitarism and Autonomy. Remarks on the Current Situation of Federalism in Austria // Revista d'estudis autonòmics i federals. – 2010. – № 10. – P. 11–39.

² См.: Renders D., Willemart E. La financiación de las entidades territoriales federadas en Bélgica // Revista española de derecho constitucional. – 2010. – № 88. – P. 247–262.

³ См.: Asún R., Zúñiga C. Diseño y validación de una escala de identidad regional // Revista de Psicología Social. – 2004. – Vol. 19. – № 1. – P. 35–49.

Г. Э. Хэйла «Основы этнической политики: сепаратизм государств и наций в Евразии и мире»¹, посвящённой распаду Советского Союза, специалисты закономерно сосредоточились на исследовании роли этнической идентичности в этих процессах².

Дополнительно дестабилизирует ситуацию иммиграция, тем более иноэтнического и иноконфессионального характера. Как известно, стимулирование иммиграции в странах Западной Европы в условиях послевоенного подъёма диктовалось экономическими мотивами. Опыт этих стран показал, что рано или поздно иммиграционные циклы, связанные с экстенсивным использованием мигрантов, заканчиваются. И тогда возникают серьёзные проблемы. Так, кризис 2008 г. в Испании после пятнадцати лет экономического роста, превратившего её в лидера по приёму иммигрантов, привёл к ускоренному росту безработицы среди мигрантов³.

Вопреки представлениям о крахе современной политики мультикультуризма⁴, не все исследователи разделяют эту точку зрения. Так, Р. Крецан, Д. Тернер и Ж. Вудстра полагают, что подобная политика в румынском Банате при международной экономической и культурной поддержке и иностранных инвестициях позволяет снизить этнические напряжения⁵. Подобная разнородность отражает, на наш взгляд, разные фазы развития социумов и государств Евросоюза, а также отличные позиции и, следовательно, интересы государств в ходе европейской интеграции.

Основной риск с точки зрения региона в условиях глобализации – выстраивание экономической топологии, противоречащей границам и неизбежное переформатирование регионального, а также национального пространства. В этой связи специалисты говорят о современных процессах размывания территориальных границ, что создало эффект т.н. «территориальной ловушки» – наследие эпохи национальных государств⁶. Ярче и острее всего этот феномен прослеживается на примере сепаратизма в национальных регионах, например, в Каталонии, Фландрии, но имеет значение и для территориально-административных границ стран в целом. Пример тому – перекройка административной карты Финляндии в 1997 и 2009 гг. в поисках согласования интересов регионов и центра⁷.

¹ Hale H. E. The Foundations of Ethnic Politics: Separatism of States and Nations in Eurasia and the World. – Camb., 2008. – P. 278.

² Breuille J., Hechter M., Sasse G., Hale H.E. Sixth Nations and Nationalism Debate: Henry E. Hale's The Foundations of Ethnic Politics: Separatism of States and Nations in Eurasia and the World // Nations and Nationalism. – 2011. – Vol. 17. – Part 4. – P. 681.

³ См.: Reher D., Requena M., Sanz A. ¿España en la encrucijada? Consideraciones sobre el cambio de ciclo migratorio // Revista Internacional de Sociología. – 2011. – Vol. 69. – № M1. – P. 9–44.

⁴ Малахов В. После мультикультуризма. Европа и её иммигранты (2012). – URL: <http://www.centrasia.ru/news.php?st=1327921440> (Дата обращения 12.12.2014.)

⁵ Creţan R., Turnock D. et Woudstra J. Identity and multiculturalism in the Romanian Banat // Méditerranée: Revue géographique des pays méditerranéens. – 2008. – № 110. – P. 17.

⁶ A Companion to Political Geography; eds. A.J. Mitchell, K. and G. Toal. – Blackwell, Oxford, 2003. – Ch. 8. – URL: <http://www.academia.edu/2241429/Territory> (Дата обращения 12.12.2014.)

⁷ См.: Paasi A., Zimmerbauer K. Op. cit.

Напомню, что с начала петровских реформ статус и административно-территориальные границы Симбирского края и Ульяновской области существенно менялись не менее 10 раз, причём не только по воле центра, но и по местной инициативе. Все эти преобразования отражали в той или иной мере поиск оптимальной управленческой конфигурации. Сегодня с точки зрения топологии объективно беспокойство вызывает положение южных районов области. Для формирования *естественных* связей этих районов с областным центром можно использовать не только преимущества современных средств связи и технологий (в частности, Электронное правительство, дотации поездок для граждан с малыми доходами – всё, что облегчает повседневные нужды людей, но можно подумать о создании субобластного центра на базе районного, который бы, как Димитровград на востоке, дополнительно «стягивал» на себя эти удалённые территории.)

Региональная идентичность – мощный инструмент мобилизации населения, важный элемент культурного дискурса, регионального планирования и позиционирования региона. На деле чётко прослеживается увязывание духовных идеологем и приземлённых, социально-экономических задач. В этом смысле любопытна эволюция «заголовков-дискурсов»: от знаменитого сборника «Изобретая традицию» под ред. Э. Хобсбаума и Т. Рэйнджера (1983)¹, предложивших рассматривать традицию как инструмент социального инжиниринга, – к узко утилитарной цели, сформулированной уже А. К. Чаром Асурином: «Переизобретение инкской традиции и её туристическая коммерциализация»².

В науке выделяют от четырёх до семи уровней трансформации пространственно-таксономических единиц. Так, А. Пааси (1996) выделил локальный, региональный, национальный и глобальный; М. Китинг (2003) – глобальный, континентальный, государственный, региональный, местный, соседский; Н. В. Петров (2003) – локальный, субрегиональный, региональный, макрорегиональный, общенациональный³.

Большинство специалистов считает, что региональная идентичность должна поддерживаться локальной. Но в Ульяновской области локальная идентичность пока существует на уровне гастрономии: «Малиновая столица», «Блинная столица» и т. д. Вполне понятна закономерность такого позиционирования на современном этапе, но одновременно видна и ограниченность этого подхода. Но если говорить о региональном, локальном и базовом – соседском – уровнях социального пространства, то историко-культурные памятники

¹ The Invention of Tradition, eds. Eric Hobsbawm, Terence Ranger. – Cambridge University Press, 2003.

² Chara Azurín A.C. La re-inversión de la tradición Inka y su comercialización turística. Turismo y sostenibilidad: V Jornadas de Investigación en Turismo, Sevilla, 17 y 18 de mayo de 2012; coord. por J.L. Jiménez Caballero, P. de Fuentes Ruiz, C. Sanz Domínguez, 2012. – P. 673–700.

³ Панарин С. Вместо послесловия: двенадцать тезисов о региональной идентичности // В поисках России: Серия публикаций к дискуссии об идентичности. Т. 3. Восточная Россия. – Дальний Восток; сост., отв. ред. С. Панарин, ред. С. Михайлова. – СПб.: Интерсоцис, 2011. – С. 216–218.

представляются оптимальными точками консолидации локальной и региональной идентичности¹. В этом смысле перспективной выглядит апелляция к Симбирско-Карсунской прошлому – историческому и смысловому ядру региона.

Ключевую роль в конструировании региональной идентичности играет союз власти и деятелей культуры. Они заинтересованы друг в друге. Власть – для своей легитимации, интеллектуальные и культурные элиты (интеллигенция) – для саморазвития. Ведь в большинстве случаев для реализации проектов требуются административный или финансовый ресурсы. Важнейший способ выстраивания идентичности – образовательный. Тем более, что бюджетная децентрализация передала эту функцию на уровень региона. Но этот образовательный ресурс может быть реализован при наличии соответствующих инструментов². В наших российских реалиях нельзя просто возложить на и без того перегруженных учителей дополнительную ответственность. Нужны соответствующие финансовые вливания.

Несомненно, глобализация имеет сильное унифицирующее начало. Но одновременно она создаёт новые и сложные формы отношений между представителями разных культур, генерирует различные представления, в том числе о секулярности и религиозности, предлагает модели того, как всё это должно регулироваться в обществе. И региональная идентичность может выступать в качестве интегратора этих взаимодействий. В настоящий момент в России существует формальный федерализм. Объективно в стране представлены разнообразные типы регионов и соответственно региональной идентичности. Отсюда на практике существуют разные модели взаимоотношений центра и регионов. В связи с этим можно констатировать отсутствие зарубежной модели, типологически близкой по основным параметрам к сегодняшней российской действительности. Возможно только частное сопоставление зарубежного опыта с отечественным, имея в виду жёсткие пределы достоверности анализа.

НИИ

ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

имени Н.М. Карамзина

¹ Flachenecker H. Regionale Identitäten und Urbanität. Überlegungen am Beispieleiner europäischen Kernlandschaft: Franken // Potestas: Religión, poder y monarquía. Revista del Grupo Europeo de Investigación Histórica. – 2009. – № 2. – P. 147–163.

² Doncel Abad D. Organización educativa de la diferencia: análisis comparativo de la dinámica de construcción de identidad colectiva en el estado de las autonomías (2006–2011). Tesis doctoral dir. por Mariano Fernández Enguita. Universidad de Salamanca, 2012. 322 p. – URL: http://gredos.usal.es/jspui/bitstream/10366/121146/1/DSC_DoncelAbadDavid_Tesis.pdf (Дата обращения 12.12.2014.)

ПРОСТРАНСТВО

Д. Н. Замятин

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ТЕРРИТОРИЯ: ГУМАНИТАРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ДИСКУРСЫ¹

В данном исследовании мы попытаемся описать и интерпретировать основную проблематику, связанную с ключевыми гуманитарно-географическими подходами и дискурсами при изучении идентичности и территории. При этом мы полагаем, что гуманитарная география является достаточно широкой междисциплинарной научной областью, находящейся на стыке гуманитарных, социальных (прежде всего, социокультурная антропология, философия, социология, психология, филология, политология, искусствознание, история), а также естественных (география, физиология, биология, экология) наук. Следует отметить также, что исследованиями проблемы «идентичность и территория» в той или иной степени занимаются практически все выделенные нами выше гуманитарные и социальные дисциплины; тем не менее, ни одна из них до настоящего времени пока не ставит эту проблему как основополагающую и/или центральную.

Итак, *гуманитарная география* – междисциплинарное научное направление, изучающее различные способы представления и интерпретации земных пространств в человеческой деятельности, включая мысленную (ментальную) деятельность². Базовые понятия, которыми оперирует гуманитарная география, – это культурный ландшафт (также этнокультурный ландшафт), географический образ, региональная (пространственная) идентичность, пространственный или локальный миф (региональная мифология). Понятие «гуманитарная география» тесно связано и пересекается с понятиями «куль-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ). Проект № 14-38-00031.

² Подробнее см.: Замятин Д. Н. Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. – Смоленск: Ойкумена, – 1999; Он же. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. – СПб.: Алетейя, 2003; Он же. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. – М.: Аграф, 2004; Он же. Власть пространства и пространство власти: Географические образы в политике и международных отношениях. – М.: РОССПЭН, 2004; Он же. Гуманитарная география. Материалы к словарю гуманитарной географии // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2. – М.: Институт наследия, 2005; Он же. Культура и пространство: Моделирование географических образов. – М.: Знак, 2006; Замятина Н. Ю., Митин И. И. Гуманитарная география. Материалы к словарю гуманитарной географии // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 4. – М.: Институт наследия, 2007; Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 1–5. – М.: Институт наследия, 2004–2008.

турная география», «география человека», «социокультурная (социальная) география», «общественная география», «гуманистическая география»¹.

Первоначально гуманитарная география развивалась в рамках антропогеографии (начало XX в.), позднее – в рамках экономической и социально-экономической географии (с 20-х гг. XX в.). Значительные научные достижения в понимании цели и задач гуманитарной географии связаны с развитием культурного ландшафтоведения, географии населения, географии городов, географии туризма и отдыха, культурной географии, поведенческой (перцепционной) географии, географии искусства².

В начале XXI в. понятие «гуманитарная география» часто воспринимается как синоним понятия «культурная география». В отличие от культурной географии, гуманитарная география: 1) может включать различные аспекты изучения политической, социальной и экономической географии, связанные с интерпретациями земных пространств; 2) позиционируется как междисциплинарная научная область, не входящая целиком или основной своей частью в комплекс географических наук; 3) смещает центр исследовательской активности в сторону процессов формирования и развития ментальных конструктов, описывающих, характеризующих и структурирующих первичные комплексы пространственных восприятий и представлений.

К научно-идеологическому ядру гуманитарной географии можно отнести: культурное ландшафтоведение, образную (имагинальную) географию, когнитивную географию³, мифогеографию⁴, сакральную географию. Гуманитарная география развивается во взаимодействии с такими научными областями и

¹ Lowenthal D. Geography, experience and imagination: towards a geographical epistemology // *Annals of the Association of American Geographers*. 1961. Vol. 51. No. 3. P. 241–260; The Interpretation of Ordinary Landscapes: Geographical Essays / Ed. by D.W. Meinig. N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1979; Tuan Yi-Fu. Topophilia: A study of environmental perception, attitudes, a. values / With a new pref. by the author. N.Y.: Columbia University Press, 1990; Daniels S. Place and Geographical Imagination // *Geography*. 1992. No. 4 (337). P. 310–322; Jordan T.G., Domosh M., Rowntree L. The Human Mosaic: A Thematic Introduction to Cultural Geography. Sixth Edition. N.Y.: Harper Collins College Publishers, 1994; Geography and National Identity / Ed. by Hooson D. Oxford, Cambridge (Mass.): Blackwell, 1994; Schama S. Landscape and Memory. N.Y.: Vintage Books, 1996; Cultural Turns/Geographical Turns. Perspectives of Cultural Geography / Ed. by S. Naylor, J. Ryan, I. Cook and D. Crouch. N.Y.: Prentice Hall, 2000; Studing Cultural Landscapes / Ed. by I. Robertson and P. Richards. N.Y.: Oxford University Press, 2003 и др.

² См. подробнее: Голд Дж. Психология и география: Основы поведенческой географии. – М.: Прогресс, 1990; Веденин Ю. А. Очерки по географии искусства. – М.: Ин-т Наследия; – СПб.: Дмитрий Буланин, 1997; Туровский Р. Ф. Культурная география: теоретические основания и пути развития // Культурная география / науч. ред. Ю. А. Веденин, Р. Ф. Туровский. – М.: Ин-т Наследия, 2001. – С. 10–94; Лавренова О. А. Новые направления культурной географии: семантика географического пространства, сакральная и эстетическая география // Культурная география / науч. ред. Ю. А. Веденин, Р. Ф. Туровский. – М.: Институт Наследия, 2001. – С. 95–126; Стрелецкий В. Н. Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии // *Известия РАН. – Сер. геогр.* – 2002. – № 4. – С. 18–28.

³ Замятина Н. Ю. Когнитивные пространственные сочетания как предмет географических исследований // *Известия РАН. – Сер. геогр.* – 2002. – № 5. – С. 32–37.

⁴ Митин И. И. Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. – Смоленск: Ойкумена, 2004.

направлениями, как когнитивная наука, культурная антропология, культурология, филология, политология и международные отношения, геополитика и политическая география, искусствоведение, история.

Проблема взаимоотношений идентичности и территории или территориальной идентичности – одна из главных для гуманитарной географии. Наряду с концептами географического образа, культурного ландшафта и локального мифа концепт территориальной или региональной идентичности рассматривается как базовый, определяющий при постановке различных методологических, теоретических и прикладных проблем в гуманитарной географии. В гуманитарной географии учитывается всё обилие определенных термина «территориальная идентичность», используемого во многих гуманитарных и социальных науках. В первом приближении гуманитарная география может использовать эти определения, как бы брать их «на веру», однако далее мы попытаемся показать, в чём состоит когнитивная специфика гуманитарно-географической интерпретации этого понятия и, соответственно, гуманитарно-географических подходов и дискурсов.

Базовые когнитивные модели территориальной идентичности

Сформулируем первичную простейшую (элементарную) когнитивную «платформу», важную для нашего дальнейшего исследования. Итак, предполагается, что территория обладает или имеет конкретный информационный объем, существует некоторый информационный банк относительно определенной территории, а также и банк знаний. В свою очередь, понятие и концепт идентичности, что идентичность всегда кому-то принадлежит, она всегда относится к чему-то и/или к кому-то, включает в себя конкретные эмоции, чувства, образы (воображение), а также возможность рационализации этих чувств и образов. Наконец элементарное понятие территориальной идентичности возникает, когда в логическом отношении пересекаются и начинают взаимодействовать концепты территории и идентичности (мы здесь пока не говорим о собственно феноменологии территориальной идентичности в широком смысле, ограничиваясь формальной логикой).

Далее логически мы можем предположить, что концепт идентичности является активным по отношению к концепту территории, который остаётся, в свою очередь, пассивным. Иначе говоря, в данном представлении концепт территории выглядит как подстилающая поверхность, фон, подложка, а концепт идентичности трансформируется, перестраивается, видоизменяется, оказываясь в определённом территориальном контексте. Такое представление может быть опять-таки базовым, впоследствии эта элементарная когнитивная модель может быть усложнена и/или переработана. Так или иначе, собственно территориальная идентичность, согласно этой когнитивной модели, является результатом неких содержательных отношений, в результате чего может возникать и обратная связь: представление о территории меняется, поскольку

может меняться территориальная идентичность, становящаяся в процессе своей трансформации синтетическим и динамическим концептом.

Попробуем теперь перейти к несколько более сложной когнитивной модели территориальной идентичности. Предположим, что концепт территории включает в себя не только конкретный объем информации и знаний (грубо говоря, это «физическая» модель территории), но и некоторые представления о ней, не связанные прямо с какой-либо точной информацией или знанием. Иначе говоря, помимо собственно «физической» территории, теперь существует и «метафизическая» территория. Именно в этом слое «откладываются» локальные мифы, «складируются» географические образы-архетипы, формируется представление о культурных ландшафтах. Следует сразу отметить, что «метафизическая» территория часто и чаще всего возникает в воображении отдельных людей и сообществ, являющихся либо пришлыми на данной «физической» территории (формально – случай иммигранта и диаспоры), либо физически покинувшими определённую территорию или страну (случай эмиграции). В любом случае, мы можем говорить здесь о том, что подвижность людей и человеческих сообществ способствует формированию метафизики территорий: удалённость от родного места может рождать локальный миф о нём, прибытие на новую территорию и жизнь на ней могут способствовать развитию новых географических образов и мифов, необходимых для укоренения здесь. Концепт территории, тем не менее, остаётся и в этой усложнённой модели когнитивно неподвижным, статичным; территория рассматривается, используя лингвистическую метафору, в условном «страдательном залоге».

Географический образ – система взаимосвязанных и взаимодействующих знаков, символов, архетипов и стереотипов, ярко и в то же время достаточно просто характеризующих какую-либо территорию (место, ландшафт, регион, страну). Географический образ – центральное понятие *имагинальной географии*. Как правило, отдельные географические образы могут формировать, в свою очередь, образно-географические системы (метасистемы).

Близким по смыслу к понятию географического образа является понятие географического имиджа (имиджа территории). Синонимы географического образа – образ территории, образ региона, образ места, образ пространства. Как инвариант понятия «географический образ» может рассматриваться понятие *культурного ландшафта*. В содержательном плане наиболее продуктивно использование понятия географического образа совместно с понятиями *когнитивно-географического контекста* и локального (регионального, пространственного) мифа.

Географический образ есть феномен культуры, характеризующий стадийное (общий аспект) и уникальное (частный аспект) состояния общества. Данный феномен является важным критерием цивилизационного анализа любого общества. Качественные характеристики географических образов в культуре, способы репрезентации и интерпретации географических образов, структуры

художественного и политического мышления в категориях географических образов являются существенными для географического, культурологического, исторического, политологического анализа развития общества.

Локальные мифы, будучи одним из устойчивых типов пространственных представлений на протяжении, по крайней мере, всех известных письменных историй¹, претерпевают в эпоху модерна столь существенные системно-структурные изменения, что оказываются не только вполне традиционными ментальными нарративами, описывающими и характеризующими определённые места и территории, но и принципиально, жизненно, экзистенциально важными компонентами видения не только прошлого и настоящего, но также и будущего – будущее начинает как бы закрепляться, «фиксироваться» соответствующими легендарными событиями и историями, уверенно проецируемыми в пространство ещё не сбывшегося, не состоявшегося, однако весьма возможного и желательного. Если понимать под локальными мифами систему специфических устойчивых нарративов, распространённых на определённой территории, характерных для соответствующих локальных и региональных сообществ и достаточно регулярно воспроизводимых ими как для внутренних социокультурных потребностей, так и в ходе целенаправленных репрезентаций, адресованных внешнему миру, то основную суть когнитивных изменений, происходящих с локальными мифами и в них самих в эпоху модерна, в их самом первоначальном и грубом виде, можно свести к наглядным ментальным преобразованиям пространственной онтологии локальных мифов, их условных хтонических оснований². Иначе говоря, пространство локальных мифов начинает быстро расширяться невозможными ранее темпами – не в смысле хорошо известной специалистам (филологам, искусствоведам, культурологам,

¹ См., например: Фрейдберг О. М. Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издат. Фирма «Восточная литература» РАН, 1998; Элиаде М. Священное и мирское. – М.: Изд-во МГУ, 1994; Он же. Космос и история: Избранные работы. – М.: Прогресс, 1987; Он же. Аспекты мифа. – М.: Академический проект, 2000; Леви-Строс К. Структурная антропология. – М.: Наука. Гл. ред. восточной литературы, 1985; Кэмпбелл Дж. Мифический образ. – М.: АСТ, 2002; Хьюбнер К. Истина мифа. – М.: Республика, 1996; Барт Р. Мифологии. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000; Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. – М.: Наука, 1976; Вен П. Греки и мифология: вера или неверие? Опыт о конституирующем воображении. – М.: Искусство, 2003. – С. 100–106; Неклюдов С. Структура и функции мифа // Мифы и мифология в современной России. – М.: АИРО-XX, 2000. – С. 17–39; Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М.: Языки славянской культуры, 2004; Торшилов Д. О. Античная мифография: миф и единство действия. – СПб.: Алетейя, 1999; Терехин Н. М. Сакральная география Русского Севера. – Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1993; Он же. Метафизика Севера. – Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 2004; Фадеева Т. М. Крым в сакральном пространстве: История, символы, легенды. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2000; Абашев В. В. Пермь как центр мира. Из очерков локальной мифологии // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 6(46). – С. 275–288; также: Митин И. И. Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семизис пространственных мифов. – Смоленск: Ойкумена, 2004.

² McLean S. Touching Death: Tellurian Seduction and Spaces of Memory in Famine Ireland // Culture, Space and Representation. A special issue of the Irish Journal of Anthropology. 1999. Vol. 4. P. 61–73; Crouch D. Spatialities & the Feeling of Doing // Social & Cultural Geography. 2001. Vol. 2. No. 1. P. 61–73; Замятин Д. Пришествие геократии. Евразия как образ, символ и проект российской цивилизации // Независимая газета. – 2008. – июль.

психологам, историкам, этнологам, географам) повторяемости базовых архетипических сюжетов, воспроизводящихся в совершенно разных цивилизациях и культурах и на сильно удалённых друг от друга территориях, в совершенно различных порой природных и культурных ландшафтах¹, а в смысле их семантической и образной экспансии в ранее не достижимые для них области ментальной и материальной жизни региональных сообществ.

Обобщённая когнитивная модель пространственных представлений в рамках гуманитарной географии

Итак, понятие и концепт территориальной идентичности «работает» в пределах гуманитарной географии в кругу понятий географического образа, локального мифа и культурного ландшафта, это его гуманитарно-географический контекст. Если выстраивать определённую иерархию соотношений этих понятий, имея в виду уровни рассмотрения пространственных представлений в рамках гуманитарной географии, то территориальная идентичность как бы надстраивается над географическими образами и локальными мифами, использует и впитывает их; в то же время именно территориальная идентичность оказывается рефлексивной основой для выявления и фиксации конкретных культурных ландшафтов, типичных для данной территории. Наряду с этим, территориальная идентичность как условный ментальный продукт оказывается под влиянием конкретных когнитивно-географических контекстов, имеющих отношение к изучаемой территории, а также проблематики «гений и место», персонализирующей и тем самым несколько упрощающей «технологии» воображения территориальной идентичности. Концепты «когнитивно-географический контекст» и «гений и место» являются своего рода вертикальными ментальными «лифтами», способствующими эффективному взаимодействию всех «этажей» концептуального «здания» гуманитарной географии.

Если структурировать в ментальном отношении основные понятия, описывающие образы пространства, производимые и поддерживаемые человеческими сообществами различных иерархических уровней, разного цивилизационного происхождения и локализации, то можно выделить на условной вертикальной оси, направленной вверх (вниз – бессознательное, вверх – сознание), четыре слоя-страты, образующие треугольник (или пирамиду, если строить трехмерную схему), размещенный своим основанием на горизонтали. Нижняя, самая протяженная по горизонтали страта, как бы утопающая в бессознательном – это географические образы; на ней, немного выше, располагается «локально-мифологическая» страта, менее протяженная; еще выше, ближе к уровню некоего идеального сознания – страта территориальной (региональной) идентичности, наконец, на самом вершине «колпачок» этого треугольника образов пространства – культурные ландшафты, находящиеся ближе всего в силу своей

¹ См., например: Леви-Строс К. Структурная антропология. – М.: Наука. Гл. ред. восточной литературы, 1985; Кэмпбелл Дж. Мифический образ. – М.: АСТ, 2002.

доминирующей визуальности к сознательным репрезентациям и интерпретациям различных локальных сообществ и их отдельных представителей¹. Понятно, что возможны и другие варианты схем, описывающие подобные соотношения указанных понятий. Здесь важно, однако, подчеркнуть, что, с одной стороны, всевозможные порождения оригинальных локальных или региональных мифов во многом базируются именно на географическом воображении причём процесс разработки, оформления локального мифа представляет собой, по всей видимости, «полусознательную» или «полубессознательную» когнитивную «вытяжку» из определённых географических образов, являющихся неким «пластом бессознательного» для данной территории или места. Скорее всего, онтологическая проблема взаимодействия географических образов и локальных мифов – если пытаться интерпретировать описанную выше схему – состоит в том, как из условного образно-географического «месива», не предполагающего каких-либо логически подобных последовательностей (пространственность здесь проявляется как наличие, насыщенность пространств, чьи образы не нуждаются ни в соотносительности, ни в иерархии, ни в ориентации/направлении), попытаться сформировать некоторые образно-географические «цепочки» в их предположительной (возможно, и не очень правдоподобной) последовательности, а затем, параллельно им, соотносясь с ними, попытаться рассказать вполне конкретную локальную историю, чьё содержание может быть мифологичным. Иначе говоря, при переходе от географических образов к локальным мифам и мифологиям должен произойти ментальный сдвиг, смещение – всякий локальный миф создается как разрыв между рядоположенными географическими образами, как когнитивное заполнение образно-географической лакуны соответствующим легендарным, сказочным, фольклорным нарративом.

Если продолжить первичную интерпретацию предложенной выше ментальной схемы образов пространства, сосредоточившись на позиционировании в её рамках локальных мифов, то стоит обратить внимание, что, очевидно, локальные мифы и целые локальные мифологии могут быть базой для развития соответствующих территориальных идентичностей. Ясно, что и в этом случае при перемещении в сторону более осознанных, более «репрезентативных» образов пространства должен происходить определённый ментальный сдвиг. На наш взгляд, он может заключаться в «неожиданных» – исходя из непосредственного содержания самих локальных мифов – образно-логических и часто весьма упро-

¹ Важно отметить, что для репрезентации всех выделенных уровней модели необходимо изучение локальных текстов; см., например: Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: Изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1995; Русская провинция: миф – текст – реальность / сост. А. Ф. Белоусов и Т. В. Цивьян. – М., – СПб.: Изд-во «Лань», 2000; Кривонос В. Ш. Гоголь: миф провинциального города // Провинция как реальность и объект осмысления. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2001. – С. 101–110; Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. – Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000; Люсьин А. П. Крымский текст в русской литературе. – СПб.: Алетейя, 2003; Геопанорама русской культуры: Провинция и её локальные тексты / отв. ред. Л. О. Зайонц; сост. В. В. Абашев, А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. – М.: Языки славянской культуры, 2004 и др.

щённых трактовках этих историй, определяемых современными региональными политическими, социокультурными, экономическими контекстами и обстановками. Другими словами, территориальные идентичности, формируемые конкретными целенаправленными событиями и манифестациями (установка мемориального знака или памятника, городское празднество, восстановление старого или строительство нового храма, интервью регионального политического или культурного деятеля в местной прессе и т.д.), с одной стороны, как бы выпрямляют локальные мифы в когнитивном отношении, ставя их «на службу» конкретным локальным и региональным сообществам, а с другой стороны, само существование, воспроизводство и развитие территориальных идентичностей, по-видимому, невозможно без выявления, реконструкции или деконструкции старых, хорошо закрепленных в региональном сознании мифов¹ и основания и разработки новых локальных мифов, часть которых может постепенно закрепиться в региональном сознании, а часть – оказавшись слабо соответствовавшей местным географическим образам-архетипам и действительным потребностям поддержания территориальной идентичности – практически исчезнуть.

Общие методологические подходы к изучению территориальной идентичности

Попытаемся теперь сформулировать общие методологические подходы к изучению территориальной идентичности, важные для дальнейшего понимания специфики соответствующих гуманитарно-географических дискурсов. Заметим, что эти подходы не носят жёсткого дисциплинарного характера, хотя, несомненно, имеют конкретное когнитивное происхождение.

Выделим три базовых подхода: *плюралистический*, основанный на понятии множественности (А); *уникалистский*, или *феноменологический*, рассматривающий определённую идентичность «здесь и сейчас» (Б); и *апофатический*, или – иначе – *онтологический*, сфокусированный на исследовании возможности/невозможности, наличия/отсутствия идентичности как таковой (В).

А. Плюралистический подход опирается на представление о множествах территорий, в отношении которых могут самоопределяться те или иные личности, группы, сообщества людей. Предполагается, что, во-первых, субъекты территориальной идентичности могут расходиться в своих представлениях о тех или иных объектах, т.е. территориях; более того, эти территориальные представления имеют свою динамику. Во-вторых, сами субъекты идентичности могут меняться, развиваться, трансформироваться,

¹ См., например: Елистратов В. С. Евразийский Рим, или Апология московского мещанства // Он же. Язык старой Москвы: Лингвоэнциклопедический словарь. – М.: Русские словари, 1997. – С. 640–702; Конькова О. И. Ижорский мир: формирование и конструкция. Пространство и время // Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 2. Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты нарвов Европейского Севера / отв. ред. Н. М. Терехихин. – Архангельск: Поморский университет, 2006. – С. 53–68; Дранникова Н. В. Мифология Кенозерья // Там же. – С. 109–115.

даже исчезать, что ведёт за собой смену общей «картины мира» территориальных идентичностей. В любом случае, множественность территориальных идентичностей способствует вновь и вновь возникающим антагонизмам, противоречиям между личностями и сообществами с пересекающимися территориальными идентичностями. Очевидно, что этот подход имеет по преимуществу социологическое происхождение, в его рамках возможны достаточно полные первичные описания территориальных идентичностей, привязанных к традиционным, посттрадиционным, а также модерным обществам; здесь же группируется базовая проблематика национальных идентичностей и национализмов, во многом связанная именно с конкретными территориями и задачами их физической и метафизической делимитации (проблема «крови и почвы» в традиционном и посттрадиционном дискурсах)¹.

Как бы то ни было, пространство и в начале XXI века выступает естественной образной основой для любого рода проектов идентичности, тем более, языковой идентичности, тесно связанной уже в эпоху зрелого модерна с идеолого-националистическими проектами, апеллирующими, как правило, к «крови и почве». Идеологическое наследие модерна, будучи, по преимуществу, западным (европейским) культурным и цивилизационным порождением, претерпевает очевидные социокультурные метаморфозы на территориях и в пространствах, чьи цивилизационные основания онтологически не сопрягаются или сопрягаются плохо с ключевыми «требованиями» процесса модернизации². Подобные метаморфозы могут быть достаточно эффективно репрезентированы именно на геокультурном или геоцивилизационном фундаменте, когда конкретное пространство/территория/регион/страна наделяется специфическими образными маркерами, расширяющими довольно «узкие» в идеологическом плане культурно-типологические матрицы³. При таком

¹ Geography and National Identity / Hooson D. (Ed.). Oxford, Cambridge (Mass.): Blackwell, 1994; Смит Э. Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / пер. с англ. А. В. Смирнова и др.; общ. ред. А. В. Смирнова. – М.: Праксис, 2004.

² См., например, довольно курьезную политико-дипломатическую историю с написанием слова «Чехо-словакия» через дефис в советских дипломатических документах и прессе 1920–1930-х гг. в противоречии с официальным аутентичным написанием «Чехословакия» в 1920–1938 гг. и возникший вокруг этой истории дипломатический конфликт с явной опорой на языково-идеологический контекст // Кен О., Рупасов А. Политбюро ЦК ВКП (б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. Часть 1. Декабрь 1928 – июнь 1934 г. Научное издание. – СПб.: Изд-во «Европейский Дом», 2000. – С. 494. См. также в более широком культурно-антропологическом контексте: Appadurai A. Modernity at Large. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996; Аппадурай А. Ставя иерархию на место // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 3. – С. 8–14; Соколовский С. В. Образы других в российской науке, политике и праве. – М.: Путь, 2001.

³ См.: Замятин Д. Н. Геокультура и процессы межцивилизационной адаптации: стратегии репрезентации и интерпретации ключевых культурно-географических образов // Цивилизация. Восхождение и слом. Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса. – М.: Наука, 2003. – С. 213–256; Ср.: Батомункуев С. Указ. соч.; Горак С. Указ. соч.; Шнирельман В. От конфессионального к этническому: болгарская идея в национальном самосознании казанских татар // Евразия. Люди и мифы. (Сб. статей из журнала «Вестник Евразии») / сост., отв. ред. С. А. Панарин. – М.: Наталис, 2003. – С. 450–474.

методологическом подходе становится возможным говорить об азиатском модерне, российском модерне, постсоветском модерне и т.д., не рискуя оказаться практически сразу в «плёну» евроцентристских или западнцентристских идеологических дискурсов.

Речевые и письменные языковые практики во многом зависят от структур повседневных коммуникаций и образов доминирующих культурных ландшафтов. Преобладающая речь на улице, в толпе, в кафе, уличные вывески, газетные киоски, продавцы в магазинах, язык бизнес-переговоров и лектора в университете, стендовая информация в государственных учреждениях, полки в книжных магазинах, дорожные указатели, программы телеканалов, содержание интернет-сайтов – всё это обуславливает не только фон формирования языковых идентичностей, но и сами структуры таких идентичностей. Характерно, что языковые идентичности, в свою очередь, могут определять содержание и структуры обыденных культурных ландшафтов, влияя тем самым и на становление доминирующих географических образов страны или территории.

Фактический распад, агония модерна привела к сильнейшей дифференциации культурных и идеологических дискурсов, слабо или совсем не соприкасающихся друг с другом; пространство глобализации – в том его «изводе», который складывается в развитых западных странах – часто представляет собой сравнительно автономное сосуществование различных локальных идентичностей, культурных ландшафтов и географических образов, чья общность может быть зафиксирована лишь частично, фрагментарно, «одномоментно»¹.

Б. Феноменологический подход ориентирован, в первом приближении, на разработку ментальных схем инструментального описания взаимоотношений, как правило, отдельной личности, человека с конкретным местом, территорией, причём главной проблемой здесь является переход от физического к метафизическому представлению территории, которая, фактически, может пониматься как некое «второе тело» субъекта территориальной идентичности. Стоит отметить также, что чёткая грань между субъектом и объектом территориальной идентичности в данном случае стирается. В то же время предполагается, что отдельные индивидуальные или персональные территориальные идентичности никоим образом не могут противоречить друг другу, хотя бы даже они содержательно пересекались; они находятся в разных феноменологических планах, или «регионах». В рамках данного подхода возникает устойчивая проблематика территориального/географического воображения, при этом само территориальное воображение постоянно вытесняется вполне рациональными ментальными схемами конкретной интерпретации территории.

Территории, места не существуют без поддерживающего и «объясняющего» его существования мифа или совокупности, системы мифов. Иначе говоря,

¹ Малахов В. Культурный плюрализм versus мультикультурализм // Лорос. – 2000. – № 6. – С. 4–8; Mapping Multiculturalism / Ed. Avery F. Gordon and Christopher Neufeld. Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 1996.

именно географическое воображение, взятое в его феноменологически-нарративном контексте, обеспечивает в итоге реальную географию и топографию региона¹. Можно при этом довольствоваться довольно простой локально-мифологической «формулой», утверждая, что место плюс (мифологическое) событие есть со-бытие места. Здесь могут быть введены условные когнитивные поправки на мифологичность или легендарность самого события, не подтверждаемого строгими историческими фактами (или, наоборот, хорошо подтверждаемого), однако не эти поправки определяют, по сути, действительность локальных мифов.

Эффективное функционирование феноменологической модели связано с представлением о том, что наличное бытие, как бы отвечающее за понятия действительности и/или реальности, не описывается какими бы то ни было образами или архетипами, с помощью которых могли бы действовать те или иные индивиды или какое-либо сообщество в целом². Географическое воображение эпохи Модерна фактически «расправилось» с одномерными пространственными представлениями, как бы оукленными в пределах определённой культуры или цивилизации. Вместе с тем многочисленные ментальные образования и ментальные фантомы Модерна и Постмодерна «упакованы» в специфические западные оболочки – евроатлантическое или евроамериканское цивилизационное сообщество контролирует главные феноменологические процессы, диктуя смежным цивилизационным сообществам метацивилизационные правила создания и функционирования подобных ментальных оболочек. Тем не менее, сами онтологии все новых и новых, но все же типовых ментальных конструкторов остаются своего рода местом экзистенциальной свободы и оригинальных экзистенциальных стратегий.

В. Онтологический подход предполагает разработку бытийных аспектов территориальной идентичности. В сущности, именно здесь концентрируется проблематика гения и места: гений является творческой личностью, преобладающей место, присваивающей его себе, а место трактуется как мощная онтологическая необходимость, граничащая собственно с небытием. Таким образом, территория в контексте онтологического подхода перестаёт быть «пассивным» концептом; она приобретает онтологический статус, что означает невозможность любого представления конкретной территории вне определённого и онтологически интерпретированного дискурса. «Метафизическая» территория как бы срастается с «физической», как следствие этого возникает проблематика территориализации и детерриториализации. «Физическая» территория отходит на задний план и, хотя её нельзя назвать просто географическим образом, или «чистым» географическим образом, однако она растворяется в ментальном плане в композитном едином дискурсе территории

¹ Ср.: Теребихин Н. М. Сакральная география Русского Севера. – Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1993; Он же. Метафизика Севера. – Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 2004; Рахматуллин Р. Две Москвы...

² Ср.: Пелипенко А. А. Генезис смыслового пространства и онтология культуры // Человек. – 2002. – № 2. – С. 6–22.

как возможности-и-необходимости, что ведёт к когнитивному исчезновению дуализма «физической»/«метафизической» территорий.

Образно-географическое моделирование взаимоотношений гения и места означает, прежде всего, удвоение и одновременно трансформацию исходных специфических географических образов-архетипов, в которых так или иначе можно интерпретировать творчество или биографию гения, проецируя их на конкретную топографию, приобретающую экзистенциальный и порой драматический характер.

Между тем, пока остается незатронутым и неразобраным вопрос о генерализированной когнитивной структуре взаимодействия гения и места. Нужна некая обобщенная когнитивная модель, описывающая и объясняющая в первом приближении характер подобного взаимодействия, его исходные предпосылки и наиболее очевидные результаты. Понятно, что таких моделей может быть несколько, поскольку ни одна модель в данном случае не может быть исчерпывающей – хотя бы в силу самой уникальности любой творческой деятельности, а также географической уникальности исследуемого места. Кроме того, вполне возможно использование плодотворных аналогий из других сфер и областей знания, позволяющее обнаружить и зафиксировать наиболее существенные черты изучаемого процесса.

Попробуем представить и описать одну из таких моделей. В самом общем виде в ней присутствуют три элемента, или образа: место, произведение гения (причем «открытое произведение» в духе Умберто Эко) и пространство. Как видим, в этой модели нет собственно гения, он заменяется результатом самой творческой деятельности. Образ открытого произведения гения здесь является определяющим: произведение (книга, живописное или музыкальное произведение, архитектурное сооружение, кинокартина, мемориальное событие и т.д.) открыто и месту, и пространству – и тем самым оно становится тем ментальным (образным) фильтром или мембраной, позволяющей месту и пространству эффективно взаимодействовать в образно-символическом отношении. Интерпретируя иначе, можно сказать, что открытое произведение гения является необходимой трансакцией, обеспечивающей, поддерживающей и в то же время производящей условный коммуникативный акт между образами места и пространства. Пространство здесь может мыслиться как сам по себе «скользящий» и *пред-стоящий* образ места; посредством открытого произведения место *пред-восхищается* как новое пространство, как место (для) будущего, при этом само будущее как бы размещается внутри гипостазуемого произведением места.

Эта модель может быть дополнена в духе принципа дополнительности Нильса Бора другой, в которой место рассматривается как аналог света. В отличие от предыдущей, данная модель центрируется образом места, а не произведения гения. Представим себе место как некую распространяющуюся, подобно свету, субстанцию. Это распространение, опять-таки подобно

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

имени Н.М. Карамзина

свету, происходит двояким образом – в виде отдельных мельчайших частиц, корпускул, и одновременно в виде волны, кванта, определенными пространственными «порциями». Модель, основы которой заимствованы из квантовой механики, позволяет несколько более точно описать динамику взаимодействия гения и места. Попытаемся описать эту модель более подробно.

Место распространяется в пространство, оно «пытается» как бы вернуться в пространство (если представить себе, что любое место когда-то выделилось из пространства и обособилось от него). Условная конечная «миссия» места – «размазаться» в пространстве так, чтобы изменились параметры и условия существования/функционирования самого пространства. Ключевую роль в процессе «возвращения» места в пространство играет гений, творческая личность. Как это происходит?

Гений способствует восприятию и воображению места как волны; благодаря гению место перестает восприниматься как совокупность информационных частиц-корпускул. Этот процесс неокончателен, противоречив, и место живет как реальный образ именно этим противоречием: гений силится представить место-волну «размазанной» в пространстве, в то же время параллельно существует и движется обычный информационный поток, формирующий место. Эту модель можно назвать моделью волновой динамики места.

Территориальные идентичности и понятие пространственности

Так или иначе, территориальные идентичности в своей когнитивной основе опираются на понятие пространственности. Как правило, культурно-географические дискурсы конца XX века имеют дело с бинарной оппозицией «место – пространство», в которой концепт места связывается с территориальной определённой, зафиксированностью, освоённостью, чётким масштабированием, тогда как концепт пространства ориентирован в свою очередь на территориальную неопределённость, отсутствие чётких территориальных границ, неосвоенность или малоосвоенность. Между тем, эти вполне очевидные методологические воззрения, коренящиеся, собственно, в самом языке, обладают, несомненно, когнитивной подвижностью (так, понятие местности, с одной стороны, коренится в понятии места и обладает некими территориальными рамками или границами, но, с другой стороны, всё же не имеет точно оговариваемых границ и черт), и, наряду с этим, во многом зависят от включения тех или иных социологических «регистров», своеобразных когнитивных «призм», посредством которых через межличностные и межгрупповые взаимодействия проявляется то, что обычно называют или пытаются определить как образ территории, или, более точно, географический образ. Следовательно, та или иная чётко отграничиваемая, лимитируемая территориальная единица – например, дом, двор, селение, квартал и т.д. – могут быть одновременно внешним маркером определённой территориальной идентичности, и, в то же время, обладать собственным,

оригинальным географическим образом, онтологически обусловленным естественной пространственностью интересующего нас места. В сущности, в контексте трактуемого таким образом понятия пространственности и территории можно определить как пространство, имеющее некое множество географических образов и располагающее людьми или сообществами, выражающими своё отношение к нему (открыто или латентно, сознательно или бессознательно; при этом сами люди и/или сообщества не обязательно должны жить здесь, постоянно или временно).

Современные методологические и теоретические интерпретации территориальных идентичностей базируются на соответствующих трактовках понятий пространства и пространственности. *В первом приближении можно говорить о двух ключевых идеологических подходах, оказывающих прямое влияние на данные интерпретации – это, безусловно, марксизм и постмодернизм, сочетающийся в ряде версий с постструктурализмом.*

В рамках современного марксизма пространство понимается как важнейший элемент капиталистического производства, по сути дела, пространство, с одной стороны, может и должно воспроизводиться, а, с другой стороны, оно является важнейшим институтом, обеспечивающим устойчивость капиталистической системы в целом¹. Мощные технологические инновации, связанные с компьютерной революцией, концептуальное развитие понятий виртуальности и виртуального пространства, киберпространства, сетевого пространства видоизменили марксистские подходы, но не трансформировали их радикально. Борьба, в том числе классовая борьба, за пространство, за способы его представления и воображения продолжается и в рамках сетевых и виртуальных пространств. Двойная анонимность сетевых агентов в Интернет порождает как бы безличные пространства, обладающие в то же время четкими, хорошо репрезентированными образами. Особенно ярко это видно также на примере современных урбанизированных пространств, создающих впечатление безместности, пустынности, анонимности, заброшенности, стандартности, безликой повторяемости². В таких условиях территориальные идентичности оказываются своего рода «редкостью», за которую надо бороться, которую надо целенаправленно производить и перераспределять, вследствие чего возникает и экономика территориальных идентичностей.

Характерно, что даже постмарксистское видение проблематики пространства, заявленное в социологической теории П. Бурдьё, вынуждено работать с пространственными категориями как с «капиталом»; вся методологическая борьба Бурдьё с наследием Маркса оборачивается лишь усилением символических аспектов воображения пространства, которое остаётся эквивалентом своего рода метафизического тела, к которому применимо то или иное на-

¹ Lefebvre H. The Production of Space. Oxford: Basil Blackwell, 1991.

² Соля Э. У. Дигитальные сообщества. Сим-сити и гиперреальность повседневной жизни // Proect International. 15. Март 2007. – С. 127–141.

силе¹. Тем не менее, в концепции Бурдьё мы можем видеть некоторое возвращение к неоплатоническим интерпретациям пространственности, в рамках которых телесность, сопряжённая с динамическими душевными пертурбациями, вполне эффективно с когнитивной точки зрения трансформируется в понятие габитуса. Соответственно, и территориальные идентичности могут теперь восприниматься как ментальные схемы людей и сообществ по поводу присвоения тех или иных символических и/или культурных пространств.

Постмодернистский дискурс пространственности и территориальных идентичностей не выглядит однородным; он, скорее, представляет собой совокупность методологических и теоретических практик и приёмов, призванных разрушить модернистское понимание пространства и одновременно создать идеологическое обоснование социокультурным процессам глобализации и регионализации современного мира. В этой связи мы наблюдаем устойчивый постмодернистский интерес к пространствам переходным, динамическим, пограничным, трансграничным – там, где нет четких границ и строгих и ограниченных символических интерпретаций². Туризм, путешествия, возрастающая мобильность и территориальная подвижность, «текучесть», относительность как пространств, так и территориальных идентичностей – эти темы и концепты обуславливают как идеологическую ангажированность постмодернистских версий пространственности, так и неизменный релятивизм методологических построений, связанный, например, с известным понятием глокализации. В сущности, территориальная идентичность в постмодернистской трактовке оказывается, используя термин Леви-Строса, «бриколажем» географических образов, локальных мифов и культурных ландшафтов, складывающихся в некую ментальную мозаику в конкретный момент времени; говорить об устойчивой, истинной, верной в последней инстанции территориальной идентичности здесь не приходится.

Воображение территориальной идентичности и понятие гетеротопии М. Фуко

По всей видимости, иерархизация (в содержательном смысле) социальных контактов вкупе с детальным масштабированием территории позволяют говорить в параллельных регистрах (социологическом и географическом) форматирования территориальных идентичностей. С одной стороны, можно фиксировать размеры и размах социальных контактов на уровнях межличностного общения, внутри и между различными профессиональными и социальными группами, внося поправки на случайное общение; с другой стороны, можно привязывать эти уровни к конкретным территориальным единицам – дом,

¹ Бурдьё П. Практический смысл / пер. с фр.; общ. ред. и послесл. Н. А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; – СПб.: Алетейя, 2001; Он же. Социология социального пространства. – М.: Ин-т экспериментальной социологии; – СПб.: Алетейя, 2007.

² Culture, Globalization and the World-System. Contemporary Conditions for the Representation of Identity / Ed. by A.D. King. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997; Бауман З. Текучая современность. – СПб: Питер, 2008.

двор, улица, поселение, город, местность, район и т.д. Мы получаем, таким образом, первоначальную коммуникативную матрицу, в рамках которой можно, выделяя отдельные социально-территориальные ячейки, проводить целенаправленные исследования территориальной идентичности. Этот взгляд выглядит довольно позитивистским, если не ввести в эту упрощённую модель понятие образа территории, или географического образа. Нам представляется, что в случае введения в модель понятия образа территории она становится в значительной степени дедуктивной, ибо вполне можно полагать, что в результате социального общения на различных территориальных уровнях возникает определенный или определенные образы территории, подвергающиеся в дальнейшем процессам своеобразной волновой интерференции. Если же ввести в модель понятие географического образа, то она приобретает не только физический, но и метафизический характер, поскольку можно предположить, что данная модель становится по преимуществу открытой, а, главное, она включает самого наблюдателя (исследователя), вносящего своё видение проблемы (само собой, при этом модель обретает и индуктивные качества). Иначе говоря, в любом случае, мы должны иметь дело с неоднородной в когнитивном отношении моделью, в которой процесс условного смешения социальных и территориальных параметров нуждается, так или иначе, во введении образно-географического «катализатора».

Контроверза марксизма и постмодернизма, постоянно актуализируемая в современных гуманитарно-научных дискурсах и проецируемая, естественно, и на проблематику территориальной идентичности, оказывается не самой интересной, если учесть то влияние, которое оказали работы М. Фуко на междисциплинарное методологическое поле.

Гетеротопия – пространство, репрезентируемое различными образами мест, причём эти образы мест могут быть несовместимыми или слабо совместимыми друг с другом. Первоначально понятие гетеротопии развивалось в рамках биологии и медицины, где под ней подразумевается изменение места закладки и развития органа у животных в процессе онтогенеза. Сам термин введен немецким естествоиспытателем Э. Геккелем в 1874 г. Впервые понятие гетеротопии переосмыслено в рамках гуманитарных наук французским философом и историком Мишелем Фуко в работе «Другие пространства» (написана в 1967, впервые опубликована в 1984 г.)¹. Описание гетеротопии, по Фуко, называется *гетеротопологией*. Возможность появления гетеротопии связана с тем, что одно и то же пространство (территория, акватория, *ландшафт*) может использоваться, восприниматься и воображаться различными сообществами, группами или отдельными людьми с разными целями и в рамках совершенно различных представлений (бытовых, возрастных, гендерных, профессиональных, социокультурных и т.д.)². Как правило, развитию гетеротопии могут способствовать разные, часто не совпадающие или лишь частично пересекающиеся временные

¹ Фуко М. Другие пространства // Он же. Интеллектуалы и власть. Часть 3. Статьи и интервью. 1970–1984. – М.: Праксис, 2006. – С. 191–205.

² Геннеп А., ван. Обряды перехода. – М.: Восточная литература, 1999.

ритмы деятельности сообществ, групп или отдельных людей, связанной с данным пространством (утро – вечер, день – ночь). Кроме того, смена исторических эпох часто ведёт к трансформациям, искажениям, забвениям старых смыслов и образов; возникновению новых смыслов и образов, связанных с определённым пространством (например, кладбище, лепрозорий, место инициации, центральная площадь, фонтан, пивной павильон, кафе, улица, место около памятника выдающемуся человеку), деритуализациям старых пространств и ритуализациям новых пространств, и, в итоге, формированию сложного конгломерата образно-смысловых конструкций и напластований (отдельные образные «слои», или «пласты»), могут соприкасаться лишь хронологически и топографически, никак не сообщаясь в содержательном плане).

В историко-культурном контексте осмысление понятия гетеротопии стало возможным в эпоху модерна, когда вновь реконструируемые, воспроизводимые, воображаемые пространства стали рассматриваться как достаточно автономные – вне жёстких профессиональных, бытовых и социокультурных норм и установлений, определявших в том числе и жёсткую дифференциацию географического пространства, включая его строгую общественную и сакральную иерархизацию¹. Быстрая трансформация понятия гетеротопии связана уже с эпохами первичной и вторичной глобализаций конца XIX – начала XXI века, когда резкое, взрывное увеличение социальной, профессиональной и географической мобильности, а также интенсивные межкультурные и межцивилизационные контакты создали расширенные урбанистические и субурбанистические пространства, в которых акты индивидуальной и групповой коммуникации воспринимались и воображались уже вне какой-либо общей жёсткой системы общественных норм, ритуалов и правил, регулирующей (хотя бы в идеале) все коммуникативные акты без исключения². В известном смысле, гетеротопия может рассматриваться как своего рода «шизофрения» геокультурного и геосоциального пространства, как бы продуцирующего «поток» автономных актов сознания, постоянно расщепляющий образ первоначального «материнского» пространства (будь то город в целом или какая-либо его часть, или же загородное пространство)³.

¹ Подорога В. А. Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX–XX вв. – М.: Наука, 1993.

² Bauman Z. Liquid Modernity. – Cambridge: Polity, 2000; Bauman Z. Liquid Arts // Theory Culture & Society. Vol. 24. Number 1. January 2007. P. 117–127; Bryant A. Liquid Modernity. Complexity and Turbulence // Theory Culture & Society. Vol. 24. Number 1. January 2007. P. 127–137; Pollock G. Liquid Modernity and Cultural Analysis: An Introduction to a Transdisciplinary Encounter // Theory Culture & Society. Vol. 24. Number 1. January 2007. P. 111–117; Ло Дж. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. 2006. № 1.

³ Lefebvre H. The Production of Space. – Oxford: Blackwell, 1991; Филиппов А. Ф. Гетеротопия родных просторов // Отечественные записки. – 2002. – № 6 (7). – С. 48–63; Филиппов А. Ф. Пространство политических событий // Политические исследования. – 2005. – № 2; Дайс Е. Украинский Орфей в московском аду, или Путь поэта // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2. – М.: Институт наследия, 2005.

В плане воображения гетеротопия способствует формированию различных метафизик, связанных с конкретным типом пространства или территории вообще – метафизики города, района, региона, территории, ландшафта¹. В плане изучения современных социокультурных практик понятие гетеротопии может использоваться при описаниях и характеристиках различных субкультур, тяготеющих к урбанистическим ареалам и зонам, пространствам крупных городских агломераций и мегалополисов (подростковые и молодёжные субкультуры, этнические диаспоры, сообщества спортивных, особенно футбольных болельщиков, иногда религиозные и парарелигиозные секты)². В качестве прообраза современных гетеротопий можно рассматривать различные варианты развития культа *гения места*, а также формирование культурных гнёзд и очагов в провинции³. Понятие и образ гетеротопии является одной из скрытых (латентных) концептуальных основ современной массовой культуры – прежде всего, в рамках жанров фэнтези, триллера, хоррора (литература, кино, анимация, комиксы, живопись, визуальные искусства, цифровая фотография, видео-арт и т.д.)⁴.

Понятие гетеротопии применяется в теоретической и прикладной социологии, культурологии, *гуманитарной и имажинальной (образной) географии*, социальной географии⁵, теории коммуникации, искусствознании, политологии, философии. Гетеротопии различного социокультурного происхождения в процессе своего развития способствуют формированию устойчивых локальных мифологий, совмещающихся, взаимодействующих и порой конфликтующих на одних и тех же территориях.

Понятие гетеротопии, перенесённое Фуко из биологии и развитое уже в социальном контексте, позволяет говорить о действительном сосуществовании территориальных идентичностей на физически одной территории, как бы меняющей свои образы в зависимости от времени суток или сезона года, а также и конкретных социокультурных практик территориальных сообществ.

¹ Метафизика Петербурга (Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 1). – СПб.: ФКИЦ «Эйдос», 1993; Немчинов В. М. Метафизика города // Город как социокультурное явление исторического процесса. – М.: Наука, 1995. – С. 234–240.

² Вахштайн В. С. Темпоральные механизмы социальной организации пространства. Анализ резидентальной дифференциации // Социологическое обозрение. – 2003. – Т. 3. – № 2; Вахштайн В. С. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. – 2004. – Т. 3. – № 4. Рефлексивный мониторинг публичных мест: логика места и гетеротопология пространства. Проект Центра фундаментальной социологии ГУ-ВШЭ URL: <http://www.cfs-leviathan.ru/content/view/14/26/>; Urry J. Consuming Places. L. & N.Y.: Routledge, 1995. (Дата обращения 11.11.2014).

³ Щукин В. Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе. – Кракow: Изд-во Ягеллонского ун-та, 1997.

⁴ Тимофеева О. Гетеротопики о гетеротопиях. URL: <http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/722/754/> (Дата обращения 11.11.2014).

⁵ Верлен Б. Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география // Социологическое обозрение. – 2001. – Т. 1. – № 2. – С. 25–46. Soja E.W. Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social theory. – London: Verso, 1990; Thrift N. Spatial formations. – L. etc.: SAGE, 1996.

Пространственные исследования в архитектуре и градостроительстве, испытывавшие воздействие фукианского подхода, уверенно сочетают наряду с гетеротопией, понятия утопии, дистопии, к которым можно присоединить и понятие атопии. В результате мы наблюдаем содержательный концептуальный ряд, синтетически описывающий взаимоотношения определенной территории и ее условных агентов, или акторов; восприятие территории уже включено в данные концепты, и остаётся лишь характеризовать своего рода территориальные идеологии, преобладающие в определённое время в конкретном месте или районе. Кроме того, если развивать дискурс Фуко, то и понятие утопии становится не просто стандартной социокультурной «меткой», а эффективной когнитивной развёрткой или проекцией каких-либо территориальных проектов / образов, в рамках которой собственно временные параметры не только социализируются и «присваиваются» как идеологический «продукт», но и интериоризируются как, по существу, дополнительное измерение пространственных отношений на конкретной территории.

Возможные решения охарактеризованной здесь проблемы могут быть найдены или быть сформулированы в рамках предлагаемого нами *геоспациализма* – методологического подхода, предполагающего, что онтологические статусы пространственности и её *образные репрезентации* являются неотъемлемой частью любой общественной или социокультурной феноменологии; иными словами, определённое видение и ощущение пространства локализуется в ментальном плане как «пучок» социокультурных образов, представляемых как «реальность».

Гуманитарно-географические перспективы исследования территориальных идентичностей

Гуманитарная география – так, как она сложилась в России в конце XX – начале XXI века – многим обязана классической западной культурной географии, особенно новой культурной географии, получившей развитие в 1970–1980-х гг. Естественно, что она унаследовала и один из базовых дискурсов новой культурной географии – дискурс территориальной (региональной) идентичности. Вместе с тем, сложное когнитивное происхождение российской гуманитарной географии (о чем будет сказано чуть ниже) привело её к довольно серьезным концептуальным отличиям от западного аналога – это сказалось даже в названии (именно, *гуманитарная география*, а не география человека или гуманистическая география, или просто культурная география). Соответственно, и гуманитарно-географические дискурсы изучения территориальных идентичностей отличаются от таковых в их западных культурно-географических постановках.

Новая культурная география в её англосаксонском варианте изучает территориальные идентичности, как правило, на стыке трёх методологических направлений: это, безусловно, культурно-ландшафтное направление,

обогащённое понятием ландшафтных образов; затем пространственно-символическое направление, связанное во многом с концепцией Бурдьё и ориентирующееся на выявление комплексов символических и знаковых смыслов той или иной территории; и, наконец, направление, которое условно можно назвать «фукианско-беняминовским» – здесь основной упор делается на процедуры идеологического манипулирования образами территории, рассматриваемые также в контексте властных отношений. Иногда в рамках всех трёх направлений для анализа конкретных территориальных идентичностей могут подключаться и психоаналитические концепции, чаще всего уже в юнгианском изводе. Несомненным остаётся факт, что концепт территориальной идентичности в рамках новой культурной географии является в известной степени когнитивным «троянским конём», поскольку именно благодаря ему происходит активное взаимодействие географии с гуманитарными науками и философией (можно даже говорить о «вторжении» и «засилье» гуманитарно-научных дискурсов в западной культурной географии, в позитивном смысле); с другой стороны, это ведёт зачастую к отсутствию какой-либо оригинальной, самостоятельной мысли в конкретных исследованиях – по сравнению с аналогичной тематикой в социокультурной антропологии, социологии, литературоведении, философии, искусствознании.

Гуманитарная география в России начала развиваться в 1990-х гг., когда, с одной стороны, началось возрождение классической культурной географии, в силу понятных причин стадийно значительно отставшей от западной и практически начавшей постепенно осваивать концептуальные западные образцы; с другой стороны, появилась возможность прямо использовать методологические концепции гуманитарных наук, не выстраивая сложные когнитивные дедуктивные переходы от естественно-научных позитивистских моделей к феноменологическим и онтологическим моделям социальных и гуманитарных наук. Таким образом, рядом исследователей был сделан методологический выбор: сразу формировать спектр когнитивных *индуктивных моделей*, ориентированных на гуманитарные науки без какого-либо позитивистского фундамента. Это, соответственно, может оказаться со временем и значительным когнитивным преимуществом гуманитарной географии в сравнении с различными вариантами эволюционного развития западной культурной географии – в случае ее возможной успешной институционализации в российских условиях¹.

Исходя из сказанного, гуманитарно-географические дискурсы исследования территориальных идентичностей переносят когнитивный «центр тяжести» на проблематику географического воображения – так, как она может

¹ Следует отметить, что в России продолжается, хотя и довольно медленное, развитие классической культурной географии; многие современные российские исследования до сих пор – до известной степени – можно квалифицировать и как культурно-географические, и как гуманитарно-географические. Есть также попытки институционального объединения двух родственных направлений, хотя методологически они остаются довольно различными.

быть определена и в значительной степени решена с помощью гуманитарно-научных дискурсов. Именно через призму географического воображения в гуманитарной географии анализируется и понятие культурного ландшафта, сохраняющего в классической культурной географии позитивистские обертоны, что влияет на когнитивную эффективность изучения проблематики территориальной идентичности. Сочетание феноменологических и онтологических моделей территориальных идентичностей с опорой на первичные методологические модели понятия пространственности – одна из наиболее очевидных когнитивных перспектив гуманитарной географии. Само собой, гуманитарная география остается открытой в когнитивном плане как по отношению к вновь возникающим культурно-географическим, так и гуманитарно-научным дискурсам.

Л. В. Смирнягин

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ВЕРНАКУЛЯРНЫЙ РАЙОН

Понятие «идентичность» имеет много аспектов и обликов, но если речь заходит об идентичности региональной, то здесь неизбежно присутствие географического дискурса и слов «район», «территория» и их производных. Неизбежно и обсуждение такого явления, как «вернакулярный район». Он и есть региональная идентичность – словно брат и сестра, оба эти понятия одновременно присутствуют в социальном сознании жителей определённого, конкретного района, который становится их референтом в материальной реальности¹.

Этим понятиям можно давать определения с помощью друг друга. Например, вернакулярный район – это часть территории, к которой приурочена региональная идентичность местных жителей; региональная идентичность – это социальное (то есть присущее группе) чувство сплочённости или сходства, основанное на совместном проживании в едином вернакулярном районе и адресованное последнему.

Историки часто пишут о региональной идентичности, когда им кажется важным принять во внимание природную и культурную среду, в которой развёртывается изучаемая ими история. В США, входящих в сферу моих профессиональных интересов как географа, у историков есть ярко выраженная традиция глубоко знать район, чью историю они исследуют. Хороший пример –

¹ Существуют, конечно, мифические районы народного эпоса вроде страны Муравии или сказочные районы («царство славного Салтана»), существуют вымышленные литературные страны со своей подробной географией (хороший пример – Зурбаган, Лисс и т.п. географические места в творчестве Александра Грина); они могут представлять интерес для географической науки, но в данном случае мы оставляем эту тему в стороне.

Патрисия Лимерик, которая написала книгу по истории американского Запада под выразительным названием «Something in the soil» («что-то в самой почве») – дескать, есть что-то в самой природе Запада, что предопределяет поведение человека¹.

Автору этих строк довелось экспериментально установить тесную взаимозависимость региональной идентичности и вернакулярного района во время проведения двух студенческих практик в городе Нью-Йорке летом 2013 и 2014 годов. Мы изучали вернакулярные районы Манхэттена, центральной части Нью-Йорка (58 кв. км, 1,6 млн жителей). Эти районы хорошо документированы картографически и полностью исчерпывают территорию Манхэттена. Это не ячейки административного деления, а фиксация мнений самих горожан относительно того, как называются разные части города. Подобную фиксацию проводили и сами городские власти, и сообщества местных риэлторов, и составители справочников и путеводителей по Нью-Йорку. Все они оказались на удивление единодушными и в названиях районов, и в проведении их границ, отклонения были незначительными. Число районов колебалось от 41 до 43, границы и названия были практически одними и теми же.

Столь жёсткая чёткость состава районов и их границ и однозначность их наименований показалась нам сомнительной. Ведь в наших исследованиях аналогичного явления в российских городах (Хабаровск, Ставрополь, Пермь, Смоленск, Орёл) мы постоянно встречались с тем, что такие районы, как правило, охватывали лишь отдельные части городской территории, границы их были сплошь и рядом расплывчатыми, мнения жителей насчёт самого существования таких районов заметно расходились. Поэтому учебная практика в Нью-Йорке была посвящена проверке и уточнению границ вернакулярных районов города и связи с этими границами идентичности горожан.

Методика работы состояла из двух частей. Первая часть – это уличные опросы жителей Нью-Йорка, которые были главным источником информации. Самым стандартным был такой вопрос: «Скажите, как называется район, в

¹ Limerick P. Something in the soil: Legacies and Reckonings in the New West. – Boulder: University of Colorado, 2001.

котором мы находимся?». Его задавали прохожим на двух сторонах улиц, которые служили (судя по карте) границами вернакулярных районов. Далее следовали короткие и простые вопросы о том, каковы качества этого района (безопасность, экология, этнический состав и т.п.). Ответы специально разделялись на полученные от местных жителей и от жителей других районов города, чтобы проследить эффект т.н. внешнего и внутреннего стереотипов, описанный К. А. Пузановым¹.

Вторая часть – это осмотр районов и составление его характеристики собственными силами. Здесь использовалась методика «дифференциации городского пространства», которую разработали для полевых исследований студенты Географического факультета МГУ под руководством С. Г. Павлюка². Вспомогательную роль играла отличная статистика на сайте Social indicator, где в разрезе переписных участков (их на Манхэттене около 330) содержались более полутора сотен показателей социально-культурного характера, от душевого дохода до этнического состава, притом с 2012 до (ретроспективно) 1970 года.

Исследования показали тесную слитность представлений горожан о региональной идентичности и вернакулярном районе. Они подтвердили существование почти всех районов Манхэттена, прочность их границ и весьма высокий уровень единодушия жителей города в ответах на вопросы о границах районов, их названиях и даже об их характеристиках. Разногласия были крайне редки и встречались лишь там, где сравнительно недавно произошло размежевание большого района на несколько мелких. Так случилось со знаменитыми районами Гринич-Виллидж, от которого отмежевались Ист-Виллидж, и большой старинный район Нижний Ист-Сайд, от которого отделился Вест-Виллидж.

Встречались разногласия и относительно названий районов, но почти все они были связаны с попытками городских риэлторов изменить эти названия из-за их неблагозвучности, которая отпугивала потенциальных покупателей жилья. Так, старинный район Хеллс-Китчен (в переводе «Адская кухня»), который сто лет назад славился своими ирландскими бандами, стараются называть нейтральным именем «Клинтон». Затуманевается название «Митпекинг», где раньше располагались грязные заведения по разделке мясных туш. Подобная активность риэлторов – частое явление в американских городах; например, К. А. Пузанов отмечал её в Сан-Франциско³. Риэлторы, как правило, стараются дробить вернакулярные районы, потому что новым контурам легче приписывать (с помощью рекламы) нужные позитивные качества. Так, Л. Трояновская, один из крупных риэлторов Сан-Франциско, рассказывала

¹ Пузанов К. А. Стереотипы внутригородских районов // Вестник Московского университета. – Сер. 5. Геогр. – 2012. – № 2. – С. 13–18.

² Павлюк С. Г. Традиционные и исторические районы как форма территориальной самоорганизации общества (на примере США и России). Автореферат дис. к. геогр. наук. – М., 2007. – 23 с.

³ Пузанов К. А. Внутригородская самоорганизация общества на примере США, России и стран Европейского Союза: Автореферат дис. к. геогр. наук. – М., 2012. – 23 с.

мне, что 30 лет назад, когда она приехала в этот город из Одессы, здесь было меньше дюжины вернакулярных районов, а сейчас их больше тридцати.

В Манхэттене весьма велика жёсткость границ районов, отпечатанная в сознании жителей. Особенно хорошо видно это при опросах на пограничных улицах. Например, на северной стороне 14-й улицы прохожие уверенно и почти поголовно называют Челси, а на южной – Гринич-Виллидж.

Интересным исключением стала улица Хаустон-стрит. Это бульвар, притом довольно широкий (по местным меркам), он разделяет Ист-Виллидж на севере и Нижний Ист-Сайд на юге. Однако многие из прохожих на северной стороне улицы считали, что обе стороны Хаустон-стрит входят в Ист-Виллидж, а визави на южной стороне часто приписывали обе стороны Нижнему Ист-Сайду. Причина, по-видимому, в том, что ещё сравнительно недавно Нижний Ист-Сайд распространялся далеко на север за Хаустон-стрит, но его репутация бедняцкого, беспокойного района серьёзно осложняла торговлю жильём, и когда в северной части этого района жизнь стала налаживаться, её стали настойчиво выделять в особый район, а название «проталкивали» на манер соседнего района Гринич-Виллидж, у которого уже сложилась репутация модного обиталища богемной элиты. Так родился вернакулярный район с названием Ист-Виллидж, однако многие, прежде всего старожилы, всё ещё плохо осознавали его южную границу по Хаустон-стрит.

Случай с Хаустон-стрит показывает, что в Нью-Йорке улицы далеко не всегда служат границами районов, и это весьма осложняет их разграничение. В этих случаях граница отодвигается вглубь квартала и становится практически неразличимой, потому что на Манхэттене нарезка уличной сети очень частая, кварталы невелики, в них не складывается та автономная социальная жизнь, которая так характерна для обширных московских кварталов. Манхэттенские кварталы редко содержат внутренние переулки, чаще всего это тупиковые проезды (они носят в США название alley, которое у нас нередко и ошибочно переводят как «аллея»), так что у них нет внутренней структуры, на элементы которой можно было бы опереться при маркировании границ.

Среди улиц–границ резко преобладают авеню, идущие в меридиональном направлении. Они шире улиц («стритов»), но ненамного. Зато у них обычно весьма широкие тротуары, легко вмещающие городскую толпу. Стриты нередко служат осями вернакулярных районов – как переулки в Москве¹.

¹ Размышляя над этой стороной региональной идентичности в связи с вернакулярным районом, я тщательно отразил свои воспоминания о жизни в московском районе, где я родился и провёл свои детство и юность. Район был чётко ограничен Садовым кольцом и Бульварным (Чистые пруды) с востока и улицами Покровка и Кировская (ныне Мясницкая) с юга и севера. В пределах этого квадрата я знал все проходные дворы, всех местных хулиганов, все площадки, где можно было поиграть в дворовый футбол, здесь мне было комфортно и спокойно. Но за его пределами я не знал почти ничего, и Лялин переулок по другую сторону Покровки до сих пор знаком мне не больше, чем Венец в Ульяновске. Более того, даже на бульваре Чистые пруды мы старались держаться наружной стороны бульвара, а по другую сторону было слишком много «чужаков».

Иной раз авеню оказывались вообще инородными прилегающим кварталам. Такова, например, Мэдисон-авеню, где сосредоточены самые шикарные магазины Нью-Йорка. В отличие от Пятой авеню, которая по всей Америке служит олицетворением массовой торговли и потому постоянно запружена прохожими, Мэдисон-авеню малолюдна, так как её посещают самые богатые клиенты, которых, разумеется, не так уж много. Однако кварталы, в которых (вдоль авеню), расположены эти магазины, заселены отнюдь не «ровнями» этим клиентам, это, как правило, обычный средний класс, так что жители этих кварталов не посещают подобные магазины.

Особую роль в Нью-Йорке играют на редкость многочисленные парки и скверы. Они невелики по размерам (исключая, конечно, Центральный парк) и почти никогда не выступают в качестве морфологических рубежей, которые присущи им во множестве городов других стран. Напротив, они сами составляют настоящие ядра вернакулярных районов. Причина не только в скромных размерах, но и в том, что в Нью-Йорке издавна сложилась традиция активного использования городских парков; они многолюдны, ухожены, чаще всего безопасны (по крайней мере, начиная с «эры Блумберга»), используются они не только для отдыха, но и для выставок, мини-ярмарок, представлений уличных актёров (последних нередко поддерживают финансово городские власти).

Наиболее интересным и оказались результаты исследования границ. Во многих случаях было установлено резкое несовпадение границ морфологических и статистических. Иными словами, статистика сплошь и рядом показывала, что обе стороны улицы, которая считается границей двух вернакулярных районов, практически не отличаются друг от друга по главным социальным показателям (доход, этнический состав, доля иммигрантов, преступность и т.п.). В то же время внутри вернакулярных районов статистика обнаруживала большое разнообразие подобных показателей, большие отклонения от средних уровней. Этот феномен показывает удивительную автономность представлений горожан о вернакулярных районах. Ведь получается, что горожанин формирует это представление, мало реагируя на морфологические особенности городской территории, и что его заботят при этом какие-то иные факторы. Разумеется, эти противоречия не носят господствующий характер, они скорее исключения из правила. Но эти исключения так часты, что их невозможно отнести к разряду случайных. Изучение природы этих факторов обещает, на наш взгляд, открыть немало потаённого в общественных процессах городской жизни. Решать задачи подобного калибра в рамках краткой учебной практики было невозможно, а потому они и не ставились.

Сопоставление опытов городской жизни в США и России даёт обильную пищу для размышлений. Ведь культуры мира разительно отличаются друг от друга по выраженности региональной идентичности, а страны мира – по распространению вернакулярных районов. По моим наблюдениям, в русской культуре региональная идентичность выглядит ослабленной; я долгое время

внедрял в нашу географию термин «аспатиальность русской культуры», но постепенно перестал настаивать на нём, потому что он звучал так, будто русская культура вообще лишена чувства пространства, что, разумеется, невозможно, ибо без этого чувства не может существовать ни одна культура. Нет, речь идёт именно об ослабленности, которая особенно хорошо заметна при сравнении с американской культурой. Американцам пришлось в течение трёх веков осваивать почти безлюдный континент, придумывать названия местностям, учитывать их природные особенности, важные для хозяйствования. Да и вся английская культура содержит немало черт, заставляющих носителей этой культуры внимательно относиться к пространству – к району, к границе, к месту. В США практически вся страна покрыта вернакулярными районами, которые хорошо известны их обитателям и непосредственным соседям. Эти районы отлично изучены, прежде всего, в практических целях – чтобы учесть особенности потребительских предпочтений и на этой основе строить стратегию и тактику торговых фирм (см. например, отличные сочинения американца М. Вейса¹. Справочники по городам США обычно содержат подробные карты вернакулярных (а не административных!) районов города и подробные данные о них, чтобы помочь приезжим в выборе места, где поселиться.

В России же вернакулярные районы наперечёт. Кроме макрорегионов вроде Сибири, Урала, Дальнего Востока или Северного Кавказа, это Поволжье, Даурия, Поморье, Мещёра и несколько других. В сумме они далеко не покрывают территорию страны, региональная идентичность в них весьма слабая. Во многих городах уже есть вернакулярные районы, о них уже появляются интересные научные исследования – по Курску, Орлу, Хабаровску, Ставрополю, Смоленску, Перми и некоторым другим. Однако эти районы, как правило, выглядят на карте города некими островками в море городской застройки, где у жителей нет местной региональной идентичности.

Причины этого явления многообразны. Некоторые из них – в древних традициях сверхцентрализации российской государственности, в привычке российских правителей бороться со всякими проявлениями региональной автономии, в их обычае воспринимать страну как нечто единое, монотонное, и не дифференцировать свою политику применительно к географическому разнообразию подвластной территории; напротив, история российской государственности переполнена примерами того, как центральная власть стремилась, что называется, переломить автономию регионов через колено и навязать им собственную волю, постоянно воспринимая эту автономию как зародыш сепаратизма. Учитывая гигантские размеры России, эту манеру правителей смотреть на неё как на точку приходится считать парадоксом, культурным «вывихом». «Мой адрес не дом и не улица, наш адрес Советский Союз» – эти слова поэта В. Харитонова из песни на музыку Давида Тухманова

¹ Weiss M. Latitudes And Attitudes: an Atlas of American Tastes, Trends, Politics and Passions. – Boston: Little, Brown and Company, 1994; Weiss M. The Clustered World: What It All Means about Who We Are. – Boston: Little, Brown and Company, 2000.

как нельзя лучше отражают официальное представление о географии страны в советские времена.

Справедливости ради нужно сказать, что региональная идентичность в России начала быстро возрождаться с первых лет перестройки, притом повсеместно и на всех масштабных уровнях – от макрорегионов до внутригородских. Одну из главных причин можно увидеть в том, что чувство землячества оказалось очень простым, лёгким для усвоения и особо полезным в те годы, когда остальные привычные способы общественной консолидации рушились один за другим. Это возрождение находит своё отражение в том, как множатся факты роста региональной идентичности. Нередко они принимают гротескные формы, когда для активизации региональной идентичности используют совсем нелепые, казалось бы, предлоги: пресловутый город Мышкин обыграл свое название для создания «города Мыши», Великий Устюг объявил себя родиной деда Мороза (кстати, изначально это была идея Ю. М. Лужкова), и оба они весьма преуспели, благодаря этому, в туристическом бизнесе. На юго-западе Ярославской области нам довелось обнаружить несколько лет назад «Кацкий район» – долину реки длиной километров в 150, где местная интеллигенция и предприниматели организовали некий этнографический ареал, педалируя особенности местного деревенского быта, фольклора и даже языка.

Вернакулярный район – это плод территориальной самоорганизации общества на основе региональной идентичности. Непросто установить соотношение этой самоорганизации с той сеткой, которую накладывает на территорию страны государственная власть. Очевидно, что цели этих двух акторов – государства и общества – могут существенно расходиться. Насчёт целей государства всё сравнительно ясно: это удобство администрирования, а вот о задачах, которые преследует общество, создавая вернакулярные районы, догадаться непросто, потому что подобные намерения не формулируются открыто и существуют в основном в виде «бессознательного общего». В идеальном случае главная цель государственной власти – соответствовать нуждам общества, и там, где этот идеал ближе к действительности, у власти возникает разумное желание передоверить самому обществу часть своих функций, чтобы оно добивалось своих целей в ходе самоорганизации (в данном случае территориальной)¹.

Следуя этой логике, городские власти США нередко используют вернакулярные районы для своеобразного неформального делегирования части своих функций «вниз» – проживающим в этих районах сообществам. Эти районы не становятся частями административного деления, но в них организуется то, что мы в России назвали бы общественным самоуправлением. Власти разрешают местным жителям избрать главу, которого они берут на свой «кошт». Глава в свою очередь нанимает небольшую группу платных помощников и органи-

¹ В литературе часто встречается мысль Адама Смита, которая обычно формулируется так: мы не можем отвечать на моральные вопросы – как развиваться обществу, наша задача – обеспечить ему возможность развиваться свободно.

зует вокруг себя местных активистов, число которых может оказаться очень большим. Городским властям это выгодно прежде всего потому, что таким способом они переводят низовую активность в псевдо-административные рамки, упорядочивают её, направляют в позитивное русло, а главное – уводят её от негативного настроения и протестных настроений в адрес власти. Таким органам самоуправления передаются некоторые функции сугубо местного характера, которые могут показаться несущественными, но которые порой могут играть решающую роль в судьбе вернакулярного района. Таково, например, право регулировать выдачу лицензий на продажу спиртного заведениями ресторанного типа.

Примером может служить вернакулярный район Морган-Адамс на севере города Вашингтон, где нам довелось проводить студенческую практику летом 2013 года. Этот район американской столицы славится своими «этническими» ресторанами, притом славится именно среди горожан, приезжие туристы сюда почти не заглядывают. Местным жителям это нравится, потому что популярность района обеспечивает повышенную стоимость недвижимости, расположенной в районе, но им не нравятся шум и гам от ресторанов, кино-театров, татуировочных и т.п. заведений (характерно, что преступность здесь невысокая, потому что она мешала бы рекреационному бизнесу). В связи с этим недовольством местные руководители общественного самоуправления объявили в 2013 году, что новых лицензий на спиртное больше не будут выдавать. Это нанесло фатальный удар по всем планам расширения рекреационного бизнеса в районе. Возможно, интересы жителей Вашингтона при этом пострадали, но дело было решено в пользу жителей того района, где эта проблема возникла.

Во всех подобных случаях, когда речь заходит о российской практике, обращает на себя внимание деятельность региональных и местных властей в активизации региональной идентичности. Это контрастирует не только с той традицией централизации, которая отмечалась выше, но и с равнодушием федеральных властей, которые, судя по многим признакам, остаются верными этой порочной традиции – смотреть на страну как на точку. До сих пор в России не принят закон о национальной региональной политике, а в правительственных документах о перспективах социально-экономического развития страны региональной проблематике посвящается не более пяти процентов содержания.

Реформы в России практически всегда проводились и проводятся в направлении сверху вниз. В проблематике региональной идентичности и вернакулярных районов гораздо логичнее выглядит обратное движение, снизу вверх. Для России оно тем более логично, что центральная власть не проявляет к региональной проблематике ни малейшего интереса (чего стоит хотя бы новейший факт – ликвидация федерального министерства по делам регионов), тогда как снизу ширится активность не только местных и региональных властей, но и

сословному признаку с выделением дворянского, купеческого (Ярмарочная площадь, Торговые ряды), военного (казармы), бедняцкого (Кирпичные сараи, Подгорье) районов. Собственно Центр многими жителями других районов и сейчас воспринимается непосредственно как Город. Пример – выражения: «Поеду в город», «Был в городе». Как некий подрайон Центра сейчас выделяется Мемориальная зона, известная в народе как Венец и используемая в основном как рекреационная зона. Интересно отметить, что в постсоветское время именно в этом подрайоне образовалась большая маргинальная зона на территории парка Дружбы Народов. Сейчас она выполняет функцию «леса» для района Центр. Вообще для постсоветского периода весьма характерно появление на карте города маргинальных зон. Еще одной такой зоной в Центре являются руины кинотеатра «Рассвет».

Ко второму типу можно отнести 8 вернакулярных районов, выросших из дореволюционных слобод. Это Бутырки, Куликовка, Мостовая, Свяжская слобода (ныне Воробьевка), Конно-Подгородная слобода (ныне Пески), слобода Туть. Большая часть из этих районов (возможно, за исключением Песков) сохраняет свою вернакулярность только в силу своей заброшенности и труднодоступности, большинством же жителей Ульяновска они воспринимаются как какая-то глухая окраина с сельской застройкой, как трущобы, несмотря на то, что сейчас там наблюдается точечная коттеджная и высотная застройка.

И третья группа – вернакулярные районы, образовавшиеся в результате советских новостроек. Это довольно обширные части города (всего 13 вернакулярных районов), поэтому их стоит рассмотреть более подробно. В Ленинском административном районе самым крупным вернакулярным районом является Север, в центре которого пролегает проспект Нариманова. Но по обе стороны за многоэтажками от этого проспекта в основном располагается сельско-коттеджная застройка. По сути это разросшийся район старых симбирских трущоб, известных как Кирпичные сараи. Так как сейчас это довольно обширный и неоднородный район, как и Центр, здесь тоже можно выделить подрайоны: Северный Венец, Поселок мостостроителей, Юность. Отдельно от района Север располагаются небольшие вернакулярные районы, отделённые от Севера какой-либо естественной преградой – лесом, оврагом, промзоной и т.д. Это следующие районы – Водоканал, Ипподром и Искра. Помимо изолированности естественными преградами от района Север, эти районы также характеризует более поздняя застройка. Так как в советское время районы разрастались в основном вокруг промышленных центров, то динамика развития северных вернакулярных районов связана в основном с развитием завода «Искра».

В Железнодорожном административном районе самым крупным вернакулярным районом является Киндяковка с подрайоном Винновка. Ближе к Центру располагается отделённый от Киндяковки промзоной Ульяновского моторного завода и территориями баз 4 микрорайон. На южной окраине города

выделяется Опытное поле. В Засвияжском административном районе довольно много промышленных объектов. Районы, образовавшиеся в результате советских новостроек, – это Ближнее Засвияжье, Связь, УЗТС, Даманский (от Б. Хмельницкого до Камышинской), Тайвань (от Камышинской до Отрадной), микрорайон Свяга, Вырыпаевка. Характерной чертой для всех этих районов является формирование их вокруг заводов или каких-либо предприятий. По сути, можно сказать, что это районы, выросшие из советских заводских слобод.

Ну, а что касается Лаишевки, Карлинского, Поливно, Белого Ключа, Баратаевки, Кротовки, Арского и т. д., то несмотря на то, что они и входят формально в состав города Ульяновска, они воспринимаются не как часть города, а как отдельные поселения, новые слободы.

Из общих тенденций развития вернакулярных районов города можно отметить в первую очередь тенденцию к росту Центра. Нечёткие границы Центра с Севером и 4 микрорайоном и активная многоэтажная застройка последних приводит к тому, что эти районы начинают вливаться в Центр. Район же Ближнего Засвияжья хоть и отделён от Центра естественной преградой – рекой Свягой, тем не менее, он также имеет тенденцию тяготения к Центру из-за инфраструктурно развитой и крупной торгово-развлекательной зоны Пушкиревского кольца.

Другой тенденцией является разрушение вернакулярных районов в постсоветский период. Их разрушение во многом связано с начавшейся в 1990-е годы коттеджной застройкой старых районов с сельской застройкой и появлением внутри этих старых районов новых подрайонов, известных в народе как «Санта-Барбары». Меняет структуру старых районов и активизировавшаяся в последнее время застройка их высотными многоквартирными домами, которые также создают целые подрайоны (например, Симбирские Высотки).

И третьей тенденцией стало появление новых районов или расширение старых на периферии города в связи с новостройками.

Выводы эти носят вполне практический характер. Одним из такого рода практических аспектов можно назвать формирование образа районов. Этот образ формируется из знаковых когнитивных элементов района. На основе образа можно формировать имидж района. Имидж в отличие от образа формируется целенаправленно и носит целевой характер. А символическим выражением имиджа является бренд. И если символическая структура Центра отождествляется с городом вообще, то символическая структура вернакулярных районов связана исключительно с этими районами. В этом плане небезинтересно было бы выявить знаковые легко различаемые объекты в каждом вернакулярном районе.

УСАДЕБНАЯ АРХИТЕКТУРА В РЕГИОНАЛЬНОМ ЛАНДШАФТЕ: ПАМЯТНИКИ ДВОРЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОРДОВСКОГО КРАЯ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX вв.

Расцвет усадебного строительства в мордовском крае, как и в других уголках Российской империи, пришелся на «золотой век дворянства». К началу XIX столетия на территории современной Мордовии существовало множество дворянских усадеб – от мелкопоместных, «эстетика которых совершенно подчинялась быту»¹, до репрезентативных архитектурных комплексов со всей присущей им атрибутикой: великолепным домом, церквями, парками, различными хозяйственными постройками и т.д. Однако сегодня судить о великолепии их художественного решения довольно трудно: реконструкция целостного визуального образа усадебных конструкций усложняется незначительностью сохранившегося материала.

Большинство усадеб мелкопоместных дворян мордовского края мало чем отличалась от обычного крестьянского двора как по планировке, так и по материалам, использованным при их строительстве. В фондах Центрального государственного архива республики Мордовия сохранились материалы с описанием имения помещиков Чирковых в с. Троицкое Ардатовского уезда. Согласно документам, усадьба помещиков представляла собой комплекс жилых и хозяйственных деревянных построек, крытых соломой. Внутреннее убранство было под стать экстерьеру: глиняные печи и полати «топорной работы»². Не отличался архитектурными изысками и барский дом помещицы Екатерины Николаевны Голицыной, супруги князя Юрия Николаевича Голицына, известного хорового дирижера, популяризатора русской народной музыки. По наследству ей отошло имение в с. Огарево Инсарского уезда Пензенской губернии (ныне терр. Республики Мордовия), куда она и переехала с детьми после разорения супруга. Условия проживания здесь были более чем скромные: простая деревянная изба с соломенной крышей, маленькие тесные комнаты. Привыкший к роскоши и удобствам Ю. Н. Голицин сравнивал жизнь в Огареве со ссылкой в Сибирь³. Но даже в столь спартанских условиях Е. Н. Голицына не забывала о приобщении детей к культуре. В Огареве была библиотека, домашний музыкальный салон и регулярно устраивались детские театрализованные представления⁴.

Усадьбы же крупных помещиков являли собой настоящие произведения

¹ Цит. по: Дедюхина В. С. Культура дворянской усадьбы // Очерки культуры XVII века. Ч. II. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – С. 222.

² См.: Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. 64. Оп. 1. Д. 20. Л. 4.

³ См.: Хвоцинская Е. Ю. Воспоминания // Русская старина. 1897. Т. 5. Сент. – СПб.: Типография Товарищества «Общественная Польза», 1897. – С. 602.

⁴ См.: Хвоцинская Е. Ю. Указ. соч. С. 594.

архитектурного и ландшафтного искусства. Над их внешним обликом и внутренним убранством трудились именитые зодчие и специально обученные крепостные мастера. Так, современники отмечали красоту и благоустройство усадеб Огаревых, Полянских, Струйских.

На сегодняшний день сохранилась лишь усадьба Полянских в Макаровке (ныне Октябрьский р-н г. Саранска), известная как Макаровский погост – одно из первых дворянских имений, заложенных в мордовском крае. Макаровка стала вотчиной Полянских уже с конца XVII века. Основатель её – предприимчивый думский дяк Макар Артемьевич Полянский (12.1650 или 01.1651–1710), от имени которого и произошло название села. Первоначально это было ничем не примечательное по своей архитектуре поместье, имевшее сугубо оборонительное значение. Во владения Полянских на то время предположительно входила бывшая воинская сторожа, которая была перестроена предприимчивым помещиком как сборный оборонный пункт, обнесенный стеной и соединенный с барским домом¹.

Средств на обустройство своего поместья Макар Артемьевич не жалел. Именно при его жизни были выстроены самые значительные строения из ансамбля Макаровского погоста²: зимняя отапливаемая церковь Михаила Архангела (1702 г.) и Иоанно-Богословский храм (1704 г.). Позже, уже после кончины М. А. Полянского, к ним добавились надвратная четырехъярусная колокольня высотой 36 метров (предположительно, 1720 – 1730 гг.), служившая также вводным сооружением на погост. Колокольня имела необычную деталь – единственные на весь Саранский уезд куранты, размещавшиеся на четвёртом ярусе (ныне часов на колокольне нет). Окончательно же храмовый комплекс был сформирован к началу XIX в., когда была возведена Знаменская церковь, ставшая симметричным отражением Михайло-Архангельской церкви.

Следующим преобразователем и создателем усадьбы стал один из внуков М. А. Полянского полковник лейб-гвардии Александр Иванович Полянский (1721–1818). А. И. Полянский превратил усадьбу в процветающее хозяйство. Уже в конце XVIII – начале XIX вв. он создал образец новой усадьбы, в которой для переработки сельскохозяйственной продукции были построены промышленные предприятия: кирпичные и винокурные заводы, суконная мануфактура. При нём же значительно изменился архитектурный ландшафт усадьбы: были выстроены два флигеля для дворовых, управительный дом, скотный двор, пять каменных риг, три каменных моста через местные речки.

¹ См.: Бахмутов С., Лапун В. Разорванное ожерелье. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. – С. 221.

² При описании Макаровского погоста были использованы материалы: Бахмутов С., Лапун В. Указ. соч.; Масловский А. Село Макаровка, Саранского уезда // Пензенские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1882. – № 24. – С. 17–24; Махаев В. Макаровский погост // Сокровища культуры Мордовии. – Можайск: Можайский полиграф. комбинат, 2012. – С. 248–251; Махаев В. Б., Меркулова А. И. Архитектурная история мордовского края. – Рузаевка: Рузаев. печатник, 1998. – С. 74–88; Шабалкина Л. А. О Полянских: некоторые дополнения к родословной / Л. А. Шабалкина // Краеведческие записки. – Саранск, 2010. – С. 133–151.

А. И. Полянскому принадлежит и честь завершения детища своего деда – Макаровского погоста. Именно при нем была построена церковь Знамения Божией Матери и женская богадельня при ней, пристроена мужская богадельня к Архангельской церкви, достроена колокольня, а весь комплекс был обнесен кирпичной стеной, что создавало иллюзию крепости.

Определённое представление о барской усадьбе во времена А. И. Полянского дают сохранившиеся в архиве описания сел Богословское, Макаровка тож, с деревнями Куликовка, Луховка и Михайловка с выделенной церковной землей. Согласно этим документам, в имении было 193 двора и проживало 1 154 человека крестьян обоего пола. «Село по обе стороны речки Каменки; две церкви каменные; первая Иоанна Богослова, вторая Архистратига Михаила с колокольнею и оградюю каменною. А дом господский деревянный и при нем сад плодovitый»¹.

Полянские, имевшие собственные кирпичные заводы и возводившие великолепные храмовые постройки из камня, дом свой всё же выстроили из дерева. Наши помещики вообще предпочитали недолговечное, но дающее тепло дерево для своих барских домов, и потому многие из них и по этой причине не дошли до нас. Однако сохранился рисунок бревенчатого дома Полянских, где изображен фасад дома, обращённый к Саранску². Согласно рисунку, деревянный дом Полянских внешним оформлением повторял каменную постройку. В архитектурной планировке дома прослеживаются черты, присущие классицизму. Это было разновысотное строение – частично дву-, частично трёхэтажное. Строго симметричный фасад имел чёткое трёхчастное деление. Подобная симметрия достигалась в результате несколько выдвинутых вперед трёх ризалитов здания: центрального и двух боковых. Выступающие части дома были выстроены в три этажа, причем боковые являлись симметричным отображением друг друга: оба были перекрыты вальмовой крышей, а на вторых этажах у крайних окон располагались небольшие балконы на кронштейнах, перила ограждений которых поддерживали деревянные балясины. Возможно также, что балконы были всего лишь имитацией. Центральная часть дома мало чем отличалась от крайних крыльев здания. Доминирующее значение центра было подчеркнуто многоскатной крещатой формы крышей со слуховыми окнами, увенчанной гребнем, часто употреблявшимся для украшения деревянных домов. Здесь, по всей видимости, располагалась мансарда. Еще одной отличительной чертой был большой по размеру балкон – во весь второй этаж, но в остальном полностью повторяющий малые боковые балконы (возможно, также имитация). Фасады двухэтажных частей дома были разделены на две части тремя парными пилястрами, крыша двускатная. Все окна двух первых этажей здания имели вытянутую прямоугольную форму, окна третьих этажей были небольшие квадратные. В виду условности рисунка судить о декоре дома довольно сложно.

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1075. Л. 3об – 4. (далее – РГАДА)

² РГАДА. Ф. 1276. Д. 2452. Л. 4.

Дата закладки старого бревенчатого дома Полянских доподлинно не известна. Первые сведения о нем встречаются в связи с биографией А. И. Полянского. Так, В. Б. Махаев и А. И. Меркулов указывают на то, что дом был построен в 1780-е гг.¹, другой исследователь – И. Д. Воронин, – говоря о «старом господском доме», отмечает, что он в 1780-е гг. подвергся лишь существенному ремонту². При этом исследователи не указывают источники полученных ими сведений. Известно, что деревянный дом простоял вплоть до 1863 г., когда на его месте был возведен новый великолепный особняк из камня.

Еще один примечательный памятник дворянской культуры, на сегодня полностью утраченный, располагался в Рузаевке – это имение Струйских. В отличие от Полянских, имение рузаевских помещиков имело четкий, заранее продуманный план строения и практически не подвергалось каким-либо существенным изменениям, а потому в ней полностью отсутствовали элементы хаотичности, столь свойственные перестраиваемым усадьбам, что, скорее всего, связано с относительно не долгой историей этого дворянского гнезда. Кроме того, утилитарная составляющая имения не играла никакого значения, и, соответственно, не требовались какие-либо компромиссы дабы разрешить проблемы взаимодействия столь противоположных в архитектурном решении промышленных и репрезентативных построек. Отсутствие же каких-либо материальных стеснений обусловило то, что все обустройство усадьбы было подчинено единственной функции – демонстрации престижа. Таким образом, имение Струйских можно назвать самым репрезентативным усадебным комплексом на территории мордовского края, получившим известность в российском масштабе.

Основатель усадьбы – Николай Еремеевич Струйский (1749–1796) – поэт, известный среди современников скорее визуальной, нежели содержательной стороной своих произведений, юрист и устроитель лучшей частной типографии России Екатерининского времени. Строительство рузаевской усадьбы многие исследователи связывают со вторым браком Н. Е. Струйского³. Весной 1772 г. он венчался с Александрой Петровной Озеровой (дата рождения неизвестна – 1840). По преданиям, 16 декабря того же года был заложен первый камень нового барского дома⁴.

К сожалению, материальные следы усадьбы Струйских на сегодняшний день полностью утрачены, но сохранились воспоминания современников и потомков, а также уникальные фотографии, сделанные в 1886 г., когда имение уже пришло в упадок. Определенную помощь в реконструкции рузаевского имения дают имеющиеся в РГАДА описание Рузаевки конца XVIII в. и ме-

¹ Махаев В. Б., Меркулова А. И. Указ. соч. С. 81.

² См.: Воронин И. Д. Избранное. – Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2005. – С. 312.

³ См.: Васильев Н. Л. Жизнь и деяния Николая Струйского, российского дворянина, поэта и верноподданного. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2003.

⁴ См.: Васильев Н. Л. Указ. соч. С. 177.

жевой план усадьбы: «Село Архангельское, Рузаевка тож, Николая Еремеева сына Струйского. Число дворов 78, душ мужеска 245, душ женска 251 <...> Две церкви: первая Живоначальной Троицы с приделом Николая Чудотворца каменная, вторая Покрова Пресвятыя Богородицы с приделом архангела Божия Михаила деревянная. Дом господский о двух этажах каменный, при нем сад с плодовитыми деревьями»¹.

Таким образом, усадебный комплекс Струйских² включал в себя дом, две церкви, располагавшиеся перед главным – северным фасадом дома, многочисленные каменные и деревянные хозяйственные постройки (людские, каретные, ледники, амбары, ткацкие), фланкировавшие дом с востока и запада, парк с оранжереей, еловой аллеей, зимним садом и танцзалом, два пруда. Вся усадьба была окружена кирпичной оградой, кроме того, судя по межевому плану, с трех сторон ее окружали двухметровые валы, а с четвертой протекала река.

По некоторым сведениям, проект рузаевского «дворца»³ был заказан самому Б. К. Растрелли. Между тем, исследователи В. Б. Махаев и Е. А. Тюхменева высказывают обоснованные сомнения в том, что внешний облик рузаевского дома Струйских соответствовал принципам архитектурной школы создателя Зимнего дворца в Петербурге и разительно отличается от характерных барочных фасадов Растрелли⁴. Упрощенный фасад дома, скорее, напоминает большое количество примерных фасадов классицистического стиля конца XVIII – начала XIX вв.: это плоская стена со слабо выраженными тремя вертикальными осями, обозначенными в центре четырьмя пилястрами, по бокам – парами пилястр, трёхчастное членение фасада не выражено пластикой карниза, представляющего единую линию ступенчатых поясков с кронштейнами. Окна первого – парадного этажа – высокие готические, прямоугольной формы, верхнего – небольшие квадратные, на стенах просматривается мелкая пластика. Фасад дома, обращенный в сторону парка, был оснащён балконом и пандусом, позволявшим лошадям подъезжать непосредственно к жилым помещениям верхних ярусов.

Внешнему облику «рузаевской цитадели»⁵ соответствовала его внутренняя планировка с обязательным делением на парадную и жилую половины. В доме

¹ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1084. Л. 6.

² При описании усадьбы Струйских были использованы материалы: Баранов В. В. А. И. Полежаев: биогр. очерк // Полежаев А. И. Стихотворения. – М.- Л., 1933; Бахмутов С., Лапун В. Указ. соч. С. 238–240; Бобров Е. Семейная хроника рода Струйских в связи с биографией поэта А. И. Полежаева // Русская старина. 1903. Т. 8 (115). Авг. – СПб., 1903. – С. 265–280; сентябрь С. 481–495; Васильев Н. Л. Указ. соч.; Долгоруков И. М. Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года кн. И. М. Долгорукова. – М., 1870. – С. 58–61; Е. С. [Е. Сушкова]. Усадьба Струйских «Рузаевка». (Из воспоминаний последней в роде) // Столица и усадьба. – 1915. – № 38/39. – С. 3–4.; Махаев В. Б. К вопросу об авторстве архитектурного комплекса в селе Рузаевка // Исследования П. Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности. – Саранск, 1999. – С. 236–249.

³ Баранов В. В. Указ. соч. С. 38.

⁴ См.: Махаев В. Б. К вопросу об авторстве... С. 236–249; Тюхменева Е. А. Рузаевка – усадьба поэта XVIII в. // Русская усадьба. Вып. 6 (22). – М., 2000. – С. 230–241.

⁵ Васильев Н. Л. «Родиться мне поэтом предписано судьбой...» // Изв. Мордовии. – 1997. – № 243. – 18 февр. – С. 4.

были все необходимые в дворянских деревенских резиденциях помещения: сени, прихожая, лакейская, двухсветная зала, хоры, картинная галерея, зала, гостиная, спальня, столовая. Внутренне убранство дома, которое «повещало вкус и роскошь»¹, в немалой степени обусловили личные пристрастия Николая Еремеевича. Будучи человеком просветительского склада, Н. Е. Струйский стремился создать в своем имении культ искусств, наук и права и даже завел крепостной театр. А потому особое внимание хозяин уделял комнатам для приема гостей, которые являли собой визитную сторону дома. Таковых в доме было две – овальный и квадратный залы. Все стены парадных комнат были отделаны мрамором. Кульминацией интерьерного замысла Струйского был плафон работы крепостного художника А. Ф. Зяблова – живописное изображение на потолке квадратного зала почти 30 метров, изображавшее чудовище, олицетворявшее пороки, и богиню мудрости, покровительницу искусств, ремесел и законов Минерву, воплощавшую Екатерину II, имя которой вызывало у рузаевского поэта особый трепет.

И все же главным украшением и художественной доминантой богатой усадьбы являлись не хоромы владельцев, а нарядный каменный храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Покровская церковь (рубеж XVIII–XIX вв.) доминировала своими формами и размерами и соответственно занимала центральное место в композиции усадьбы. Церковь эта представляла собой распространенный в России того времени архитектурный тип храма-ротонды. Особенностью храма была его цилиндрическая, прямо-таки циклопическая форма, усложненная гигантским купольным перекрытием и классицистическими фронтонами трапезной, украшенной двумя башенками с острыми шатрами-пинаклями. Над внутренним убранством храма работали именитый художник XVIII в. Ф. С. Рокотов и его ученики, в их числе и крепостной Струйских А. Ф. Зяблов².

Еще одна, малая, церковь находилась западнее дома в 60–70 метрах. Уже в начале XIX в. она считалась «старой»³. Архитектура церкви напоминала петровское барокко начала XVIII в.

Блестящим антуражем великолепной усадебной архитектуры служила парковая зона, оформленная Н. Е. Струйским по всем правилам садово-паркового искусства: к главному дому примыкал регулярный парк, который затем плавно переходил в английский. Природная часть усадьбы была воедино слита с бытовой застройкой и являлась её логическим продолжением. Подобный эффект достигался благодаря плавному переходу бытовых элементов в природные: чтобы попасть в парк, нужно было лишь переступить порог. Поодаль от главного дома располагался английский парк с зеркальной гладью проточных озер, утонувших в живописных рощах, центральное место в художественном

¹ Цит. по: Лонгинов М. Несколько известий о пензенском помещике Струйском // Русский архив. 1866. Изд. 2-е. – М., 1866. – С. 959.

² См.: Бахмутов С., Лапун В. Указ. соч. С. 239.

³ Долгоруков И. М. Указ. соч. С. 60.

облике которого занимала еловая аллея, её высокие и густые стены дарили «приятную тень от жара»¹. В конце парка находился большой каменный корпус зимнего сада с двухсветным танцевальным залом в стиле барокко, оранжереей и теплицами. Здесь же были поставлены беседки, грунтовые и каретные сараи, конюшни, застекленный сад с экзотическими растениями. Таким образом, все бытовые постройки были вынесены далеко от барского дома и не мешали созерцанию природных красот.

Совсем иной тип усадьбы представляло собой имение помещиков Огаревых в Старом Акшино² (ныне Старошайговский р-н). Изначально в ней не было той показной роскоши, как у Струйских. Это было обычное утилитарное рентабельное хозяйство, приносящее немалый доход. Основатель усадьбы Богдан Ильич Огарев (1744–1806) её обустройство подчинил главной цели – наращиванию богатства.

Как и усадьба Струйских, усадьба Огаревых не сохранила каких-либо материальных следов своего существования, но сохранившиеся документы дают определенное представление о её обустройстве. Планировка и конфигурация усадебного комплекса показаны в карте генерального межевания Старого Акшино и пояснительной записке к межевому плану (описание геодезических измерений)³. Согласно этим документам, это было типичное головное поместье со всеми присущими ему атрибутами. В комплекс староакшинской усадьбы входили двухэтажный барский дом, флигели, церковь, многочисленные служебные постройки, парк, сад, оранжереи, шесть прудов.

Как и все помещики, Богдан Ильич постарался отделить усадебный комплекс от крестьянского мира. Сама природа подсказала достойное решение. Он с умением использовал главное достоинство усадьбы – живописное расположение среди окружающего ландшафта. Весь барский комплекс сконцентрировался на холме, отделённом от сельских поселений крестьян тремя оврагами и малой речушкой Кочережкой. Зона барской застройки представляла собой вытянутую вдоль в виде короткой улочки пространственную композицию. На одной стороне располагался деревянный барский дом, заменённый в 1783 г. на каменный.

Новый дом был спроектирован в традициях классицизма, но без фронтонов и колоннадных порталов. Дом отличала простота конструкций, лишённой многих привычных аксессуаров дворцового зодчества. Парадная сторона,

¹ Долгоруков И. М. Указ. соч. С. 59.

² При описании усадьбы Огаревых использовались материалы: Бахмутов С. Б. Староакшинские помещики: Из истории родового гнезда Огаревых и Сатиных. – Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2008; Некрасова Е. Николай Платонович Огарев. Отрывок. Раннее детство // Под знаменем науки (сборник). – М., 1902. – С. 4–57; Фролкина Е. В. Дворянская культура российской провинции: на материале мордовского края: дис. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. – Саранск, 2001. – С. 149–151, 153–155; Чудаев Ф. П., Тувин А. С. Боль и радость ты наша, земля старошайговская. – Саранск. 1998. – С. 55–56.

³ ГАПО (Государственный архив Пензенской области). Ф. 225. Оп. 5. Д. 244. «План с. Покровского, Старое Акшино тож, и д. Краснополе г. Агарева».

«отвернувшаяся» от села, представляла собой очень непритязательный по рисунку двухэтажный фасад, членённый по вертикали рустованными пилястрами; сторона, обращённая в сторону села, представляла большую отраду для взора из-за полукруглого крыльца с балконом и мезонином на втором этаже. Внутренняя планировка представляла собой типичную для той эпохи анфиладу комнат и систему коридоров. Общая площадь помещений – более тысячи квадратных метров, вполне достаточных для того, чтобы обитатели могли вести образ жизни, приличествующий званию и положению в обществе.

Приуроченности усадьбы к территориям уникальных природных комплексов с очень интересным рельефом обусловила широкое включение в парковую композицию и в усадебное пространство фрагментов природных ландшафтов. При этом рукотворная и природная части сочетались очень гармонично. Искусно созданные земляные рвы, камни, крытые дороги – все это превращало плоскую территорию в произведение садовой архитектуры. В овраге перед домом были сооружены два пруда, а за домом разбиты сад и небольшой парк, странно удалённый от барского дома. От дома вниз спускалась дорожка, выводящая через плотину и пруды на пустынную главную площадь Старого Акшино, которую помещик не позволял застраивать, чтобы не портить обзор крестьянскими халупами. На этой площади в конце 1770-х гг. Богдан Ильич заложил новую каменную церковь во имя Всемилоственного Спаса вместо прежней деревянной.

После смерти Богдана Ильича в 1806 г. имение перешло в руки его сына Платона Богдановича (1769–1838). Наступила пора «широкого барства»¹. П. Б. Огарев, в отличие от своего родителя совсем не имел качеств скопидома и домовитого хозяина. Привыкший к роскоши и изысканности, он и весь уклад усадебной жизни подчинил тонкому искусству аристократического бытия. Именно Платон Богданович превратил староакшинский дом в то, что жена его сына Николая Платоновича Огарева (1813–1877) Мария Львовна назвала «радклифский замок»². Дом постоянно был полон дворовыми, которые после курса ученья в разных мастерских и школах доставляли помещику изделия всевозможных художеств и искусств. В доме были свои живописцы-художники, садоводы, парикмахеры из крепостных и т. д. Был собственный оркестр музыкантов, состоявший по крайней мере из двенадцати крепостных. Оркестр услаждал слух помещика даже во время трапезы и не только по праздникам, но и по будням – ежедневно. Недаром Платон Богданович воспитывался в «пышный век Екатерины» – его дом во всем блистал богатством и изысканностью.

Однако излишнее роскошество привело к тому, что через некоторое время П. Б. Огарев вынужден был заложить часть имений в Опекунский совет, что

¹ Цит. по: Бахмутов С. Б. Староакшинские помещики... С. 38.

² Там же. С. 38.

стало приметой того времени. Многие помещики, непомерно тратящие деньги, разорялись, не умея сохранять полученное. После смерти П. Б. Огарева в 1838 г. все имение с массой долгов, заемных писем и векселей в придачу перешло в руки его сына, Николая Платоновича Огарева. В 1849 г. Старое Акшино перестало принадлежать роду Огаревых. Фактически за бесценок имение приобрел друг и соратник Н. П. Огарева Николай Михайлович Сатин (1814–1875)¹. Н. М. Сатин за несколько лет упорного труда выровнял некоторые отрасли хозяйства. Однако процветающим Старое Акшино, каким оно было при Б. И. Огареве, так и не стало.

Еще один знатный род был связан с историей мордовского края – это род Румянцевых. Румянцевы владели с. Чеберчино (ныне Дубенский р-н республики Мордовия), которое имело для них особое значение. Сюда при Анне Иоанновне был сослан отец фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского (1725–1796), петровский сподвижник А. И. Румянцев (1679 (1680)–1749). Вместе с отцом приехали три дочери и сын Петр, которому едва исполнилось шесть лет. Чеберчино лишь некоторое время было пристанищем представителя именитой фамилии, и, соответственно, здесь не было тех грандиозных построек, которыми знамениты другие усадьбы Румянцевых. Во время ссылки семья Румянцевых жила в небольшом деревянном барском доме, который был построен еще при прежнем владельце усадьбы стольнике Федоре Плещееве. Но в эти годы дом был сильно перестроен: выстроена новая горница, а перед окнами дома были сделаны два погребца (омшаника), обложенных внутри кирпичом². В силу недолговечности материала от дома не осталось следов.

Опала продолжалась три года, с 1731 по 1734. Впоследствии Чеберчино (или Чаборчино, как оно фигурирует в некоторых источниках³) превратилось в доходное место. В 1749 г. П. А. Румянцев после смерти отца наследовал земли сел Чеберчино, Верхнее Талызино, Голодяева, Бургасы и др. Не бывая в мордовских землях, граф тем не менее тщательно следил за своим хозяйством. В 1750-е гг. он составил наставления для управителя чеберчинской вотчины, которые на протяжении полувека являлись обязательными инструкциями по организации поместья⁴.

Правила, разработанные графом Румянцевым для имения Чеберчино, дают некоторое представление об обустройстве усадьбы. В мордовской волости Румянцевых, судя по «правилам», было множество хозяйственных и промышленных построек. В частности, только здесь были свинарники, ибо граф

¹ См.: Черняк Я. З. Огарев, Герцен, Некрасов и Чернышевский в споре об огаревском наследстве. (Дело Огарева-Панаевой) по архивным материалам. – М.-Л.: «Academia», 1933. – С. 407.

² См.: Клеякин А. В. Земля отчая: историко-этнографич. очерк. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1969. – С. 21–22; Юрченков В. А. Начертание мордовской истории. – Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2012. – С. 225.

³ Письма графини Е. М. Румянцевой к ее мужу, фельдмаршалу графу П. А. Румянцеву-Задунайскому, 1762–1779. – СПб.: Изд. граф Д.А.Толстой. 1888. – С. 6.

⁴ См.: Юрченков В. А. Указ. соч. С. 225.

считал, что именно здесь есть возможность их содержать¹, птичники, конский и винный заводы². Судя по всему, имение приносило немалый доход. Так, в 1762 г. супруга Петра Александровича Е. М. Румянцева (1724–1779), готовясь направиться на лечение к водам и находясь в затруднительном финансовом положении, с сожалением сообщала мужу: «Ехать к водам с пустыми руками не можно, надо деревни заложить и продавать, так таких очень мало есть, буде Чаборчино продать, так не с чем и жить»³.

Главным украшением усадьбы был храм. В конце своей жизни П. А. Румянцев-Задунайский, вероятно, в память об отце и своем детстве запланировал сооружение церкви в Чеберчино, никогда не принадлежавшей к числу наиболее опекаемых его резиденций. В 1798 г. в селе освятили новую церковь во имя Казанской иконы Богородицы. Как свидетельствует метрика, «по церковным документам храмоздателем значится граф П. А. Румянцев-Задунайский». Так что строительство началось, видимо, еще до кончины фельдмаршала в декабре 1796 г. Достраивалась церковь сыном графа Николаем Петровичем Румянцевым (1754–1826). Церковь в Чеберчине имеет выразительный архитектурный облик. Ее монолитный, почти кубический объем с низким куполом в плане очерчивает греческий крест. Центричность здания нарушена обязательными для румянцевских церквей парными звонницами над западной частью⁴.

С мордовским краем была связана и судьба Алексея Дмитриевича Желтухина (1820–1865) – журналиста и издателя «Журнала для землевладельцев». Родовое имение помещиков Желтухиных с. Зыково (ныне Октябрьский р-н г. Саранска) располагалось неподалеку от рузаевского поместья Струйских. Поместья эти разительно отличались. Местные исследователи Лаптун и Бахмутов считают, что Зыково сильно уступало в благоустроенности рузаевским красотам⁵. Но при этом они, к сожалению, не приводят конкретных примеров, которые могли подтвердить этот факт. Сведения касательно обустройства усадьбы помещиков Желтухиных в краеведческой литературе крайне скудны.

Известно лишь, что, как и в любой помещичьей усадьбе, в Зыкове была церковь. Какими-либо изысками она, по всей видимости, не отличалась. Так, Амвросий I (Орнатский), самый строгий духовный владыка Пензенской епархии, во время аттестации Зыковской церкви в 1824 году записал в жур-

¹ См.: Довнар-Запольский М. В. Материалы для истории вотчинного управления в России // Университетские известия. – Киев, 1904. – № 6. – июль. – С. 59; Его же. Материалы для истории вотчинного управления в России. I. Учреждение гр. П. А. Румянцева // Университетские известия. – Киев, 1903. – № 12. – дек. – С. 1–32.

² См.: Довнар-Запольский М. В. Материалы для истории вотчинного управления в России. I. Учреждение гр. П. А. Румянцева... С. 1–32.

³ Письма графини Е. М. Румянцевой... С. 6.

⁴ См.: Чекмарев А. В. Двухкололенные храмы в усадьбах графа П. А. Румянцева-Задунайского // Русская усадьба. Вып. 12 (28). – М.: Издательство «Жираф». 2006. – С. 537–563.

⁵ См.: Бахмутов С., Лаптун В. Указ. соч. С. 237.

нал: «Пол в церкви с. Зыкова очень дурен; купол ветхий; в приделе престол колеблется и одежда ветха <...> Литургию совершал священник заштатный в лаптях, онучи пречерные, платье на нем мерзкое, ризы самые ветхие, на лице у попа болезнь гнусная <...> дьячек больной припадком сумасшествия, к должности вовсе не способен»¹.

Разумеется, что после такой оценки саранскому благочинию пришлось туго: руководство не прощало подобного попустительства к делам подведомственного храма. Новый каменный одноглавый храм с колокольней был построен в 1842–1868 годах при финансовой помощи дворян Желтухиных. Главный престол храма был освящен в честь Казанской иконы Божией Матери, а придел – во имя святителя Николая Мирликийского. При храме работала воскресная школа, устроенная А. Д. Желтухиным в 1859 г.², просуществовавшая более 20 лет. Это была самая крупная церковно-приходская школа в Саранском уезде (Зыково, благодаря этой школе, считалось самым грамотным селом в округе). Славились Зыково на всю округу и своими театрализованными постановками. А. Д. Желтухин, будучи страстным театралом, организовал в своем имении театр, в котором играли он сам и его супруга Елизавета Николаевна.

Были на территории мордовского края и другие усадьбы, судить о красоте которых в силу отсутствия материала сегодня крайне сложно. Многие из них были разорены в годы советской власти, а некоторые пришли в упадок еще ранее, после реформы 1861 года, когда усадьба лишилась основной движущей силы – труда крестьян. В целом, дворянские усадьбы мордовского края почти на протяжении двух веков являлись центрами хозяйственной жизни, где были собственные мануфактуры и заводы, развивалась промышленность и сельское хозяйство. Кроме того, многие из них были настоящими «культурными гнездами» края. Здесь вдали от столичной жизни сформировалась изящная и несколько наивная в своей благородной простоте архитектура; сформировались основы местного ландшафтного обустройства территории; были созданы очаровательные произведения живописи и поэзии, развивался домашний театр и салонное музицирование.

¹ Артоболовский А. Пензенские иерархи в селе Зыкове Саранского уезда // ПЕВ. – 1902. – № 16. – С. 690–696.

² Церковь Казанской иконы Божией Матери // Официальный сайт Саранской епархии: <http://sarep.ru/благочиния-и-приходы.html> (дата обращения 4.09.2012).

С. Р. Шигапов ДВОЙСТВЕННОСТЬ РЕЛИГИОЗНОГО ЛАНДШАФТА ТОМСКО-ЧУЛЫМСКОЙ ТАЙГИ (2-я половина XIX – начало XX вв.)¹

Параллельно с процессом крестьянского освоения таежной Сибири на рубеже XIX–XX вв. институтом Русской Православной Церкви осуществлялась трансляция религиозных ценностей путем строительства новых церквей и командирования в эти места священнослужителей. Однако для удовлетворения своих духовных потребностей сибирские крестьяне-переселенцы зачастую обращались также к нелегальным сообществам скитников-староверов, находившихся в непосредственной близости к их населённым пунктам.

Сложившиеся к настоящему времени методики изучения культурного (Русский Север²), и в частности, религиозного (Урал³) ландшафтов территорий России предполагают не только исторический, но и пространственный анализ избранного ареала. Их синтез в отношении районов таежной Сибири может быть также продуктивным, так как дает возможность соотнести географическую локализацию конфессий с природными и социальными условиями региона. Реконструкция религиозного ландшафта нами осуществлялась, во-первых, путем подбора информации о состоянии дел в Томской епархии и данных о количестве староверов по приходам, а во-вторых, с помощью выделения зон с нейтральными и христианскими ойконимами, установления смысловой нагрузки храмовых именовании.

Природные и социальные особенности томско-чулымского таежного региона

Известно, что предпосылки формирования религиозного ландшафта определенного типа обусловлены географическими особенностями края. Например, в природном облике Урала преобладают водные ресурсы, причудливой формы деревья и скалистые образования, что и способствовало возникновению соответствующих святынь и сакральных объектов⁴. В нашем случае, земли, прилегающие к р. Чулым, покрыты плотным массивом таежных лесов. По сведениям райлесхоза инспекции Ново-Кусковского района, на 1930 г. тай-

¹ Статья написана по материалам исследования, выполненного в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

² Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера: Поморские чтения по семиотике культуры [сборник науч. статей]. – Архангельск, 2006. – Вып. 2. – 478 с.

³ Православие в судьбе Урала и России: история и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 18–20 апреля 2010. – Екатеринбург, 2010. – 242 с.; Главацкая Е. М. Религиозный ландшафт Урала: феномен, проблемы реконструкции, методы исследования // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург, 2008. – № 4 (21). – С. 76–82.

⁴ Главацкая Е. М. Указ. соч. – С. 79.

ландшафта, занимая в нем вполне определенную организационную позицию. Таким образом, прямо или косвенно в конкретном культурном ландшафте любой топоним несет в себе организационную функцию»¹. В результате, каждое отдельное именование получает явную смысловую нагрузку и нередко сакральное значение, что делает их анализ инструментом реконструкции социокультурных особенностей сознания местного населения.

Богатый методологический опыт дает в этом случае исследование профессора А. А. Соколовой, специалиста по изучению культурного ландшафта Русского Севера. В работе «Пространственный анализ христианской ойконимии Вологодской области»² ею обозначена ведущая роль топонимики в отражении культурных процессов, имеющих место в регионе на протяжении XVII–XX вв. Христианские названия сел и деревень (в отличие от коренных инородческих) не только насыщают само пространство новой информацией, но и «... отражают процесс христианизации края, развития систем расселения и землепользования. Тогда сами поселения наряду с привычными святынями выступают в качестве сакральных центров, формируют особый каркас региона»³.

Среди почти 50 населённых пунктов Ново-Кусковской волости только 8 имеют христианские названия (Вознесенка, Ильинка, Ивано-Богословка, Митрофановка, Ново-Троица, Ново-Покровка, Рождественка и Успенка). На картосхеме они подчеркнуты красным цветом. Практически все они располагались полосой на границе волости и неосвоенного таежного массива по р. Большая Юкса и в 30–40 верстах к югу от р. Чичкаюл. Поскольку на рубеже XIX–XX вв. основание новых населенных пунктов сначала происходило на старожильческих территориях (см. картосхему: окрестности Ново-Кусково, Больше-Дорохово, Казанского), а уже затем шло на север вдоль р. Чулым⁴, эти поселения с христианскими названиями долгое время оставались границей продвижения в таёжные массивы, находясь «во владении» староверов-скитников и, что немаловажно, составляя одни и те же приходы, территориальные общности по официальному церковному делению. То есть, они не только обладали общей спецификой именования, но и образовывали единые приходы на границе со староверческой зоной активности.

Похожая ситуация наблюдалась и в Александровской волости: прямо вдоль рубежа переселенческого освоения (очерченной комиссией по карте) располагаются 5 поселений с христианскими наименованиями (Петропав-

¹ Культурный ландшафт как объект наследия: сборник статей РАН, Российский институт культуры и природного наследия им. Д. С. Лихачева / под редакцией Ю. А. Веденин; М. Е. Кулешова. – М.: Институт наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – С. 119.

² Соколова А. А. Пространственный анализ христианской ойконимии Вологодской области // Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера: Поморские чтения по семиотике культуры [сборник науч. статей]. Вып. 2. – Архангельск: Изд. Поморского ун-та, 2006. – С. 129–136.

³ Там же. С. 136.

⁴ Поспелова С. В. Заселение территории Асиновского района в 1895–1917 гг. // Материалы II-х краеведческих чтений «Край родной – Причудымье», посвященных 100-летию г. Асино 21–22 мая 1996 года. – С. 31–35.

ловка, Покровский, Спасский, Троицкий и Успенский), составлявшие единый Петропавловский приход. Более того, даже общее количество поселений в этой волости было как минимум в 3–4 раза меньше, чем в соседней Ново-Кусковской, а перечисленные пункты находились в самой непосредственной близости между собой. Северной границей этого скопления выступает п. Ольгинский – известный центр активности староверов¹, и «по совместительству», крайний северный пункт всей зоны переселенческого освоения.

В рамках анализа местной ойконимии возможно произвести выделение определенных районов ареала, насыщенных христианскими топонимами, как об этом говорит профессор А. А. Соколова: «Схема дифференциации христианской ойконимии отражает деление на сакрально-географические районы»². В нашем случае отчетливо вырисовываются два крупных района активности староверов в данном ареале: Обь-Чулымское (Александровская волость) и Чичкаюло-Улулюльское (Ново-Кусковская волость) междуречья, в географическом смысле окаймляющие упомянутые волости. Логика расположения поселений с христианскими названиями абсолютно точно воспроизводит границы между православными приходами и старообрядческими скитами: Петропавловка, Покровский, Спасский, Троицкий и Успенский, Ивано-Богословка, Ново-Покровка и Ильинка прилегают плотно к таежному массиву р. Б. Юкса, где располагались мужской и женский монастыри староверов белокриницкого согласия; Митрофановка, Успенка, Рождественка и Вознесенка Ново-Кусковской волости явно находились под влиянием староверческих скитов, заимок и деревень междуречья рек Чичкаюл и Улуул.

Таким образом, пространственный анализ позволяет выявить закономерность, по которой поселения с христианскими названиями (подчеркнуты на картосхеме) выступали приграничными по отношению к таежной лесной зоне староверческой жизнедеятельности.

Соотношение конфессиональных групп в приходах

Сопоставление результатов пространственного анализа и приходских сводок Справочной книги Томской епархии открывает еще более ясную картину. Традиционно в этих сводках в епархию передавались сведения о численности прихода, количестве инородцев и староверов.

Уместно учитывать эти показатели сразу по трём хронологическим отрезкам: начало XX века, 1908–1910 гг. и отдельно за 1914 г., что сокращает вероятность погрешности в расчетах и позволяет отметить динамику изменений этого соотношения. Тем не менее, цифры во всех случаях оказались почти идентичными, поэтому при следующем рассмотрении будут использоваться

¹ Шамаро А. Кержацкие тропы // Наука и религия: ежемесячный научно-популярный журнал. – М., 1959. – Вып. 4. – С. 70.

² Соколова А. А. Пространственный анализ христианской ойконимии Вологодской области // Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера: Поморские чтения по семиотике культуры [сборник науч. статей]. Вып. 2. – Архангельск: Изд. Поморского ун-та, 2006. – С. 135.

средние показатели. Количество староверов в приходах обозначено на картосхеме в скобках рядом с названиями приходских центров.

Картосхема позволяет увидеть корреляции между названиями населённых пунктов и числом живущих в них или в их окрестностях староверов. Во внутренних приходах волости с нейтральными названиями населённых пунктов (см. картосхему: центры Ново-Кусково, Казанка, Вороно-Пашено и Больше-Дорохово) по тем или иным причинам староверов не числилось вообще. В то же самое время географически приближённые к таежным местам приходы, сосредоточившие поселения с христианскими названиями, находились в ином положении: при Рождественском насчитывалось 119 староверов, а при Митрофановском – 666. Похожая ситуация была характерна и для Александровской волости: если при внутреннем Александровском приходе было всего 18 староверов, а при Наумовском – 37, то при Петропавловском приходе, куда входили все вышеперечисленные населённые пункты с христианскими наименованиями, таковых числилось уже 213 человек.

Абсолютные цифры оказываются менее удобными для сопоставления, поэтому стоит перевести их в относительные. В итоге получается, что при Александровском приходе числилось в среднем 228 православных на 1 старовера, в Наумовском – 68 на 1; а вот уже при Рождественском приходе – 18 православных на 1 старовера, при Петропавловском – 16 на 1, при Митрофановском приходе зафиксирован рекордный показатель в соотношении 7 православных на 1 старовера.

Абсолютно точно установлено, что зоны сосредоточения поселков с христианской ойконимией совпали с зонами фактического пребывания и активности представителей местного сообщества староверов. В приходах, где отсутствовали христианские топонимы, либо числилось незначительное число староверов, либо не числилось таковых вообще.

Храмоименование

В продолжение анализа есть смысл обратиться к системе алтарных посвящений. Нельзя не отметить важный сакральный смысл такого именования. Оно представляло собой не просто титульное обозначение, но особое выделение конкретной фигуры среди сотен русских святых как своего покровителя и защитника¹. Эта фигура становилась особым объектом почитания, молитв. На практическом уровне это также имело значение, поскольку день этого святого был главным праздником в году.

Исследования алтарных посвящений не раз проводились на примере культурно-религиозных ландшафтов Урала и Русского Севера. Чаще всего они приводили к выводам о том, что в тех или иных районах именования, как и ойконимы, тесно связывались с процессами колонизации и христианизации имперских окраин. Однако нам удалось убедиться, что в избранном ареале

¹ Бардина П. Е. Быт русских сибиряков Томского края / ред. Н. В. Лукина. – Томск : Изд. Том. ун-та, 1995. – С. 10–11.

эти факторы определялись постоянными взаимодействиями «никонианского» и староверческого сообществ.

Подавляющая часть церквей в Ново-Кусковской и Александровской волостях были возведены в период 1890–1910 гг. Неоспорим факт, подтверждённый алтарными именованиями, что на этой территории еще не сложилась традиция почитания местных святых или мучеников. Переселенцы предпочитали именовать храмы в соответствии с общехристианской традицией в честь апостолов Петра и Павла, архангела Михаила, Николая Чудотворца и пророка Илии¹. Однако оказавшиеся ранее в центре анализа Митрофановский (с рекордным количеством живущих староверов) и Рождественский приходы вызывают в данном отношении большой интерес. Именно там имелись алтарные посвящения в честь св. Митрофана Воронежского, которого русская традиция и историки-биографы² позиционируют как одного из самых ярких борцов со старообрядческим движением в кон. XVII–XVIII вв.

Показательно, что именование в честь Митрофана Воронежского имело место сразу в двух приходских центрах с христианскими ойконимами, которые одновременно находились в непосредственной близости между собой и с таежной зоной староверческой активности.

Жители Митрофановки и Рождественки происходили из разных центральных губерний и, очевидно, в зоне активного староверческого влияния выбрали в покровители личность Митрофана Воронежского не случайно. Вполне понятно, что два приграничных прихода образовали единую религиозно-психологическую общность, поскольку приверженность к почитанию одних и тех же святых объединяла разные территории в гармоничное единство во многих других исследовательских примерах³. В нашем случае речь идет о постулировании верности ортодоксальному православию. Данная аналогия любопытна ещё и потому, что села располагаются по разным берегам р. Чулым и находятся под воздействием разных староверческих центров, как уже говорилось ранее, – п. Митрофановка у массива р. Б. Юкса, где располагались скиты белокрыницких староверов, с. Рождественка близ Чичкаюло-Улулюльского междуречья (около 40 верст до старообрядческих поселений Зимовка и Кишинка, находившихся под влиянием староверов часовенного и поморского согласия).

Сочетание ойконима и алтарного посвящения в поселке Митрофановка не что иное как явная ментальная конструкция. Учитывая, что в приходе наблюдалось наибольшее присутствие староверов (7 православных на 1 старовера), можно понять, каким образом крестьянское православное население

¹ Справочная книга по Томской епархии. – Томск, 1914. – С. 548–553

² Торопов А. В. Святой Митрофан Воронежский и старообрядческий раскол // Рождественский сборник: Материалы конференции российская провинция: история, традиции, современность. Вып. 18. – Ковров, 2011.

³ Черняхова И. А. Алтарные посвящения приходских церквей как отражение православного менталитета крестьянина-карела дониконовской эпохи // Православие в судьбе Урала и России: история и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 18–20 апреля 2010. – Екатеринбург. – С. 34–47.

в сакральном отношении отделяло себя от влияния противоположной конфессии. Вдобавок, до возведения храма в 1905 г. там уже числилась не менее 3-х лет часовня, основанная не иначе как самими селянами, так как епархия подобную практику не всегда признавала. Хотя, по свидетельству исследователей Камско-Вятского православного ландшафта, именно часовни нередко служили как бы для «огораживания» православными крестьянами своей сакральной территории¹. Описываемая практика демонстрирует, как новопоселенцы «никонианского» вероисповедания были вынуждены погружаться в уже существовавшее на территории томско-чулымской тайги сакральное пространство староверов путем ментального разграничения. Причем, упоминаемые в работе границы никак не претендуют на статус реальных, а не ментальных рубежей, по причине устойчивого экономического и бытового взаимовлияния конфессиональных сообществ.

Учитывая глубокую синкретичность крестьянского мышления, образы святого покровительства, вполне вероятно, были востребованы «никонианским» населением региона, которое могло идентифицировать себя путем символического противопоставления сообществу еретиков-староверов. Понимание сакральной природы личности святого заступника в этой ситуации становилось неотъемлемой частью сельской религиозной жизни. Это безусловно поддерживалось проповедью ортодоксальной православной церкви.

* * *

Проведённый анализ объектов православного ландшафта Александровской и Ново-Кусковской волостей Томской губернии подтвердил обоснованность предположения о том, что культурно-религиозная ориентация крестьян томско-чулымской таежной зоны определялась взаимодействием старообрядческой и православной конфессиональных сообществ (систем). Христианские наименования поселений и их знаковая локализация были важнейшими компонентами религиозного ландшафта взятого ареала.

Показательно, что населённые пункты с христианскими наименованиями непосредственно прилегали к таёжным местам расселения и активной проповеднической деятельности старообрядцев. В насыщенных христианскими ойконимами приходах (по церковным сводкам) наблюдалось наибольшее количество проживавших там староверов, что лишний раз подчеркивает особую смысловую нагрузку такого именованья. Наконец не представляются случайными алтарные посвящения сразу в двух соседних (и в то же время приграничных тайге) селах в честь одного из виднейших русских борцов со старообрядчеством. Все это приводит к выводу о том, что религиозное пространство (ландшафт) крестьянского населения волостей Причулымья складывалось в результате непосредственных взаимодействий старообрядческого и ортодоксального конфессиональных сообществ региона.

¹ Шутова Н. И. Сакральный ландшафт в православных округах Камско-Вятского региона // Православие в судьбе Урала и России: история и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 18–20 апреля 2010. – Екатеринбург. – С. 49.

ЛИЧНОСТЬ

И. Л. Зубова (Ульяновск)

ДИНАМИЗМ ОБРАЗА СИМБИРСКА–УЛЬЯНОВСКА В ФОТОРАБОТАХ ЛЕОНИДА ЛАЗАРЕВА

Региональная специфика является одним из факторов, влияющих на творчество в его различных выразительных формах. В сотворенных образах она и воплощается. В нашем случае речь пойдет о фотоискусстве. Известный фотожурналист и фотохудожник Л. Н. Лазарев несколько раз посещал Ульяновск. В его работах Л. Н. Лазарева разных лет найдла выражение идентичность Симбирска–Ульяновска. В качестве основного источника для анализа идентичности Ульяновска используем фотоработы 1958 г. и 1969–70 гг., предоставленные Л. Н. Лазаревым, его воспоминания и творческие идеи, высказанные в личной беседе с автором статьи.

В 1958 г. Л. Н. Лазарев впервые приехал в Ульяновск. Тогда его карьера только начиналась. Накануне поездки в город на Волге молодой человек выполняет задание для газеты «Спутник», выходящей при советском павильоне на международной выставке в Брюсселе, и принимает предложение стать сотрудником солидного центрального журнала «Советская женщина». Его отпускают в Ульяновск навесить родственный журнал – артистов циркового аттракциона «Мотогонки по вертикальной стене», которые находились в городе на гастролях. Лазареву поручают подготовить новый материал для газеты, и при этом дают право снимать по собственному усмотрению. В областной центр он приехал, заряженный интересом и энергией, в состоянии душевного подъёма, отчасти вызванного успешным началом карьеры и радостью от встречи с близкими людьми. К тому же он очень боялся подвести редакцию с выполнением задания и был готов «свернуть горы», чтобы доказать свою профессиональную пригодность.

В ту пору Ульяновск казался коренному москвичу Лазареву далеким от столицы, провинциальным городом. Своим укладом жизни, застройкой, спокойствием улиц, темпом речи город больше походил на сельскохозяйственный центр, только еще выходящий на орбиту индустриального развития. Действительно, новое промышленное и гражданское строительство, реконструкция, благоустройство и декоративное оформление города осуществлялись тогда постепенно¹. В 1957 г. завершилось строительство Куйбышевской ГЭС и

¹ Цвети, Ульяновск. Наш город родной! // Ульяновская правда. – 1958. – 1 июня. – № 108(10164); – Сделаем Ульяновск красивым и благоустроенным городом! // Ульяновская правда. – 1958. – 14 июня. – № 117(10173).

Мост на ту сторону

образовано одноименное с ней водохранилище. Летом 1958 г. подходила к завершению перестройка железнодорожного и автомобильного моста через Волгу, начатая в 1953 г.

Особенность географического расположения Ульяновска на вершине высокой горы правого берега Волги фотограф запечатлел на снимке «Мост на ту сторону». С этой точки глаза открываются водные просторы, берега и земли Заволжья, уникальный мост стратегического значения, соединяющий берега реки и культурные пространства, освоенные людьми. Автор считает, что снимок ценен не столько мастерством исполнения, сколько своей возможностью показать красоту и грандиозность творения природы и человека, вдохновляющих на новые свершения. Снимок сделан с Нового Венца – места, где жители города любили гулять, назначать свидания, фотографироваться. Не только у местных жителей, но и у гостей города Ульяновск ассоциируется с Северным Венцом и роскошными видами Волги.

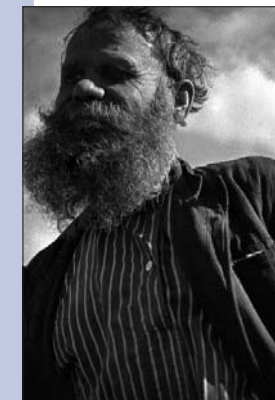
Речной порт – неизбежный – атрибут волжского города. Как попал в речной порт, Л. Лазарев не помнит, возможно, просто спустился вниз по склону с Венца. Взгляд выхватил пару. Снимает щемящую душу картину. Фотография, получившая название «Переселение», вошла в золотой фонд фотохудожника, экспонировалась на зарубежных выставках. Вся семья переселяется с нажитым имуществом в поисках лучшей доли. Так их воспринял фотохудожник. Изображение имеет художественную и историческую ценность.

Переселение

Погрузка

Волгарь

В 1957 г. был введен в эксплуатацию новый механизированный речной порт, однако фотохудожник зафиксировал в кадре «Погрузка» работу грузчиков без каких-либо механизмов. Вдали просматриваются очертания волжского моста. Исследователь истории нашего края В. Н. Ильин, после просмотра этого снимка в письме, адресованном автору статьи, писал что: «Такие типичные сцены наблюдал в детстве после войны на берегах Дона (в Ростове-на-Дону), да и на Волге в 1960–70-х гг. В провинции прошлое сохраняется дольше – темп жизни другой. Поэтому эти фотографии вызывают у меня и интерес как краеведа, и зависть как фотографа-любителя». В речном порту сделан портрет типичного волжского жителя. Волгарь уже немолодой, но физически крепкий, закаленный, загорелый, обветренный, с определенным отношением к жизни и людям.

Улица Гончарова – центральная улица города. Она удостоилась внимания столичного гостя. Во-первых, она выделялась своей архитектурой, сочетанием старых и новых строений, а во-вторых, это было связано с необходимостью сделать репортаж на рабочую тему. Фоторепортажи на трудовую тему присутствовали практически в каждом номере любого советского периодического издания, что соответствовало требованиям целенаправленно конструируемой советской государственной идентичности. Попасты на промышленное предприятие, а почти все заводы города работали на оборонную промышленность, даже при наличии соответствующего документа от редакции газеты «Спутник» было проблематично. Передвигаясь по центру города, московский фотожурналист увидел возведение нового здания. В результате появились несколько однотипных постановочных кадров фоторепортажа «На стройке».

В самом исполнении фотографии автор не видит новизны, но изображение даёт представление о периоде жизни города конца 50-х гг. прошлого века. Забавно, с точки зрения автора снимка, что кирпич подаёт женщина. Женщины работают на стройке как подсобные рабочие. Строители – люди среднего

На стройке

Колхозницы в областном центре

возраста, одеты просто, и вероятно, только недавно переехали в город. На улице всего несколько прохожих и почти нет машин. Строительство жилого дома ведется на углу улиц Гончарова и К. Либкнехта №5/31. Вдали по чётной стороне улицы виден Дом Гончарова, а по нечётной – недавно построенный жилой дом № 7. В кадр попала чугунная решетка, окаймляющая зелёный бульвар, разрезающий главную улицу города. Дом Гончарова и «чугунка» до сих пор – идентификаторы города Ульяновска.

Другая фотография на улице Гончарова – «Колхозницы в областном центре» – относится к разряду жанровых. Автор не стремится передать облик улицы и её архитектурных сооружений, главное для него – люди. В глаза бросается отличие горожанки от колхозниц. Происходит встреча городской и деревенской культур. Вместе с этим фотоизображение содержит важную информацию о том, что большинство каменных домов на центральной улице города относились к дореволюционной застройке. На заднем плане снимка отчётливо просматривается здание торговых рядов, на месте которых в 1965 г. началось возведение нового здания универмага – ЦУМа.

Краеведческий музей – хранитель культурно-исторического наследия региона. Фотограф попадает туда случайно. Его привлекла прекрасная архитектура здания А. Шоде, специально построенного для музея. События, происходившие внутри помещения музея, не разочаровали Л. Лазарева. Деревенские ребяташки,

жившие в деревянных избах со скромным убранством, возможно, впервые оказались в настоящем дворце, где собраны произведения искусства. Обстоятельства и атмосфере съёмки более чем полувековой давности мастер рассказывает так, как будто все происходит здесь и сейчас. Его поразило происходившее преобразование деревенских детей, приехавших в музей. Не только дети, но и сам автор снимков находились в состоянии душевного подъёма. Сосредоточенность обостряла чувствительность, было слышно биение собственного сердца. Л. Лазарев боялся неверным движением, случайным шорохом нарушить состояние сопричастности с прекрасным и вечным. Ему удалось сделать целую серию снимков: «Будущие художники», «Впервые», «Озарение», «Выбор пути», «Богатство краеведческого музея». Интуитивно снял девочку, которая пробегала, оглядываясь на экспонаты зала ленинской тематики. Кадр «Богатство краеведческого музея» автор считает главным. В период изменения политической идентичности, в постсоветский период он получил иную интерпретацию, подчеркивающую избыточную навязчивость ленинской темы. Фотоснимок вместе с другими работами выставлялся на международных выставках.

В июне 1958 г., как сообщала «Ульяновская правда», прибыли первые в этом сезоне пароходы с туристами¹. Сталинградцы, шахтеры Донбасса, машиностроители Москвы,

¹ Главная цель путешествия – Ульяновск // Ульяновская правда. – 1958. – 1 июня. – № 108 (10164).

Будущие художники

Впервые

Озарение

Богатство краеведческого музея

текстильщики Иванова, лесорубы Карелии, металлисты Ленинграда совершили экскурсию по ленинским местам. Л. Лазарева поразило художественное решение памятника Ленину на площади. Много раз столичный житель фотографировал его, получалось стандартно, но автор все-таки нашел возможность передать мощь мысли и воли великого человека («В. И. Ленин»). Метод съемки – ракурс с нижней точки, контраст света, усиление эффекта. Интересно, что именно на Брюссельской международной выставке 1958 г., с которой был связан фотограф, вариант скульптуры, созданный М. Г. Манизером, получил высшую награду¹.

К разряду работ, имеющих художественные достоинства, Л. Лазарев относит и портрет старика на фоне пьедестала памятника Ленину («Старик»). Крепость характера пожилого человека сочетается с прочностью гранита. Кадр постановочный. Старик – сельский житель, такой же крепкий и выразительный, как Волгарь. На таких людях держится страна. Тот же старик, но уже с внуком («Поколения») снят на фоне памятника И. Н. Ульянову в сквере на улице 12 Сентября. Здесь фотомастер переносит акцент на связь времён и преемственность в социальной жизни, осуществляющуюся через коммуникацию поколений.

Фотоотпечатки, выполненные Л. Н. Лазаревым, говорят: значимые личности – это не только Ленин, Илья

¹ Историко-архитектурные памятники Симбирска–Ульяновска. Каталог. – Ульяновск: Издательство «Корпорация технологий продвижения», 2006. – С. 344.

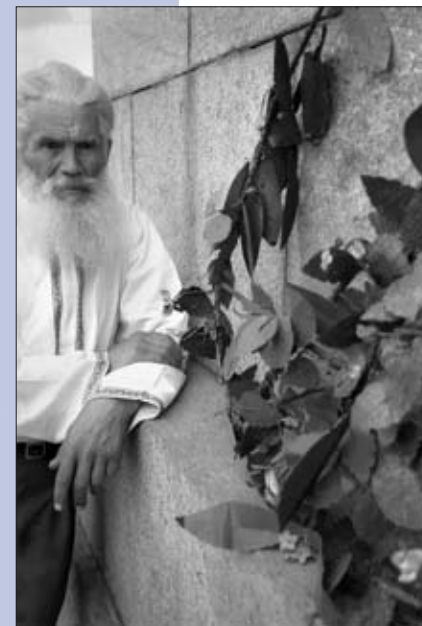
В. И. Ленин

Николаевич Ульянов, но и простые люди, живущие в настоящий момент. Через осознание ими связи с выдающимися земляками, выражение своего отношения к их делам формируется региональная идентичность.

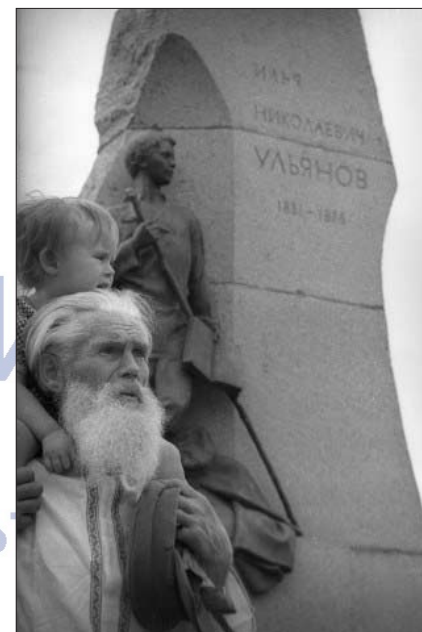
Контраст жизненного уклада города и деревни, образ и стиль жизни в самом городе улавливается в повествовании Леонида Лазарева. Его брат Роман подружился с ульяновскими мотогогонщиками Л. Ерохиным, С. Кротиковым и другими. Через Романа состоялось знакомство Л. Лазарева с молодыми ульяновскими спортсменами. В Ульяновске он получил разрешение своего отца прокатиться на мотоцикле «Индиан» из аттракциона. Ехал сначала по городу, потом быстро выехал за его пределы. Мотоцикл вдруг начал чихать, пришлось остановиться. «Индиан» не заводился. Молодой человек вынужден был стоять в жару на пустой дороге и держать мотоцикл, так как он не был снабжен подножкой. Дорога оказалась полностью пустынной, и только через час или полтора показалась грузовая машина, следующая по направлению к городу. Ее водитель, как и большинство местных жителей, знал, где находится аттракцион, и согласился довезти незадачливого мотоциклиста до цирка.

Ульяновские мотогогонщики пригласили жадного на события фотографа побывать на празднике животноводов Богдашкинского района в райцентре Большое Ногаткино. По сообщению местной газеты в нем приняли участие тысячи человек¹.

¹ Степанов А. Праздник животноводов. // Колхозная правда. – 1958. – 18 июня. – № 70 (2090).

Старик

Поколения

ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Скорость Льва Ерохина

Как снег на голову

Падение

Внешний вид сельских жителей напоминал молодому жителю мегаполиса времена дореволюционной России. Помимо официальной части праздника – выступления председателя райисполкома, награждения ценными подарками и обмена опытом, полагалась и спортивная. Конный спорт с участием свыше 100 лучших лошадей, скачки и езда на русской тройке являлись традиционными развлечениями. Они остались за кадром и не врезались в память москвича. В отличие от прошлых лет, показать свое мастерство во время народного гуляния пригласили мотоциклистов и парашютистов организации ДОСААФ г. Ульяновска. Последние становились объектом гордости любого региона. Леонид Лазарев сумел запечатлеть незаурядные события, связанные с выступлением спортсменов ДОСААФ. Для передачи скорости мотоциклиста Л. Ерохина фотограф использовал новаторское решение («Скорость Льва Ерохина»). Многие сельчане, как сообщала газета, впервые увидели затяжной прыжок с высоты 1500 метров парашютиста Кириллина. Один из парашютистов стал отклоняться от заданных параметров приземления, что вызвало большой переполох среди зрителей. Начинаящий фотокорреспондент воспользовался моментом, появились кадры «Как снег на голову», «Падение», которые высоко оценили специалисты.

В работах Л. Лазарева 1958 г. региональная специфика и колорит ульяновской земли представлены достаточно широко. Региональная идентичность тогда полностью не по-

глощалась общегосударственной. Тема «Ульяновск – Родина В. И. Ленина», хотя и присутствует, но не является доминирующей. Самобытность среды стимулировала творческий порыв, и Л. Лазарев родился на ульяновской земле как фотохудожник.

В декабре 1969 г. фотокор журнала «Кругозор» Л. Н. Лазарев, получивший известность не только в нашей стране, но и за ее пределами, снова приезжает в Ульяновск. К юбилею вождя революции он проводит напряженные съемки людей, стоящих в очереди в Мавзолей В. И. Ленина, и порядком устает от ленинской темы. Все же он вместе со спецкором звукового журнала Б. С. Вахнюком¹ снова получает задание привезти материал с родины вождя. Город к 1970 г., согласно Л. Лазареву, проснулся, возникли архитектурные сооружения из стекла и бетона, изменилось самосознание людей. Однако индустриализация, новые урбанистические формы и давление советской идеологии, где фигура Ленина играла ключевую роль, ослабляли проявление региональной идентичности. Советская пресса изобиловала материалами на тему борьбы против эксплуатации трудящихся, героях борьбы и труда, местах, имевших к ним отношения. Репортаж с фотосопровождением Л. Лазарева в журнале «Кругозор» № 3 за 1970 г. не стал исключением из правил. В него вошли кадры соответствующие заданию редакции: Дом-музей В. И. Ленина; готовящийся к открытию Мемориальный центр В. И. Ленина; зал, где была провозглашена Советская власть в Симбирске; вечный огонь в честь защитников Симбирска в годы гражданской войны; портрет ветерана партии С. Аввакумова. Б. Вахнюк написал текст под заголовком «Вертикаль». «Венец» – вершина горы между Волгой и Свягой, заселенной жителями города Симбирска, и ее архитектурный символ – новая высотная гостиница Ульяновска. «Вертикаль» – графическое воплощение местных особенностей. Одновременно вертикаль – это проблемная линия, пронизывающая географическое и историческое пространство города, соединяющая старое и новое, историю и современность в репортаже представителя центральной прессы. Она проходит от Волги-Венца со зданием ленинского Мемориального комплекса через флигель на улице Стрелецкой, где родился Володя Ульянов, площадь В. И. Ленина на бывшую улицу Московскую, на которую дважды вступал Е. Пугачев. Будущий пролетарский вождь Ульянов-Ленин пытался разыскать подземный ход к подвалу, в котором когда-то в заточении держали крестьянского вождя. Дальше по улице-музею вертикаль устремляется в губернский Симбирск к дому-музею Ленина. Репортаж на звуковой дорожке продолжает развивать тему «Ульяновск – город Ульяновых».

Дальнейший анализ ульяновских фоторабот Л. Лазарева, сделанных в преддверии 100-летия со дня рождения В. И. Ленина и год спустя, и сохранившихся в его архиве, показывает, что их число значительно меньше, а тематика беднее в сравнении с 1958 г. Герой нового репортажа в журнале «Кругозор»

¹ Б. С. Вахнюк – известный в нашей стране поэт, бард, журналист, киносценарист.

Мастер-шлифовщик

К. Маркс

Революционер Сергей Аввакумов

Дверь еще открыта

Тревога

Экскурсия на морозе

№ 3 за 1971 г. – Виктор Салатов (Мастер-шлифовщик). Он – шлифовщик шестого разряда, Герой Социалистического труда, рабочий Ульяновского автомобильного завода. Сергей Аввакумов – герой первого репортажа с родины основателя советского государства, вырос в Симбирске, на той же улице, что и В. И. Ленин. Во время службы курсантом он встретился в Кремле с вождем («Революционер Сергей Аввакумов»).

Изображения памятника К. Марксу, покрытого инеем («К. Маркс»), шеренги людей на фоне памятника В. И. Ленина и барабана на фоне того же памятника на Новом Венце («Экскурсия на морозе», «Тревога»), Дома-музея В. И. Ленина, которого зритель видит через открытку калитку («Дверь еще открыта»), получили совсем иную интерпретацию в период переосмысления советской идентичности, формирования нового самосознания и поиска новой идентичности на общенациональном общегосударственном уровне. Возможно, автор подсознательно вложил в свои фотопроизведения отторжение фальши, в определенной степени присутствовавшей в идеологических мероприятиях брежневской поры.

В постсоветское время, в условиях кризиса общегосударственной идентичности артикулировалась региональная идентичность. Л. Лазарев снова в 2014 г. встретился с городом, который раскрыл перед ним «творческие ворота в мир прекрасного» и был восхищен вновь открытыми особенностями Симбирско-Ульяновского края. Новое открытие города породило идею создать фотопозитивный альбом «Симбирск-Ульяновск». Замысел охватывает различные ипостаси региональной идентичности и особенно вырастающими из старинных кварталов, за сохранение которых боролись многие люди, включая С. Л. Сытина, А. Н. Зубова, сотрудников музея-заповедника «Родина В. И. Ленина».

Д. Г. Платцева

ВЗГЛЯД МОЛОДОГО ФОТОГРАФА НА РЕГИОНАЛЬНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Детское увлечение фотографией возникло, благодаря отцу, и привело меня к занятию фотографией художественной. В 2010 году мне удалось посещать уроки профессионального мастерства в фотошколе («Студия D») известного ульяновского фотохудожника Валерия Степановича Дурнова. Принимаю участие в выставках и конкурсах, размещаю свои работы в социальных сетях и продолжаю учиться любимому виду визуального искусства. Однако до недавнего времени, взяв в руки фотоаппарат, я особо не задумывалась, что через свои работы я осуществляю самоидентификацию и пишу историю своего края, своей страны.

Фотография – это не прямое отражение реального объекта, а его интерпретация автором. Выбор объекта, композиция, избранный фокус, свет, поворот кадра и другие особенности изображения зависят от автора и во многом определяют восприятие произведения зрителями. Получается, что каждый фотограф выражает себя в создаваемом образе созерцаемого пространства и образах людей, его населяющих. Он выплескивает свои чувства, понимание мира с помощью техники света, поэтому, в конечном счете, созданные им визуальные образы становятся одним из факторов формирования региональной идентичности. По моему убеждению, несмотря на то, что современное производство фототехники сделало фотографию легким и доступным делом и каждый «сам себе фотограф», мастерски выполненные снимки способны оставить глубокий след в душе непрофессионала.

Что для меня Ульяновск? Ульяновск – один из городов, который находится на живописных берегах Волги. С детства я люблю воду, могу непрерывно, часами смотреть на нашу великую реку и думать о прошлом, настоящем и будущем. Водная стихия проникла в мое мироощущение, стимулирует фототворческие устремления и дерзновения.

Волга – это внутренняя мощь, энергия, но в то же время стабильность. Волга может быть бушующей и свирепой, спокойной и умиротворенной. Все эти состояния реки созвучны с состояниями моего эмоционального мира. Работы, представленные здесь, выполнены мной в традиционной композиции. Но, как вы сами можете заметить, некоторые специально кадрированы, чтобы привлечь внимание зрителя к мелким, но важным деталям.

Императорскому мосту через Волгу уже сто лет. Он пережил несколько реконструкций и относится к разряду чудесных творений мысли и рук его конструкторов и строителей. Его история и внешний вид возбуждают воображение. Сколько раз мне приходилось преодолевать, благодаря этому сложному техническому сооружению, водное пространство? А сколько людей перепра-

вил мост через Волгу за целый век его существования? На какое количество мыслей, идей, вдохновляла эта машина? Сколько историй с ним связано? На него всегда нацелены объективы фотокамер. Обычно старый волжский мост снимают с высоты Нового Венца и летом. Я подошла к решению с другой стороны и высоты, а также выбора другого времени года. Не правда ли, весной жители и гости города, словно только что тронувшийся лед, динамичны в чувствах и мыслях. Весна – импульс к пробуждению новой жизни, к творчеству. Человек в творчестве свободен, как чайка в полете.

Ульяновск – единственный город в Поволжье, который может похвастаться двумя грандиозными мостами, соединяющими неблизкие берега, людей и времена. В 2008 г. началась эксплуатация Президентского моста. Любители рыбалки, расположившиеся на Левобережье, между старым и новым мостами через Куйбышевское море, могут любоваться и восхищаться этими инженерными сооружениями, ставшими своеобразными визитными карточками Ульяновска.

Волга – стихийна, разнообразна и многомерна. Бывают состояния, когда все внутри переворачивается. Меняются оттенки и цвета восприятия мира. Мысли соединяются друг с другом, поднимаются ввысь и раскалываются на тысячу мелких частичек. Набегающие волны синхронистичны тактам социального бытия и активности человеческого сознания. Безысходность – надежда, конец – вновь начало, смерть и возрождение, восхождение к духовным высотам и падение в бездну пороков – далеко не полный список накладывающихся друг на друга ритмов и состояний.

Ульяновск – лишь один из городов, раскинувшихся на двух берегах древнего Итиля. Если подняться высоко в небо и посмотреть вниз, то это всего лишь две небольших точки, в треугольнике – области. Для продолжения темы организации зрительного восприятия предлагаю взглянуть на кадр «Водные фантазии». Что вы видите на нем?.. Да, да... это остров и большие рыбы. Но если переключить гештальт фотовосприятия, то перед нами – тающий лед и маленькие рыбешки, которых прикармлили местные рыбаки. Данная фоторобота стимулирует сознание к фантазии, видению непривычного в привычном.

Под водой Волжского водохранилища скрыто много тайн. Кадр «Подводные тайны» напоминает о разрушенных и затопленных церквях и селениях. Возникают ассоциации с другими территориями и населенными пунктами, оказавшимися под водой после постройки гидроэлектростанций на Волге. Буквально разрывает душу судьба г. Мологи, поглощенного Рыбинским водохранилищем. Как бы все же нужно научиться при созидании технических сооружений и комфортных условий для жизнедеятельности людей не вредить и не нарушать доставшийся нам от природы и наших предков природный и социокультурный ландшафт!

С левого берега великой русской реки сделан снимок «Закат на Волге». Игра света, сложное композиционное решение, объединяющее в единое целое

Императорский мост через Волгу. Весна

Рыбалка на фоне Президентского моста

Набегающая волна

Водные фантазии

Подводные тайны

Закат на Волге

Родной Черемшан

Таинство крещения

брызги фонтана, водную поверхность, берега, деревья и силуэты, позволяет передать умиротворенность на фоне заката и полного штиля. Мы не видим лиц людей, но чувствуем, что они выражают радость.

Иногда, сидя на берегу Волги, хочется убежать в детство, на берег реки Черемшан, в мой родной город Димитровград Ульяновской области. Черемшан – приток Волги. Разве можно забыть летний маршрут от лодочной станции до камышей, где мы с моей двоюродной сестрой рыбачили сутками напролет?! Места, которые часто сняты, когда детство уже позади, определяют понятие малой родины. Такие теплые воспоминания – неотъемлемая составляющая нашей идентичности.

Мы выросли. Пришло время крестить детей. Следующая фотография «Таинство Крещения» сделана в церкви Рождества Христова. Она расположена в живописных краях Мелекесского района Ульяновской области, в селе Лебяжье. Здесь запечатлена моя двоюродная сестра – мама новорожденного. С левой стороны от нее – ее родной отец, с правой стороны – свекор. Все они по-своему рады не только факту рождения преемника, но и выбору родителей – провести обряд крещения. Следование традиции – факт актуализации привязанности к родным местам, обычаям и воспроизведение идентичности. Фотографии, сделанные в храме, всегда наполнены каким-то особым теплом. Лучи света падают таким образом, что все помещение наполняется первозданным светом. Этот свет можно увидеть и в глазах главной героини фотокадра.

Фотограф, как и каждый из нас, интерпретирует свой город, регион по-своему и вносит разнообразие в феномен идентичности.

А. Н. Дзикун

ЛИЧНОСТЬ Н. М. КАРАМЗИНА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ УЛЬЯНОВЦЕВ

Немало уже было написано о жизни и наследии Н. М. Карамзина – биографические исследования, работы, посвященные мASONству и описанию политических взглядов Николая Михайловича, исследования творчества как историка и как литератора, и т. д. В общей сложности, количество трудов, посвященных Карамзину, в Ульяновской областной научной библиотеке превышает 1000 единиц¹, что как нельзя лучше указывает на академическую важность личности Карамзина не только в масштабах России, но и в конкретном отдельно взятом регионе.

Говоря о региональном значении личности Карамзина, уместным было бы вспомнить спор о месте рождения Николая Михайловича, начавшийся после

¹ Исходя из подсчета материалов в Ульяновской областной научной библиотеке в 2014 г.

его смерти. Суть спора заключалась в следующем: биограф Н. М. Карамзина Михаил Петрович Погодин, столкнувшись в своей работе с противоречиями, касательно места рождения историка¹, попросил симбирян о предоставлении ему точных данных. Первой на эту просьбу откликнулась Наталья Ивановна Дмитриева, сестра близкого друга Карамзина Н. И. Дмитриева, и сообщила, что Николай Михайлович родился в «селе Михайловке», не уточнив, правда, какого уезда. В следующем номере «Московитянина» Погодин публикует полученные сведения, среди которых было письмо племянницы Карамзина Надежды Никитичны Ознобишной (Философовой) – она писала Погодину, что Карамзин родился «в сельце Карамзике, в 30 верстах от Симбирска». Там же публиковалось и письмо Н. М. Языкова, сообщавшего, что «по сказанию его брата, ещё здравствующего Александра Михайловича», Карамзин родился в Оренбургской губернии, в Бузулукском уезде. И ещё одно письмо от Натальи Ивановны Дмитриевой, проживающей в Симбирске: «... Это истинно, что Николай Михайлович родился в Оренбургской губернии, в селе Михайловка, Преображенское тож». Подборку писем Погодин завершил такой фразой: «Представляем Симбирску отстаивать свои права, если сможет».

В конце XX века исследования продолжились, и на данный момент ульяновские краеведы аргументируют несостоятельность «оренбургской версии» тем, что она, якобы, появилась ещё в 30-х годах XIX века, благодаря Александру Карамзину, пытавшемуся оспорить завещание старшего брата, Василия Михайловича, завещавшего родовое имение Знаменско-Карамзино своей «незаконнорожденной» дочери Ольге Васильевне Ниротморцевой. В свою очередь, приверженцы «оренбургской версии» считают, что свидетельства в пользу Симбирской губернии не содержат такого большого количества семейных преданий и описательного материала.² Пожалуй, на сегодняшний день дискуссия зашла в тупик – приверженцы разных версий стоят каждый на своём. В Ульяновске не допускают возможности оренбургского происхождения историка, а СМИ Бузулука пишут о местном происхождении Карамзина.³ Вероятно, совместный масштабный проект бузулукских и ульяновских краеведов помог бы поиску дополнительных сведений относительно данного вопроса.

Между тем, можно встретить и другие версии о месте рождения Карамзина: село Знаменское Симбирской губернии и село Михайловка Бузулукского уезда Оренбургской (с 1851 года Самарской) губернии, даже несмотря на тот факт,

¹ Истоки спора восходят к выступлению Погодина с «Похвальным словом», приуроченным к открытию памятника Карамзину, в Симбирске в 1845 году. Погодин назвал, не конкретизируя, Симбирскую губернию местом рождения Николая Михайловича. На первом же выступлении Погодина с его «Словом» в доме губернатора, кто-то из слушателей уточнил, что местом рождения историка является село Богородское (родовое имение Дмитриевых в Сызранском уезде Симбирской губернии), на следующий день, сразу после открытия памятника прозвучала и другая версия – деревня Карамзинка (село Знаменское Симбирского уезда).

² См. например: Оренбургские епархиальные ведомости. – 2010. – март. – № 3 (133). – С. 8.

³ См. например: Где родился Карамзин? : предположения и догадки / С. В. Кольчев // Гостинный двор / гл. ред. Н. Ю. Кожевникова. – Оренбург, 2012. – № 40. – С. 284–294.

что сам Николай Михайлович в написанной им в 1805 году автобиографической справке указал место своего рождения: «Симбирская губерния».

Хотелось бы отметить важность самой дискуссии такого рода. Она предлагает нам рассмотреть роль исторической личности, а конкретно Н. М. Карамзина, в формировании региональной идентичности ульяновцев как новый, интересный объект для изучения. По вполне понятным причинам регионы в большей или меньшей степени отстаивают свои права на то, чтобы быть названными родиной великого историка, и чтобы люди, живущие на этой территории, могли называть Карамзина своим земляком. Желание приобщиться к наследию исторической личности на правах её соотечественников – показатель исключительной важности влияния на региональное самосознание граждан как одного из объективных факторов формирования региональной идентичности.

Примером проявления такого самосознания и влияния личности конкретно Н. М. Карамзина можно считать установку ему памятника в 1845 г. – предмет гордости и объект формирования «исторического пространства» жителей Симбирска. Известно, что пространственные объекты формируют историческое самосознание людей¹. И, как результат осознания причастности, стремления к сохранению материальной памяти в советское годы имела место кампания по разрушению культовых сооружений дореволюционной эпохи (согласно ленинскому плану о монументальной пропаганде и вступившему в силу 14 апреля 1918 года декрету СНК РСФСР «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции»), в стране стали складываться новые традиции монументального искусства. После декрета 1918 г. в Симбирске демонтировали памятник Александру II и бюст П. А. Столыпина. Однако «примечательный для Симбирска, а ныне для Ульяновска образец монументального искусства», творение С. И. Гальберга – памятник Н. М. Карамзину² удалось сохранить. Общественность не осталась равнодушной к судьбе памятника. Несмотря на вандалистические по своей природе попытки разобрать его на части («...сбиты верхние окончания штоков ограды, уничтожены два её кронштейна, сделано несколько выколов гранита пьедестала, уничтожена надпись на пьедестале, сняты гайки крепления обоих барельефов, уничтожена позолота верхних окончаний ограды и свинцовая расчеканка швов гранитных блоков»)³, усилиями краеведов, архитекторов и реставраторов памятник был сохранен и восстановлен.

Говоря о «ленинской идентичности», формировавшейся в первой половине XX века, следует отметить, что она носила характер скорее политической пропаганды, обусловленной социокультурными особенностями своего времени, в

¹ Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. – СПб., 2003. – С. 429.

² Сытин С. Л. Историческая справка. О Карамзинском сквере и памятнике Н. М. Карамзину в Ульяновске // Фонды ГИММЗ «Родина В. И. Ленина». НВ-51. – Ульяновск, 1985. – С. 2.

³ Фонды Ульяновского областного управления культуры, № 245. Паспорт на памятник Н. М. Карамзину, 1974. – С. 15.

то время как влияние деятелей науки и искусства на формирование региональной идентичности носит характер скорее академический, что обуславливает некую его ограниченность и медленное распространение на постсоветском пространстве, но имеет особое значение.

В настоящее время в Ульяновске трепетно относятся к сохранению памяти об историке. Многочисленные официальные мероприятия, посвященные Н. М. Карамзину, стремление изучать связь его деятельности и творчества с современным обществом, искать следы влияния на развитие определённых пластов современной культуры в Ульяновске и области – плоды осознания неразрывной связи с исторической личностью. Немаловажно, что региональная идентичность, сформировавшаяся под влиянием личности общегосударственного значения, также возводится в ранг общегосударственной. Для Ульяновска (Симбирска) это означает признание его исторической значимости на общероссийском уровне.

Н. А. Дидковская

ВЛАСТЬ В СИСТЕМЕ АВТОРСТВА КУЛЬТУРНОГО ТЕКСТА ЯРОСЛАВЛЯ: МЕЛЬГУНОВ И ЛОЩЕНКОВ¹

Российская провинция – историческая и современная – обнаруживает значительный потенциал стратегийной самореализации в масштабах городского универсума: личностной, коллективной, глобально-социальной. Жизнеустроительная модель, имеющая идеальную и реальную проекцию, воплощается в провинции не по принципу «золотой середины», а в синхронном и диахронном взаимодействии полюсов. Стратегийные импульсы местной власти, инициированные незаурядными администраторами, во все времена становились наиважнейшим фактором культурного подъема провинции. Ни смены парадигм политического развития, ни даже политических систем не изменили этого извечного принципа сюжетосложения российской провинциальной истории.

Официальный историограф Н. М. Карамзин в «Записке о древней и новой России и её политическом и гражданском отношениях», доказательно и афористично формулируя важнейшие принципы русского политического консерватизма, особое внимание уделил институту губернаторства в системе государственного строительства. Характеризуя правление Екатерины Великой, Карамзин отмечал, что императрица «хотела умозрительного совершенства в законах, не думая о легчайшем, полезнейшем действии оных: дала правила без средств исполнения»². Таковыми «средствами» стали способные, честолю-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ 12-03-00137.

² Карамзин Н. М. Записки о древней и новой России и ее политическом и гражданском отношении. – URL: <http://www.karamzin.net.ru/lib/sb/book/3532> (Дата обращения 22.02.2014).

бивые и преданные лично ей помощники, которым предоставлялся большой простор для действий на местах: «Генерал-губернаторами становились люди, пользовавшиеся безграничным доверием императрицы: например, князь Григорий Потемкин-Таврический или граф Петр Румянцев-Задунайский. Действия генерал-губернаторов, выбранных самой императрицей, не были ограничены законом. Обладая рычагами управления армией и органами правопорядка, генерал-губернаторы могли чувствовать себя полновластными государями на подчиненной им территории. Пороки губернаторской системы не проявились в царствование Екатерины II исключительно благодаря выбору государыней в качестве наместников действительно способных и талантливых людей»¹. Закономерно, впрочем, и другое: именно целеустремленный талант просвещенной местной власти стремительно и радикально преобразовывал провинциальную культуру, оставаясь ее вдохновителем и хранителем на отпущенный историей срок.

Прямая зависимость динамики культурной жизни Ярославского региона от личности его правителей отмечается и анализируется многими краеведами². Идеалом администратора-преобразователя поистине демиургического масштаба традиционно и совершенно закономерно признан А. П. Мельгунов, с которого началась история ярославской губернии. Ее кульминацией в XX веке, – в трансформированных географических границах (при Мельгунове в Ярославское и Вологодское наместничество входило 12 уездов; теперь эти территории входят в состав Ярославской и трёх соседних областей) и в пространстве уже другой, советской страны, – стал период пребывания на посту Первого секретаря Ярославского областного комитета КПСС Ф. И. Лощенкова.

Исследование коллективных и личностных культурных стратегий ярославской провинции в исторической ретроспективе и на современном этапе позволяет утверждать, что эпицентрами созидательных импульсов, обладающими глубокой укорененностью в культуре городского универсума, масштабностью и разнообразием интеракций, являются две компоненты провинциального культурного локуса: образование и искусство.

Что касается обращения к конкретным институтам, то школа, университет, театр, музей – «кафедры разумного и доброго» – репрезентативные и универсальные структуры. Причем и учреждения культуры, и учреждения образования могут рассматриваться как в качестве акторов, так и в качестве среды коллективных и индивидуальных стратегийных акций.

В деятельности действительного тайного советника Алексея Петровича Мельгунова, наместника края с 1777 по 1788 год, воплотилась идея просвещенной монархии, свободной от тирании, приверженной «гармонии и разумному закону». Властные полномочия в сочетании с культурными увлечениями и опытом дали впечатляющий результат: Ярославский генерал-губернатор Алексей Петро-

¹ Трифонов А. Г., Межуев Б. В. Генерал-губернаторства в Российской системе территориального управления // ПОЛИС. – 2000. – № 5. – С. 22.

² См., например: Марасанова В. М., Федюк П. Г. Ярославские губернаторы 1772–1917 гг. Историко-биографические очерки. – Ярославль: Изд-во ЯРГУ, 1988.

вич Мельгунов осуществляет в городе и крае проект масонского просвещения, «укореняя» масонскую ложу и реализуя культурные и социальные инициативы, широко занимаясь благотворительностью. «Мельгунов пытался реализовать идеал просвещенной монархии и масонскую мечту о гармоничном обществе. Он стремился исполнять роль просвещенного монарха-философа на троне. Вся деятельность такого властителя просветлена разумом. Монарх приводит жизнь к мудрому и ясному закону. Он исходит не из своих личных пристрастий, а из духа и буквы фундаментального законодательства. Монарх способствует исполнению всеми сословиями и каждым человеком своих обязанностей, а при нужде вершит справедливый суд и оказывает милосердную помощь нуждающимся. <...> В стратегическом проекте Мельгунова синтезированы основные культурные идеалы его эпохи. Разумное и справедливое управление должно было привести к благоустройению края и нравственному просветлению общества»¹.

Мельгунов начинает реформаторскую деятельность с целенаправленного изучения вверенной его попечению территории: ее географии и истории, экономического потенциала. Центром наместничества в 1777 году избирается Ярославль: сюда из Ростова переносится кафедра епархии, здесь формируется структура городского сословного самоуправления, находящаяся отныне под контролем наместника, утверждается первый регулярный план застройки главного города губернии, появляется первая в русской провинции типография, уникальный для тогдашней российской провинции Дом призрения ближнего для детей-сирот и стариков, первый в стране провинциальный ежемесячный журнал – орган масонского просвещения «Уединенный пошехонец». Заботами губернатора стремительно развивается экономика края: в конце века в Ярославле насчитывалось 180 фабрично-заводских предприятий.

Ближний круг Мельгунова, разделявший с ним гуманистические идеалы масонства, энергично реализует многочисленные направления универсального культурного проекта: редактор «Уединенного пошехонца» В. Санковский, член Российской Академии ростовский архитектор С. Миславский, ректор ярославской семинарии, настоятель Спасского монастыря И. Быковский, директор Дома призрения ближнего С. Соковнин, владельцы ярославской типографии А. Хомутов, Н. Уваров, Н. Коковцев.

Мельгунов продолжил театральное дело, начатое Федором Волковым. Наместник уже давно, со времен службы в Шляхетском корпусе, был увлечен театром. Его единомышленники, в представлении которых театр являлся средством человеческого усовершенствования, активно поддерживают его на этом поприще, в том числе драматургическими и актерскими опытами. Однако даже на фоне всего грандиозного переустройства «провинциального мира» в масштабах губернии особенно заметна стратегия, направленная на утверждение институтов народного образования. Мельгунов начинает и завершает губернаторское служение весьма символическими актами: в 1777 году

¹ Ермолин, Е. А. Мельгунов и масонское Возрождение в Ярославле // Ярославский стиль. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2007.

в Ярославле основано училище для дворянских детей (дворянская гимназия) и народная школа при городской богадельне (городовая школа), а 22 сентября 1786 года открылось Главное народное училище для детей всех сословий (только 37 из 66 первых учеников были дворянами) и Дом призрения ближнего, в котором обучались 56 мальчиков и 24 девочки¹.

Внимание к сфере, где происходит формирование и воплощение культурных стратегий, логично для провинции, как и для России в целом: образованный человек любит искусство, образование, в России есть сфера и процесс, связанные не только с приобретением знаний, но и с формированием личности, обладающей эстетическим вкусом и эстетическими потребностями. В то же время искусство в России есть особая сфера духовно-практической деятельности, ориентированная не только на создание художественных ценностей, но и на формирование тонкой, отзывчивой к красоте, добру и истине личности. Таким образом, взаимодействие образования и искусства, традиционно значимое для российской провинции, укоренено в ментальном и социокультурном опыте.

Двести лет спустя культуроцентричная ориентация власти в лице руководителя Ярославской партийной организации КПСС Ф. И. Лощенко придала новые качественные измерения социокультурной сфере города и региона. При нём был заложен промышленный потенциал, который и сегодня обеспечивает экономическую устойчивость Ярославской области: модернизирована промышленность, построен НПЗ, Речной вокзал, заложены спальные районы – Заволжский, Дзержинский, а также Московский проспект. Однако анализируя четверть века пребывания на посту «наместника», можно утверждать, что Лощенко парадоксально обращался к иным значимым событиям: «открыт Театр юного зрителя, пять новых вузов, а число музеев выросло вдвое»². Эти «открытия» осознавались советским функционером вполне в духе «мельгуновского возрождения», хотя преподносились в специфической «номенклатурной» риторике: «Не просто завод, школу построить, университет открыть, но этим преобразить жизнь, создать новые условия, новую культуру – и быта, и души»³.

Находясь при власти, Лощенко постоянно добивался строительства и реорганизации вузов. Однако это происходило «при возражении и сопротивлении Министерства высшего образования... Трудности возникли в связи с реорганизацией Ярославского технологического института в политехнический. Как известно, Ярославль – город большой химии. Здесь находятся шинный, нефтеперерабатывающий, два лакокрасочных, три резинотехнических завода, заводы синтетического каучука, асбестотехнических изделий и ряд

¹ Марасанова В. М., Федюк П. Г. Ярославские губернаторы 1772–1917 гг. Историко-биографические очерки. – Ярославль: Изд-во ЯРГУ, 1988. – С. 76.

² Лощенко Ф. И. От Сталина до Горбачёва: жизненные наблюдения. – Ярославль: Изд-во ЛИЯ, 2000. – С. 51.

³ Лощенко Ф. И. Портрет в обрамлении времени. – Ярославль: Изд-во ЛИЯ, 2006. – С. 13.

научно-исследовательских институтов. Для всего этого комплекса народно-хозяйственных объектов необходимы были соответствующие кадры, которые и готовил Ярославский технологический институт. Но в связи с развитием научно-технического прогресса, ростом и усовершенствованием производства в области появилась настоятельная потребность в подготовке высококвалифицированных инженеров по следующим специальностям: радиоэлектроника, машиностроение, строительство дорог и жилья, мелиорация земель и т.д. Для решения этой задачи необходимо была реорганизация ЯТИ. И тут возникла проблема: или создать несколько мелких институтов, каждый из которых вел бы подготовку кадров по одной-двум специальностям, или создать один крупный политехнический институт с концентрацией здесь высококвалифицированного преподавательского состава, современным учебно-лабораторным оборудованием и комплексом социальных объектов. Споров было много, но предпочтение получил последний вариант. Министерство высшего образования сопротивлялось реорганизации ЯТИ, и поэтому решать этот вопрос было непросто»¹. Сегодня краснокирпичные стены ЯГТУ стали частью несущей конструкции промышленно-технологического корпуса ярославской экономики.

Идея классического университета как центрирующего элемента культурного ландшафта Ярославля материализовалась в истории города трижды: попечением ярославского дворянина, статского советника П. Г. Демидова в 1805-м (Ярославское училище высших наук, имеющее «одинаковую степень с университетом и все преимущества оно»), декретом председателя Совета Народных Комиссаров РСФСР В. И. Ленина в 1918-м, упорством первого секретаря Ярославского обкома КПСС Ф. И. Лощенкова в 1970-м. Первые две попытки имели кратковременный успех: это был «миражный» университет, не отвечавший чаяниям его создателей и запросам потенциальных потребителей. Лишь Лощенкову удалось окончательно закрепить за Ярославлем статус университетского города. Подготовка открытия вуза интригует детективными хитросплетениями: безрезультатные походы руководителя области в Министерство высшего образования РФ и Совет Министров РФ, аудиенция Лощенкова у Л. И. Брежнева, положительная резолюция генсека, скандальный отказ Совмина СССР, эмоциональное обращение к А. Н. Косыгину, его решительное вмешательство наперекор десяти запретам разных ведомств и, наконец, первый набор².

¹ Размолодин М. Эпизоды из жизни и деятельности Ф. И. Лощенкова. – Ярославль, 1995. – С. 85.

² Интервью Ф. И. Лощенкова 20 окт. 2000 г. – URL: <http://old.uniyar.ac.ru/index.php/> (Дата обращения 22.02.2014). Лощенков так передает исторический разговор с Брежневым о судьбе классического университета в Ярославле: «Я говорю: "Мы просим возродить Ярославский государственный университет в городе Ярославле." "А декрет Ленина, говорит, есть?" Я говорю: "Да есть." Подаю ему копию. А там было написано примерно следующее: "В ознаменование первой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, раскрепостившей народ и предоставившей доступ простых людей к науке и знаниям, на базе юридического лицея создать в Ярославле государственный университет. [подпись:] Ульянов-Ленин." Он почитал этот декрет и говорит: "Здорово написано. Я с вами согласен. Я поддерживаю ваше предложение».

Обретение городом университета, подчеркивает его главный радатель, совершалось как акт коллективного творчества: «Все – строительные организации, предприятия, институты, общественные организации включились в это дело <...> Мы делали все сами, силами города <...> Денег у государства не просили. Только разрешения. Это было дело чести»¹.

Несводимость, несопоставимость даже в логике метафорического сравнения России государевой и советской, провинции наместника и первого секретаря преодолевается непреходящим культом сильной, наделенной властью личности, просвещенной хотя бы настолько, чтобы сознавать ценность плодов культуры и образования. Реальная необходимость перемен и их ментальная целесообразность в российской провинции всегда воспринималась как фатальное противоречие. Именно взаимодействие личных и коллективных жизнеустроительных интенций, являющихся константами провинциального бытия, и культурных стратегий, являющихся для провинции прецедентными проявлениями жизнотворчества, тем более, если их демонстрирует незаурядная личность, обладающая значительным властным ресурсом, определяет онтологический статус феномена российской провинции.

О. А. Пивцайкина, С. В. Сульдина

ИЛЬЯ ВАСИЛЬЕВИЧ СЕЛИВАНОВ: ХРОНИКА УЕЗДНОГО ГОРОДА ГЛАЗАМИ ОБЫВАТЕЛЯ. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ЗАРИСОВКИ г. САРАНСКА XIX в.

Имя писателя Ильи Васильевича Селиванова на сегодняшний день почти забыто, однако в середине XIX в. его творчество пользовалось успехом у читающей публики. Будучи представителем эпохи обличительного жанра, он не заслужил большой популярности в среде литераторов, хотя некоторые критики ставили его имя вслед за М. Е. Салтыковым-Щедриним². Тем не менее, творческая и жизненная биография писателя представляет большой интерес для краеведческой науки. Судьба И. В. Селиванова на протяжении ряда лет была связана с мордовским краем: здесь проходила его служба, здесь им были почерпнуты основные материалы к его литературным произведениям. Особую ценность представляют такие работы автора, как «Провинциальные воспоминания. Из записок Чудака» и этнографический очерк «Мордва». Они раскрывают широкую историко-художественную картину общественного быта региона первой половины XIX столетия.

¹ Интервью Ф. И. Лощенкова 20 окт. 2000 г. ...

² См.: Воронин И. Д. Литературные деятели и литературные места в Мордовии. Изд. 2-е, дополненное. – Саранск, 1976.

Илья Васильевич Селиванов¹ родился 16 июля 1810 г. в селе Любава Зарайского уезда Рязанской губернии (ныне территория Луховицкого района Московской области). По меркам своего времени И. В. Селиванов получил блестящее образование: в детские годы он учился в частном пансионе д-ра Кистера в г. Москве, в 15-летнем возрасте был принят на юридический факультет Московского университета, который в правительственных кругах николаевской России считался рассадником вольнолюбивых идей. Затем в разные годы он состоял на гражданской службе в Москве и Петербурге.

В сентябре 1838 г. И. В. Селиванов сочетался браком с Верой Фавстовной Маковой². В приданое за женой получил имение село Малое Маресево Саранского уезда Пензенской губернии (ныне Чамзинский р-н Республики Мордовия) с 219³ душами крепостных. Туда супруги и переселились вскоре после свадьбы. Так волею судьбы Илья Васильевич оказался в Саранске.

Обосновавшись в мордовском крае, Илья Васильевич оказался в кругу сторонников реформ, здесь он сдружился и поддерживал связь с передовыми деятелями России. Он был хорошо знаком с декабристом, предводителем дворянства А. А. Тучковым, проживавшим главным образом в г. Инсаре, сблизился поэтом-революционером Н. П. Огаревым, проживавшим в с. Ст. Акшино (ныне Старошайговского р-на республики Мордовия), породнился с высокочиновными дворянами этой округи Желтухиными. При встречах саранские друзья нередко обсуждали политические вопросы. Несомненно, общество новых знакомых оказало влияние на взгляды Селиванова: среди губернского окружения он прослыл либералом и вольнодумцем. И. В. Селиванов в конце 1830-х – 1840-е гг. отличался левыми настроениями: он откровенно выступал против чиновничьего произвола и мздоимства, сочувственно относился к крепостным и высказывался за необходимость отмены крепостного права.

Однако Селиванов в отличие от Огарева и его соратников не приветствовал революционный путь развития России. Он твердо был уверен, что действительность сама определяет пути решения. В России же Селиванов не видел никакого другого поприща деятельности, помимо казенной службы, и утешал себя надеждой быть на этом поприще полезным народу. В основе такой наивной надежды лежала вера в то, что государственная власть и обслуживающий

¹ При изложении биографии В. И. Селиванова использованы материалы: Воронин И. Д. Литературные деятели... – Саранск, 1951. – С. 62–74; Его же: Литературные деятели... – Саранск, 1976. – С. 104–122; Селиванов И. В. Записки дворянина-помещика, бывшего в должности предводителя, судьи и председателя // Русская старина. – 1880. – Т. 28. – Июнь. – С. 286–316; – Июль. – С. 477–484; – Авг. – С. 725–752. Его же. Записки Ильи Васильевича Селиванова // Русская старина. – 1880. – Т. 29. – Дек. – С. 851–890; 1881; – Т. 31. – Авг. – С. 531–546; 1882. – С. 625–636; Селиванов В. В. Предания и воспоминания. – СПб., 1881; Селиванов А. В. Род дворян Селивановых // Сочинения Василия Васильевича Селиванова. – Владимир, 1902. – С. 394–362; Лебедев Ю. В. В кругу «Современника» // И. В. Селиванов. С. Т. Славутинский. Из провинциальной жизни. – М., 1965.

² См.: Селиванов А. В. Указ соч. С. 394–362. С. 349–362.

³ См.: Козьмин Б. П. Селиванов и его письмо из революционной Франции 1848 г. // Литературное наследство Т. 67: Революционные демократы. – М., 1959. – С. 574. (Сам И. В. Селиванов пишет о 250 душах см.: Селиванов И. В. Мордва // Журн. землевладельцев. – 1958. – Т. 2. – № 8. – С. 59).

ее аппарат является силой, стоящей выше общественных классов, не зависящей от них и потому способной действовать против интересов господствующего класса на благо угнетенного народа¹. Это убеждение определило всю дальнейшую жизнь Селиванова. Он решил служить обществу и приносить ему пользу, став из помещика чиновником. И в конце 1839 г. титулярный советник Илья Васильевич Селиванов местным уездным дворянством был избран на должность уездного судьи². На новой службе Селиванов вел работу соответственно его представлениям о морали и справедливости, что нередко шло вразрез с общепринятыми законодательными правилами³. Чаша терпения губернского начальства была переполнена, и строптивому чиновнику указали на дверь. В апреле 1842 г. Селиванов добровольно покинул пост уездного судьи⁴.

После ухода с должности уездного судьи Илья Васильевич некоторое время служил чиновником особых поручений в Москве⁵. В 1845 г. он вновь вернулся в Саранский уезд, где проживал в своем имении вплоть до 1850 г., иногда выезжая в Москву и за границу. Появившееся свободное время он посвятил составлению некоторых литературных набросков, где «в сатирическом духе» обличал пороки своего времени.

В 1848–1849 гг. И. В. Селиванов вместе со своими саранскими приятелями проходил по громкому уголовному делу. А. А. Тучков, Н. П. Огарев и Н. М. Сатин обвинялись в коммунизме денежном и матримониальном и либерализме, Селиванов же, замеченный в их окружении, обвинялся в вольнодумстве, а также в участии в баррикадных боях в революционной Франции 1848 г.⁶ В результате разбирательства И. В. Селиванов за «превратный образ мыслей, выраженных в литературных произведениях и частной переписке» был сослан в Вятку.

После окончания срока ссылки в 1851 г. Селиванов снова на службе в Москве. В эти годы он особенно много писал, благо материала хватало, активно сотрудничал с революционно-демократическими журналами «Искра», «Век».

В 1857–1860 гг. выходит в свет главное произведение в творческой биографии публициста – «Провинциальные воспоминания» в трех частях. С выходом этой работы к автору приходит настоящая известность. Однако, многие критики отмечали в работе Селиванова копирование стиля М. Е. Салтыкова-Щедрина, а потому его нередко называли подражателем⁷. Так, Н. А. Добро-

¹ См.: Козьмин Б. П. Указ соч. С. 578–579.

² См.: ЦГА РМ (Центральный государственный архив Республики Мордовия). Ф. 15. Оп. 1. Д. 324. Л. 1.

³ См.: Сульдина В. С., Пивцайкина О. А. «Я жил больше сердцем...» Из судебной практики господина уездного судьи И. В. Селиванова // Центр и периферия. – 2012. – № 1. – С. 14–23.

⁴ ЦГА РМ Ф. 15. Оп. 1. Д. 347. Л. 372–372/об., 391.

⁵ См.: Селиванов И. В. Записки дворянина-помещика... – Т. 28. Август. – С. 727.

⁶ См.: Черняк Я. З. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве (Дело Огарева – Панаевой). По архивным материалам. – М.- Л., 1933. – С. 151–152.

⁷ Иванов-Разумник Р. В. М. Е. Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество. 1826–1868. – Ч. 1. – М., 1930. – С. 144.

любов упоминает очерки И. В. Селиванова в одном ряду с произведениями М. Е. Салтыкова-Щедрина и Мельникова-Печерского¹. Н. Г. Чернышевский и Н. А. Некрасов ценили его произведения за резкость и остроту и даже ставили их в один ряд с «Губернскими очерками» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Вот, например, отрывок из письма Н. Г. Чернышевского к Некрасову от 5 ноября 1856 г.: «...„Отеч. зап.“ и „Русский вестн.“ дали последние номера решительно пустые: в „Отеч. зап.“ равно ничего нет, в „Р. в.“ только „Губернские очерки“ Щедрина (Салтыкова, автора „Запутанного дела“) – это вроде „Воспоминаний чудака“ Селиванова...»². Затем он же в письме к Некрасову от 13 февраля 1857 г. охарактеризовал очерки И. В. Селиванова так: «Плохо, разумеется, со стороны таланта и ума, но эффектно и выгодно по своей резкости»³. Одновременно в журналах «Библиотека для чтения» и «Отечественные записки» творчеству И. В. Селиванова была дана беспощадная характеристика со стороны художественной формы. Причем «Отечественные записки» критиковали «сухие прозаические», похожие на «дело», рассказы И. В. Селиванова⁴.

Тем не менее рассказы пользовались популярностью. «В настоящую минуту Щедрин, и даже Селиванов – любимцы публики. Издание Щедрина разошлось, а Селиванову за отдельное издание его рассказов предлагают хорошие деньги»⁵. В объявлениях об издании «Современника» во второй половине 1850-х гг. имя И. В. Селиванова всегда попадало в круг «писателей, постоянно пользующихся особенной благосклонностью публики»⁶ и упоминалось вместе с именами П. И. Мельникова-Печерского, А. Н. Островского, И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого и др.⁷

Интерес публики к «Провинциальным воспоминаниям» во второй половине 1850-х гг. определялся, в первую очередь, не художественными достоинствами работы, а ее объективным звучанием. В художественной призме этого произведения отразились глубокие сдвиги русского общественного сознания в годы начинавшегося «переворота» в судьбе страны. Особенно хороша была первая часть. Она привлекала социальной остротой сюжета, непосредственной живостью изложения, жизненностью изображенных ситуаций. Наблюдательность автора и юмор придавали его рассказам занимательность и были доступны самому широкому кругу читателей. Подобный успех среди читателей был связан с тем, что большинство сюжетов автором было взято из реальной жизни, с чем непосредственно мог столкнуться каждый провинциальный обыватель. Первая часть «Воспоминаний» была полностью посвящена Саранску, который автор метко обозначил городом Картолюбовым за излишнее пристрастие его

¹ Добролюбов Н. А. // Полн. собр. соч.: в 9 т. Т. 3. – М.-Л., 1962. – С. 287.

² Чернышевский Н. Г. // Полн. собр. соч.: в 15 т. Т. 14. – М., 1949. – С. 313, 326.

³ Там же. С. 340.

⁴ См.: Революционная ситуация в России. 1859–1862 гг. Т. 1. – М., 1960. – С. 264.

⁵ Из Парижского архива И. С. Тургенева. Т. 73, кн. 2: Иван Сергеевич Тургенев. – М., 1964. – С. 122.

⁶ «Московский вестник» // Русский вестник. – 1859. – Т. 19. – С. 190.

⁷ См.: Об издании «Современника» в 1868 году // Современник. – 1860. – № 11. – С. 1–2.

обитателей к азартным играм. Вторая часть «Воспоминаний» также вобрала в себя сюжеты из жизни уездного города, сюда же был добавлен ряд мистических рассказов и размышлений. Третья часть, вышедшая в 1860 г., была связана уже с московским периодом жизни автора. Таким образом, в целом «Провинциальные воспоминания» представляют собой художественно переработанную автобиографию писателя. Этот вывод сделан на основе сопоставления личных воспоминаний писателя и архивных материалов, извлеченных из фондов ЦГА РМ¹.

Каждый очерк И. В. Селиванова посвящен, как правило, изучению какого-либо одного характерного явления из быта российской провинции. Характеристика этого явления или образа, начавшаяся в данном очерке, в нем же и завершается: биографии чиновников-взяточников и чиновников-администраторов в разделе «Уездные чиновники», «Опекунское управление»; история арестанта в повести «Не помнящий родства»; женские судьбы в рассказах «Портрет», «Женская месть»; крестьянская доля раскрывается в «Полесовщиках» и «Тетерникове». Во всех них дается ряд правдивых картин, показывавших вырождение дворянства, произвол местных властей, злоупотребления купечества, деспотизм помещиков, а также характерные бытовые зарисовки из жизни Саранского уезда.

При всем тематическом и жанровом разнообразии «Воспоминания» при общем взгляде на них не распадаются на отдельные «монографические» характеристики, а как бы сливаются в единое масштабное произведение. Подобное впечатление создается не вопреки авторскому замыслу, а, напротив, в полном соответствии с ним. «Воспоминания» были задуманы не как сборник отдельных произведений, а как работа крупной формы, подчиненная целостному замыслу и единой композиции. Главное, что объединяет произведения, входящие в цикл «Провинциальных воспоминаний», – это два основных действующих лица: российская провинция, которую И. В. Селиванов вывел под различными названиями: «город Картолюбов», «Мочалин», «Малиновская губерния», «Чернушкинский» и «Зазнобинские» уезды и т. п., и обозреватель его нравов – некий Чудак.

Определяя общие черты рассказов и повестей И. В. Селиванова, следует обратить внимание на галерею социальных типов, которую выстраивает писатель, что позволяет назвать эти произведения настоящей энциклопедией российской провинции с ее духовным оцепенением и застоем. В этих мелких, но художественных произведениях он выводит героев различных слоев дореформенного общества. Здесь народные типы и высший свет, горожане и купечество, преступники и чиновники.

Российское чиновничество, пожалуй, занимает особое место в «Провинци-

¹ Пивцайкина О. А., Сульдина Л. В. Российская провинция в творчестве И. В. Селиванова // Социокультурные традиции Поволжья и Приуралья в контексте интегративных связей. Материалы Международной научно-практической конференции – Надькинские чтения. – Саранск, 22–24 марта. – С. 102–106.

альных воспоминаниях». Длинный ряд мелких администраторов, взяточников, старых приказных «крючков» проходит перед читателем. Можно сказать, что само повествование по большей своей части посвящено России чиновничьей. У автора образы имели реальные прототипы. И этот подчеркнутый натурализм делает зарисовки И. В. Селиванова особенно ценными и интересными для нас, т. к. дает возможность прочувствовать эпоху. Понятие «чин» в российской имперской культуре имело самодовлеющий и почти мистический характер. Еще А. С. Пушкин констатировал: «Чины сделались страстию русского народа»¹. Шеф жандармов А. Х. Бенкендорф в докладе императору в 1827 г. признавался, говоря о чиновниках: «...они-то и правят...»². У И. В. Селиванова особенно ярко значение чина просматривается в рассказе «Почтовая станция», где станционный смотритель в неприкрытой форме рассуждает о чинах и о привилегиях, им полагающихся. По мнению автора, подобная градация породила другое социальное зло – взяточничество. Всякий чиновник старается взять больше. Источник всех этих злоупотреблений писатель видел в «желании жить выше средств»³. Таким образом, чиновник И. В. Селиванова это почти всегда самодур и взяточник, видящий в своей службе лишь средство достижения какой-либо корыстной цели.

Автором довольно широко представлена и картина крестьянско-крепостного быта. Где-то рассказы полностью посвящены этому вопросу («Полесовщики», «Перевоз», «Камень», «Обыкновенный случай», «Волостной голова»), а где-то автор лишь затрагивает эту тему мимоходом («Тетерников» и «Почтовая станция»). Во всех них указывается на угнетенное и несправное положение крестьян, жестокость помещиков и произвол властей по отношению к крепостным. В них писатель дает зарисовки конкретных фактов и лиц, но нередко он поднимается и до художественных обобщений. Занимая должность уездного судьи и проживая в своем поместье, И. В. Селиванов мог детально ознакомиться со сложившейся ситуацией. Полное бесправие крестьян перед хозяевами дополнялось еще и их бесправием перед законом. Возмущенный подобной обстановкой, Селиванов отразил это в своих рассказах. Здесь и невинно пострадавшие Степан и Никита из «Полесовщиков», которые вынуждены за неимением средств исполнять повинность полесовщиков и из-за несовершенства законодательной базы нести наказания за чужие преступления; и несчастный холоп Ванька, терпящий унижения из-за сумасбродства барина («Почтовая станция»); и жители села Горок, которые терпеливо сносят произвол и наглые поборы судейских чиновников только потому, что на территории их села было найдено мертвое тело («Обыкновенный случай»); больные сироты и дети неимущих крестьян, вынужденные идти в

¹ Цит. по: Цейтлин А. Записка Пушкина о народном воспитании // Литературный современник. – Л., 1937. – С. 277.

² Цит. по: Троицкий И. III отделение при Николае I. – Л., 1990. – С. 29.

³ Селиванов И. В. Провинциальные воспоминания. Из записок чудака. В 3-х ч. Ч. 2. – М., 1857. – С. 346.

рекруты из-за их бедственного положения («Волостной голова»); и крестьяне, обманутые чиновниками «Картолюбского уезда» ради собственной наживы («Бездежные паспорта»).

Произведения И. В. Селиванова представляют особую ценность с точки зрения изучения дореформенной судебной системы России. С определенной долей субъективизма автор представил обстановку, царившую в провинциальном суде. Обладающий высокоморальными взглядами на государственную службу, И. В. Селиванов в сатирическом духе делает зарисовки из своей служебной практики: старый суд со своими обещаниями, приговаривавший невинного человека, разорявший его на всю жизнь, а рядом другого, более предусмотрительного, отпускавший чуть ли не с наградой, т. е. с такими «ограничениями» в правах, которые для всякого были бы благодеянием («Волчья долина», «Собственное сознание», «Полесовщики», «Вор»).

Воспоминания И. В. Селиванова, пожалуй, можно назвать и одним из первых русских детективов. Рассказы «Два убийства», «Собственное сознание», «Вор», «Необыкновенный случай», «Замечательное психологическое явление», «Волчья долина», «Полесовщики» выстроены в лучших детективных традициях и до последнего держат читателя в напряжении, заставляя теряться в догадках. Помимо развития детективной сюжетной линии, И. В. Селиванов как человек, хорошо знакомый со следственной системой, наглядно отразил процесс расследования уголовных дел. Здесь и описание следственных мероприятий (допрос, очная ставка, сбор улики и т. п.), здесь же наглядно показана психология следователя и подозреваемого. Причем в числе последних выведены различные типы: и непонимающие всех хитросплетений уголовного процесса, простодушно верящие в честность законников (Афоня из «Собственного сознания», Никита и Степан из «Полесовщиков»); и мошенники, не раз попадавшие под наблюдение правоохранительных органов, но при этом всегда изворотливо избегающие наказания (Иван Никитич из «Собственного сознания», Николай Иванов по прозвищу Голован из «Волчьей долины», Ваточное пальто из «Вора»); и темные личности, верящие в свое право решать судьбы других людей (Машка из рассказа «Два убийства», Лизавета из «Замечательного психологического явления»).

Писатель показал и судьбы женщин, их несправное положение. Простые женщины и светские дамы объединены общей участью – бесправием и полной зависимостью от своего господина. В рассказе «Портрет» И. В. Селиванов описывает несчастную судьбу Елены, не понятую своим мужем, который считает, что основное назначение женщины – повиновение супругу, женщина для него неразумное дитя, которое нужно постоянно воспитывать. В очерке «Горничная» описывается неземная любовь горничной Агаши к барину, которому тоже она была не безразлична, но из-за сословного неравенства у них не было будущего. Совсем другая предстает перед нами Зинаида Павловна из «Женской мести». Обманутая в лучших своих чувствах, она мстит со всем

коварством, присущим женской натуре. Более сложная судьба крестьянки: вынужденная терпеть беспросветную нужду, она постоянно испытывает унижения и в своей семье (Аксинья из рассказа «Два убийства», солдатская мать из «Почтовой станции»). Однако писатель всегда восхищается ими, все его женские описания овеяны светлой грустью и чувством прекрасного.

Несмотря на то, что писатель обращал внимание на различные недостатки современной ему действительности, он обличал незначительные пороки, лежавшие на поверхности человеческой природы, выявление которых не требовало глубокого анализа. В числе этих пороков – невежество, чинопочитание, незнание человеком своих обязанностей и т. п. Путь избавления от социальной несправедливости писатель видел в нравственном усовершенствовании человека: «...многое у нас еще пахнет Азией, – рассуждал он, – и исчезнет только тогда, когда, благодаря благородным усилиям правительства и благоразумной свободе слова, зло будет оглашаться и в журналах, и в книгах, и на сцене, и в обществе...»¹. «Единственное средство против подобного порядка вещей, – продолжает автор, – есть общественное мнение <...> И тем более важно общественное мнение, что через него, и только через него, может улучшиться общество, ибо общее мнение есть ничто иное, как самосознание этого общества»². Таким образом, обличительные тенденции в произведениях И. В. Селиванова имели либеральный оттенок³

Более детальная картина крестьянского быта представлена И. В. Селивановым в этнографическом очерке «Мордва». Это одно из немногих произведений в отечественной литературе, где с предельной правдивостью показана картина мордовской деревни. Здесь автор передает свои наблюдения, сделанные им в Малом Маресево в 40-х гг. XIX в. Очерк имеет большое познавательное значение. Это одно из ранних литературных описаний крепостной мордвы, которая почти не отражалась в художественной литературе дореформенного периода. Показывая нужду и страдания бедных людей мордовской деревни, И. В. Селиванов отмечал, что этому способствовали невежественные чиновники и безжалостные помещики, которые безнаказанно грабили и притесняли народ. Между тем, И. В. Селиванов одновременно отмечал «подвижную и широкую» натуру мордвы, писал, что «это народ красивый и добрый», «народ промышленный и не любящий сидеть дома», считавший «хлебопашество основанием своего благосостояния, главным промыслом». Внимательный и доброжелательный взгляд литератора отметил, что жившие вокруг него мордовские крестьяне «неглупы от природы», что и в их «неразвитых натурах лежит иногда глубокое, неподдельное чувство»⁴. Из поля зрения писателя не выпали и факты, раскрывающие тягу мордвы к грамотности и культуре.

¹ Селиванов И. В. Провинциальные воспоминания. Из записок Чудака. В 3-х ч. Ч. 2. – М., 1857. – С. 345–346.

² Там же. С. 350.

³ См.: Перевалова Е. В. Журнал М. Н. Каткова «Русский вестник» в первые годы издания: Литератур. позиция: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1998.

⁴ Цит. по: Савин О. Указ. соч. С. 59.

Очерк, разумеется, не лишен некоторого субъективизма, ряд наблюдений носят случайный характер, и некоторые явления получили одностороннюю оценку, но большинство зарисовок из жизни мордовской деревни даны реалистически.

Необходимо отметить, что Илья Васильевич отображал не только неприглядные стороны в жизни местного края, он зорко подмечал и ростки нового, появление талантов на фоне культурной отсталости и крепостнического произвола. В 1841 г. он создал очерк «Театр в Саранске», напечатанный в журнале «Пантеон русского и всех европейских театров»¹.

Главный герой – молодой провинциальный 22-летний актер Быстров, поражающий публику блеском своей игры. Этот человек, наделенный самобытным талантом, зарабатывал только на «дневное пропитание». Очерк проникнут глубоким сочувствием к подобным самородкам, выходцам из российской бедноты, сожалением, что они лишены возможности получить образование.

В заключение стоит отметить, что работы И. В. Селиванова не претендуют на то, чтобы составить золотой фонд российской литературы, это были, как сказали бы сейчас, рассказы-однодневки. Тем не менее, именно они воссоздают эпоху того времени. Опираясь на наблюдения писателя, современные исследователи смогли раскрыть некоторые особенности развития региона в первой половине XIX в., что послужило основой для разработки вопросов регионально-исторической науки².

Д. С. Щукин

А. И. ПАЛЬМ – ПИСАТЕЛЬ И ПЕТРАШЕВЕЦ

Литературное творчество писателя и драматурга А. И. Пальма сейчас известно разве что профессиональным исследователям. Однако во второй половине XIX в. его имя звучало в демократических литературных кругах. Александр Иванович Пальм родился в городе Краснослободск Пензенской губернии 28 декабря 1822 г. Отец Пальма – Иван Христианович, дворянин немецкого происхождения, был лесничим, а затем, дойдя до титула коллежского асессора, служил чиновником по особым поручениям Вятской казенной палаты. Мать, Анисья Алексеевна Летносторонцева, была крепостной, выкупленной на волю сразу после рождения первого сына. У А. И. Пальма было еще два брата: один служил в егерском полку, другой был художником. Биография Александра

¹ См.: Селиванов И. В. Театр в Саранске // Пантеон русского и всех европейских театров. – 1841. – № 5. – С. 30–33.

² См.: Воронин И. Д. Избранное. – Саранск, 2005. – С. 286–289; Тараканова Н. Г. Судебная реформа 1864 г. в российской провинции. – Саранск, 2009; Панин Е. Е. Уездные суды Российской империи в первой половине XIX века (по материалам мордовского края): дисс. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2006.

Ивановича достаточно типична для представителя мелкого провинциального российского дворянства той эпохи. Семья Пальма жила бедно; жалования отца едва хватало на пропитание. Сам писатель подчёркивал, что с детских лет постоянно испытывал крайнее стеснение в материальных средствах. По достижении раннего юношества он поехал в Петербург, где в 1837–1842 гг. обучался за счет правительства в Дворянском полку. Служил прапорщиком с 1842 г. в Лейб-гвардии Егерском полку, где достиг к 1849 г. чина поручика. Однако, живя в Петербурге, он не был задействован на активной военной службе и потому имел возможность заниматься иной деятельностью. Имея тягу к литературе, Пальм с двадцати лет при содействии своих преподавателей Е. П. Гребёнки и Ф. А. Кони стал публиковаться в периодических изданиях 1840-х гг. («Литературная газета», «Отечественные записки», «Библиотека для чтения», «Иллюстрации», «Северное обозрение»). В 1846 г. в Вятке умер отец Пальма, и два года он жил вместе с переехавшей в Петербург матерью вплоть до ее смерти в 1848 г.

В то же самое время произошло событие, которое оказало огромное влияние на последующую судьбу писателя: в 1847 г. он познакомился с М. В. Петрашевским и стал посещать его кружок, где активно обсуждались либеральные и социалистические идеи. В кружке, который собирался в 1848–1849 гг. обычно по пятницам в доме Петрашевского, он встретился с такими известными в дальнейшем литераторами, как Ф. М. Достоевский, А. Н. Плещеев, А. Н. Майков, а также руководителями общества петрашевцев – Н. А. Спешневым, Н. А. Момбелли, Н. П. Григорьевым, И.-Ф. Л. Ястржембским. Знакомство Пальма с петрашевцами было делом случая: он сошелся с ними посредством своих приятелей, вначале посещая собрания из любопытства, а также в надежде завести полезные знакомства в литературных кругах. Однако ни с кем из участников собрания он так и не стал близок, за исключением С. Ф. Дурова, с которым его «тесно сдружили время, взаимные услуги и одолжения»¹. Тем не менее, он, как и все посещавшие дом Петрашевского попал под полицейский надзор и был арестован в ночь с 22 на 23 апреля 1849 г. Восемь месяцев, пока продолжалось следствие, он отбывал заключение в Петропавловской крепости.

Сохранились протоколы допросов следственной комиссии и показаний обвиняемых, которые отчасти проливают свет на историю участия Пальма в деятельности общества петрашевцев. В своих показаниях Пальм по существу кратко характеризует собственные жизненные обстоятельства, которые привели его в кружок. По его словам, он «жил здесь одиноко и скромно, был принят и до сих пор принят в домах семейных истинно почтенных», но ему «было всегда трудно поддерживать эти знакомства»², потому как он беден. Оставшись старшим в семье после смерти отца, он был поставлен в необходимость содержать не только себя, но и свою мать, а также помогать младшему брату, который служил на Кавказе. «Все это было мне трудно, – подчеркивает Пальм, – но я нашел кое-какие средства к жизни – и именно занятия литературные. Сперва я

занимался литературой по страсти; потом литература стала источником моих доходов, весьма однако незначительных; но я умел жить честно...»¹. Снимая с товарищами летом 1847 г. дачу в Полострове под Петербургом с целью лечения здешними минеральными водами, на гуляниях он встретился с М. В. Петрашевским, который показался ему «человеком умным и весьма начитанным». По приезде осенью в город Пальм стал приходить по пятницам на собрания к Петрашевскому. «Мне чрезвычайно хотелось завести литературные связи, а потому знакомство Петрашевского мне понравилось»², – подчеркивал он. Однако, несмотря на регулярные посещения «пятниц», в скором времени Пальм был разочарован происходившим на собраниях. Во-первых, он не мог поддерживать беседу, поскольку был совершенно не сведущ в политической экономии, которая чаще всего являлась основным предметом обсуждения на вечерах. Это сподвигло Пальма на изучение экономических сочинений, которые, впрочем, он так и не смог прочесть из-за слабого знания французского³. С другой стороны, его как начинающего писателя поразила литературная «безграмотность и бестолковость» Петрашевского. «Петрашевский почти каждый раз говорил о чем-нибудь, так что вспомнить всего невозможно; говорил же он темно, сбивчиво и о предметах учено-теоретических. Тут было больше неограниченного самолюбия, нежели толка»⁴, – писал Пальм в показаниях. Лишь однажды он принял участие в литературном споре «о Крылове, нашем баснописце <...> между г. Дуровым и Петрашевским <...> Тогда же г. Дуров, г. Достоевский и я старались доказать Петрашевскому, что он ложно понимает искусство. В этом споре мы <...> совершенно поняли Петрашевского и потом уже стали считать его человеком сухим, без сердца, живущим в мечтах о всеобщем совершенстве, о какой-то смешной утопии»⁵. Согласно показаниям Пальма, на вечерах у Петрашевского обсуждались проблемы экономической статистики, иногда поднимались вопросы освобождения крестьян от крепостной зависимости, уравнивания сословий в правах, перестройки действующего законодательства, введения бессословного и состязательного судопроизводства, целей и обязанностей государства. Поскольку в кружке было много поклонников Ш. Фурье, то большое внимание уделялось обсуждению и пропаганде положений его социальной теории⁶.

В вину Пальму на следствии вменялась не столько пропаганда либерализма, как терпимость, потворство этому направлению общественной мысли. В частности, одним из наиболее серьезных обвинений в его адрес было присутствие на собраниях кружка, на которых зачитывались «преступное письмо литератора В. Г. Белинского к Н. В. Гоголю» и «возмутительное сочинение Н. П. Григорьева "Солдатская беседа"»⁷.

¹ Цит. по: Дело петрашевцев: Сборник документов: в 3 т. Т. 3. – М.–Л., 1951. – С. 260.

² Там же. С. 261.

³ Там же. С. 261.

⁴ Там же. С. 262.

⁵ Там же. С. 262–263.

⁶ Там же. С. 262, 270–272.

⁷ Петрашевцы: Сборник материалов: в 3 т. Т. 3. Доклад генерал-аудиториата. – М.–Л., 1928. С. 103.

¹ Цит. по: Дело петрашевцев: Сборник документов: в 3 т. Т. 3. – М.–Л., 1951. – С. 260.

² Цит. по: Там же. С. 260.

В своём объяснении Пальм однозначно трактовал свои взаимоотношения с руководителем кружка: «Я знал Петрашевского только по его пятницам; его дел семейных, домашних <...> я совершенно не знал; задушевных откровенных бесед с ним никогда не имел <...> О его вечерах я не мог составить себе никакого особенного понятия. У него всегда бывало человек 15-ть или 20-ть, и не одни и те же, а разные лица <...> Его вечера вовсе не были секретны; это меня и сбивало с толка; я решительно не подозревал тут никакого тайного и зловредного общества». «И он меня точно так же не знает; это в Петербурге было дело очень обыкновенное: по годам люди встречаются и не знают друг друга»¹, – добавлял Пальм, образно характеризуя атмосферу столичного дворянского общества. Однако на вопрос Следственной комиссии с каких пор в нем проявилось либеральное и социальное направление Пальм отвечал: «Понятием о социализме я обязан Петрашевскому. Либералом я по искреннему убеждению не был; но виноват, в других терпел либерализм. В 1847-м году я познакомился с Петрашевским, читал данные им мне книги; как новость социальные идеи мне понравились, и я написал повесть против брака. Эта повесть брошена мною и даже осмеяна. В последнее время социализм казался мне ребячеством. Всего лучше выразился мой взгляд на молодежь, любящую играть роль людей необыкновенных, либералов и т. п., в последнем романе моем "Жак Бичовкин", которого 1-я часть напечатана в "Отечественных Записках"»².

Показания Пальма свидетельствовали о его мучительных душевных переживаниях в связи с тем, что попав под следствие, он опорочил доброе имя своей семьи. Ради восстановления репутации он был готов «доказать <...> безграничную преданность престолу и всеми моими силами, всюю кровью омыть это черное пятно на моей чести, на моей несчастной молодости»³. Вполне понятны мотивы молодого человека, который только начинает свою жизнь и оказывается обвиненным в тяжком государственном преступлении, тем более если на самом деле он вовсе его не замысливал. Однако обоснованное желание Пальма добиться смягчения наказания не вызвало понимания большинства его современников и соратников. Многие считали, что он не отличался стойкостью убеждений и твердостью характера, хотя все его показания действительно были правдивыми.

Кажущаяся непоследовательность и мягкотелость Пальма была, видимо, следствием одного обстоятельства: он никогда не являлся убежденным революционером. Его неудовлетворенность существовавшим положением вещей была вызвана хронической бедностью и засильем цензуры, которая была серьезной помехой его творческой деятельности. Так, еще до знакомства с петрашевцами в письме своему покровителю сенатору Е. П. Ковалевскому 20 марта 1846 г. Пальм откровенно рассуждал, почему литературные занятия не приносят ему радости: «... вот несчастье нашего поколения: есть головы светлые, талантливые, есть жажда, есть идея о лучшем, – а нет поприща

¹ Цит. по: Дело петрашевцев. Т. 3. С. 263.

² Там же. С. 277–278.

³ Цит. по: Там же. С. 265.

этим головам <...> Пишу я очень мало, о чем писать? На всё, чего нужно бы коснуться, лежит печать запрещения – и пиши, знай, сладенькие повести с их вечными пошлыми любовными интригами»¹.

Вместе с тем, изучив материалы следственных дел, протоколы допросов членов кружка, можно сделать вывод, что многие посетители «пятниц» у Петрашевского тоже были достаточно случайными людьми на его вечерах, всячески стараясь откеститься от соучастия в каких-либо обсуждениях, происходивших в его доме. Так, барон М. А. Корф писал: «Покушений или приготовления к бунту в настоящем с достоверностью открыто не было, и все представляло более вид безумия, нежели преступления». «Этим комическим преступникам государь не рассудил <...> учредить для постановления приговора <...> верховный уголовный суд»², – подчёркивал Корф. Тем удивительнее выглядит строгость наказания, которому в итоге были подвергнуты все участники кружка: обряд приготовления к смертной казни, заменённой в последний момент высочайшей милостью Николая I на длительные ссылки на каторгу в Сибирь или переводы в арестантские роты и действующую армию. Объяснить жестокость приговора можно было только одним обстоятельством: соображениями политической конъюнктуры, так как «заговор» был раскрыт в эпоху европейских революций 1848–1849 гг., в подавлении которых Российская империя принимала активное участие. Следовательно, дело петрашевцев было сознательно раздуто в целях разоблачения внутреннего врага. Так или иначе, 21 подсудимый из числа посещавших кружок Петрашевского 23 декабря 1849 г. были выведены на Семёновскую площадь в Петербурге для приведения приговора в действие. По воспоминаниям самих подсудимых, первым в шеренге шел М. В. Петрашевский, а последним вели А. И. Пальма. Это было символичным, поскольку в итоге первого ожидало самое суровое наказание, а Пальма – наиболее мягкое. Первых троих из шеренги вывели на эшафот, над их головами сломали шпаги. Арестантов обрядили в белые одежды, прикрыли лица, а затем прозвучало известие о царском помиловании. За несколько секунд до этого о нём узнали другие осужденные. Каждому было назначено индивидуальное наказание согласно степени его вины. Так, М. В. Петрашевский как руководитель и идейный вдохновитель кружка был немедленно в кандалах отправлен в пожизненную каторгу на свинцовые рудники. Большинство других были лишены дворянского звания, разжалованы в рядовые и отправлены в ссылку в арестантские роты либо в действующую армию.

Ошеломленный Пальм, который остался в чине поручика, хотя и вынужден был покинуть столицу, простался со своими друзьями и соратниками. Д. Д. Ахшарумов вспоминал: «Он стоял у самой лестницы, смотрел на всех нас, и слезы, обильные слезы текли из глаз его; приближавшимся же к нему, сходящим товарищам, он говорил: «Да хранит вас Бог!»»³. «Один Пальм про-

¹ Цит. по: Русские писатели 1800–1917: биографический словарь: в 5 т. Т. 4. – М., 1999. – С. 509.

² Цит. по: Из записок барона М. А. Корфа // Петрашевцы в воспоминаниях современников. – С. 200–201.

³ Цит. по: Из воспоминаний Д. Д. Ахшарумова // Петрашевцы в воспоминаниях современников. – С. 210.

шен, – писал Ф. М. Достоевский брату Михаилу Михайловичу через несколько часов после стояния на эшафоте, – его тем же чином в армию»¹. В декабре 1849 г. А. И. Пальм был переведен из гвардии в Одессу в Литовский полк. Так закончилась история деятельности кружка петрашевцев.

Пальм участвовал в военных действиях против Турции на Дунае в 1852 г., затем воевал в Крымскую войну, в частности, под Севастополем в 1854 г. С вступлением на престол Александра II в 1856 г. были амнистированы как декабристы, так и петрашевцы. С Пальма был снят секретный полицейский надзор, который мешал ему печатать свои литературные произведения, а также ограничения в месте жительства, и в 1857 г. он вышел в отставку в чине майора. Всю жизнь Пальма сопровождали материальные неурядицы. Частая смена службы, мест и рода деятельности не помогали их преодолеть. Он работал в конце 1850-х гг. с подрядчиком Д. К. Волоховым, который позднее разорился, в 1860-е гг. служил управляющим банком в Кишиневе, с 1868 г. – управляющим контрольной палатой в Полтаве. Там, окончательно погрязнув в долгах, Пальм решился на растрату «вверенных ему по службе денег». Дело слушалось в уголовном отделении харьковской судебной палаты 27 марта 1873 г. Адвокату Пальма В. Д. Спасовичу удалось добиться для него смягчения приговора в виде трёх лет ссылки в Самарскую губернию.

В последнее десятилетие жизни Пальм активно занимался журналистикой. Живя в 1877 г. на Кавказе, он печатал полевые корреспонденции о русско-турецкой войне в столичной газете «Новое время». В 1883 г. в Петербурге выпускал театрально-критические издания: еженедельный листок «Зритель» и газету «Театр», однако, несмотря на привлечение к сотрудничеству неординарных писателей и критиков, проект быстро прогорел. По-настоящему самозабвенно любя театральное искусство, Пальм пробовал заниматься антрепренёрством, неоднократно выступал и как актёр, талантливо играя в 1870–1880-е гг. чаще в собственных пьесах на сценах многих российских городов: Тифлиса, Самары, Петербурга, Харькова, Ростова-на-Дону². Вся семья Пальма также была связана с театром. В 1853 г. Пальм женился на Ксении Григорьевне Жаковской – известной в провинции драматической актрисе. Их старший сын, Сергей Александрович, был актёром и антрепренёром (в частности, в Тифлисском театре). Младший сын, Григорий Александрович, под псевдонимом Арбенин был известен как актер и переводчик многих пьес. Старшая дочь Пальма – Александра Александровна, в замужестве Тхоржевская, была переводчицей. Младшая, Ксения, занималась музыкой и также играла на сцене. Правнук литератора по линии старшей дочери Сергей Сергеевич Тхоржевский в советское время был достаточно известным писателем. Ему принадлежит авторство документальной повести «Жизнь и раздумья Александра Пальма», изданной в Ленинграде в 1971 г.³

Литературное мастерство А. И. Пальма оттачивалось с годами. Имея склонность к литературным занятиям с юности, Пальм в течение жизни пробовал

¹ Цит. по: Достоевский Ф. М. Письма: в 4 т. Т. 1. – М.–Л., 1928–1959. – С. 128.

² Русские писатели 1800–1917. Т. 4. – С. 509–510.

³ Савин О. М. Пенза литературная. – Саратов, 1984. – С. 143–144.

себя в различных жанрах: поэзии, беллетристике, мемуаристике, драматургии. Первые его опыты начала – середины 1840-х гг., одобренные бывшими преподавателями в Дворянском полку, были поэтическими. На стихотворное творчество Пальма сильное влияние оказала поэзия М. Ю. Лермонтова. Наряду с лирическими любовными стихотворениями, среди которых встречаются переводы из весьма популярного в те годы французского поэта Андре Шенье, одной из главных тем для молодого Пальма становится одиночество, раздумье о выборе и трудностях жизненного пути:

«Ты еще молод; а знаешь дорогою трудной
Долго скитаться тебе; много-много
Встретится горя, тревог и тоски безрассудной...
Будь непреклонен в борьбе непощадной и строгой»¹.
(«Напутное желание», 1844)

Интересно, что в том же 1844 г. Пальм пишет строки, предвосхищавшие превратности собственной судьбы, случившиеся через несколько лет:

Снова я на свободе; полнее вздохнуть,
Больше воздуха просит усталая грудь...
Нет, не выдал я вас, и с неробким челом
Безответен стоял перед грозным судом!
Но, друзья мои, если б вы знали,
Как они меня тяжко пытали...»²
(«Освобожденный узник», 1844)

Некоторый резонанс в петербургских литературных кругах получила единственная законченная поэма Пальма – «Сказка про царя с царевной да про гусяра с заморским котом», 1843, выдержанная в сказочно-былинном жанре, опубликованная, как и многие другие ранние стихотворные опыты писателя, в «Литературной газете». Сюжет поэмы напоминает пушкинские сказки, особенно «Сказку о царе Салтане», а размер стиха сходен с «Песней о купце Калашникове» Лермонтова. В ней нашли отражение известные фольклорные темы сватовства, свадьбы. Произведение встретило сочувственные отзывы критиков. Так, Ф. А. Кони, бывший учитель А. Пальма, писал: «Мы в печатной нашей литературе в этом роде ничего не знаем, кроме сказки "О купце Калашникове" Лермонтова»³.

Однако, несмотря на заметное поэтическое дарование, Пальм через несколько лет стал отходить от данного литературного жанра. Одной из вероятных причин перехода к прозе могло стать стремление к увеличению литературных гонораров, которые мог бы получать писатель.

Первые прозаические сочинения Пальма также относятся к периоду середины 1840-х гг. Это рассказы «Ничего, а воля ваша – странный случай» (опубликован в «Литературной газете» в 1843 г.), «Соседка» (посвящён М. И. Глинке, «Санкт-Петербургские ведомости», 1849), повести «Шалость» («Финский вестник», 1846) и «Один день из будничной жизни» («Москов-

¹ Поэты-петрашевцы. – Л., 1957. – С. 110.

² Там же. С. 107–108.

³ Русские писатели 1800–1917. Т. 4. – С. 509.

ский городской листок», 1847)¹. Сюжетные линии и стиль повествования первых работ в прозе недвусмысленно указывают на подражание «Герою нашего времени» Лермонтова и рассказам Гоголя. Во время посещения кружка Петрашевского под впечатлением от новых знакомств и типажей Пальм, по его воспоминаниям, начал работу над масштабным произведением – романом «Жак Бичовкин», в котором попытался вывести молодых людей своего поколения, «отчасти Печоринных», не нашедших верных ориентиров, даже самих себя и страстно жаждущих перемен, свободы, но какой ценой? Потерей высоких нравственных идеалов, духовного истощения и постепенной деградации. Пальм писал: «Бичовкин уже не новое лицо в русской литературе; он являлся много раз, но в другом костюме; давно ли его считали не шутя человеком необыкновенным, натурой избранной <...> Ему удивлялись, подражали – а теперь увы! <...>. Такие люди <...> не могут понять простой и глубокой драмы, разыгравшейся без эффектных декораций»². Позёрство, игра на зрителя и слушателя, отсутствие содержания, спрятанное под яркой формой не импонировало автору. Первая часть романа была опубликована в 1849 г. в «Отечественных записках». Вторую автор дописывал, уже находясь в заключении под следствием.

Обвинённый в участии в подготовке государственного преступления, Пальм обрек себя не только на ссылку, но и на строжайший цензорский надзор. Все годы военной службы он не оставлял занятия литературой и неоднократно писал прошения о возможности публикации своих трудов, но большинство его писем издателям центральных журналов остались без ответа. Пальм смог опубликовать за подписью А–ъ в «Санкт-Петербургских ведомостях» за 1850 и 1851 гг. только четыре очерка – «Одесские письма». Возникшие трудности, а также изменения в личной жизни способствовали тому, что Пальм отошёл от активных литературных занятий почти на двадцать лет. На этом этапе жизненного пути он работал на государственной службе, живя в Одессе, Кишиневе и Полтаве.

История с растратой казённых средств, которая поставила крест на его служебной карьере, вернула Пальма на стезю литераторства, к тому роду деятельности, который был ему наиболее близок по духу. В 1870-е – первой половине 1880-х гг. Пальм вошёл в число самых плодовитых и известных писателей России. С одной стороны, литературный заработок в это время становится единственным источником его дохода. «Пишу, пишу до обморока», – признавался Пальм. С другой, именно тогда его произведения приобрели известность и получили благожелательную прессу.

В начале 1870-х гг. Пальм закончил работу над своим наиболее значительным литературным произведением – романом, названным в первоначальном замысле писателя «Книга скорбей». Этот труд был крайне важен для него как в профессиональном плане, поскольку являлся последним шансом, чтобы всерьёз заявить о себе в литературном мире, так и в личном. Произведение имело автобиографическую основу и посвящено было товарищам Пальма по кружку Петрашевского. Не случайно о «Книге скорбей» он писал коллеге и другу П. М. Ковалевскому

¹ Русские писатели 1800–1917. Т. 4. – С. 509.

² Цит. по: Тхоржевский С. С. Жизнь и раздумья Александра Пальма. – Л., 1971. – С. 17.

25 августа 1872 г.: «Я кладу в нее лучшие мои силы»¹. Тем не менее, Н. А. Некрасов отклонил предложенную рукопись, посчитав труд скучным, и роман с измененным заглавием «Алексей Слободин. Семейная хроника» был опубликован в пяти номерах «Вестника Европы» (редактор М. М. Стасюлевич) в конце 1872 – начале 1873 гг.² Сам Пальм на этот раз публиковался под псевдонимом Альминский. В 1873 г. первые три части произведения были опубликованы отдельным изданием (Альминский П. Алексей Слободин. Семейная хроника. Ч. 1–3. СПб., 1873). Мнения о романе у современников разделились. Негативное впечатление от романа сложилось у Ф. М. Достоевского, который в своей рецензии заявил, что декларации Пальма «это крики кликуш прогресса, кликуш сынов века»³. Точка зрения Некрасова также была в целом отрицательной. Но И. С. Тургенев по прочтении, напротив, писал Стасюлевичу из Парижа в декабре 1872 г.: «"Слободин" – очень хорошая вещь, я узнал от Суворина <...> что под "Альминский" скрывается Пальм. Я радуюсь за него»⁴. А. М. Горький позднее называл произведение «правдивым романом»⁵.

Необходимо отметить, что Пальм не считал свой труд романом. Действительно, само построение сочинения свидетельствует о его мемуарном характере. Произведение разделено на пять частей-тетрадей («Детство», «Юношеские годы», «На новые места», «Иная жизнь», «Опять в Петербурге»), которые соответствуют описываемым этапам жизни главного героя. Подзаголовок гласит: «Из воспоминаний о погибших людях». Фактически перед нами художественно обработанная автобиография Пальма. Во многих выведенных автором образах героев, особенно в части «Иная жизнь», можно узнать реальных людей – петрашевцев, описанию собраний которых уделено значительное место.

В первой части произведения автор повествует о событиях, происходивших «в начале двадцатых годов в маленьком городке одной из приволжских губерний»⁶, т. е. г. Краснослободске, где прошли его детские годы. Пальм рисует картины воспоминаний собственного детства глазами маленького Алеши Слободина. Перед читателем живо предстает панорама жизни мелкого провинциального города, которая ярко запечатлелась в памяти ребенка. Вторая глава дает несколько иной пример городской атмосферы: из провинциального захолустья герой перебирается в город губернский, очевидно, Симбирск, в котором буйным цветом цветут ханжество, интриганство, пересуды. Однако натура Алексея, с самого раннего детства независимая, сомневающаяся и крайне чувствительная к любой несправедливости, в том числе и социальной, не позволяет ему уподобиться большинству. Следующим местом жительства Слободина становится Петербург, о жизни героя в котором повествуется в третьей части романа. Весь ход личностного развития логично приводит

¹ Цит. по: Тхоржевский С. С. Указ. соч. С. 509–510.

² Альминский П. Алексей Слободин. Семейная хроника // Вестник Европы. – 1872. – № 10–12; 1873. № 2–3.

³ Цит. по: Тхоржевский С. С. Указ. соч. С. 170.

⁴ Там же. С. 168.

⁵ Там же.

⁶ Цит. по: Пальм-Альминский А. И. Алексей Слободин. – М., 1931. – С. 9.

Слободина в кружок свободномыслящих и честных перед собой людей, в которых читатель с легкостью угадывает петрашевцев. В четвертой части романа значительное место уделено описанию духа и смысла их собраний. Во многих выведенных автором образах героев в заключительных частях романа также можно узнать реальных людей, фигурантов дела Петрашевского. Например, под именем Григория Васильевича Рудковского представлен лучший друг Пальма – С. Ф. Дуров. Глубокими личными переживаниями автора окрашена сцена ареста Слободина и других петрашевцев апрельской ночью 1849 года. Заканчивается роман концом 1850-х – эпохой общественного ожидания отмены крепостного права. Слободин возвращается в Петербург из длительной ссылки, отказываясь от шанса влиться в ряды беззащитных дельцов, и возвращается то ли к учительской практике, то ли к журналистскому труду.

После вступления на престол Александра III произошло ужесточение цензуры, под пресс которой попали многие произведения. Пальм писал: «Теперь для литературы времена тяжкие. "Отечественные записки" погибли навсегда; "Дело", кажется, ждет та же участь <...> Где теперь печататься?»¹. Роман «Алексей Слободин» в 1884 г. был запрещен и изъят из библиотек, хотя к тому времени уже был широко известен. В дальнейшем он был переиздан уже в СССР. В советском издании 1931 г. он публиковался в виде повести в сокращенном варианте.

Раздумья над судьбами своего поколения явились основной мыслью двух последующих романов Пальма: дилогии «Больные люди» (опубликована в полном виде в 1881 г.), состоящей из повестей «Конец старого романа» («Вестник Европы». 1874. № 10–11) и «Пропавшие годы» («Отечественные записки». 1880. № 2–3) и очередного произведения автобиографического характера «Мирные времена» («Дело». 1882. № 8–12). Успеха у читателя они не имели. Последний масштабный роман Пальма «Петербургская саранча», опубликованный в 1884 г., был посвящен иной теме – вырождающемуся старому дворянству, его быту, психологии, лихорадочным поискам ориентиров в новой действительности, и имел положительные отзывы. Под саранчой автор подразумевает паразитирующее дворянство, представители которого в надежде поправить свои дела организуют подпольный игровой дом, лишь бы не заниматься производительным трудом. По мнению С. С. Тхоржевского, «Петербургская саранча» – «самый занимательный и, думается, лучший роман Пальма»².

Еще одним важным направлением литературной работы Пальма в 1870–1880-е гг. стала драматургия. Обращение к данному жанру было напрямую связано с театральной деятельностью членов его семьи. Пальмом было создано около десяти пьес для театра, среди которых «Благодетель» (1864), «Промисветители» (1871), «Мышеловки» (1875), «И крылья есть, да лететь некуда» (1875), «Доброволец Солодаев» (опубликована под названием «Гражданка», 1878), «Господа избиратели» (1881), «Милочка» (1883), «Грешница» (1885). Драматургические произведения Пальма ставились на сценах Александрин-

¹ Цит. по: Тхоржевский С. С. Указ. соч. С. 247.

² Там же. С. 239–240.

ского театра в Санкт-Петербурге и Малого театра в Москве. Наибольший успех сопутствовал комедиям «Старый барин» (преьера состоялась в Александринском театре 18 октября 1872 г.; опубликована в «Отечественных записках». 1873. № 5) и «Наш друг Неклюжев» (Малый театр (г. Москва) 25 ноября 1879 г.; «Слово». 1879. Кн. 12)¹. В искусстве драматургии Пальм выступил соратником и продолжателем А. Н. Островского, его современника, чье первенство в данном жанре в 1870-е гг. являлось неоспоримым.

Заключительным произведением Пальма стал «Последний сон» – мрачная аллегория писателя о своей жизни, которая осталась в рукописи. Пальм сетовал: «Написалась некоторая поэтически безумная вещьца "Последний сон" – и не могла попасть в печать. Цензура не только запретила, но конфисковала рукопись <...> Глупо! <...> в ней идет речь лично обо мне...»². Умер Александр Иванович в Петербурге 10 ноября 1885 г.

А. И. Пальм принадлежал к плеяде дворянских писателей демократической направленности. Однако его политическое лицо многим казалось неясным. Он был далек и от народнических кружков, и от ревнителей православия и старины, не примыкая ни к либералам, ни к консервативно-охранительному лагерю. Обстоятельства его жизни оказались таковы, что навсегда отучили предаваться бесплодным политическим мечтаниям или доверять власти, они поставили его перед суровой необходимостью выживать. Необходимо помнить, что для Пальма занятия литературой не являлись развлечением и формой досуга, как для ряда дворянских писателей, а были основным средством заработка. Вынужденный жить в долг и так и не расплатившийся с кредиторами до конца своих дней, Пальм, любивший свое дело, тем не менее, никогда не мог себе позволить относиться к литературным занятиям как к приятному времяпрепровождению. Подгоняемый нуждой и сроками сдачи рукописей в литературные журналы, он зачастую вынужден был торопиться, сдавать в набор сырые, неотредактированные материалы, которые могли бы выглядеть гораздо более интересными и привлекательными при должной доработке. К концу жизни его семья фактически распалась по причинам материального характера. Однако близкие к Пальму люди отмечали его жизнерадостность, радушие и оптимизм. Он продолжал поддерживать теплые отношения со всеми детьми. В одной из рецензий на труд писателя справедливо и с долей сожаления отмечалось, что в творчестве Пальма «сверкают перлы крупного художественного таланта, достойного лучшей участи»³. Но так сложилась литературная судьба уроженца мордовского края.

¹ Русские писатели 1800–1917. Т. 4. С. 510–511.

² Цит. по: Тхоржевский С. С. Указ. соч. С. 243.

³ Цит. по: Там же. С. 241.

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

СОВЕТСКОЕ VS ПОСТСОВЕТСКОЕ

М. Ю. Тимофеев

«СОВЕТСКИЙ ГОРОД»: ИНСТРУКЦИЯ ПО ЭКСПЛУАТАЦИИ

«Наименее советским городом России» назвал Ленинград Сергей Довлатов¹. Конечно, с писателем можно поспорить², но, если можно маркировать город по степени советскости, то какой же город можно назвать наиболее советским? Какие ресурсы могут быть в настоящее время задействованы для актуализации советского дискурса и привлечения к ним внимания? Могут ли городские власти и стейкхолдеры рассматривать «советскость» как ресурс для его развития и получать выгоду от формирования соответствующего бренда? В настоящей статье я постараюсь дать ответ на эти вопросы.

В бывших социалистических странах Восточной Европы в последние лет десять можно наблюдать рост использования коммунистического наследия в рамках поп-культуры, индустрии туризма и развлечений. В основе формирования интереса к данной части новейшей истории этих государств лежат два фактора: во-первых, апелляция к ностальгии по времени существования социалистических государств и, во-вторых, самодостаточная значимость того, что связано со временем коммунистического прошлого, а также интерес к этому периоду у новых поколений. В определённой степени потребность в туристическом и, если говорить более широко, в познавательно-развлекательном продукте, имеющем коммунистическую семантику, не только отвечает сложившимся потребностям, но и формируется в рамках массовой культуры³. При этом необходимо учесть, что в бывших странах «Восточного блока» борьба с символическим наследием социализма завершилась к концу 1990-х годов – радикально изменена то-

¹ Довлатов С. Ремесло // Собр. соч. в 3 т. Т. 2. – М.: Лимбус пресс, 1995. – С. 94.

² См.: Тимофеев М. Ю. Знаки «советскости» в символическом пространстве России // Пути России. Историзация социального опыта / Том XVIII. – М.: Новое литературное обозрение, 2013; Он же. Знаки «советскости» в современной России: семантика, синтактика и прагматика // Studia Sovietica. Випуск 2 / Відпов. ред. В. Хархун. – К., 2011. С. 223–231.

³ См.: Тимофеев М. Ю. Коммунизм как аттракцион: семантические игры с прошлым // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». – 2012. – Т. 3. – Вып. 2; Он же. Коммунистические символы на «свалке истории»? // Symbol w polityce / Redakcja naukowa I. Massaka. – Toruń: DUET, 2012; Он же. Феномен «поп-коммунизма» в странах Восточной Европы как туристический продукт // Культ-товары-XXI: ревизия ценностей (масскультура и её потребители): Коллективная монография / под общ. ред. И. Л. Савкиной, М. А. Черняк, Л. А. Назаровой. – Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2012.

понимая, демонтированы сотни памятников и т.д. В нашей стране вплоть до настоящего времени обнаруживается амбивалентность отношения к советскому. Наряду с частичным возвращением советской государственной символики, использованием советских торговых марок (пиво «Жигулёвское», водка «Столичная» и т.п.) и открытием псевдосоветских заведений общепита¹, ребрендингом ВДНХ и другими «просоветскими» практиками, можно наблюдать борьбу с советскими топонимами, уничтожение памятников советской эпохи и проч.

Согласно известному утверждению Дж. Урри, «представляется неверным полагать, что поиск аутентичности является основой для организации туризма. Скорее, ключевой особенностью будет разница между привычным местом жительства/работы и объектом туристического взгляда»². «Туристический взгляд» формируется не только в рамках пространственной оптики, но и хронологической. Советскость – уходящая натура. Путешествие в прошлое является экзотикой для новых поколений, выросших в посткоммунистическое время, впрочем, локальная специфика советского эксперимента при соответствующем позиционировании может привлечь внимание не только россиян, но и иностранцев³. Безусловно, имеющая место унифицированность коммунистического ландшафта не отменяет уникальности отдельных топосов⁴. Это обстоятельство диктует сценарии репрезентации прошлого во многих странах бывшего Восточного блока, и «многие из ключевых достопримечательностей, связанных с коммунизмом – например, варшавский Дворец культуры или остатки Берлинской стены, конструируются как “аттракционы”, предназначенные для восприятия западными туристами»⁵. Таким образом, даже отдельные здания можно рассматривать как ресурс для использования в практиках репрезентации наследия социализма⁶.

В возможности актуализации дискурса советскости как ресурса для территориального развития в Российской Федерации можно выделить три уровня: локальный, региональный и всероссийский. На локальном уровне в основе привлечения внимания к месту может выступать как субстрат – веществен-

¹ См.: Тимофеев М. Ю. Псевдосоветский общепит как империя знаков: системно-семиотический анализ. Часть 1. Артефакты // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2012. № 44; он же. Псевдосоветский общепит как империя знаков: системно-семиотический анализ. Часть 2. Нарративы // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2012. – № 5.

² Urry J. The Tourist Gaze: Leisure and Travel in Contemporary Societies. – L.: Sage, 1990. P. 11.

³ См.: Frow J. Tourism and the semiotics of nostalgia // Journal of Storage 1991. Vol. 57. Pp. 123–151.

⁴ Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2001.

⁵ Light D. Gazing on communism: Heritage tourism and post-communist identities in Germany, Hungary and Romania // Tourism Geographies. 2000. № 2. P. 159. См. также: Pałac Kultury i Nauki. Między ideologią a masową wyobraźnią / Pod red. Z. Grębeckiej i J. Sadowskiego. Kraków: Nomos, 2007; Sadowski J. Między Pałacem Rad i Pałacem Kultury. Studium kultury totalitarnej. Kraków: Egis, 2009.

⁶ Шашкова Н. О. История, историко-культурное значение и современное использование наследия советской архитектуры: гостиница «Ленинградская» // Пространство и Время. – 2014. – Вып. № 1 (15).

ное наполнение городского или какого-либо иного пространства. Например, памятник Ленину в Улан-Уде¹, являющийся самым большим скульптурным изображением советского вождя в мире, архитектурные памятники советского периода – соцгорода или конструктивистские здания. Однако предпочтительным будет выбор или создание концепта – идеи, формирующей системный подход к репрезентации советского наследия². Концептом может выступать уникальность города в советской истории (Петроград/Ленинград – «колыбель трёх революций», Ульяновск – родина В. И. Ульянова-Ленина, Магнитогрск – город первой пятилетки, Иваново – родина первого совета, Комсомольск-на-Амуре – «столица утопии»), как написал о нём известный эссеист Пётр Вайль³.

Вариантом концепта вполне мог бы стать советский топоним, апелляция чаще всего к [псевдо]гению места⁴. Степень его символического потенциала существенно различается в зависимости от масштаба города и от длительности пребывания в качестве носителя того или иного имени (некоторые города неоднократно меняли свои идеологизированные названия). Вот лишь несколько примеров подобного рода трансформаций: Троцк (до 1919 – Иващенко, с 1929 – Чапаевск), Троцк (до 1923 – Гатчина, в 1929–44 – Красногвардейск), Зиновьевск (до 1924 – Елизаветград, с 1934 – Кировоград), Рыково (Енакиево в 1928–37), Сулимов (до 1936 – Баталпашинск, с 1937 – Ежово-Черкесск, с 1939 – Черкесск) и Рыбинск (с 1946 – Щербаков, с 1957 по 1984 – Рыбинск, в 1984–1989 – Андропов и с 1989 – снова Рыбинск). Анекдотические истории «красного крещения» иногда будоражат воображение. Так, например, название города Романов-Борисоглебск в 1918 году предлагалось сменить на Луначарск, Ленинск, Разин, Коммунар-Спартак, Володарск или Тутаевск в честь рядового красноармейца И. П. Тутаева (1897–1918), погибшего во время подавления Ярославского мятежа. Остановились на Тутаевске, но под конец заседания некий Левчук предложил прибавить к названию «Луначарск». Собрание единогласно приняло новое название – Тутаев-Луначарск⁵.

В середине 1920-х годов начинается массовая смена урбанонимов, в основной массе сохранившихся до настоящего времени, особенно в маленьких городках. Формирование города мечты, образцового социалистического города сопровождалось уничтожением или перепрофилированием церковных сооружений. Тогда же начинается массовое жилищное строительство. Мас-

¹ Бреславский А. С. Постсоветский Улан-Удэ: культурное пространство и образы города (1991–2011 гг.). – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012. – С. 37.

² См.: Тимофеев М. Ю. «Самый советский город»: архитектурный капитал до востребования // Краснокамск: интеграция в будущее. Материалы конференции «Архитектурное наследие соцгородов – бремя прошлого или ресурс развития?». 27–28 ноября 2013. Краснокамск. – Пермь: Литер-А, 2014.

³ Вайль П. Карта родины. – М.: Издательство КоЛибри, 2007. – С. 177.

⁴ Попадин А. Бинарные состояния города К. Кое-что из символической топографии города // Арт-Гид. Кёнигсберг/Калининград сегодня. URL: <http://art-guide.ncca-kaliningrad.ru/?by=p&aglang=rus&au=011popadin> (Дата обращения 11.11.2014)

⁵ Манерова Н. А., Нефедова Н. П. Почему Тутаев? // Романов-Борисоглебская старина. – 2006. – № 1.

штабные проекты воплощаются в годы первых пятилеток в разных уголках огромной страны¹. Даже самые известные примеры создания новых городов в настоящее время известны лишь на региональном уровне. При этом и невоплощённые архитектурные проекты (например, Дом Советов в Москве)² могли бы стать поводом для актуализации в современных туристических практиках утопических планов 1920–1930-х годов. Их символический капитал оказывает влияние на формирование городской и региональной идентичности³. Пафос создания новой среды обитания, как в созданных с нуля соцгородах, так и в реконструкции старых (примером может служить случай Свердловска/Уралмаша), представляет не только социально-политический, социально-экономический интерес для историков, но и антропологический аспект, который явно близок широким массам, не акцентирующим внимание на этих сторонах истории⁴. Поиск ушедшей природы — это задача, которая стоит перед историками, культурологами, музейными работниками⁵. Именно совместные усилия могут способствовать созданию продукта, который имел вызвал бы неподдельный интерес и смог бы стать коммерчески успешным.

«Советский город, с точки зрения его обитателей, представлял собой особый космос – замкнутый мир, в котором протекала вся жизнь горожанина второго и третьего поколений: от появления на свет в роддоме под соответствующим номером до погребения на кладбище – тоже под номером, но под другим. Здесь были и дом, и работа, и магазин, и школа, и круг общения, и начальство»⁶. Это высказывание историка Олега Лейбовича как раз акцентирует антропологический аспект затрагиваемой проблемы. Ориентация

¹ Меерович М. Г., Конишева Е. В., Хмельницкий Д. С. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928–1932 гг.). – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011.

² Кондаков Б. Москва 1930-х как идеальный город будущего // *Obóz. Problemy narodów bylego obozu komunistycznego*. 2007. № 48.

³ Кропотов С., Литовская М. Ревитализация утопического в урбанистическом пространстве: случай Екатеринбург/Свердловска // *Obóz. Problemy narodów bylego obozu komunistycznego*. 2007. № 49. P. 73–89.

⁴ Анфёрова Н. Символические репрезентации власти в культурном ландшафте Екатеринбурга: перекодировка советского опыта // *Obóz. Problemy narodów bylego obozu komunistycznego*. - 2007. № 49; Кропотов С. Заводская площадь Екатеринбурга как место производства горожан: чего хочет конструктивизм от жителей «образцового города» // *Будущее прошлого: футурология ДК УЗТМ*. – Екатеринбург: Екатеринбургская академия современного искусства, 2014.

⁵ Королев А. Молотов в китовом черве Перми. Герменевтический этюд // *Город > Пермь*. Смысловые структуры и культурные практики / отв. ред. В. В. Абашев; Мин-во культуры и массовых коммуникаций Пермского края; Перм. гос. ун-т; Лаб. политики культурного наследия Перм. гос. ун-та. – Пермь, 2009; Тимофеев М. Ю. В поисках знаков советскости: семиосфера города Калинина в современной Твери // В зеркале путешествий: материалы международной научной конференции «Родная земля глазами стороннего наблюдателя. Заметки путешественников о Тверском крае» / ред.-сост. Е. Г. Милюгина, М. В. Строганов. Тверь – Ржев, 14–17 сентября 2012 года. – Тверь: СФК-офис, 2012.

⁶ Лейбович О. Советский город: социалистическая архаика // *Трансформации Великой Утопии*. Советское наивное искусство = Transformations of the Great Utopia. Soviet Naive Art: [выставка "Октябрь всегда был Красным. Советское наивное искусство"] / ред. и авт. вступ. ст. Анна Суворова. – Пермь: Музей советского наива, 2013. — С. 30.

на мир «маленького советского человека» даёт возможность обратиться к специфическим и весьма экзотическим для современного человека практиками коммунального общежития и культуры повседневности¹. Именно по этому пути идут некоторые государственные и частные музеи (среди них следует особо выделить Музей социалистического быта в Казани, Музей быта советских ученых при ТСЖ «Курчатовское» в Москве, Музей советской эпохи в Воронеже, Арт-коммуналку в подмосковной Коломне²), создающие на весьма высоком уровне такие постоянные экспозиции как, например, «Коммунальная квартира» в краснокамском краеведческом музее (Пермский край).

Выход «советских проектов» репрезентации территории на **уровень** региона обсуждался в конце 2013 года на научной конференции «Архитектурное наследие соцгородов – бремя прошлого или ресурс развития?» в Краснокамске. Города Березники, Красновишерск, Краснокамск – острова «архипелага ГУЛАГ», население которых до сих пор имеет проблемы социокультурной идентификации, пытаются занять с помощью стейкхолдеров свою специфическую нишу в насыщенном смыслами пространстве Пермского края. Схожие проблемы обсуждались в ноябре 2013 года на Круглом столе «Красное кольцо: символический потенциал “красной губернии”» в Ивановском музее промышленности и искусства³.

Еще в начале 1990-х культуролог Борис Гройс иронично заметил, что «с самого начала Мавзолей Ленина является нам в виде комбинации пирамиды и Британского музея. Мумия Ленина почитаема и бережно хранится в пирамиде под названием «Мавзолей». Одновременно музей «Мавзолей» экспонирует тело Ленина. Речь, безусловно, идет об одной из наиболее удачных экспозиций современной музейной истории в целом»⁴. Именно музеи становятся проводниками из сферы мемориальных практик в сферу коммерциализации культурного наследия. Они поддерживают интерес местных сообществ и привлекают туристов своими проектами. Локализация наиболее заметных событий указывает на географию потенциальных мест реализации крупных проектов по эксплуатации советскости. Это постоянные и временные экспозиции последних лет: «Краснокамск — город первых пятилеток» в краеведческом музее этого города, «Комсомольск начинался с палаток» в музее города Комсомольск-на-Амуре, «Советская эпоха» в рыбинском Доме культуры посёлка ГЭС, «По волнам нашей памяти» в московском Историческом музее, «Советский дизайн 1950–1980-х» в ЦВЗ «Манеж». «Комсомолка, спортсменка и просто красавица» в филиале Ульяновского музея-заповедника «Родина В. И. Ленина» «Симбирские

¹ Лебина Н. Советский дом-коммуна: границы тела // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. – 2012. – Вып. 23: Весна.

² Тимофеев М. Ю. Музеефикация советского периода (случай музея социалистического быта в Казани) // Бурылинский альманах. – 2014. – № 1.

³ Тимофеев М. Ю. Красное кольцо: символический капитал «красной губернии» // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2012. – № 5.

⁴ Гройс Б. Ленин и Линкольн — образы современной смерти // Гройс Б. Утопия и обмен. – М.: Знак, 1993. – С. 353.

типографии», «Символы детского счастья» в Историко-культурном музейном комплексе в Разливе и «За детство счастлирое наше...» в Музее С. М. Кирова в Петербурге. Ивановские музеи в разное время представили несколько выставочных проектов: «Героини», «Девушка моей мечты», «Коммуна» в ивановском художественном музее и «Ударком» и «100% Иваново. Агитационный текстиль 1920–1930-х гг.» в Музее промышленности и искусства им. Д. Г. Бурдылина.

К наиболее значимым музеям, ориентированным на мемориализацию советского, принадлежат Ленинский мемориал и Музей-заповедник «Родина В. И. Ленина» в Ульяновске, историко-культурный музейный комплекс в Разливе, историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское», государственный исторический музей-заповедник «Горки Ленинские», Музей С. М. Кирова в Петербурге и Дом-музей первого совета в Иваново.

Имидж города постоянно уточняется. Крупным городам, порой имеющим многовековую историю, безусловно, «тесно» в рамках образа, ограниченного советским или каким либо иным временем. К числу городов, где «советскость» присутствует на очень разных уровнях, начиная с актуального имени города, следует отнести Киров (Хлынов/Вятка) и Ульяновск (Симбирск). Именно в последнем из них брендинг стало осуществляться очень активно. Актуализация современного индустриально-технологического дискурса стала поводом позиционирования города в рамках образа авиационной столицы России. Судя по ассортименту сувенирной продукции, не забыт и автомобиль УАЗ. Дань моде прослеживается в проекте «Ульяновск – родина Колобка». Но в этом городе целенаправленно продвигается компонента его образа, сделавшего Ульяновск известным не только в стране, но и в мире, – «Родина В. И. Ленина».

Всероссийский масштаб подразумевает интеграцию локальных и региональных ресурсов в масштабный проект, аналогичный советскому туристскому маршруту «Золотое кольцо». Создание подобного проекта не может быть осуществлено без координации из федерального центра. Собственно, именно так возник проект «Красного маршрута» для китайских туристов, объединивший Ульяновск, Казань, Петербург и Москву¹. Поскольку древнерусский тур по «Золотому кольцу» за время своего существования был расширен, то можно предполагать, что и «Красное кольцо» охватит и другие города (например, Екатеринбург и Иваново). Впрочем, планирование ставки на «красное» не следует тесно связывать с мнением местного сообщества, которое порой не склонно замечать наличествующий в городе или регионе потенциал, способный решить целый ряд местных проблем. Так что высказывание, что «местным жителям Ильич давно фиолетов»², это всего лишь индикатор кризиса репрезентации советского наследия, либо просто некое субъективное мнение.

¹ Кишковски С. «Красный маршрут» по ленинским местам: мемориалы вожда ждут ударное количество китайцев [электронный ресурс] // <http://www.theartnewspaper.ru/posts/283/>; Чернышева В. Ильич даст заработать. В Ульяновске обсудили перспективы «красного туризма». URL: <http://www.rg.ru/2013/11/26/reg-pfo/turizm.html> (Дата обращения 11.11.2014)

² Ульяновск: от красного до смешного – один шаг. URL: <http://mtrpl.ru/ulyanovsk> (Дата обращения 11.11.2014).

Н.И. Карбаинов (Санкт-Петербург)

СОВЕТСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПОСТСОВЕТСКОМ ТАТАРСТАНЕ: МАССОВЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

В Советском Союзе политической элитой достаточно активно проводилась политика формирования общегражданской идентичности – «советский народ», в том числе и в национальных республиках. После распада СССР российские элиты стали конструировать вместо советской идентичности общегражданскую российскую идентичность, в то же время региональные элиты, в первую очередь, в национальных республиках, взяли курс на формирование этнонациональных и/или региональных идентичностей. Так, например, в постсоветском Татарстане одновременно конструировались татарская этнонациональная идентичность и региональная идентичность – «татарстанцы». Одним из важных инструментов (вос)производства идентичности является конструирование исторического прошлого. Но, несмотря на новую политику формирования идентичностей со стороны элит, в массовом сознании многих жителей России продолжает сохраняться и воспроизводиться советская идентичность. В данном докладе мы покажем эти процессы на примере исследования массовых исторических представлений жителей постсоветского Татарстана. Доклад основан на материалах исследовательского проекта «"Войны памяти" и "Конвенции памяти" в постсоветском Татарстане: элитарные версии исторического прошлого и массовые представления», проведённого в 2013 – 2014 гг. при финансовой поддержке Программы развития партнёрских центров Европейского университета в Санкт-Петербурге.

В результате распада СССР на постсоветском пространстве наблюдается бурное развитие национальных историй как в ныне независимых государствах бывшего СССР, так и в республиках Российской Федерации. Не является исключением в этом ряду и республика Татарстан.

Развитие национальных историй нередко происходит в форме «войн памяти» – конфликтов вокруг различных интерпретаций исторического прошлого. Так, например, версия истории, которая создается татарстанской интеллектуальной элитой при поддержке элиты политической, во-первых, вступает в конфликт с версией истории России и Татарстана, которая конструируется столичными элитами в Москве и Санкт-Петербурге. Во-вторых, нередко проекты национальной истории татарстанской элиты вступают в противоречие с национальными историями, которые создаются элитами других регионов Поволжья (Башкирии, Чувашии и др.). В-третьих, мы также можем наблюдать столкновение между версиями истории татарстанской элиты и версиями истории, которые создаются оппозиционными элитами внутри Татарстана. При этом конструирование элитами Татарстана национальной истории является

отчасти уже изученной темой, в частности к этой теме обращался Виктор Шнирельман¹.

Новизна нашего проекта заключается в том, что, во-первых, мы решили рассмотреть не только «войны памяти», но и «конвенции памяти». Под «конвенциями памяти» мы понимаем ситуации, когда в интерпретации и оценке тех или иных исторических событий складываются компромиссы. Если «войны памяти» *сталкивают и разъединяют* те или иные этнические и социальные группы, то «конвенции памяти», наоборот, их объединяют и служат поддержанию стабильного социального порядка. Во-вторых, новизна нашего проекта в том, что мы намерены выяснить, каким образом «войны памяти» и «конвенции памяти», создаваемые элитами, формируют и влияют на массовое историческое сознание жителей постсоветского Татарстана. В данном случае нас интересовали сходства и различия массовых исторических представлений жителей Татарстана в зависимости от принадлежности к тем или иным этническим (русские, татары, крымчане), религиозным (мусульмане или православные), поколенческим, классовым и другим социальным группам.

Для исследования элитарных версий истории мы использовали следующие методы: анализ учебной и научно-популярной исторической литературы; анализ публикаций СМИ и интернет-источников (например, группы и страницы в социальных сетях) и экспертный опрос. Массовые исторические представления мы, во-первых, изучали качественными методами (метод полуструктурированного интервью). Всего было проведено 170 интервью. Во-вторых, мы провели анкетный опрос 1000 респондентов, проживающих в Казани.

В ходе анализа мы смогли выделить шесть элитарных версий, или исторических идеологий, в постсоветском Татарстане: татарская умеренно-национальная, татарская радикально-национальная, болгарская, крымская, русская и тюрко-тениская. В контексте нашего доклада важно сказать о доминирующей версии истории в Татарстане – татарской умеренно-национальной идеологии. Основными производителями и трансляторами данной идеологии являются Академия наук РТ (Институт истории АНТ), КФУ и др. научные и учебные заведения, Министерство образования и науки РТ, которое контролирует и издает учебные пособия по истории Татарстана и татарского народа. Ключевые принципы, на которых строится данная идеология: 1) балансирование между татарским этнонационализмом (историей татарского народа) и гражданским региональным национализмом («татарстанизмом»); 2) идея потерянной и вновь обретенной государственности; 3) пантюркизм, или «тюркизм» – татары как часть тюркского мира; 4) пантатаризм – создатели этой идеологии пытаются писать историю татар всего постсоветского пространства

¹ Шнирельман В. Идентичность и образы предков: татары перед выбором // Вестник Евразии. – 2002. – № 4. – С. 128–147; Шнирельман В. Предки и идентичность: модель Татарстана // Е. Алексеева (ред.). Проблемы идентичности: человек и общество на пороге третьего тысячелетия. – М.: РОО «Содействие сотрудничеству Института им. Дж. Кеннана с учеными в области социальных и гуманитарных наук», 2003. – С. 215–224.

(в том числе и историю крымских татар); 5) исламоцентризм – роль ислама в истории Татарстана оценивается только позитивно, в отличие от православия, которое хорошо представлено словосочетанием «насильственная христианизация»; 6) идея существенного вклада в российскую и мировую историю. Подчеркивание высокого культурного уровня татарского народа. Ключевыми историческими датами в рамках этой идеологии являются: 922 г. – принятие ислама в качестве государственной религии волжской Булгарии, 1552 г. – Взятие Казани войсками Ивана Грозного, 1920 г. – создание Татарской АССР, 1990 г. – провозглашение государственного суверенитета РТ.

Несмотря на различия между элитарными версиями истории, они имеют некоторые общие характеристики: 1) этноцентризм. Странники всех этих идеологий пытаются говорить от имени той или этнической группы; 2) концентрация внимания на эпохах и событиях истории до XX века. Таким образом, советский период истории находится на периферии элитарных дискурсов.

Каковы же исторические представления простых жителей Татарстана? В гайде интервью был заложен провокационный вопрос. Интервьюер в начале интервью задавал вопрос: «Расскажите о нашей истории». Информант должен был сам выбрать, что он понимает под «нашей историей». Исходя из анализа интервью и данных анкетного опроса, можно выделить следующие группы, которые имеют разные представления о «нашей истории».

1. Татарские «этнонационалисты». Взгляд на историю через призму истории татарского народа (8–12 % татарского населения Казани).

2. «Татарстанцы-россияне». История Татарстана (историю татарского народа) – 55–60 % населения Казани.

3. «Россияне» и/или «советские люди» – история российского и/или советского государства – 25–30 % населения Казани.

4. Русские «этнонационалисты» – история русского народа – 4–7 % русского населения Казани.

5. «Глобалисты» – всемирная история.

В ходе анкетного опроса мы также пытались выявить идентичности респондентов. Так, например, в анкете был задан вопрос: «Какие культуры из ниже перечисленных вам наиболее близки? (не более трех вариантов ответа)». В результате были получены следующие результаты. Татары: 1) татарская – 44,5 %; 2) российская – 38,0 %; 3) мировая культура в целом – 20,7 %; 4) русская – 16,5 %; 5) советская – 14,5 %; 6) исламская – 13,1 %; 7) европейская – 12,5 %; 8) казанская – 11,1 %. Русские: 1) российская – 40,6 %; 2) русская – 39,4 %; 3) мировая культура в целом – 18,4 %; 4) европейская – 16,4 %; 5) советская – 15,8 %; 6) татарская – 11,4 %; 7) православная – 11,0 %; 8) славянская – 10,6 %.

Из этих результатов видно, что достаточно много респондентов как среди татар, так и русских, выбрали вариант «советская культура». Но здесь важно подчеркнуть, что это во многом зависит от поколенческой принадлежности респондентов: среди 18–24-летних указали на близость к советской культуре

8,4 %, среди 25–39-летних – 11,9 %, в группе 40–55-летних – 16,7 % и наконец в группе 55 лет и старше – 22,5 %.

Анализ интервью показал, что события советской истории особенно важны для групп «татарстанцев-россиян» и «россиян» и (или) «советских людей». Для этих групп информантов характерны следующие особенности исторического сознания: 1) концентрация на истории России с XVIII века до Путина, и в первую очередь, на истории СССР. История выстраивается вокруг «большой триады: революция – Великая Отечественная война – Распад СССР». 2) Для этих групп информантов характерны две стратегии восприятия советского прошлого: а) история СССР как единая эпоха; б) набор различных событий и правителей. 3) Большая роль личных воспоминаний для информантов из старших групп и семейной памяти для младших групп.

Анализ данных анкетного опроса также показал первостепенную важность событий советской истории по сравнению с другими историческими эпохами. Так, например, отвечая на вопрос, «Какие эпохи в истории России наиболее интересны для вас?» 28 % респондентов выбрали вариант «Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг.». Отвечая на вопрос «Какими событиями в истории России вы гордитесь больше всего?» вариант «Победа в Великой Отечественной войне» выбрали 58,0 %, а «Полет Юрия Гагарина в космос» 32,3 % респондентов. В вопросе «Какими событиями в истории Татарстана вы гордитесь больше всего?» вариант «Победа в ВОВ» выбрали 31,5 % респондентов. Приведем также ответы на другие вопросы, по которым можно выявить значимость событий советского периода истории. «Какие события и эпохи в истории нашей страны вызывают у вас стыд?»: война в Чечне – 25,2 %, сталинские репрессии – 23,0 %, распад СССР – 18,0 %. «Какие события вы считаете самыми трагическими событиями и эпохами в истории нашей страны?»: ВОВ – 46,2 %, Чернобыльская катастрофа – 22,2 %, сталинские репрессии – 20,5 %. «Какие события вы считаете самыми трагическими событиями и эпохами в истории Татарстана?»: ВОВ – 34,7 %; война в Афганистане – 17,0 %; война в Чечне – 15,0 %; гонения на мусульман в XVI–XVIII веках – 13,6 %.

Почему события советской истории так важны для массового сознания и почему советская идентичность продолжает воспроизводиться в постсоветскую эпоху? Можно указать на следующие причины:

1. Огромное влияние общероссийской (московской) исторической идеологии через единое русскоязычное информационное пространство (телевидение, СМИ и т.д.)

2. Федеральная историческая политика с начала 2000-х годов направлена на встраивание (нормализацию) советской истории в историю России. Происходит «поглощение» советской идентичности идеологией российской идентичности.

3. Важным источником представлений о советской истории являются личные воспоминания, воспоминания старших родственников, т.е. в данном случае большую роль играет коммуникативная память (по Я. Ассману).

Т. Б. Качкина (Ульяновск)

УЛЬЯНОВСК РОДИНА ЛЕНИНА: ОТ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО СИМВОЛА К ТУРИСТСКОМУ БРЕНДУ (к проблеме идентичности места)

Внимание к проблеме идентичности в постмодернистском мире связано с попытками человека обрести экзистенциальную основу, вернуться к позитивистскому осмыслению места человека в мире в «эпоху ксерокса». На местном уровне проблема идентичности обретает актуальность в связи с поисками оснований для социальной сплочённости, для обеспечения внутренней солидарности и консолидации сообщества в целях формирования реальных механизмов регуляции и саморегуляции конкретных социальных практик на основе взаимного согласования интересов и действительного равенства в возможности их реализации. Идентичность, таким образом, выступает основанием для социальной сплочённости (хотя можно говорить и об обратном влиянии – солидарность способствует усилению идентичности). В свою очередь, политика идентичности имеет целью формирования определённых параметров групповой и персональной идентичности в целях лучшего управления массами.

Обратимся собственно к проблеме идентичности. Типологизация любого сложного феномена, по образному выражению Розенау, напоминает «салонную игру», позволяет выделить множество типов идентичности по разным критериальным основаниям (не говоря уже о выделении отдельных видов идентичности внутри каждого типа):

- по субъекту – персональная (индивидуальная) и коллективная;
- по степени проявления – сильная и слабая;
- по способу обретения /формирования – естественная и сконструированная;
- по самооценке – позитивная и негативная, кризисная;
- по направленности тождественности – «с кем я» (внутренняя идентичность) и «не с кем я» (внешняя идентичность, которая, тем не менее, существует в виде внешнего вызова формированию внутренней тождественности иной группы);
- по времени существования: живая и «мертвая» (историческая, когда-то существовавшая);
- по факту существования – реальная, проявляющаяся в конкретных практиках, и мыслимая, эфемерная (конструкт в чистом виде);
- по степени актуализации в сознании – идентичность как результат осознанной рациональной или бессознательной социальной практики;
- по уровням – геополитическая, национальная, региональная, местная, или локальная идентичность.

По всей вероятности, можно говорить о выделении исторических типов идентичности по разным основаниям.

Идентичность предстает перед нами как крайне сложный, противоречивый, ускользающий от чётких дефиниций феномен, множественная категория, о которой З. Бауман говорит как о «призме», сквозь которую рассматриваются и изучаются экономические, политические, социокультурные аспекты современного бытия человечества¹. Однако представляется, что можно говорить о разной степени укоренённости данных аспектов в сознании индивида или группы. Идентичность формируется и проявляется с разной степенью интенсивности. Как уже было сказано, можно выделить «сильную» и «слабую» идентичности, где при определении тождественности главным критерием разделения будет выход тех или иных факторов самоидентификации на первое место, при этом эти факторы могут восприниматься осознанно, либо на подсознательном уровне.

В случае, когда фактор или основание для самоидентификации воспринимается осознанно, способствует выделению себя (своей группы) как некой отличительной самости и проявляется в социальном действии, речь может идти о сильной имманентной внутренней идентичности. Сильной идентичность может быть и в глазах внешнего, стороннего наблюдателя (наблюдателей), который придает наблюдаемому исключительную сплоченность и отличие от других, в то время как сам наблюдаемый может этого не ощущать и не осознавать.

Наиболее сильно идентичность проявляется в состоянии наличия вызова извне, когда существует угроза социальному благополучию, ущемляются национальные, религиозные, социальные или политические права. Самыми значимыми консолидирующими факторами, как показали исследования российских социологов и психологов, являются факторы социальной (статусной, профессиональной, конфессиональной, религиозной, этнической, гендерной и т. д.) и политической принадлежности. Здесь идентичность проявляется наиболее ярко как способность воспроизводить модель мышления, модель политического поведения и социальных практик, свойственную данному социуму.

В рамках данной статьи нас интересует идентичность места. Причём мы отличаем её от местной (локальной) идентичности.

Местная (локальная) идентичность (впрочем, это относится и к другим видам идентичности по уровням) – комплексный феномен. Она проявляется как совокупное восприятие населением себя, своей «самости» и тождественности как некоего объединяющего феномена, формирующегося и формируемого по разным основаниям (этническому, конфессиональному, экономическому, социальному...). Когда мы говорим об идентичности места, мы имеем в виду,

¹ См. Бауман З. Индивидуализированное общество. Ч. II. Как мы думаем. Гл. 11. Идентичность в глобализирующемся мире / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005.

что на первый план в качестве основания для идентификации выступает место рождения/проживания человека.

Идентичность места в чистом виде практически не существует сама по себе и проявляется слабо. Она может формироваться, когда надо подчеркнуть качественное, существенное отличие человека именно по месту его рождения и проживания. Примеры: волжанин, сибиряк, москвич. Но в этом случае она приобретает символический статус, сливаясь с этнической идентичностью. Идентичность места требует привязки к более сильной идентичности – этнической, религиозной, мифологической, идеологической... Так обстояло дело с идентичностью места у жителей Ульяновска, которая возникла на основе становления советской идеологии. Она носила социальный, коллективный характер и шла не от человека, а извне – от государства, то есть, носила государственно-конструируемый и государственно-организованный характер. При этом конфликта идентичностей не возникало, социальное и личное сливались в одно целое при доминировании социального, и социального предельно идеологизированного. Сила формирующейся новой идентичности была основана на проникновении государственной партийной идеологии в сознание простого человека, когда она становилась критерием оценки окружающей действительности и фундаментом определения поведения людей.

Проблема идентичности места для Ульяновска напрямую связана с проблемой оценки роли и места В. И. Ленина в российской истории. Фигура В. И. Ленина сливается с основанным им государством, и дискуссии о роли и личности Ленина, как правило, перерастают в дискуссии об СССР и о социализме. При этом постоянно присутствует элемент сравнения советского общества и общества современной России по принципу «лучше – хуже». Ленинизм и сегодня сохраняет актуальность как политическая и идеологическая доктрина. Социолог Йельского университета Иммануил Валлерстайн утверждает, что с течением времени в России весьма вероятно политическая реабилитация Ленина. По его мнению, где-то к 2050 г. он вполне может стать главным национальным героем¹. Не случайно в Ульяновске в настоящее время все чаще предпринимаются попытки возродить роль и значение города именно как места рождения В. И. Ленина и объединить ульяновцев как земляков Ильича.

Вопрос заключается в том, насколько это актуально и действенно и в каком случае может проявить себя в конкретных практиках как солидаризирующий фактор. Посмотрим, как Ленин становился символом, идеологическим мифом, а Ульяновск – «Родиной Ленина».

Агитационно-пропагандистская машина ВКП(б) завертелась уже на следующий день после смерти вождя. Будучи непререкаемым авторитетом в годы жизни, Ленин должен был превратиться в «икону» после смерти. Это соответствовало модернизационной стратегии большевиков, ведь правящая

¹ См. Валлерстайн И. Ленин и ленинизм сегодня и послезавтра// Эксперт. – 2011. – № 1 (735) [электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/expert/2011/01/lenin-i-leninizm-segodnya-i-poslezavtra/> (дата обращения 12.08.2014)

партия чрезвычайно эффективно использовала цементирующий российское общество триединый принцип «Православие–Самодержавие–Народность». Изменялось содержание, форма оставалась.

Принцип «Самодержавия» наполнялся идеей диктатуры пролетариата, его вождей. Традиции сильной власти в истории российской государственности, этактистские убеждения населения способствовали сохранению такой преемственности. Очень жестко проводит эту мысль Е. Шварц в пьесе «Дракон». Пришел рыцарь Ланселот, которого никто не звал, и спас (хотя никто его об этом не просил) жителей города от свирепого дракона, к которому те, в принципе, привыкли. Горожане сначала обрадовались – пришла желанная свобода! А побегав, устали от беспорядка и, не зная, что с этой свободой делать, стали искать себе нового дракона. Провидец Шварц прав – демократию нельзя принести на блюдечке извне, в готовом виде, она – продукт длительного развития общества, его политической культуры. Традиции демократии были в российском обществе крайне слабы, исторический опыт демократии ничтожен. Укорененность в общественном сознании державности и вождизма, веры в доброго царя, в сильную власть облегчала большевикам задачу реализации на практике идеи диктатуры партийной верхушки.

«Народность» превратилась в советский коллективизм, что соответствовало не умершему еще общинному духу аграрной страны и позволяло объединить идею диктатуры и идею народного единства на коллективистских началах.

Идеологический вакуум в условиях ценностной аномии трансформирующегося общества не допускался, и «Православие» заменилось верой в коммунистические идеалы, в вождя революции, в особую миссию пролетариата. С новым революционным культом неразрывно был связан культ вождя – Пророка.

Ленин должен был стать центральной культовой фигурой новой революционной Веры. Сакрализация его началась уже при жизни. Культ Ленина формировался стихийно, сначала по инициативе солдатских, крестьянских низов. Этот культ был неразрывно связан с реализацией идеи Октября, со становлением нового государства. После покушения на него в 1918 г. в беседе с В. Д. Бонч-Бруевичем Ленин говорил: «Это что такое? Как же Вы могли допустить? Смотрите, что пишут в газетах? Читать стыдно. Пишут обо мне, что я такой, сякой, все преувеличивают, называют меня гением, каким-то особым человеком... Коллективно хотят, требуют, желают, чтобы я был здоров <...> Так чего доброго, пожалуй, доберутся до молебнов за мое здоровье <...> Ведь это ужасно! <...> И откуда это? всю жизнь мы идейно боролись против возвеличивания личности, отдельного человека, давно порешили с вопросом героев, а тут вдруг опять возвеличивание личности! <...> В какие-то герои меня произвели, гением называют, просто черт знает что такое!»¹.

¹ Бонч-Бруевич В. Д., Избр. соч., т. 3, 1964, Воспоминания о В. И. Ленине 1917–1924 гг. // Избр. соч. в 3-х тт. Т. 3. – М., 1963. – С. 296–297.

А. М. Горький на страницах журнала «Коммунистический интернационал» сравнивал Ленина с Петром Великим, называл его «легендарной личностью», «человеком, стоящим в центре и выше всего», утверждал, «что в эпоху преобладания религиозных настроений Ленина сочли бы святым», подчеркивал, что Владимир Ильич «обладает даром предвидения, гениальной интуицией мыслителя-экспериментатора» и т. д.¹ Уже в 1921 г. в соответствии с ленинским планом монументальной пропаганды в Симбирске планировалось поставить памятник В. И. Ленину, хотя его имени не было в плане. Справедливости ради надо отметить, что сам Ленин, пока был в состоянии, достаточно жестко выступал против подобных действий и публикаций.

Во время болезни Ленина уже с конца 1923 г. на промышленных предприятиях, в клубах, учебных заведениях стала выделяться специальная комната, в которой стоял бюст Ленина или висели его портреты, находились его книги и газеты с ленинскими статьями и выступлениями, где можно было познакомиться с биографией. После смерти вождя его культ начинает формироваться целенаправленно. Даже сама церемония похорон превратилась в сакральное действие. Начинается массовое переименование населённых пунктов, улиц и площадей, учреждений и предприятий. Повсеместно воздвигаются памятники Ильичу, печатаются плакаты, изготавливаются гипсовые бюсты, памятные медали, пишутся многочисленные книги о Ленине: воспоминания, рассказы, повести.

Эти процессы очень быстро начинают направляться и контролироваться коммунистической партией. Всесоюзная пионерская организация, носившая имя Спартака, в день смерти В. И. Ленина получила его имя. Российский коммунистический союз молодёжи (РКСМ) в 1924 г. переименован в Российский ленинский коммунистический союз молодёжи (РЛКСМ). На Красной площади в Москве начали воздвигать Мавзолей. 27 июня 1927 г. был издан декрет ЦИК СССР о порядке воспроизведения и распространения бюстов, барельефов, картин и т.п. с изображениями В. И. Ленина. Под контролем партии и государства создается двойственный героизированный и мифологизированный образ Ульянова-Ленина – «самого человеческого человека», «доброту дедушки» и одновременно «вождя мирового пролетариата, гения революции». Этот образ не был в чистом виде конструктом, навязанным извне, он шел и от народа, которому надо было во что-то верить, который столкнулся с величайшей катастрофой и стал участником революционной трагедии, именно поэтому образ гения и вождя революции обретает черты устойчивого имиджа и становится в ряде мест основой для формирования идентичности.

¹ Горький А. М. Владимир Ильич Ленин // Коммунистический Интернационал. – 1920. – № 12. Стлб. 1927 (Ленин предложил Политбюро ЦК РКП(б) принять решение, признающее «крайне неуместным помещением в № 12 «Коммунистического Интернационала» статей Горького, особенно передовой, ибо в этих статьях не только нет ничего коммунистического, но много антикоммунистического. Впредь никоим образом подобных статей в «Коммунистическом Интернационале» не помещать»).

Причём, если, например, в Ленинграде формирование идентичности места было связано с революционными событиями («колыбель революции»), в Шушенском – с местом ссылки Ленина, то в Ульяновске, бывшем Симбирске, формируется идентичность места, связанная с фактом рождения. Эта идентичность приобретает все большее значение по мере сакрализации фигуры вождя мирового пролетариата. Каждая бытовая мелочь его жизни обретает культовое значение. Появляются сказки-мифы о Ленине: Ленин на субботнике с бревном, Ленин на детском утреннике, маленький Володя Ульянов, его помощь няне по дому, его отношения с друзьями, его учеба, отношение к старшему брату, становление революционного сознания... «Без Ленина – по ленинскому пути» – эта рубрика стала постоянной во многих газетах после смерти В. И. Ленина.

Смерть Ленина стала определять будущую жизнь Симбирска. 26 января 1924 г. была создана специальная комиссия по увековечению памяти В. И. Ленина. Одним из первых вопросов, который на ней был поставлен, являлся вопрос о переименовании городов. Название Ленинград было утверждено за Санкт-Петербургом. Относительно Симбирска выдвигались различные предложения. Декрет ЦИК от 9 мая 1924 г. гласил: «В ознаменование места рождения В.И. Ульянова-Ленина переименовать город Симбирск в город Ульяновск и Симбирскую губернию – в губернию Ульяновскую!». Газета «Пролетарский путь» писала: «Осиновый кол в дворянский Симбирск! Да здравствует родина Ильича!»¹. Так начал формироваться новый имидж города – идеологизированный образ родины Ленина. Еще в марте 1923 г. постановлением СГИК был национализирован и передан в полное распоряжение РКП дом № 48 по Московской улице, в котором проживала семья Ульяновых в 1878–1887 гг.² В декабре 1923 г. по инициативе бюро Истпарта – Симбирского губкома РКП(б) здесь был открыт историко-революционный музей им. В. И. Ленина, называвшийся сначала «Музеем симбирского бюро Истпарта». Кроме исторических документов, характеризующих этапы революции и работы партии, в музее в целях увековечения памяти вождя предполагалось собрать воспоминания лиц, бывших близкими семье Ленина, проживающих в Симбирске, а также документы полицейских и жандармских органов о В. И. Ленине и архив гимназии, где он учился. В записке заведующего музеем в марте 1924 г. отмечалось, что «центром внимания, продолжающимся до сего времени, музей стал со дня смерти В. И. Ленина», и что «экскурсии посещают музей ежедневно по 2–3 экскурсии в день, посетителей было около 800 человек в месяц, в среднем наиболее всех интересуется отдел с материалами о В. И. Ленине».³

В 1928–1929 гг. Музей был преобразован в Мемориально-бытовой музей

¹ Пролетарский путь. – 1924. – 11 мая.

² Культура Симбирского-Ульяновского края: сборник документов и материалов / авт.-сост. Н. В. Забалухина, А. Г. Пашкин, О. А. Полянская, Л. М. Сергуненкова / под. ред. канд. ист. наук. А. Г. Пашкина. – Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2011. – С. 54.

³ Там же. С. 55.

В. И. Ленина. Это преобразование не было случайным. Нужно было найти способ музеефикации, который представил бы человечность Ленина, вызвал бы интерес к его личности, его детству. Участие в восстановлении мемориальной обстановки в доме принимали сёстры и брат Ленина. В музее регулярно шли экскурсии. В январе 1925 г. была издана книга «Семья Ульяновых в Симбирске» под редакцией и с примечаниями А. И. Ульяновой (Елизаровой). «Авторы книги Швер А. В. и Алексеев А. И. – работники Истпарта Ульяновского губкома РКП(б), использовали архивные документы и воспоминания живых свидетелей, знавших семью Ульяновых <...> Авторы книги в договоре с издательством оговорили, что весь доход от издания книги должен поступить на оборудование музея им. Ленина в г. Ульяновске»¹. Объекты, связанные с жизнью и деятельностью членов семьи Ульяновых в Симбирске, брались под охрану государства. В 1923–1927 гг. были установлены памятные доски на домах, где жил и учился Ульянов-Ленин. На могиле И. Н. Ульянова установили доску с надписью золотом «Здесь похоронен отец В. И. Ленина – Илья Николаевич Ульянов». В 1924 г. жители области провели сбор средств на постройку самолета «Земляк Ильича» для первой советской эскадрильи «Ленин».

Встает вопрос – можно ли говорить о сформированной идентичности места у ульяновцев в предвоенный период, если считать критерием сформированности практику действий?

В 1920–1930-е гг. по всей стране на занятиях кружков ликбеза, на уроках и классных часах в школах, на политзанятиях, в институтах марксизма-ленинизма, в избах-читальнях изучалась биография В. И. Ленина, создавались кружки по изучению биографии вождя. В ней упоминалось о городе Симбирске/Ульяновске, но что такое Ульяновск, население СССР не знало. На страницах центральных газет того времени не удалось найти какие-либо упоминания о городе, лишённом в 1928 г. статуса губернского и превращённом в районный центр Средневолжского края. То есть, стимула извне для формирования внутренней тождественности на основе общего землячества с Ульяновым-Лениным не было.

Население Ульяновска по сравнению с дореволюционным периодом почти не росло, во второй половине 1920-х гг. наблюдался демографический спад.

Таблица 1

Год	1917	1923	1926	1931
Население (тыс.чел.) ¹	63 700	68 700	70 600	68 900

Крупной промышленности практически не было. Провинциальный уездный город, где 85 % построек деревянные, где в конце 1920-х–1930-е гг. было снесено большинство каменных храмов, которые архитектурно «держали»

¹ Культура Симбирского–Ульяновского края... С.73

центр города, Ульяновск напоминал большую деревню. (Отметим, правда, что со второй половины в 1930-х гг. в экономике города начинают происходить позитивные сдвиги).

Связь с местом рождения В. И. Ленина, насколько можно судить по публикациям в прессе, осознавалась горожанами, однако образ родины Ленина как укоренённый в сознании конструкт, не сформировался. Можно предположить, что не подкреплённая реальными основаниями в виде поступательных изменений в экономике, в городском хозяйстве, на фоне грандиозных строек, масштабных изменений в стране идентификация места не была ведущей компонентой в самоидентификации населения Ульяновска. Факт переименования города существенным образом не повлиял на его развитие, на отношение к нему в стране, на духовный мир горожан. Даже обсуждение вопроса об установке памятника Ленину в Ульяновске затянулось на годы. Предложение, как уже говорилось, впервые прозвучало в 1921 г. 26 января 1924 г. газета «Пролетарский путь» опубликовала обращение студентов Симбирского рабфака «ко всем гражданам и организациям Симбирска»: «Построим памятник Владимиру Ильичу. <...> Пусть фигура его, нашего Великого земляка, будет вечным напоминанием нам о том, за что он жил и боролся. Пусть те, против которых он боролся, глядя на него, помнят, что и мы враги их, и что нас много, Ленин жив в нас». В апреле 1924 г. Государственное издательство Ульяновской губернии уведомляет Ульяновский губком РКП(б), что в организованных издательством скульптурных мастерских талантливые скульпторы по заказу изготовят памятник В. И. Ленину из разнообразных материалов, любой величины и по разным ценам (с рассрочкой)¹. Завод «Красный Выборжец» в июле 1925 г. предлагает произвести лепку и отливку из лучшей художественной бронзы и любой величины фигуры тов. Ленина в своих специально оборудованных мастерских. «Лепку будет производить работающий у нас известный академик Харламов...»². В докладной записке Окружному ВКП(б) от уполномоченного Средне-Волжского облистпарта отмечается полная неосведомлённость ульяновского Истпарта насчет некоторых мероприятий ОМУ, связанных с увековечиванием памяти В. И. Ленина, а также нерешённость вопроса о возможности установления памятника на пьедестале бывшего памятника Александру II³. То есть, нужен был толчок извне для установления памятника Ленину на родине Ленина, однако произошло это только к 70-летию со дня его рождения в 1940 г.

Если судить о состоянии общественного мнения по материалам периодической печати, то в 1920-е гг. газета «Пролетарский путь», например, публиковала информационные сообщения со съездов ВКП(б) и Пленумов ЦК ВКП(б), Постановления рабочего и крестьянского правительства, писала о вопросах внутрипартийной жизни. Популярной была тема режима экономии,

¹ Культура Симбирского-Ульяновского края. С. 70–71.

² Там же . С. 70.

³ Там же..

много писалось об открытии новых клубов, библиотек, о соцсоревновании, ликбезе, о международном положении, печатались отрывки из литературных произведений. Ленинская тема была предельно формализована. В передовицах надо было использовать ленинские цитаты, слово «ленинский» стало обязательной приставкой ко всему: ленинский субботник, ленинский марш, ленинский призыв, ленинские заветы, имени Ленина... Но при этом сама тема перестала быть темой дискусивно-полемических практик, а между реальной жизнью небольшого захудалого районного городка и масштабностью фигуры его уроженца была пропасть.

Сильная идентичность места, не подкрепленная экономически и заформализованная идеологически, если говорить о ней как о доминирующем факторе, не проявляется в Ульяновске вплоть до второй половины 1960-х гг., когда провинциальная ментальность ульяновцев нашла некое реваншистское воплощение путем превращения города в крупный промышленный центр и своеобразную идеологическую столицу страны, известную далеко за её пределами.

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. советское государство готовилось отпраздновать знаковые события: 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции, 100 лет со дня рождения В. И. Ленина, 50 лет со дня образования СССР. Страна подводила итоги социалистического эксперимента – самого великого в мировой истории, ведь еще никто не пытался в таких масштабах осуществить на практике построение общества, основанного на принципах равенств, социальной справедливости, свободы от эксплуатации. Учебников не было, строили, как могли, стремились во что бы то ни стало доказать преимущества социализма над капитализмом.

Вторая половина 1960-х – первая половина 1970-х гг., на которые пришлись знаменательные даты, – пик расцвета советского социализма. Поэтому отметить юбилеи надо было максимально торжественно. Именно в эти годы Ульяновск находится в центре внимания всей страны. Он уже не такой провинциальный и отсталый. В 1943 г. город вернул себе статус областного центра, оброс промышленными окраинами, где разместились крупные эвакуированные в годы войны предприятия. Население в 1967 г. выросло до 294 тысяч человек. Однако в 1940–1950-е гг. Ульяновск развивается весьма своеобразно. Старинный центр Ульяновска почти весь состоял из одноэтажных деревянных особнячков, его окружали заводские микрорайоны Автозавода, УЗТС, Моторного завода... В. Л. Глазычев пишет: «Город в России – это разбухшая заводская слобода <...> социалистическая индустриализация, продолжая давнюю, глубоко укорененную традицию, вела к тому, что можно именовать тотальной "слободизацией" поселений <...> слободе придавалась "форма города"». Однако логика триумфа социализма диктовала обновление не

¹ Глазычев В. Л. Высвобождение городов [электронный ресурс]. URL: http://www.glazychhev.ru/habitations&cities/1993_vyslob_gorodov.htm (дата обращения 13.05.2014).

только индустрии. «Базис» должен был тянуть за собой «надстройку». Город должен был превратиться в образцовый социалистический и соответствовать высокому статусу родины В. И. Ленина. Это укладывалось в стратегию коммунистической партии, которая заключалась в торжестве коммунизма в мировом масштабе.

И к празднованию 100-летия со дня рождения В. И. Ленина облик провинциального города изменился. Отстраивается новый центр с монументальными сооружениями: «храм» Ленина – Ленинский мемориал (ЦК ВЛКСМ объявил эту стройку Всесоюзной ударной комсомольской), высотная гостиница «Венец», Дворец пионеров, Областная детская библиотека им. В. И. Ленина, новые здания железнодорожного вокзала и речного порта, современный аэропорт, Дворец профсоюзов (ныне Губернаторский), новое здание педагогического института. На волжском берегу появился прекрасный парк Дружбы народов.

В строительстве нового центра Ульяновска – ленинской мемориальной зоны – включилась вся страна. Более 100 предприятий, институтов, художественных мастерских, творческих объединений и союзов страны участвовали в разработке и поставке для стройки материалов, оборудования, конструкций, документации. На Урале и в Узбекистане добывали руду, в Куйбышеве и в Санкт-Петербурге готовили металлоконструкции. Челябинск разрабатывал сетевой график строительства. На строительстве нового Ульяновска работали представители тридцати национальностей. Вместе с советскими комсомольцами трудился интернациональный отряд молодых строителей – посланцев Болгарии, Венгрии, Демократической Республики Вьетнам, ГДР, Кубы, Монголии, Румынии, Польши, Чехословакии. На многолюдные воскресники по строительству Мемориала, пединститута и др. выходили все жители Ульяновска.

Изменившемуся облику соответствовало и возросшее экономическое значение Ульяновска в советской экономике. В 1964 г. был сдан в эксплуатацию первый корпус НИИ «Марс», который в этом же году открыл собственное экспериментальное производство автоматических систем управления для МВФ СССР. В 1970 г. начал выпускать продукцию завод «Гидроаппарат». Построенный в 1960 г. завод «Комета» с 1968 г. становится главным поставщиком цифровых вычислительных комплексов и приборов электронно-вычислительной техники на все строящиеся подводные лодки и надводные корабли ВМФ СССР. С 1971 г. завод «Искра» быстро занимает место одного из крупнейших производителей отечественных электронных компонентов. С 1972 г. начинается серийный выпуск автомобиля УАЗ-469, который стал основным командирским автомобилем в Советской армии и в странах Варшавского договора, сменив в этом качестве ГАЗ-69. Отметим, что плановая экономика обеспечивала предприятиям надёжный государственный заказ.

В апреле 1975 г. по предложению министра авиационной промышленности П. В. Дементьева было принято решение о строительстве в г. Ульянов-

ске авиационно-промышленного комплекса. На выбор Ульяновска местом грандиозной стройки оказали влияние два фактора. Министр авиационной промышленности П. В. Дементьев был уроженцем Симбирской губернии. В 1927 г. он окончил Симбирское (Ульяновское) профессионально-техническое училище, и предприятие-гигант по строительству широкофюзеляжного самолета выглядело своеобразным подарком родному городу. Однако немалую роль сыграло и возросшее значение Ульяновска как идеологического центра. В условиях разрядки в 70-е гг. XX века противостояние СССР и США переходит преимущественно в экономическую плоскость (что не снимает его военно-технического аспекта), в частности, в области современной авиации.

Под авиакомплекс был заложен новый городской микрорайон с современными проспектами и инфраструктурой. По численности населения Ульяновск бодро шагал к городу-миллионнику. Поговаривали даже о строительстве метро.

Таблица 2

Год	1967	1970	1973	1976	1986
Население (тыс.чел.) ²	294 000	351 085	395 000	429 000	566 000

Несмотря на наличие УАЗа, авиазавода, предприятий оборонного комплекса город оставался открытым. Видимо, идеология («Родина вождя революции») в данном случае оказалась сильнее требований госбезопасности. Обновленный Ульяновск превратился в своеобразную туристскую Мекку. В период навигации около шести туристических теплоходов, в том числе и с иностранными туристами, ежедневно утром заходили в порт с верховьев и низовьев Волги, и пестрые группы под зорким присмотром экскурсоводов прогуливались по Венцу и мигрировали из музея в музей до обеда. А потом с Венца можно было наблюдать за отплывающими огнями теплоходов. В 1970-е гг. в наш город приезжало около миллиона туристов в год. Только Дом-музей В. И. Ленина принимал по 400 тысяч посетителей – по тысяче (а бывало и до трех тысяч) в день. В гостиницах не было мест, гостям предлагались многочисленные яркие буклеты. Регина Писарек приятным голосом пела на польском «Ульяновск, Ульяновск, в размахе синей высоты, ты вечен, Ульяновск, как Ленин, вечен ты». Эту особую гордость, особый статус, может, и не всегда осознанно, но ощущали жители города и области, появилось ощущение некоей эксклюзивности, почти избранности. В 1966 г. Ульяновская область была награждена орденом Ленина, а в 1971 г. орден Ленина получил сам город Ульяновск.

«Ульяновск – родина Ленина» был в то время, говоря современным языком, хорошо узнаваемым и хорошо продаваемым брендом. Ульяновцы с гордостью называли себя земляками Ленина. В любом населённом пункте Советского Союза, да и в странах социалистического лагеря об Ульяновске говорили: «А, это на Волге. Это родина Ленина». Тема Ульяновска постоянно присутствовала на страницах центральной периодической печати. Даже журнал «Крокодил»

посвятил 100-летию со дня рождения В. И. Ленина отнюдь не шуточный выпуск¹. В 1970 г. уральские лесники в ознаменование 100-летия со дня рождения Ильича посадили более миллиона саженцев деревьев, образующих надпись длиной 575 м «Ленину 100 лет», которая сегодня видна из космоса. И подобных примеров множество. В 1970-е гг. практически в каждом крупном городе СССР обязательно был Ленинский район и в каждой области – город или посёлок, в том или ином варианте носящий его имя. Число городов, районов и посёлков с именем Ленина достигало тогда в СССР 256².

Когда средством идентификации места становится централизованно насаждаемая идеология, можно говорить о политико-идеологической идентификации, сконструированной средствами идеологической пропаганды. Так произошло с Ульяновском и ульяновцами в конце 1960-х – начале 1970-х гг. Но пропаганда подкреплялась реальной экономикой, что делало ее действенной, а идентичность места устойчивой.

В 1990-е гг. все изменилось и для страны, и для Ульяновска. Очень быстро начинает разваливаться промышленность и городское хозяйство. Опустели многие корпуса завода «Искра». В 1993 г. уменьшается оборонный заказ «Комете», и предприятие вынуждено перейти на выпуск гражданской продукции и самостоятельно находить заказчиков. В 1994 г. остановлено производство самолётов Ан-124 «Руслан». Динамичный, интеллектуальный Новый город замирает и медленно деградирует. В школах Нового города до развала СССР и начала рыночных реформ было по 10 и более параллельных классов. В 1990-е гг. многие школы с трудом набирают 1–2 параллели. Некоторые школы и многие детские сады закрываются. Приходит в запустение парк Дружбы народов. Наблюдается быстрое сокращение численности населения за счет миграционного оттока. Обветшавшее городское хозяйство, асфальт – как после бомбежки... К концу 1990-х годов региональная экономика стала одной из самых депрессивных в России. Ульяновск, попытавшись какое-то время удержаться на позиции «красного города», который не затронули быстрые процессы приватизации и либерализации цен, снова стал символом – символом застоя, отставания в развитии. Ульяновск 1990-х – глубокая провинция, замершая и сонная, «столица обломовщины». Население оцепенело, замкнувшись на практиках индивидуальных выживаний. В сознании бывших советских людей место официальной уверенности в своем настоящем и будущем, в будущем региона, занимает растерянность и утрата прежней официозной идентичности. Обретается новая идентичность со знаком «минус», в основе которой – глубокий комплекс неполноценности. Соцпросы фиксируют преобладание базисных идентичностей: национальность, близкие, семья,

¹ См. Крокодил. – 1970. – № 4. Ульяновск. Выпуск посвящён 100-летию со дня рождения Владимира Ленина. Автор – Герман Огородников [электронный ресурс]. URL: <http://ul-people.ru/wp-content/uploads/2012/05/111.jpg> (дата обращения 14.06.2014).

² Чёрная книга имен, которым не место на карте России/ сост. С. В. Волков. – М., Посев, 2004. – С. 28.

сверстники, коллеги¹. Идеология уходит на последний план. Наступает время безыдейности.

Меняется отношение к Ленину. Широкое распространение получают мифы «от противного», или «антимифы»: Ленин шикарно жил на средства партии за границей, Ленин – немецкий шпион, Ленин – кровавый диктатор, Ленин – разрушитель церквей и расхититель церковных ценностей... Они не новы, но удивительно живучи, хотя историческая недостоверность связи Ленина и большевиков с германским военным командованием в 1917 г. доказана многими исследователями². Разрушение памятников В. И. Ленину на пространстве бывшего СССР – оборотная сторона антимифов. А в Ульяновске бурно обсуждается вопрос о возвращении городу старого названия – Симбирск.

Медленное и трудное возрождение начинается примерно с середины нулевых годов XXI в. В рамках данной статьи мы не будем останавливаться на том, как постепенно восстанавливались город и область. Процесс этот еще не завершен, и по основным показателям мы до сих пор не вышли на уровень начала 1990-х гг. XX в. Но область добилась ускорения динамики развития, что позволило не только смотреть в прошлое, вытягивая хозяйство из пропасти, но и задуматься о будущих перспективах.

«Куда лечу?» – спрашивала небезызвестная ворона из мультфильма про домовенка Кузю. Преодоление глубокого системного кризиса, в котором находилась область, и переход к динамичному поступательному развитию предполагали разработку концепции реформирования. Основные вопросы, на которые должны быть найдены ответы: какие реформы мы проводим; какими средствами; в чьих интересах и за чей счет; каковы перспективы и последствия их реализации. Ульяновская область должна была определить, где находится оптимальное соотношение: между административными рычагами регулирования экономики и рыночным саморегулированием; между функциями ветвей власти; между общим направлением реформ, механизмами их реализации и интересами большинства граждан региона; между компетентностью и ответственностью органов власти (региональной, местной) и самоуправлением.

Но наряду с разработкой научной концепции реформирования не менее важно было мобилизовать жителей области на поддержку программы преобразований, ведь без этого все реформы будут идти жестко сверху, в ущербном варианте. Практика показывает, что население не очень вникает в глубинный смысл сути преобразований, но хочет видеть просто сформулированные лозунги и ясно очерченные горизонты, например: «Вперед, к победе коммунизма!», «Развитое социалистическое общество», «Догоним и перегоним Америку!», «Строим "сяюкан" общество малого благоденствия» (это уже из истории совре-

¹ Данилова Е., Ядов. Е. Кто есть мы? Неустойчивая социальная идентичность становится нормой в нестабильном социальном пространстве // Молодежь Эстонии. – 2003. – 19 ноября.

² См, например, исследования С. Ляндреса: Lyandres Semion. The Bolsheviks' "German Gold" Revisited: An Inquiry into the 1917 Accusations [электронный ресурс]. URL: <http://carlbeckpapers.pitt.edu/ojs/index.php/cbp/article/view/63>; Ляндрес С. Немецкое финансовое участие в Русской революции. Россия в 1917 г. - СПб, 1993.

менного Китая). Лозунги являются частью идеологии страны. По ним можно воссоздать картину давно минувших лет и проследить, против чего боролись и к чему стремились поколения людей. Но на общероссийском уровне в условиях утраты единого идеологического стержня выработать последовательную программу реформ под четкими, объединяющими народ лозунгами не удалось. Периодически делаются попытки выработать новую национальную идею для России, идею, которая должна лечь в основу определения целей движения и смыслов жизнедеятельности нации, формирования национальной идентичности и новых, наполненных созидательным содержанием лозунгов. Пока в качестве единственной внятной формулы, и то с оговорками, можно признать лозунг «Россия – попробуй завали!», явленный в качестве победителя конкурса арт-концепций «Национальная идея России» на Венецианской Бьеннале в мае 2013 г. и воплощенный в виде огромной пятиметровой неваляшки (шар с несокрушимым дубовым бревном на нем и с золотым двуглавым орлом на самом верху и надписью «Попробуй, завали»), которую можно было попытаться перевернуть (никому не удалось)¹. Может быть, в свете Крымских событий это и актуально, но на одном вызове позитивной динамики развития не достигнуть.

С утратой наднациональной идентичности стало приходить понимание отсутствия и региональной идентичности и того, что без ответа на вопрос «Кто мы такие?» ответить на вопрос «Куда мы идем?» невозможно, как невозможно мотивировать население жить и заинтересованно трудиться во имя не только личных, но и коллективных целей. Пришло также осознание новых рыночных реалий и наступления эры жесткой конкуренции регионов в борьбе за инвестиции. Так появляется идея необходимости формирования позитивного имиджа и брендинга, осознанная, кстати, не только в нашей области. Многие регионы начинают обзаводиться логотипами с соответствующими слоганами, отражающими специфику и инвестиционную привлекательность: «Ненецкий автономный округ – Североевропейская кладовая России», «Омский регион – открытая Сибирь!» и так далее.

В 2010 г. компания Stas Marketing Partners выиграла конкурс на создание бренда Ульяновской области. Консультанты Stas Marketing провели серьезную подготовку при его разработке. Глубинные интервью, анкетные опросы жителей области сопровождались комплексным анализом социальной среды, анализом состояния региональной экономики и изучением её потенциальных возможностей.

При разработке бренда принимались во внимание следующие моменты:

- положительная динамика экономики региона за последние годы, потенциальная готовность его к «экономическому взлету»;
- наличие авиационной составляющей как главного «прорывного направления»;

¹ Среди других концепций, представленных на конкурс, были «Портрет Ломоносова, нарисованный нефтью», «Отказ от либеральных ценностей (статуя «Родина-мать» прогоняет из России статую Свободы)», «Человек, высекающий себя из скалы молотом», «Медведь с планшетом в лапах», «Самое главное – человек (памятник рядовому россиянину)» и др.

- наличие в регионе кадрового и промышленного потенциала;
- стремление населения региона взять реванш за утраченные «центровые места» в стране.

Итогом работы стал слоган «К взлёту готов!» и логотип в виде взмывающего вверх самолета, который оставляет в небе хвост в виде буквы «У». И в июне 2010 г. бренд был представлен в Москве на выставке научно-технического творчества молодежи НТТМ-2010. Авиационная составляющая играла в нем значительное, но далеко не ведущее место. Важно было представить регион готовым к прорыву в любой сфере за счёт серьёзного инновационного потенциала. И в 2012 г. Ульяновская область получила крупный заказ от Министерства обороны на поставку 39 модернизированных транспортных самолётов Ил-76 МД-90-А на сумму порядка 140 млрд рублей. Начал развиваться авиационный кластер.

Бренд работает уже больше четырёх лет, и пришло время подвести некоторые итоги и поставить вопросы: Что такое лозунг «К взлёту готов!» – очередной провинциальный миф или серьезная заявка на будущее? «Взлетели» ли мы? Как относятся сами ульяновцы к этому взлёту? Что конкретно мы получили от использования данного бренда, и исчерпаны ли его возможности? Что из себя может представлять новый бренд области?

Позитив на тему бренда	Негатив на тему бренда
<ul style="list-style-type: none"> – стабильно растут объёмы инвестиций в экономику; – формируется современная кластерная структура экономики; – повысилась рождаемость; – выросло количество спортивных объектов; – значительно вырос объём внешней торговли. 	<ul style="list-style-type: none"> – обострилась конкуренция на «инвестиционном поле» с соседними регионами; – область всё ещё является дотационной; – демографическая убыль за счет миграционного оттока населения сохраняется; – ухудшение динамики развития в 2013 г.

Структура бренда сходна с мифом. Собственно бренд является социальным мифом о товаре. Описывая характерные черты современного мифа, Ролан Барт писал: «Для определения мифа важен не сам предмет сообщения, а то, как о нем сообщается; можно установить формальные границы мифа, субстанциональных же границ он не имеет <...> Любую вещь можно вывести из ее замкнутого, безгласного существования и превратить в слово, готовое для восприятия обществом...»¹. Но затем это слово (лозунг, девиз), проникая в общественное сознание, обретает способность наполняться различными смыслами, что мы и наблюдаем в сегодняшней региональной реальности.

С точки зрения экономической составляющей миф-конструкт «Улья-

¹ Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – С. 72.

новск – на взлёт!» перешёл в далеко не смежные сферы и обретает в них самостоятельное проживание: открытый региональный турнир по мини-футболу среди любительских команд «Ульяновск – на взлёт!»; «Ульяновск, на взлёт! Высший пилотаж в рок-баре «Мачете»; «Ульяновск на взлёт! Успехи молодых ульяновцев на мировых аренах» (с чемпионата Европы по пауэрлифтингу); классные часы «Ульяновск на взлет!» 1 сентября в школах области; конкурс детского художественного творчества «Ульяновская область – на взлёт!», девиз I Съезда работников культуры «Ульяновская область – на взлёт!». Впереди на взлётной полосе «год культуры».

Отношение населения к бренду разное: от патриотичного до крайне ироничного:

- «Ульяновск – на взлёт». Как? Опять?
- Что только не придумает наша власть – лишь бы не строить дороги!!!
- Знаете, а мне все равно импонирует то, что работа над имиджем хоть какая-то, но ведётся! Вернуть былую славу нелегко...¹.

Вложив много смыслов в бренд и наполняя его реальным содержанием в целях формирования региональной идентичности, областные власти должны задуматься над тем, что не стоит «распылять» смыслы и не слишком ли их много для одного города: Родина Колобка, Культурная столица Поволжья (России, СНГ, Европы...), Родина талантов, Столица обломовщины, родина буквы Ё, Авиационная столица России, геопатогенная столица России! и наконец – Родина Ленина.

Актуален ли бренд «Ульяновск – родина В. И. Ленина» до сих пор и может ли снова стать основанием идентичности места? Ульяновск или Симбирск? Преобладают сторонники Ульяновска, что отражает идею свободы выбора идентичности в условиях демократии. Что мы выбираем и по какой причине? Идеологические постулаты ушли в прошлое. Ничего не принимается как данное. Имя Ленина и его дела стали предметом острых дискуссий в 1990-е гг. Сейчас население относится к вопросу идентичности места прагматично. Дискуссионный поток не иссякает, но для возникновения идентификации места, которая стимулировала бы социальную сплочённость населения региона, этого недостаточно.

Если бренд «Родина Ленина» и станет основанием для формирования идентичности места, то только по соображениям экономической выгоды для региона и его жителей. «Выросло целое поколение, которому что Ульянов, что Александр Македонский – одно и то же»².

В современном мире рекламы, афиш, слоганов и имиджей чтобы тебя за-

ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

¹ Удастся ли Колобку привлечь больше туристов, чем Ленину? Комментарии// Главные новости Ульяновска [электронный ресурс]. – URL: <http://m.mosaica.ru/index.php?action=full&params=24972/main> (дата обращения 21.03.2014).

² Глазычев В. Л. Симбирск или Ульяновск. Видеоинтервью [электронный ресурс]. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=v8dbtWNCp6s&list=UU5w6MvFs6yxRZcxL-InIRfw> (дата обращения 13.06.2014).

имени Н.М. Карамзина

метили, надо о себе заявить громко и внятно. Кадровые, инфраструктурные, сырьевые, производственные преимущества есть у многих, но почему инвесторы должны прийти именно к тебе, как их привлечь? Сначала – заманить, учит классический маркетинг. Ну а дальше реальными делами придется доказывать свои преимущества и показывать возможности. Территориальный брендинг имеет право на жизнь, если за брендом стоят не только мифы, в противном случае он умирает.

Дискуссии о социализме в российском обществе, успехи Китая в строительстве национально-ориентированной социалистической модели – всё это возрождает интерес к фигуре Ленина. Пока интересующихся, как жил Ленин, когда он был «маленький, с кудрявой головой», немного. В год через комнаты дома-музея Ульяновых проходит около 30 тыс. туристов. Но число их постоянно растет, поэтому ульяновцы и не спешат расставаться с названием города, данным в 1924 г., и возвращаться к старому названию, тем более что от дворянско-купеческого Симбирска почти ничего не осталось.

В настоящее время можно наблюдать частичную реабилитацию мифа о Ленине в массовом сознании – явление, тесно связанное с общим ростом ностальгии по советскому и по «великой истории», которая «была». Идеино-коммунистические составляющие этого мифа, вероятно, мало актуальны сегодня. Важнее тема отца-основателя «могучего» советского государства, тема ностальгии по периоду официальной уверенности, по идеям социальной справедливости. Но еще более важны в качестве оснований нового идентификационного конструкта возможные выгоды от успешно продаваемой идентичности места – реализация грандиозного проекта туристского кластера «Музей СССР» и туристские потоки в перспективе от развития «красного туризма».

РЕТРОСПЕКТИВА

О. В. Русина (Ульяновск)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Феномен идентичности весьма сложен, неоднозначен, он имеет много граней и точек преломления. Прежде всего, в данной статье рассматривается место и роль идентичности, в частности, региональной идентичности, в современной культуре, а также идентификационный потенциал исторических знаний и их видов.

По мнению многих авторов, контекстом, порождающим самоидентичность, выступает модерн. Рождение феномена идентичности происходит в момент перехода от традиционного общества к посттрадиционному¹. Чем больше традиция теряет свою власть в обществе, тем в большей степени повседневная социальная жизнь строится, исходя из противоречия локального и глобального, тем больше индивиды должны выбирать свои жизненные пути из многообразия перспектив. Другими словами, в более строгих и негибких обществах идентичность не является проблематичной, но в более свободных, современных обществах представлен широкий спектр возможностей для идентификации².

Большая свобода в выборе идентичности порождает проблему самоопределения. Каждый индивид оказывается относящимся к множеству социальных идентичностей³. Социокультурный контекст расщепляется на фрагменты, на все более мелкие общности, делая выбор идентичности необходимым. В рамках реализации проекта «Модерн» человек постепенно освобождается от религиозной, культурной, национальной, половой принадлежности и т.д. Однако тут и выясняется, что человек не абстрактное существо, но он укоренен в культуре, в социуме, и без них его самого не может быть. Человек – это конкретно-исторический субъект, приобретающий идентичность в процессе «аккультурации», ибо культура для него – среда приспособлений к ней.

Идентичность – это континуальность в пространстве и во времени, реф-

¹ Гидденс Э. Социология. Учебник для высших учебных заведений. 2-е изд. полн. перераб. и дол. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – С. 52.

² Baumeister R., Muraven M. Identity as adaptation to social, cultural, and historical context // Journal of Adolescence. – 1996. – № 19. – P. 405–416.

³ См.: Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. – 304 с.; Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. – СПб.: Питер, 2007. – 335 с.

лексивно интерпретируемая действующим человеком, это процесс и результат его самоотождествления. Любая идентичность, в том числе и региональная, предстает как интерпретация мира. Но любая интерпретация мира основана на предыдущем знакомстве с ним – нашем лично или передаваемом нам родителями и учителями. Этот опыт в форме «наличного знания» выступает как схема, с которой мы соотносим все наши восприятия и переживания. Этот запас наличного знания, которое воспринимается как нечто само собой разумеющееся, хотя в любой момент оно может быть поставлено под сомнение.

Идентичность не дана в процессе деятельности, а создается и поддерживается в рефлексивной активности повседневной жизни. Привычки и рутина строят потенциальное пространство, в котором и рождается идентичность¹. Так, она формируется в заданном пространстве и проявляется в первую очередь через повседневное мышление. Именно в пространстве повседневности посредством языка конструируются, формируются различные стереотипы².

Однако повседневное знание носит intersubjectивный характер, что проявляется в наличии у разных людей общей идентичности. Во взаимности перспектив обнаруживаются общие смыслы, ценности, возникает понимание между людьми.

С одной стороны, идентичность определяется обществом, которое задаёт нормы, законы, с другой стороны, индивид сам её формирует. Личностная и социальные сферы находятся в процессе постоянного взаимодействия, взаимоопределения: частная сфера, представленная системой личностных диалогов, артикулирует публичное мнение, вступая с общественными институтами в публичные диалогические отношения. Частная сфера – подлинная, аутентичная, а публичная сфера – ложная, так как скрывает свою сущность, создавая о себе иллюзорные представления³.

Социальная идентичность представляет собой горизонтальное измерение, что проявляется в возможности выполнять различные требования в ролевых системах. Личностная идентичность сохраняет связанность истории жизни и представляет собой вертикальное измерение. Это два переплетённых, неразделённых измерения, в которых реализуется балансирующая Я-идентичность. Установление баланса происходит с помощью техник взаимодействия, определяющей из которых является язык. Осваивая различные техники, человек стремится соответствовать социальным нормам, самоотождествляется с образцами, при этом сохраняя свою неповторимость.

Итак, региональная идентичность в этой системе предстает одной из множества социальных идентичностей. Определить региональную идентичность можно с помощью понятия «малая родина» – место, где прошло детство, то,

¹ См. Гл.3-4. Гидденс Э. Социология. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – С. 415-416.

² Щюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. – 1988. – № 2. – С. 128-130

³ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М.: АО «КАМІ», Academia, 1995. – 247 с.

что впитано с молоком матери. При этом наблюдается тесное сплетение (но не тождество) этнической и региональной идентичности.

Исторические знания являются неотъемлемой частью региональной идентичности. Измерение прошлого присутствует во всех её составляющих, и в этом смысле история как знание о прошлом – одна из самых важных её составляющих. В культурно-историческом поле идентичности присутствуют разные по происхождению виды исторических знаний. Это научное, обыденное или повседневное, мифологическое, религиозное и поэтическое знания. Все эти виды соприсутствуют в различных комбинациях в разных формах общественного бытия, через которые рождается, сохраняется, транслируется исторический опыт, знания о своём прошлом, ценности и смыслы, скрепляющие общество. Социально-историческая память пронизывает все эти формы.

Упомянем лишь некоторые из таких форм, обладающие наибольшим потенциалом в процессе формирования региональной идентичности. Биографическая, или личностная история как история семьи, рода; изучение природы и истории собственного края любителями и профессионалами, «народные» экскурсии (проведённые любителями) для зрителей либо для небольшой компании друзей, индустриальный туризм – пробуждают интерес к прошлому и настоящему родного края.

Обыденный опыт поколений, в том числе памятные места, события в повседневной истории города, лично значимые для одного человека или для группы людей, часто носят легендарный характер, идеализируют прошлое, однако обладают сильным эмоциональным воздействием. Областные праздники и фестивали выполняют функцию скрепления общества, а митинги, различные общественные акции, массовые зрелищные мероприятия формируют облик региона.

Движение исторической реконструкции (не только материальной, но и духовной культуры), а также различные этнокультурные фестивали и возрождение традиционных видов народного творчества сближают региональную и этническую идентичность. Религиозные верования, традиции и обрядность отдельных малых групп (например, мусульманские села Ульяновской области, традиции духовного христианства в отдельных деревнях, новые религиозные общины, национальные религии других этносов) имеют свою историю, которая тесно переплетается с историей региона. Национально-идеологическое сознание (более характерно для национальных республик) часто используется в политических технологиях.

Художественная литература, кино, радио, театр, живопись, знакомство с историческими и архитектурными памятниками, артефактами, спектакли, фото, музыка, даже бабушкина керосиновая лампа, найденная в деревне, несут в себе измерение прошлого. Сюда же можно отнести и научно-популярные фильмы, книги, видеолекции и ролики, в которых очень сильна эмоциональная окраска и авторская интерпретация.

Научные знания транслируются через систему образования и являются одним из самых мощных орудий в формировании идентичности. А бренд региона, составленный на научной основе, формирует его благоприятный облик как для жителей, так и для представителей других областей.

Все вышеперечисленные элементы и формы взаимопереплетаются и взаимопроникают. Скрепленные общими смыслами, символами, ценностями, наполненные эмоциональной составляющей, они образуют единое непротиворечивое пространство, обладающее качеством intersubjectivity. При этом в процессе формирования идентичности действуют два элемента: объединяющий, который создаёт общее чувство «мы», и разъединяющий – то, что нас отличает от других («они»). В результате формируется «Мы-образ» – то самое особое пространство идентичности. Таким образом, при формировании региональной идентичности следует учитывать когнитивный компонент, представляющий знания о региональном сообществе.

Вторым важным элементом является эмоциональный компонент, выражающий положительное или отрицательное отношение к факту региональной принадлежности. Кроме того, значимым представляется деятельностный компонент, вырабатывающий определённый тип поведения субъекта регионального сообщества.

Результатом идентификации становится выработка жизненной политики, представляющей из себя деятельностное отношение к миру. Политика идентичности – это влияние человека на информацию о себе, продуцируемую на социальное окружение. Реализуя данную политику, мы находим как положительные техники, так и отрицательные. Среди второй категории – избегание собственной идентичности, компенсация, или искажение мнения о себе, деидентификации или изменение признаков идентичности.¹

Технологическое использование исторических знаний для формирования региональной идентичности возможно путем создания единой патриотической долгосрочной концепции посредством каналов образования, СМИ, науки, учреждений культуры, социального проектирования. В то же время такая концепция должна обладать качествами гибкости и ненавязчивости, недогматичности, а также строиться в гармонии с государственной идеологией.

Идентификация себя как жителя своего региона, отнесение себя к малой родине, знание о своём крае представляет собой микроуровень в системе представлений человека о мире, в его картине мира. Без этого нижнего этажа здание идентичности не может быть устойчивым. Действительность, разорванная на фрагменты, формирует «больную» личность, но целостная, непротиворечивая картина мира отличает личность гармоничную.

Поэтому осознанная политика по формированию региональной идентичности, кроме прочего, необходима для решения социальных проблем (в том

¹ См.: Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. – С. 177-178..

числе оттока молодежи и молодых специалистов из региона), формирования идеала добросовестной службы, труда на благо региона и формирования модернизационной идентичности, решения задач социальной прагматики, создания привлекательного имиджа региона.

Итак, рассмотрев процесс формирования региональной идентичности и составляющие её элементы, выявив её интерпретативную и intersubjectivity природу, можно сделать вывод о мощном потенциале исторических знаний на всех уровнях как в политике региональных властей, так и практически во всех сферах обыденной жизни населения региона.

Д. Ф. Морозова

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ИСТОРИКАМИ УЛЬЯНОВСКА

Ключевым словом в определении региональной идентичности, пожалуй, является «общность». Она может быть различной: территориальная, политическая, этническая, историко-культурная. В первую очередь, она определяется местной спецификой и самосознанием, где личность осознает себя частью регионального сообщества. Несомненно, что историко-исследовательская деятельность оказывает большое влияние на формирование региональной идентичности.

Специфику работы историков нашего региона определял тот факт, что город является родиной В. И. Ленина. В советское время региональная историческая наука поглощалась общегосударственной. В решении идеологической задачи сохранения памяти о революции и Ленине родина вождя играла далеко не последнюю роль. Поэтому Ульяновск мог выделиться на общем фоне, но при этом оставаться частью общего направления.

В реализации задачи почитания В. И. Ленина важную роль играла музейная работа. Вскоре после образования Советского Союза в городе появляется историко-революционный музей им. Ленина. Уже на самом раннем этапе существования мемориально-бытового Дома-музея В. И. Ленина шла речь о сопутствующем ему идейно-пропагандистском центре. Впоследствии им стал «Ульяновский филиал Центрального музея В. И. Ленина»¹. Научно-исследовательская работа музея была направлена на изучение симбирского периода жизни В. И. Ленина.

Одним из ярких и узнаваемых строений нашего города является Ленинский мемориал, открытый в честь 100-летия со дня рождения вождя пролетариата в 1970 году. В южном крыле мемориального комплекса расположился Музей-

¹ Вестник Историко-культурного центра В. И. Ленина. Выпуск 4 (К 60-летию музея) / под ред. Перфилова В. А., Костягиной В. М., Сверкалова В. Н. – Ульяновск, 2002. – С. 4.

мемориал В. И. Ленина. Он был учреждён в результате реорганизации Ульяновского филиала Центрального музея В. И. Ленина¹. Научные сотрудники работали над изучением личности Ленина, его детства и юности, жизни и деятельности членов семьи Ульяновых. Музейщики продолжили эту деятельность и после распада СССР, но уже ставя перед собой цель переосмысления пройденного пути, избегая искажений и деформаций в видении Ленина и советского наследия.

В 1984 г. в городе появляется ещё один историко-культурный центр, названный в честь В. И. Ленина. Им стал Государственный историко-мемориальный музей-заповедник, имевший свою особенность – сохранение квартала старого Симбирска в его исторической действительности, чтобы более наглядно показать среду, в которой рос и воспитывался Володя Ульянов. После прекращения существования СССР концепция заповедника претерпела изменение. Теперь важно показать губернский Симбирск, показать жизнь русской провинции в различных её проявлениях². Вместе с музеем был открыт научно-исследовательский отдел, главная задача которого – сохранение и реконструкция исторической и культурной среды Симбирска второй половины XIX – начала XX вв.

Отличительным явлением советского периода было то, что историей нередко занимались люди, не имеющие специального исторического образования. Как правило, это были выпускники партийных школ с неисторическим базовым образованием, подготовленные к пропагандистской деятельности. Их публикации, в основном, посвящены революции, семье и жизни Ленина. Важной темой стало описание памятных мест, связанных с борьбой за власть Советов в годы гражданской войны. Не меньше внимания уделяли участию ульяновцев в военных действиях Великой Отечественной войны.

Нередко сами исследователи были ветеранами войны. Вот некоторые из них. Григорий Нилович Федоров в течение ряда лет являлся внештатным научным сотрудником Партийного архива Ульяновского обкома КПСС, написал книгу о жизни и деятельности И. М. Варейкиса³, также ряд статей о деятельности большевистской организации в Симбирске. Михаил Васильевич Безруков работал сотрудником партийного архива Ульяновского обкома КПСС, опубликовал несколько статей по истории областной организации КПСС, писал о деятелях революции, уделял много внимания Великой Отечественной войне⁴. Константин Порфирьевич Гайдашенко с 1972 г. по 1977 г. занимал должность старшего научного сотрудника Ульяновского филиала Центрального музея

¹ Музей-мемориал В. И. Ленина // Ленинский мемориал URL: <http://leninmemory.ru/museum/memorial.html> (дата обращения: 26.10.2014).

² Отчет о деятельности Государственного историко-мемориального музея-заповедника «Родина В. И. Ленина». 1984–2009 / Котова И. Г., Гордеева И. Ю., Федотова Н. В. и др.; под ред. Зубова А. Н. – Ульяновск, 2009. – С. 18.

³ Федоров Г. Н. Председатель губкома (страницы из жизни и деятельности И. М. Варейкиса в Симбирске). – Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1965.

⁴ ГАНИ УО. Ф. 54. Оп. 1.

Ленина, много писал о ленинских местах и о симбирском периоде жизни Ульянова¹. Николай Павлович Клещин занимал пост директора Ульяновского художественного музея, писал доклады, касающиеся военных действий ВОВ². В целом, они являлись убежденными сторонниками советского строя, и их труды выдержаны в этом духе. Они показывали социалистическую власть в позитивном духе, описывая прошлое до 1917 г. как «темное и несчастное». За это такие работы могут подвергаться критике в наше время, но стоит заметить, что в трудах этих исследователей содержится действительно ценный краеведческий материал, который может использоваться другими историками. Кроме того, их работы являются ярким отражением своего времени. Идеологизированная и политизированная подача материала уже не будет казаться таким большим минусом, если учесть, что каждая эпоха рождает свои мифы и предрассудки. Пережив радикальные социальные изменения, произошедшие с нашей страной на рубеже XX–XXI веков, воочию можно было видеть, как разжались новые стереотипы и убеждения взамен старым.

На научно-исследовательскую деятельность педагогического университета им. И. Н. Ульянова политический режим также оказывал влияние. В 1943 г. был открыт исторический факультет, на котором работали две кафедры: история СССР и всеобщая история. Преподаватели кафедры истории СССР в основном занимались вопросами политической ситуации в Поволжье начала XX века. На кафедре всеобщей истории важной исследовательской темой являлась тема революций. Два выдающихся преподавателя кафедры занимались этим вопросом. Николай Григорьевич Левинтов разрабатывал вопрос о структуре общенационального кризиса³. Сергей Львович Сытин специализировался по истории Великой французской революции, а также активно занимался краеведческой работой⁴.

Кафедра истории Отчества появилась в 1991 г. в Ульяновском государственном университете (на тот момент в Ульяновском филиале МГУ им. М. В. Ломоносова). Научная работа кафедры в основном связана с изучением истории Среднего Поволжья.

После распада СССР разработка вопросов и тем в истории Ульяновской области стала более разнообразной, но до сих пор главным символом, ассоциирующимся с регионом, остается личность Ленина.

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРЫ

¹ ГАНИ УО. Ф. 6070. Оп. 1.

² ГАНИ УО. Ф. 6084. Оп. 1.

³ Левинтов Н. Г. Теоретически-методологический аспект проблемы общенационального кризиса. – Ульяновск: Ульяновский педагогический институт им. И. Н. Ульянова, 1980.

⁴ Ульяновский государственный педагогический университет – Старейший вуз Поволжья – Ульяновск: ОАО «Первая Образцовая типография», филиал «Ульяновский Дом Печати», 2012. – С. 132–133.

ИМЕНИ Н.М. КАРАМЗИНА

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДЕЛЕГАЦИИ ЭПОХИ ЛЕНИНСКОГО ЮБИЛЕЯ

Симбирск с дореволюционных времён являлся центром регионального значения. Его часто посещали знатные российские подданные, иностранцы и даже иногда великие русские государи, но он не был широко известен за пределами страны. К концу XIX века вряд ли кто мог сказать, что Симбирск – это та «темная лошадка», которая неожиданно вырвется вперёд и станет одним из самых посещаемых иностранцами советских городов в XX веке.

Безусловно, говоря о Симбирске, нельзя не отметить его основной социокультурный феномен – он был родиной многих прославившихся деятелей. Среди них и историк Н. М. Карамзин, и писатель И. А. Гончаров. Именно такие талантливые и знаменитые люди являлись его визитной карточкой. Мировую известность город обрел в качестве родины В. И. Ленина. После его смерти в 1924 году город сменил наименование и в качестве Ульяновска стал одним из советских центров интернациональных связей и советского туризма, третьим городом по посещаемости иностранцами в стране Советов, что, безусловно, определяло его особенность и вносило существенный вклад в формирование идентичности его жителей.

Международные отношения Советского Союза, который западные политики часто называли просто Россией, в XX веке были крайне разнообразны. Они прошли этап от международной изоляции, расширения связей со странами, которые оказались в опале после окончания Первой мировой войны, до широкого международного признания новой страны (СССР) и Второй мировой войны. В период Холодной войны связи развивались преимущественно со странами социалистического лагеря. Здесь спектр взаимодействия был достаточно широким: от экономического взаимодействия в рамках СЭВ до совместных культурных программ. Особую роль при этом играют основные центры СССР – Москва, Ленинград (Санкт-Петербург), Куйбышев (Самара), Казань, Киев, Минск, Горький (Нижний Новгород) и, конечно же, Ульяновск как родина вождя мирового пролетариата.

Пик интернациональных связей Ульяновской области приходится на середину 1960-х годов, ближе к открытию мемориального комплекса в честь 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ульянова-Ленина.

Именно тогда определение «интернациональные связи» приобрело широкое распространение. Большая советская энциклопедия даёт следующее определение. Интернационализм (*от лат. inter — между и natio — народ*) – это международная солидарность рабочих, трудящихся различных наций и рас, проявляющаяся в психологии, идеологии и политике. Выражая общность положения и интересов рабочего класса различных стран, интернационализм

гарантирует правильное решение его национальных и интернациональных задач, обеспечивает единство классового содержания и национальной формы общественного развития, является главной предпосылкой реализации национальных интересов. Интернационализм впервые проявился в создании 1-го Интернационала (1864–1876), который, по выражению В. И. Ленина, «...заложил фундамент международной организации рабочих для подготовки их революционного натиска на капитал». Интернационализм получил развитие в деятельности ленинской партии, выступившей инициатором создания 3-го Коммунистического Интернационала. Интернационализм продемонстрировал свою силу после Октябрьской революции, когда рабочий класс многих стран оказал поддержку первой пролетарской власти. После Октябрьской революции В. И. Ленин открыл новые формы интернационализма. «Мы действительно выступаем теперь не только как представители пролетариев всех стран, но и как представители угнетенных народов», – говорил он и одобрил лозунг: «Пролетарии всех стран и угнетенные народы, соединяйтесь!»¹. Отсюда интернациональные связи – это процесс взаимодействия в равных правах всех членов социалистической системы и народов не социалистической системы, но импонирующих ей. Таким образом, делается отсылка к личности В. И. Ульянова-Ленина, одного из идеологов интернационализма. Именно эта личность впоследствии создаст из неприметного городка визитную карточку новой страны Советов, узнаваемую во всём мире.

В статье рассматриваются источники по исследованию интернациональных связей Ульяновской области с 60-х по 80-е годы XX века. Это связано, не только, с тем, что данная тема исследована слабо, а больше с отсутствием как таковых международных связей Ульяновской области с 1943 по 1950-е годы. Естественно, что период Великой Отечественной войны, а именно судьбы советских военнопленных, уроженцев Ульяновска в концлагерях в Германии, и советских солдат, освобождавших Европу, можно считать как часть интернациональных связей Ульяновской области. Но это тема является частью другой, не менее важной – участие ульяновцев в Великой Отечественной войне, поэтому в статье этот период, как и последующий, связанный с начальным периодом Холодной войны, не затрагивается.

Основным местом хранения материала является Государственный архив новейшей истории Ульяновска (ГАНИ УО). Были обработаны различные фонды, в частности, личные фонды (фонд 6186 главы обкома Ульяновска Ромбовского), фонды обкома (фонд 8). Среди документов имеются телеграммы, отчёты, благодарственные письма, просьбы, заявки и т.д. Каждый из документов имеет определённую стилистику, форму заполнения и стандарты. Например, запросы всегда имели поля «кому» и «от кого», стиль в обязательном порядке официальный, сопровождался подписями, печатями и датой. Примером может

¹ Интернационализм. Словарная статья БСЭ. 3 изд. URL: www.enc-dic.com/enc_sovet/Internacionalizm-20370.html (Дата обращения 30.10.2014).

служить запрос секретарю Ульяновского обкома КПСС товарищу Сверкалову: «По результатам посещения в мае 1970 года немецкой делегацией из ГДР Ульяновска было решено создать отделение общества дружбы СССР-ГДР в Ульяновске. Было направлено письмо относительно порядка создания данного отделения. Ответственный секретарь центрального правления Заломов ждёт ответа»¹. Были исследованы и подшивки различных газет за этот период. Особо должна быть выделена «Ульяновская правда», которая освещала почти все важнейшие события за указанный период.

Как уже выше было сказано, пик интернациональных связей Ульяновска приходится на 1970 год. Открытие нового мемориального комплекса в канун юбилея вызвало повышенный интерес как среди представителей социалистического лагеря и членов рабочего движения в многих странах, так и среди журналистов и писателей капиталистических стран. В архиве имеются множество запросов на посещение и планы визитов писателей, журналистов, простых граждан из дружественных Советскому Союзу стран: ГДР, Польши, Румынии, Венгрии, Чехословакии, Югославии. Запросы на посещения всегда приходили в виде телеграммы из Москвы, где оговаривалась причина приезда, кто ходатайствует и, естественно, о ком, например: «Прошу принять болгарского писателя Э. Станчева в связи с открытием в городе Ульяновске мемориального комплекса к 100-летию В. И. Ульянова-Ленина. Ответственный секретарь союза писателей Коткин²» или «Прошу принять трёх монгольских писателей Д. Гарву, С. Даждорова и О. Балибажава в городе Ульяновске. Сопровождающий делегации Гатов А. Г. План пребывания прилагается. Секретарь правления союза писателей Озеров»³. Интересно, что из капиталистических стран представителей было не меньше. Италия, Япония, Великобритания, Канада, Испания – это лишь несколько стран, которые послали своих делегатов в Ульяновск на столь важное событие. Среди официальных гостей Ульяновска были голландский писатель Роберт Роземонд с супругой. Он был более популярен на своей родине, в СССР же обрёл известность, благодаря написанной им пьесе «Октябрьская революция». Американский журналист из газеты «Нью-Йорк Таймс» Джеральд Илитер получил задание описать в красках событие, происходившее в идеологическом центре Советского государства. Они и другие члены иностранных делегаций были вписаны в единый план визита пребывания зарубежных представителей в Ульяновске по случаю открытия нового мемориального комплекса. Интересным фактом стал приезд группы женщин из далёкой Исландии по приглашению Комитета советских женщин⁴. Многие представители коммунистических и рабочих партий мира в 1970 году выразили желание посетить родину «товарища» Ульянова-Ленина.

¹ ГАНИ УО (Государственный архив новейшей истории Ульяновской области). Ф. 8. Оп. 51. Д. 153. Л. 19.

² Там же. Л. 14.

³ Там же. Л. 6.

⁴ Там же.

Помимо представителей компартий Китая, Южного Вьетнама и Албании, в город выразили желание приехать и члены таких экзотических организаций, как Компартия Цейлона и Компартия Уругвая, или, например, Африканского национального конгресса (Южная Африка). По каждой делегации и подготовке каждого визита существует солидный архивный материал: запросы, планы пребывания в городе, благодарственные письма, газеты. Посредством проведения такого важного события, как открытие мемориального комплекса в честь 100-летия Владимира Ильича Ульянова-Ленина, была открыта новая туристическая Мекка в СССР для многих коммунистов по всему миру. Начались переговоры о заключении правительством Ульяновской области различного рода соглашений с городами стран соседей-друзей.

Архивные документы разноплановы. Они содержат не только сведения о делегациях, планах и программах визитов, но по ним можно проследить и степень подготовленности Ульяновска к приему иностранцев. В частности, в письме заведующей сектором обкома КПСС Москвитиной к заведующему отделом пропаганды и агитации обкома КПСС Пискунову И. Д. говорится о неудовлетворительном обслуживании иностранных туристов. «...В ресторане допускаются нарушения в сервировке столов, самовольные изменения в меню, систематически некачественно приготавливаются кофе и чай, не удовлетворяются многие запросы интуристов, несмотря на то, что для этого имеются возможности. Так, например, полотняные салфетки заменяются бумажными, недоукомплектовываются столовые приборы, интуристам из социалистических стран /ГДР, Болгария, ЧССР/ гарнир из картофеля неоднократно заменяли гречкой, систематически не удовлетворяли заказы...»¹.

Следующее событие, о котором сохранилось большое количество документов, – это приезд в город руководителя ГДР Эриха Хонеккера, о котором писали не просто как о руководителе соцстраны, но и как о друге Л. И. Брежнева и всего Советского Союза. Лидер коммунистического и антифашистского движений не без помощи Брежнева в середине 1970-х годов занял пост Первого секретаря СЕПГ. Его приезд красочно описан в местной газете «Ульяновская правда». Также имеется написанное им благодарственное письмо «за радушное принятие высокопоставленных чиновников из ГДР на родине вождя мирового пролетариата».

В 70-е годы XX века визиты в город становятся неотъемлемой частью жизни города. Это и приезд специалистов-аграрников для изучения нового оборудования из Чехословакии, и членов всеэфиопского союза крестьян, и слушателей школы руководителей-активистов демократических партий и движений из стран Азии, Африки и Латинской Америки.

В архиве имеется и запрос о приёме итальянского путешественника и журналиста Карло Маури – участника экспедиций во главе с Туром Хейердалом.

¹ ГАНИ УО . Ф. 8. Оп. 51. Д. 153. Лл. 1–2.

В 1979 году он путешествовал по Сибири и Уралу. Для написания своей новой книги «По обе стороны Волги» он решил посетить берега могучей русской реки и города, стоявшие на ней. В их числе был и Ульяновск. В том же 1979 году исполнилось 30 лет с момента смерти лидера болгарского коммунистического движения Георгия Димитрова. В связи с этим было решено развивать дружеские связи и контакты двух городов – побратимов Димитровграда болгарского и Димитровграда советского, расположенного в Ульяновской области. По результатам развития этих связей горкомом КПСС Димитровграда был составлен отчет: «...*Минувший 1978 год для трудящихся нашего города, носящего имя выдающегося деятеля международного коммунистического движения Георгия Димитрова, был годом ударного труда, годом дальнейшего укрепления советско-болгарского братства, развития и укрепления дружественных контактов с городом – побратимом Димитровградом (Болгария)...*»¹.

В 1980-е годы активно развиваются советско-чехословацкие отношения. Чехословацкие делегации постоянно посещают СССР, в том числе и Ульяновск. Советские делегации ездят в Чехословакию. Наиболее важным был приезд чехословацкой делегации во главе с Густавом Гусаком, руководителем Чехословакии, в Ульяновск. В архиве имеются данные о том, как готовились к данному визиту. На вьезде в город и по всему пути следования чехословацкой делегации были выставлены флаги СССР и ЧССР. Многие вывески дублировались на чехословацком языке. Были развешены транспаранты: «Добро пожаловать, наши чехословацкие друзья!!!». На митинг на центральной площади в честь долгой чехословацко-советской дружбы пришло большое количество человек, по заранее подготовленным приглашениям. В конце своего визита Густав Гусак написал благодарственное письмо, в котором поблагодарил за добрый и тёплый приём его делегации ульяновцами.

В 1988–1990 акцент интернациональных связей Ульяновска переносится на Восток, в первую очередь, конечно, в связи с развалом социалистического лагеря в Европе, но и не только поэтому. Восток всегда привлекал русскую душу, а тем более, когда мир вокруг этой души перестаёт быть стабильным. Существовал план сотрудничества между музеем Хо-Ши-Мина в деревне Ким Лиен с Центральным музеем В. И. Ленина в Ульяновске. Последняя заграничная поездка представителей советского Ульяновска состоялась в мае 1990 года. Советская делегация во главе с Б. К. Пуго посетила Китай. В той поездке принимал участие Е. И. Хлопин – председатель контрольно-ревизионной комиссии Ульяновской области. В архиве имеется программа поездки делегации по маршруту Пекин – Гуанчжоу – Шанхай – Пекин².

Таким образом, проследив развитие внешних связей Ульяновской области, можно сделать вывод, что они были сложными и разнообразными. Однако большинству своём они были детерминированы тем фактом, что Ульяновск являлся родиной вождя мирового пролетариата. И только потом Ульяновск

¹ ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 71. Д. 106. Л. 1.

² ГАНИ УО. Ф. 6090. Оп. 1. Д. 67. Лл. 1–9.

выступал как производитель неплохих автомобилей, самолётов, просто красивый город на Волге.

Д. И. Лунин

РАЗВИТИЕ АВТОСПОРТА НА УАЗЕ В 1950–2014 гг.

За многие годы своего существования Ульяновский автомобильный завод стал одним из символов города и предметом гордости не только для местных жителей, но и для всей страны. Этому способствовали и достижения гонщиков автозавода, которые неоднократно побеждали на соревнованиях различного уровня.

Начало автоспортивной деятельности на УАЗе положило создание при заводе в 1950-е годы первичной ячейки ДОСААФ. Имея хорошую материально-техническую базу и большие возможности, автозаводцы быстро смогли выбиться в число лидеров ульяновского автоспорта. В 1958 году представитель УАЗа Ю. Гусев одержал победу в личном зачете машин ГАЗ-69А в городских автомобильных соревнованиях, посвященных 41-й годовщине Октября. Спустя год, вторым местом отметился П. Строкин¹, а М. Полуэктов и вовсе добился звания чемпиона области в соревнованиях на экономии горючего (в классе машин ГАЗ-51)².

28 января 1961 года президиум областного комитета ДОСААФ постановил открыть самостоятельный автомотоклуб при первичной организации ДОСААФ Ульяновского автозавода и разрешить ему проводить хозрасчётные мероприятия³. Со временем это позволило спортсменам автозавода улучшить свою материально-техническую базу.

В том же 1961 году в СССР развернулась широкая дискуссия относительно судьбы автомобильного кросса. В январском номере журнала «За рулем» была опубликована статья Б. Кузнецова⁴, в которой он пытался доказать бесполезность и даже вредность автомобильного кросса для страны. Автор отмечал, что участники соревнований выступают без подготовки, без прохождения тренировочных сборов, да и сама техника часто приходит в негодность, даже не доехав до финиша. Кузнецов делал упор на критику соревнований в грузовом зачете, при этом соглашался на участие в гонках серийных легковых автомобилей. Однако в своей следующей заметке⁵ он уточнил, на каких именно соревнованиях нужно сделать упор легковым машинам. Автомобильного кросса в этом списке также не было. В итоге чемпионат СССР по автомобильному кроссу

¹ ГАУО (Государственный архив Ульяновской области). Ф. № Р-3113. Оп. 2. Д. 47. Л. 76.

² Мастера вождения автомобилей // Ульяновская правда. – 1959. – 5 июля.

³ ГАУО. Ф. № Р-3113. Оп. 2. Д. 73.

⁴ Кузнецов Б. Спорт или не спорт? Вместо отчета о первенстве СССР по автомобильному кроссу // За рулем. – 1961. – № 1. – С. 14–15.

⁵ Спорт или не спорт? К итогам дискуссии об автомобильных кроссах // За рулем. – 1961. – № 3. – С. 10–11.

прекратил свое существование на долгие 5 лет. Тем не менее, энтузиасты продолжали проводить гонки местного уровня, а также стремиться восстановить Всесоюзное первенство по этому виду спорта.

В февральском номере журнала «За рулем» 1966 года появилась заметка гонщика-испытателя Ульяновского автомобильного завода А. Курочкина о важности проведения автомобильного кросса для оценки качества машин. Логично предположить, что он не только писал в газету, но и доказывал важность своей идеи ответственным за это дело организациям. Как бы то ни было, общими усилиями эти соревнования в 1966 году снова получили статус чемпионата СССР, а сам Курочкин стал на них серебряным призером (в 1-м классе автомобилей). В 1969 году он стал первым ульяновцем, которому покорилось звание чемпиона СССР по автокроссу¹, а спустя год он повторил свой успех².

Своим участием в автокроссе автозаводцы выполняли сразу несколько задач. Конечно, это была пропаганда технических специальностей и мощнейший стимул для мальчишек идти на завод. К тому же, УАЗ был одним из немногих мест, где можно было получить шанс для выступлений в автокроссе. Но здесь был и другой аспект. В тот период ещё не было профессиональных гонщиков в современном понимании этого слова, поэтому зачастую защищать честь завода на гоночных трассах доверялось водителям-испытателям (А. Курочкин, В. Дунаев и т.д.). Они использовали соревнования для повышения своего водительского мастерства и обмена опытом эксплуатации автомобилей в суровых условиях бездорожья. В 1974 году гонщики-испытатели В. Харужа, В. Дунаев, Ю. Булагин и Б. Ананьев во главе с инженером-испытателем Г. Халитовым применили весь свой опыт для того, чтобы забраться на 4-километровую отметку Эльбруса за рулем 3 машин УАЗ-469. До этого на автомобилях на такую высоту еще никто не поднимался³.

Впрочем, выступление в гонках на непрофессиональной основе иногда создавало серьезную проблему для гонщиков, которым приходилось жертвовать своей спортивной карьерой ради работы. К примеру, в 1979 году А. Ершов, несмотря на свой статус серебряного призера чемпионата СССР, был отправлен в командировку за границу и на долгие 8 лет прекратил свои выступления в соревнованиях⁴.

Также стоит отметить, что в то время победа не всегда являлась главной целью участия водителя-испытателя в гонке. Иногда перед спортсменом ставилась четкая задача проверить новый автомобиль или технические новинки, а не занять место на пьедестале почёта. Например, так легендарный автомо-

¹ Белокрыницкий Е. Идут испытания // За рулем. – 1970. – № 11. – С. 16–17.

² Результаты соревнований // За рулем. – 1970. – № 2. – С. 11.

³ Лайков А. Забытый рекорд, или «уазики» на Эльбрусе [электронный ресурс]. URL: <http://ulpressa.ru/2006/09/22/article16664> (дата обращения: 05.09.2013).

⁴ Кривин Э. Тонкий расчет Александра Ершова: Традиции автомобильного соревнования на приз «Дружба народов СССР» // Ульяновская правда. – 1989. – 22 нояб.

бил УАЗ-469 перед выходом в массовое производство в 1972 году прошёл заключительный этап испытаний в автокроссовых соревнованиях¹.

Одним из поворотных моментов в истории развития автоспорта в Ульяновской области стало появление собственных традиционных автокроссовых состязаний. Уже в 1968 году в Ульяновской области был проведён чемпионат СССР по автомобильному кроссу², а в 1972 году ульяновцы решили отметить 50-летие образования СССР и выход с конвейера нового автомобиля УАЗ-469 автокроссом на приз объединения «АвтоУАЗ»³. Первый раз кросс прошел неподалеку от села Арское и оказался настолько успешным, что было принято решение проводить его ежегодно. Впоследствии эти соревнования получили название на приз «Дружба Народов СССР». Лишь в 1980 году эти соревнования проводились в другом месте Ульяновской области⁴, а в 1985 году из-за организационных проблем были отменены. Впрочем, благодаря усилиям инженера автозавода Э. Кривина, обратившегося со страниц газеты «Ульяновская правда» в адрес руководства города, в 1986 году соревнования в Арском снова были возобновлены.

Состав участников автокросса на приз «Дружба Народов СССР» часто не уступал чемпионату СССР, что давало региональным гонщикам больше возможностей попробовать свои силы в соревновании всесоюзного уровня. Один из аргументов критиков необходимости проведения автокросса в СССР в дискуссии 1961 года сводился к расточительности отправки техники (особенно грузовой) на дальние расстояния для её участия в гонках. Да и сами руководители предприятий часто не горели желанием отрывать водителей и автомобили от работы на столь длительное время. Появление автомобильного кросса на приз «Дружба Народов СССР» решало эту проблему для ульяновских гонщиков, так как для участия в нём им не нужно было брать длительный отгул. Как правило, автокросс проходил в выходные дни, поэтому спортсменам часто удавалось принять участие в нём в свободное от работы время. Требовалось лишь уговорить руководство предприятия выделить технику.

Уазовские гонщики редко выступали в международных соревнованиях, но отчасти это компенсировалось тесной связью с итальянской фирмой «Аутотек Марторелли», которая не только занималась продажей ульяновских автомобилей в своей стране, но и спонсировала собственную гоночную команду. За рулем УАЗ-469 представители семьи Марторелли неоднократно становились чемпионами Италии в категории полноприводных автомобилей и участвовали в престижных ралли-марафонах⁵.

¹ Жмырев С. На дистанции – УАЗ 469 (об автомобильном кроссе) // Ульяновская правда. – 1972. – 15 нояб.

² Спортивный календарь // За рулем. – 1968. – № 1. – С. 32.

³ Жмырев С. На дистанции – УАЗ А69 (об автомобильном кроссе) // Ульяновская правда. – 1972. – 15 нояб.

⁴ Давыдов А. Новая трасса – новые победители // Ульяновская правда. – 1980. – 20 нояб.

⁵ Кузнецов А. Моя жизнь навсегда с УАЗом // За коммунистический труд. – 1988. – 22 нояб.

Распад Советского Союза сильно подорвал основы российского автоспорта. Автокросс оказался более живуч, чем многие другие автоспортивные дисциплины. Естественно, и кроссовые соревнования сильно пострадали, но в первые постперестроечные годы автокросс стал одним из самых популярных видов автоспорта в России, так как он не требует создания дорогостоящих спортивных сооружений¹. Новое развитие получил автомобильный кросс на грузовиках (ГАЗ-51, ЗИЛ-130, КАМАЗ), который был запрещен в 1979 году, чтобы не отвлекать данную технику от выполнения народнохозяйственных задач². Еще в 1988 году на ульяновской трассе состоялся первый с 1979 года автокросс на грузовиках ЗИЛ-130, а с 1993 года стали проводиться многоэтапные чемпионаты России и Вооруженных Сил РФ³. Как и после Великой Отечественной войны чемпионат СССР по автомобильному кроссу одним из первых возродился из пепла и стал основой для развития массового автомобильного спорта в стране.

Ульяновский автоспорт, имевший сильные традиции автокросса, смог сохраниться. В 1992 году УАЗ стал акционерным обществом и начал процесс приватизации активов, но продолжил поддерживать заводскую спортивную команду и проводить соревнования в Арском, которые с 1991 года получили статус этапа чемпионата России. Благодаря усилиям УАЗа, гонщики автозавода неоднократно становились победителями и призерами чемпионата России по автокроссу, а ульяновец Б. Джепаев 10 раз становился чемпионом России.

Падение «железного занавеса» увеличивало шансы ульяновских спортсменов на выступление в международных соревнованиях. В 1992 году команда уазовских пилотов впервые выступила по международным правилам, заняв первые два места на польском ралли Ельч⁴. Стоит отметить, что там УАЗ соревновался не с другими отечественными автомобилями, а с лучшими образцами иностранной техники: Mitsubishi Pajero, Jeep Wrangler, Toyota Land Cruiser и др. В 1993 и 1995 годах экипажи Б. Джепаева⁵ и В. Дунаева⁶ стали серебряными призерами ралли Ельч.

В дальнейшем УАЗ продолжал развивать ралли-рейдовое направление. В 2003 году было создано специальное гоночное подразделение UAZ Sport Division, которое включило в себя действующую команду по автокроссу и новую команду для выступления в ралли-рейдах⁷. В составе новой команды

¹ Автомобильный спорт в России // За рулем. – 1995. – № 2. – С. 60–61.

² В федерации автомобильного спорта СССР // За рулем. – 1980. – № 3. – С. 20.

³ Трефилов В. Печали и радости автокросса URL: <http://bronnitsy.ru/articles/pechali-i-radosti-avtokrossa> (Дата обращения: 04.10.2013).

⁴ Kasyfikacja Jelcz Rally, 1992 URL: <http://czajla.republika.pl/jelcz/1992/index.htm> (Дата обращения: 15.11.2013).

⁵ Kasyfikacja Jelcz Rally, 1993 URL: <http://czajla.republika.pl/jelcz/1992/index.htm> (Дата обращения: 15.11.2013).

⁶ Там же..

⁷ УАЗ занялся профессиональным спортом // URL: <http://www.uaz.ru/company/news/latest/uaz-zanyalsya-professionalnyim-sportom> (Дата обращения: 28.11.2013).

Б. Джепаев в 2004 году выиграл кубок России по ралли-рейдам в национальном классе¹. В 2009 году он дебютировал в международном ралли «Шелковый Путь», а спустя год выиграл эту гонку в своем классе T1 (5-е место в абсолютном зачете). Изначально в планах руководства УАЗа было участие в самой сложной гонке планеты – ралли «Дакар». Но отсутствие должного финансирования поставило крест на этих идеях.

Таким образом, благодаря наличию УАЗа, в Ульяновске появилась мощная база для развития автомобильного кросса, который в 1960-е и 1980-е годы был одним из самых популярных видов автоспорта в СССР. В этих гонках испытывались новинки отечественного автопрома, а также оттачивалось мастерство ульяновских водителей-испытателей, что помогало им успешно решать поставленные перед ними задачи в производственной и обычной жизни. В это время автоспортивная команда УАЗа была одной из сильнейших в чемпионате СССР по автокроссу, а её представители неоднократно становились победителями и призерами всесоюзных соревнований.

Распад Советского Союза оказал как отрицательное, так и положительное влияние на развитие автоспорта на УАЗе. С одной стороны, гоночная команда автозавода периодически испытывает проблемы с финансированием, но, с другой стороны, автозаводцы получили больше возможностей для участия в международных соревнованиях, в которых добились определённых успехов.

А. В. Шафиров

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX вв. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Современный этап развития исторической науки позволяет по-новому рассмотреть крестьянские хозяйства, специфику их организации на территории региона и кардинальные изменения в аграрном секторе российской экономике начала XX в., оказавшие влияние на все сферы жизни российской деревни.

Обозначенная тема до сегодняшнего дня не нашла должного отражения в специальных исторических исследованиях, посвящённых истории Симбирской губернии – Ульяновской области. Между тем, если обратиться к общероссийскому опыту, то мы увидим, что крестьянское хозяйство второй половины XIX – начала XX вв. исследовано практически повсеместно. В соседних ре-

¹ «Биньямин Джепаев – победитель Кубка России '2004 по ралли-рейдам в национальном классе». URL: <http://www.uaz.ru/company/news/latest/binyamin-dzhepaev-pobeditel-kubka-rossii-%E2%80%992004-po-ralli-rejd-am-v-nacziionalnom-klasse> (Дата обращения: 28.11.2013).

гионах уже имеется опыт историографического осмысления¹. Сегодня восполнение имеющихся пробелов в аграрной истории Симбирского–Ульяновского края нужно увязывать с применением новых научных подходов, в частности, построение математических моделей для типологизации хозяйств и использование демографического анализа для выявления вариантов трансформаций крестьянского хозяйства.

В данной статье представлен обзор работ по социально-экономической истории симбирского крестьянства второй половины XIX – начала XX вв., который, во-первых, позволит определить дальнейшие стратегии её изучения и, во-вторых, позволит выявить региональную специфику.

Впервые к научной разработке теории и истории крестьянского хозяйства Симбирской губернии обратились в связи с деятельностью органов земского самоуправления. Но лишь в начале XX века после проведения земских подворных переписей и в связи с реализацией мероприятий столыпинской аграрной реформы данные земской статистики и обследования положения крестьянских хозяйств стали предметом специальных исследований. В Симбирской губернии существенный вклад в обработку этих данных и их научную трактовку внёс К. Я. Воробьев². Являясь руководителем оценочно-статистического отдела Симбирского губернского земства, он был организатором земской подворной переписи 1910–1911 гг. Он оценивал степень дифференциации крестьянских хозяйств губернии, обеспеченность крестьян землёй, товарность сельскохозяйственного производства. Все крестьянские хозяйства были разделены им на девять хозяйственных групп в зависимости от площади посевов. Это деление позволяет выявить значительную степень разложения крестьянских хозяйств в рамках губернии и ограниченность земельных ресурсов для их развития и функционирования. Это, по мнению К. Я. Воробьева, свидетельствует об аграрном кризисе на территории губернии, выходом из которого является новая форма распределения земли между крестьянами по «потребительской норме» с сохранением «трудового землепользования».

Первая обобщающая работа появилась лишь в 1940 году. В. Левашев в небольшой монографии «Реформа 1861 года в Симбирской и Самарской губерниях»³ достаточно поверхностно рассмотрел процесс наделения бывших крепостных крестьян землёй, порядок выкупных сделок, размеры отрезков. Ограниченность фактов и цифрового материала отмечалась ака-

¹ См. например: Ульянов А. Е. Отдельные представители дореволюционной исторической науки о крестьянском хозяйстве Пензенской губернии второй половины XIX – начала XX века // Молодой учёный. Ежемесячный научный журнал. – 2009. – № 11. – С. 237–239;

Николаев Г. А. Многонациональное крестьянство Среднего Поволжья конца XIX – начала XX в. в дореволюционной исторической литературе // Исследования по истории дореволюционной Чувашии. Сборник статей. – Чебоксары, 1989. – С. 110–123.

² Воробьев К. Я. Кустарно-ремесленные промыслы Симбирской губернии. Кустар. отд. Симбир. губ. зем. управы. – Симбирск: Симбир. губ. земство, 1916. – 390 с.; он же. Аграрный вопрос в Симбирской губернии. – Симбирск: Тип. «Работник» М. Иванова, 1917. – 52 с.

³ Левашев В. Реформа 1861 года в Самарской и Симбирской губернии. – Куйбышев: Облгиз, 1940. – 72 с.

демиком Ю. Готьё в рецензии на книгу В. Левашева в журнале «Историк-марксист»¹.

Систематическое изучение истории крестьянства Симбирской губернии началось со второй половины 40-х гг. XX века. Основной темой, как и прежде, являлась отмена крепостного права и ее последствия. Н. П. Гриценко² дает оценку итогам крестьянской реформы в помещичьей деревне, сравнивает с другими губерниями размеры наделов и качество земель, доставшихся крестьянам, а также рассматривает взаимоотношения крестьян и помещиков после реформы³. Им впервые введены в научный оборот материалы фонда Симбирского по крестьянским делам присутствия и уточнены данные «Материалов по географии и статистике Симбирской губернии, собранных офицерами Генерального Штаба» А. И. Липинского. Отдельной темой исследования Н. П. Гриценко были удельные крестьяне⁴. Исследователем на основе документов (архивы Ульяновска, Казани, Куйбышева, Ленинграда, Москвы) рассмотрены реализация крестьянской реформы в удельной деревне, формирование крестьянских наделов, определение размеров выкупных платежей в пользу Департамента уделов, сравнение данных по полученной наделной земле различными категориями бывших крепостных.

Для того чтобы понять особенности крестьянства Симбирской губернии и степень глубины аграрного кризиса, необходимо знать степень социальной дифференциации крестьянства Симбирской губернии в начале XX века. Основными источниками для изучения этого процесса являются материалы земских подворных переписей 1910–1911 гг. в Симбирской губернии, фонда Симбирской губернской землеустроительной комиссии, статистические ежегодники начала XX века. Именно они позволили И. Н. Трегубову⁵, несмотря на идеологически заданную негативную оценку крепких и зажиточных хозяев, объективно проанализировать данные по продажам наделной земли крестьянами в связи с их разорением.

Проблема аграрных отношений накануне русской революции 1905–1907 гг. и Февральской революции рассмотрена в статьях С. П. Захарова⁶. Его статьи

¹ Готьё Ю. В. [Рец. на:] Левашев В. Реформа 1861 года в Самарской и Симбирской губернии. ОблГиз. – Куйбышев, 1940. – 72 с. // Историк-марксист. – 1941. – № 5. – С. 125.

² Гриценко Н. П. – доцент кафедры истории Ульяновского государственного педагогического института.

³ Гриценко Н. П. Очерки по истории города Симбирска-Ульяновска и Ульяновской области. Т. 1. – Ульяновск: Ульяновская правда, 1948. – 239 с.

⁴ Гриценко Н. П. Удельные крестьяне Среднего Поволжья: очерки. – Грозный, 1959. – 586 с.

⁵ Трегубов И. Н. Капиталистическое расслоение крестьянства Симбирской губернии // Учёные записки УГПИ. Вып. 1. – Ульяновск, 1948. – С. 51–86; он же. Крестьянский банк – орудие столыпинской аграрной политики // Учёные записки Ульяновского пединститута. Вып. V. – Ульяновск, 1953. – С. 209–253; он же. Столыпинская реформа и разложение крестьянства в Симбирской губернии // Учёные записки УГПИ. Вып. IV. – Ульяновск, 1950. – С. 147–176.

⁶ Захаров С. П. К вопросу об аграрных отношениях в Симбирской губернии накануне февральской буржуазно-демократической революции // Ученые записки / Ульян. гос. пед. ин-т. Т. 12. Вып. 1. – Ульяновск, 1957. – С. 121–156.; он же. К вопросу об аграрных отношениях в Симбирской губернии накануне первой русской революции 1905–1907 гг. // Ученые записки Ульяновского пединститута. Вып. VII. – Ульяновск, 1955. – С. 116–168.

представляют собой краткий обзор развития крестьянских хозяйств в губернии в послереформенное время. В первой статье рассмотрены аграрные отношения и положение крестьянства после отмены крепостного права в помещичьей и удельной деревне, во второй – после реализации столыпинской аграрной реформы. В публикациях отражены позитивные моменты эволюции крестьянских хозяйств – применение машин и механизмов, удобрений, новые формы обработки земли. Однако автор указывает, что переход к капитализму в деревне тормозили различные пережитки феодального уклада в деревне – собственность помещиков на землю, отработки, выкупные платежи, малоземелье крестьянства. Основное содержание работ служит подтверждению ленинского тезиса о необходимости буржуазно-демократической революции в российской деревне.

В статье П. Д. Верещагина¹ рассмотрено переселение крестьян, его причины и последствия, влияние на крестьянское хозяйство. К основным факторам, толкавшим крестьян на изменение места жительства, автор отнёс малоземелье, рост арендной платы за землю, отсутствие необходимых средств производства (инвентаря, посевного материала и удобрений, скота), дифференциация крестьянства. Исследователь пришёл к следующему выводу: при господстве феодального уклада в деревне миграции крестьян не имели положительного эффекта. Верещагин вслед за народниками и Лениным констатирует то, что реальным условием развития капитализма в сельском хозяйстве мог быть только аграрный переворот и справедливый передел земель.

Одним из крупнейших исследователей пореформенной России являлся П. А. Зайончковский. В монографии «Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 года»² исследован первый 9-летний период реализации реформы вплоть до 1870 г. Центральной темой исследования стало содержание уставных грамот и обстоятельства их составления. Основу методики анализа уставных грамот составляет сопоставление по каждому уезду числа крестьян, числящихся по этим грамотам, с данными материалов Редакционных комиссий. В числе двадцати уездов Европейской России, подвергнутых анализу, входил и Сенгилеевский уезд Симбирской губернии. По классификации автора, он вошёл в первую подгруппу уездов чернозёмного центра России. Зайончковский установил размеры помещичьей и крестьянской наделной земли после реформы 1861 года. Им выявлены причины уменьшения наделного землевладения у крестьян уезда с введением уставных грамот, прослежен в целом процесс перехода крестьян на выкуп и последствия этого.

В работе Зайончковского «Отмена крепостного права в России»³ приведён анализ дореформенного землевладения и землепользования крестьян. Также проводится сравнение процесса и результатов отмены крепостного права

¹ Верещагин П. Д. О переселении крестьян Симбирской губернии на окраины в конце XIX – начале XX вв. // Учёные записки / Ульян. гос. пед. ин-т. Т. 18. Вып. 3. – Ульяновск, 1963. – С. 105–129.

² Зайончковский П. А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 года. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1958. – 467 с.

³ Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. Изд. 3-е, переработ., и доп. – М.: Просвещение, 1968. – 368 с.

между удельными и государственным крестьянами, механизма выкупа ими земель, составления владенных записей, уставных грамот. Это была первая в историографии попытка свести воедино по заранее разработанной схеме материал, накопленный на основании анализа уставных грамот в пределах всей России. Объем работы был значителен, и П. А. Зайончковскому пришлось прибегнуть к помощи многих своих учеников. Использование огромного статистического материала позволило шире взглянуть на реформу 1861 г.

Вне поля зрения региональных (в первую очередь – ульяновских) исследователей крестьянства остаются работы московского историка В. И. Канатова. Будучи учеником П. А. Зайончковского, он продолжил изучение процесса подготовки и реализации отмены крепостного права в Симбирской губернии. Ряд его статей¹ и кандидатская диссертация² продолжают начатую Зайончковским работу по исследованию уставных грамот и документов выкупных сделок, но уже в границах всей Симбирской губернии. Автором использован материал Госархива Ульяновской области и ЦГИА СССР в Ленинграде, на основании которого прослеживается весь ход освобождения крестьян и формирования наделного землевладения в 1861–1883 гг. Отдельно рассмотрена особая категория крестьянства – крестьяне-дарственники. Учёным внесён вклад в корректировку количественных данных, характеризующих реформу 1861 года. На сегодняшний день исследования Канатова, написанные на высоком научном уровне, остаются наиболее полными и существенными по истории крестьянской реформы в Симбирской губернии.

Процесс и результаты отмены крепостного права в Симбирской губернии рассмотрены в работах доцента Ульяновского пединститута И. С. Ромашина³. Автор попытался описать размер земельных наделов помещичьих крестьян до и после реформы 1861 года. На основании количественных показателей размеров наделов Ромашин делает вывод о медленном развитии капитализма в деревне после реформы.

Исследование мордовского исследователя А. В. Клянкина «Хозяйство помещичьих и удельных крестьян Симбирской губернии первой половины XIX века»⁴ посвящено социально-экономическим процессам в дореформенной деревне. Исследование раскрывает проблемы экономики крестьянского двора, степень товарности производства, рыночные отношения, крестьянской

¹ Канатов В. И. Своеобразие проведения реформы 1861 г. в Среднем Поволжье (по материалам Симбирской губернии) // Вестник Московского университета. Сер. IX. История. 1964. № 5. – С. 37–54; он же. Крестьяне-дарственники Симбирской губернии // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. – М., 1965. – Сб. 6. – С. 304–332.

² Канатов В. И. Осуществление реформ 1861 года в Симбирской губернии / По материалам уставных грамот, дарственных и выкупных сделок: дисс.... – М., 1970. – 294 л. машинопись.

³ Ромашин, И. С. Очерки экономики Симбирской губернии XVII–XIX вв. / И. С. Ромашин. – Ульяновск: [без изд.], 1961. 52 с.; он же. Крестьянская реформа 1861 года в Симбирской губернии // Ученые записки Ульяновского Гос. пед. ин-та. – Серия историческая, Т. XXI, вып. 5. – Ульяновск, 1969. – С. 3–25.

⁴ Клянкин А. В. Хозяйство помещичьих и удельных крестьян Симбирской губернии первой половины XIX века. – Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1974. – 186 с.

промышленности и отходничества, организации цикла сельскохозяйственных работ и их распределения в рамках крестьянской семьи. Основными источниками исследования, на основе которых автор рассматривает крестьянское хозяйство Симбирской губернии первой половины XIX века, явились материалы поместно-вотчинных фондов помещиков Симбирской губернии, хранящиеся в РГАДА и Госархиве Ульяновской области, Приложения к трудам Редакционных комиссий, документы Симбирской удельной конторы.

В сочинениях Кузнецова И. Д.¹ рассматривается широкий спектр вопросов истории крестьянства Чувашии с 1861 по 1917 гг. Территориально работы охватывают пять уездов Пензенской губернии и три уезда Симбирской – Алатырский, Буинский, Курмышский. В исследованиях представлен широкий круг вопросов, связанный с жизнью крестьянства: землевладение и землепользование, сельскохозяйственное производство, ремесло и торговля, расслоение крестьянства, крестьянское движение. И. Д. Кузнецов основной упор сделал на выявление степени капиталистического развития национальной деревни. По мнению Ю. И. Смыкова, для него свойственна констатация формирования довольно зрелого буржуазного уклада «... вплоть до образования в почти что законченных чертах сельского пролетариата и деревенской буржуазии»².

Тему генезиса буржуазного уклада в поволжской деревне продолжил уже названный казанский исследователь Ю. И. Смыков в комплексной работе «Крестьянство Среднего Поволжья в эпоху капитализма»³. Он показал, что на своеобразие развития капитализма в Среднем Поволжье оказали влияние многие факторы: национальный состав населения, активность органов земского самоуправления, крестьянское движение. Автором подробно рассмотрены характер и эволюция пореформенного крестьянского землевладения и землепользования, состояние зернового производства, системы земледелия в средневожском крае, уровень сельскохозяйственной техники, а также степень расслоения крестьянства. Все эти факторы и определили степень развития капитализма в регионе. Рассмотрены проблемы уровня и пути развития аграрного капитализма, место и роль феодальных пережитков, социальная структура деревни. Автор использовал архивные документы, опубликованные материалы правительственной и земской статистики, периодическую печать, а также социально-экономические сочинения современников событий.

В монографии П. С. Кабытова «Аграрные отношения в Поволжье в период капитализма (1900–1917)»⁴ проанализированы причины и последствия кри-

¹ Кузнецов И. Д. Крестьянство Чувашии в период капитализма. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1963. – 584 с.; он же. Очерки по истории чувашского крестьянства. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1969. – Ч. 2: Развитие капитализма в деревне. – 426 с.

² Цит. по: Смыков Ю. И. Некоторые проблемы аграрной истории Среднего Поволжья // Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья. Дооктябрьский период. Сб. статей. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 1978. – С. 76.

³ Смыков Ю. И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма. (Социал.-экон. иссл.-след.). – М.: Наука, 1984. – 232 с.

⁴ Кабытов П. С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма (1900–1917). – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1982. – 199 с.

зисного состояния крестьянского хозяйства. Основными причинами кризиса автор считает непосильное налоговое бремя, частые неурожаи и нехватку земли. Однако известный самарский исследователь отмечает, что именно хозяйства крестьян давали больший процент продукции по сравнению с помещичьими хозяйствами.

Продолжением дореволюционного опыта обработки земских статистических источников, интерпретации их с точки зрения марксистской методологии явилось исследование А.К. Преображенской «Крестьяне правобережных районов Куйбышевской области в 1910–1911 гг.»¹. Здесь на основании уже упомянутых данных отражается процесс развития крестьянских хозяйств после 1861 года. Однако в рукописи по Симбирской губернии приведены сведения лишь Сенгилеевского и Сызранского уездов. Автор в традициях классиков марксизма-ленинизма убедительно доказывает постулат о дифференциации крестьянства и постоянном обезземеливании его значительной части. На страницах исследования Преображенской ярко показан переход от феодального к капиталистическому развитию в поволжской дореволюционной деревне, изменение структуры производства (расширение скотоводства), совершенствование агрокультуры, внедрение механизации и новых технологий. Отдельно рассмотрены ремесла и промыслы крестьян как составные части хозяйства.

Предметом диссертационного исследования мордовского историка А. С. Тувина² стало развитие капитализма в крестьянском хозяйстве Мордовии. Часть её территории до Октябрьской революции входила в состав Симбирской губернии. Автором указывается, что реформы 60-х гг. XIX века не привели к унификации наделного землепользования крестьян различных категорий и этнических групп. От малоземелья в первую очередь продолжало страдать национальное крестьянство Поволжья. В работе А. С. Тувин конкретизировал показатели аренды и купли-продажи наделной земли, влияние способов хозяйствования на товарность производства, степень материально-технической оснащённости крестьянских хозяйств, структуру посевных площадей, животноводство. Отдельно рассмотрена промысловая деятельность крестьян и уход на заработки вследствие малоземелья и разорения, который привёл к формированию предпролетариата в городах. В целом, главная мысль, которая лежит в основе всего исследования, – постулат о закономерности развития капитализма в аграрном секторе российской экономике по «прусскому пути», где «кабальные формы <...> самым причудливым образом переплетались с капиталистическими»³.

Тема многонационального крестьянства и крестьянского хозяйства по-

¹ Преображенская А. К. Крестьянство правобережных районов Куйбышевской области в 1910–1911 гг. (по данным земской статистики). – Рукопись. Б.и., б.г. 178 с.

² Тувин А. С. Крестьянское хозяйство Мордовии в 1861–1905 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Самара, 1992. – 21 с.

³ Тувин А. С. Крестьянское хозяйство Мордовии в 1861 – 1905 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Самара, 1992. – С. 14.

лучила дальнейшую разработку у чувашского историка Г. А. Николаева¹. Его внимание было сосредоточено в первую очередь на чувашских крестьянских хозяйствах Симбирской и Казанской губерний. Николаевым рассматривается национальный аспект развития хозяйств, статистика землевладения, исходя из разряда крестьянства, процессы перехода земельных владений от деревенской бедноты к зажиточным односельчанам; характеризуется и уточняется типология крестьянских хозяйств в русской и национальной деревнях и определяется степень дифференциации крестьянства в них.

Со второй половины 90-х гг. XX века в нашей стране уже виден отход от классово ориентированной методологии и рассмотрение исторического развития как процесса смены формаций. Внимание исследователей сосредотачивается на демографических характеристиках, быте крестьянства, кооперативном движении, менталитете и т. д.

В монографии А. А. Ахметова «Аграрно-крестьянские отношения и социально-политическое развитие Симбирского–Ульяновского Заволжья в XVII–XX веках»² комплексному рассмотрению подверглось крестьянство левобережной части Ульяновской области. Работа охватывает широкий хронологический период с момента русской колонизации до конца XX века. Крестьяне и крестьянское хозяйство описаны в контексте общеисторического и политического развития страны. Это обстоятельство, а также территориальные рамки исследования, сближают данную работу с самарской школой аграрной истории во главе П. С. Кабытовым.

Пензенский исследователь А. Е. Ульянов кратко рассмотрел землевладение крестьян в Симбирской губернии³. Землевладение крестьян проанализировано на основе правительственной статистики и архивных материалов. Автором приводятся данные о динамике изменения крестьянского наделного землевладения и купчих земель, соотношении землевладения крестьян и помещиков губернии, особенностей положения сельских жителей отдельных уездов губернии. Исходя из этого, исследователь делает вывод о сохранении и преобладании помещичьего землевладения в Симбирской губернии в сравнении с крестьянским, но при этом отмечено значительное сокращение земель помещиков.

В начале 2000-х гг. в исследовании истории крестьянства и крестьянского

¹ Николаев Г. А. Разложение многонационального крестьянства Симбирской губернии в начале XX в. (По материалам подворной переписи 1910–1911 гг.) // Исследования по истории дореволюционной Чувашии. Сборник статей. – Чебоксары, 1989. – С. 124–143; он же. Надельное землевладение в средневожской многонациональной деревне в начале XX века (На примере Симбирской губернии) // Исследования по дореволюционной истории Чувашии. Сборник статей. – Чебоксары, 1991. – С. 113–147; он же. Многонациональная деревня Среднего Поволжья в конце XIX – начале XX в.: социально-экономический аспект (По материалам Казанской и Симбирской губерний). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1993. – 26 с.

² Ахметов А. А. Аграрно-крестьянские отношения и социально-политическое развитие Симбирско–Ульяновского Заволжья в XVII–XX веках. – Ульяновск: Издательство «Венец», 2004. – 248 с.

³ Ульянов А. Е. Крестьянское землевладение в Симбирской губернии в конце XIX – начале XX века // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. – 2010. – № 15 (19). – С. 102–106.

хозяйства начинает применяться теория модернизации, позволяющая выявлять эффективность, динамику преобразований общества. Одной из первых таких работ является исследование Н. А. Дунаевой, посвященное столыпинским реформам в поволжской деревне как одному из проявлений модернизации в средневожской деревне¹. Исторические условия начала XX века сопоставляются с современным развитием села. Сама крестьянская община рассматривается как элемент, несущий модернизационный потенциал. Действиям правительства противопоставляется деятельность земств, кооперативов и предприимчивых сельских хозяев. Автор делает вывод, что в начале XX века крестьянская община нуждалась в трансформации по объективным причинам. Указывается необходимость внедрения новых технологий в процесс сельскохозяйственного производства, вовлечение крестьянства в рыночные отношения. Общинное устройство и групповые способы ведения хозяйства, по мнению исследователя, являются главными причинами кризиса сельскохозяйственного производства. Одновременно Н. А. Дунаева указывает на вред разрушения общины в тех конкретных условиях, так как именно община выполняла в селе функции правового регулирования, общественного призрения, страхования своих членов. Исследование проведено на основе значительной источниковой базы с учётом достижений и новых подходов в современной исторической науке.

Ряд аспектов развития крестьянского хозяйства Симбирской губернии в начале XX века отражены в статьях современного ульяновского исследователя Н. П. Прокофьевой². Главным источником, использованным автором, стали материалы земских подворных переписей. В работах Прокофьевой рассмотрены вопросы крестьянского землевладения, частные и личные хозяйства, полеводство и животноводство в структуре крестьянских хозяйств. На основании приведённых количественных данных автором сформулирован вывод о глубоком кризисе всего аграрного сектора.

На основании сведений, приведённых выше, можно сделать ряд выводов. На сегодняшний день крестьянское хозяйство Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. исследовано фрагментарно. обстоятельному анализу подверглись лишь процессы и результаты отмены крепостного права в симбирской деревне, условия и обстоятельства проведения аграрной реформы П. А. Столыпина.

Как мы увидели, характерной чертой местной историографии было преоб-

¹ Дунаева Н. А. Модернизационные процессы в поволжской деревне в 1907–1917 годах. – Ульяновск: Изд. Качалин А. В., 2012. – 282 с.

² Прокофьева Н. П. Анализ изменений в формах землевладения: 1900–1914 гг. (на примере Симбирской губернии) // Право и образование. – М., 2012. – № 7. – С. 161–164; она же. Полевое хозяйство крестьян в начале XX в. (по материалам Симбирской губернии) // Право и образование. – М., 2012. – № 9. – С. 177–181; она же. Особенности животноводства в крестьянских хозяйствах Российской империи в 1900–1914 гг. (по материалам Симбирской губернии) // Право и образование. – М., 2012. – № 10. – С. 177–180.

ладающее внимание к истории удельных крестьян, которые преобладали в губернии. В условиях унификации исследовательских и образовательных подходов разработка проблематики трансформации крестьянского хозяйства Симбирской губернии велась в русле общих подходов и концепций, свойственных советской историографии: негативная оценка результатов реформ, схематичность и даже отрубление процесса развития капитализма в деревне.

Вместе с тем в период «оттепели» ульяновские исследователи оказались вне рамок обновленческих тенденций. Так, в симпозиумах по аграрной истории Восточной Европы и межрегиональных конференциях историков-аграрников Среднего Поволжья не принял участие ни один исследователь из Ульяновска.

В советской и современной историографии достаточно влиятельным остаётся представление о принципиальном различии «американского» и «прусского» пути развития аграрного капитализма в России второй половины XIX – начала XX вв., сформулированное В. И. Лениным в книге «Развитие капитализма в России». Между тем, аграрная история за последние десятилетия достигла значительных успехов, существенно обогатив методiku и методологию исследований.

Главным прорывом всей отечественной исторической науки 1960–2000-х гг. является использование количественных методов в исторических исследованиях, в том числе тех, предметом которых является трансформация крестьянских хозяйств во второй половине XIX – начале XX вв. Настоящая методика, а также компьютерные технологии позволили представить более подробную типологию крестьянских хозяйств, уточнить и дополнить сведения об их урожайности, товарности, эффективности, произвести моделирование процессов, протекавших в хозяйствах крестьян. Существенным достижением данной методики явилось упрощение обработки корпуса источников и преобразованной статистики.

Следующей важной стратегией при изучении трансформации крестьянского хозяйства Симбирской губернии второй половины XIX – начала XX вв. является применение моделей и методов демографии. Это позволяет выявить степень влияния основных демографических характеристик (рождаемость, смертность, брачность, миграции) на хозяйство крестьян в рамках однопоколенного и двухпоколенного циклов: крестьянское землевладение и землепользование, урожайность, структуру посевов, изменение поголовья скота, неземледельческие занятия крестьянства, вопросы наследования, длительность самих семейно-хозяйственных циклов. Особенно актуальным в последнее десятилетие является применение сочетания географических и психологических подходов, которое впервые использовал академик Л. В. Милов¹. Благодаря работе Милова, под иным углом зрения удаётся исследовать значение сельскохозяйственного календаря крестьян, технологию обработки

¹ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М.: РОССПЭН, 1998. – 573 с.

земли, уровень интенсивности крестьянского труда, обусловленные природно-географическими и психологическими факторами.

Комплексное применение всех указанных методик исследования истории крестьянского хозяйства Симбирской губернии в указанный хронологический период позволило бы, на наш взгляд, определить степень развития феодального и капиталистического укладов, взаимодействие между ними, проследить трансформацию хозяйств, ввести в научный оборот новые источники по данной проблематике. Всё это сможет поспособствовать более глубокому пониманию исторического развития крестьянства и крестьянского хозяйства губернии.

Л. В. Игнатова

ОТ КРЕСТЬЯНИНА К КОЛХОЗНИКУ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ КРЕСТЬЯН НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕВОЛЖСКОГО КРАЯ

Среднее Поволжье как одна из наиболее важных сельскохозяйственных областей привлекает внимание к изучению глубинных изменений в повседневной жизни крестьян периода коллективизации. Это прежде всего трансформация отношения крестьян к труду, семье, коллективу в условиях многонациональной и поликонфессиональной территории Средневолжского края, которая позволяет увидеть картину изменений и получить представление о развитии процесса перехода крестьянина-собственника в статус колхозника в целом по стране. При анализе мероприятий, проводимых правительством по установлению контроля над средневолжской деревней, необходимо особо отметить насаждение новых культурных ценностей, которые сталкивались со старыми традициями. Последние в полной мере никуда не исчезли, частично сохранились и нашли свое отражение в жизни уже нового колхозного крестьянства, превратившись в скрытую «подпольную» культуру.

В ходе проведения коллективизации крестьянам надлежало стать образцовыми колхозниками, носителями новой советской культуры и советского образа жизни. Выделялось несколько уровней культуры, которые предстояло освоить людям в СССР. На первом уровне находились культура личной гигиены – привычка мыться с мылом, чистить зубы и не плевать на пол – и элементарная грамотность. В 1934 г. состоялась «культурная экспедиция»¹ в Чувашию – воспитательно-пропагандистская акция, в которой наряду с учителями и врачами принимали участие журналисты и фотографы. По возвращении принесли новости о приобщении колхозников к культуре в виде по-

¹ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2008. – С. 100.

лотенец, мыла, носовых платков и зубных щеток. До недавнего времени люди пользовались мылом только по большим праздникам; теперь с мылом моются в 87 % колхозных дворов¹, и у 55 % колхозников имеются личные полотенца. «Носовой платок раньше – свадебный подарок, предмет праздничного обряда»; теперь же у четвертой части колхозников есть носовые платки². В одной деревне в каждом десятом доме даже пользовались одеколоном.

В Ульяновске накануне проведения коллективизации уездный и городской комитет партии организовали уездно-городскую комиссию по шефству над деревней. Коммунисты, комсомольцы, профработники осуществляли идеологическую пропаганду путем налаживания культурно-просветительской работы, снабжения сел политической и сельскохозяйственной литературой, регулярного дежурства в избах-читальнях. Ульяновская курсантская школа направила 90 курсантов, разделив их на группы по 10 человек для работы в центре подшефной волости, по два человека для работы в селах³.

Рассмотрение внешних форм проявления культурной жизни поможет проследить некоторые показатели трансформации идентичности. В ходе коллективизации основные предметы быта, в том числе крестьянская одежда, претерпели разительный изменения. Одной из причин явилось исчезновение в ходе коллективизации многих промыслов, от которых зависел традиционный уклад крестьянской жизни. Сельские кустари – производители подвергались особому риску получить ярлык кулака. Перестали выращиваться такие культуры, как лен и конопля, служившие сырьем для многих видов мелкого производства⁴. Колхозы брались за выращивание прежде всего зерна, необходимого для обеспечения продовольствием городского населения и экспортных поставок. Колхозники же не могли выделить для льна иконопли место на собственных участках.

На фоне проведения комплексной политики по установлению колхозного строя обострился конфликт между поколениями крестьянства. «Молодежь не хотела больше носить старый деревенский костюм, воспринимая его как символ вековой отсталости»⁵. «Большой популярностью пользовался у мужчин военный костюм, оставшийся у многих после первой мировой и гражданской войн»⁶. Деревенские девушки начали использовать пудру и румяна.

Одной из важнейших составляющих качественных изменений в сфере духовной жизни колхозников стала компания по пропаганде атеизма в регионах сплошной коллективизации. Оргбюро было приказано издать постановление о закрытии церквей и раскулачивании священников. Запрещались религиозные праздники, отбирались иконы, которые зачастую

¹ Там же. С. 100.

² Там же.

³ Ульяновский общественник. – 1926. – № 1. – С. 25–31.

⁴ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2008. – С. 240.

⁵ Там же. С. 48.

⁶ Там же. С. 48.

подвергались массовому сожжению. Распространение атеизма должно было сломать механизм передачи традиций, которые были серьезным препятствием для властей в деле искоренения автономии деревни. Отныне крестьяне, вступившие в колхоз, не должны были держать в домах иконы или ходить в церковь. Новым колхозникам часто приказывали сдать иконы, которые порой сжигались на площади, иногда с них снимали серебряные оклады на нужды индустриализации.

Реакцией крестьянства стала демонстративная поддержка церкви, отдельных священников, а в сопротивлении крестьян коллективизации появилась значительная религиозная составляющая. Церковь стала символом сопротивления колхозным преобразованиям. Женщины в сопровождении священника часто ходили по деревням за коллективизаторами с плачем, причитаниями и пением отрывков из литургии¹. В Пензенском районе в селах Салтыковского сельсовета появилась традиция сбора материальной помощи и продовольствия монахам и священнослужителям в дни больших церковных праздников.

Религиозные праздники, проходившие в летние месяцы, создавали серьезную помеху властям в деле установления новых порядков в сфере сельскохозяйственных работ. Теперь по новому сельскохозяйственному календарю крестьяне должны были интенсивно трудиться. Вместо этого колхозники устраивали себе выходные, отправлялись на местные ярмарки. Череда религиозных праздников в июле, включавшая день Ивана Купалы (дохристианский) 7 июля и Петров день 12 июля, вызывала наибольшие опасения, поскольку проходила в пору сенокоса. Петров день, по сообщениям из районов Средневожского края, праздновали в большинстве колхозов, невзирая на задержку сенокоса. В разгар сеноуборки колхозники одной деревни могли прогулять из-за религиозных праздников до 288 человекодней². Многие колхозы за это время немало погноили сена³. Руководство в свою очередь запугивало население угрозой исключения из колхоза, изъятием земли у тех, кто не выйдет работать в православный праздник⁴.

В тех местностях, где проживало преимущественно татарское население, например, в с. Енганаево Чердаклинского района Ульяновского округа, большое влияние на население оказывал мулла. Жители заявляли, что «пойдем в колхоз, если в него будет допущен мулла»⁵. Так, из 170 хозяйств дали согласие только 55 человек⁶. В с. Кезьино Астрадамовского района Ульяновского округа бывший мулла из Промзинского района говорил женщинам: «Скоро

¹ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2008. – С. 75.

² Фицпатрик Ш. Социальная история советской России в 30-е годы: деревня. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – С. 321.

³ Там же. С. 322.

⁴ Вахитова Т. М., Прокофьева В. А. Проклятия крестьян падут на вашу голову. Секретные обзоры крестьянских писем в газету «Правда» в 1928–1930 гг. // Новый мир. – М., 1993. – С. 180.

⁵ Ягодкин В. На стройке МТС // Среднее Поволжье. – 1930. – № 2. – С. 96.

⁶ Там же. С. 96.

будут за эти колхозы резать и вешать, ибо за граница уже двинулась на СССР»¹, что «Папа Римский крестовый поход уже организовал, поэтому надо скорее выходить из колхозов»².

Священники и муллы, читая проповеди, осуждающие коллективизацию, демонстрировали крестьянам, что создание нового колхозного порядка и наступления на веру означали одно и то же. 30 января 1930 г.³ во время массовых восстаний церковь была также центром единения крестьян в общей борьбе, удар колокола был призывом к мобилизации крестьянской оппозиции на борьбу. В Ульяновском округе в с. Русские Юрткули Старомайнского района святой отец Миронский агитировал крестьян, чтобы они не шли в колхоз, а находящиеся там выходили, так как «в колхозах поселился Антихрист, поэтому пусть лучше вас расстреляют, чем быть проклятым»⁴.

Священники, представители сельской интеллигенции, бывшие старосты общины подвергались широкомасштабным репрессиям, в число жертв этих карательных действий правительства попали и мельники, и торговцы, и ремесленники. Отменив общину в 1930 г. и сход, государство лишило крестьян права на самоуправление, пусть и весьма условное. А закрытие ремесленных лавок и мельниц, управляемых крестьянами, в разы усилило зависимость деревни от государства. Правительством были ликвидированы все важные общественные места сбора крестьян.

При насаждаемых новых правилах ведения сельскохозяйственного производства с учетом трансформации крестьянского уклада жизни меняется и отношение колхозников к семейным ценностям. Показателем в этом отношении является тот факт, что в 1930-е гг. в деревне начали распространяться гражданские браки и разводы. Конечно, большинство крестьянских пар по-прежнему венчались в церкви, но и гражданские свадьбы в деревнях Среднего Поволжья стали «обычным явлением»⁵, «в каждом селе есть 3–4 семейства невенчанных», и «крестьяне относятся к этому беззлобно»⁶.

Вслед за разрушением традиционного уклада сельской жизни шло насаждение новой атеистической культуры. Ликвидировались прежние понятия добра и зла, взамен предлагались понятия революции как высшего блага и её антипод – контрреволюция, поддержка которой приравнивалась к греху. Символично то, что в зданиях разорённых церковью стали размещаться социалистические клубы, избы-читальни, склады и амбары. Так заседание Президиума Заволжского Райгорсовета постановило закрыть Часовенскую церковь и объявило решение использовать её «под культурное учреждение

¹ № 94 Спецсводка № 28 ПП ОГПУ по Средневолжскому краю о массовых выходах из колхозов и откликах деревни на объявленные льготы колхозам 10 апреля 1930 г. (№ 94 По: «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД...». Т. 3. Кн. 1. С. 281).

² Там же.

³ Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 53.

⁴ Спецсводка № 28 ПП ОГПУ Т. 3. Кн. 1. С. 281

⁵ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2008. – С. 47.

⁶ Там же. С. 47.

или на стройматериал»¹. Старые православные праздники заменялись новыми, как бы накладываясь на них (важнейший праздник Покров Пресвятой Богородицы (14 октября) заменился празднованием Дня коллективизации, а Ильин День – Днем электрификации). В ходе модернизации сёл и деревень в крупные производственные коллективные хозяйства трансформировалось и их внутреннее содержание, отражать которое надлежало новым советским названиями (с. Кобылья Лужа было переименовано в Советскую Лужу², с. Поляна Пензенского округа Салтыковского района стало именоваться Красной Поляной, Дубрава – Красной Дубравой и т. д.) На родине В. И. Ленина ещё до проведения сплошной коллективизации стали появляться образцовые зерновые совхозы во исполнение Ленинского плана кооперации (с/х артель «Путь Ленина»³), а затем и колхозы с соответствующими названиями (колхоз «Заветы Ильича»⁴, колхоз «Родина Ильича»⁵).

Если до проведения коллективизации существовало распределение обязанностей между сельскими жителями всех возрастных категорий (специализация в сфере производства необходимых товаров: обуви, одежды, утвари), то с 1930-х гг. сельские жители полностью лишились хозяйственной самостоятельности даже в решении частных вопросов. Самостоятельность деревни была ликвидирована, а крестьяне попали в полную зависимость от распределения правительством необходимых товаров; места общих сборов прекратили свое существование, а традиции отмирали, ибо всем предстояло заниматься одним новым делом: колхозным строительством. Исконная культура, основанная на строгих религиозных нормах, ушла в подполье и стала культурой скрытого сопротивления.

Нового жителя поволжской деревни, колхозника, трудящегося в системе планового сельскохозяйственного производства, нельзя в полной мере назвать крестьянином. Колхозник отчужден от главной составляющей своего труда – от работы на земле, которая теперь не гарантировала его благополучие при добросовестной работе, а становилась работой по принуждению, которая вопреки всем прежним традиционным нормам ведения сельского хозяйства ставила во главу угла не качество производимой продукции, а количество. Крестьянин, ставший колхозником, рисковал оказаться на доске «позора» (так называли доску почёта), если выполнял бы свою работу добросовестно и тщательно, или же попасть в немилость среди своих же односельчан, если бы активизировал свою деятельность в погоне за показателями. На одном из совещаний партийно-колхозного советского актива в Ульяновском округе постановили одобрить решения Горкома и Горсовета о проведении в качестве меры морально-психологического стимулирования трудовой активности кон-

¹ Государственный архив Ульяновской области (ГАУО), Ф. Р-597. Д. 5. Л. 45.

² Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2008. – С. 58.

³ ГАУО Ф. Р-603.

⁴ ГАУО Ф. Р-604.

⁵ ГАУО Ф. Р-616.

курса на лучшую подготовку к уборочной кампании с переходящим красным знаменем как лучшим колхозам и рогожным – худшим колхозам¹. В дальнейшем это спровоцировало массовый отказ крестьян от работы.

Появление безынициативного отношения к труду на земле является начальным этапом на пути разложения многовекового традиционного крестьянского уклада жизни. В начале XX в. крестьянин получал пропитание для своей семьи своим тяжёлым трудом, развивал отношения в семье, исходя из необходимости совместного выживания, каждый член большой крестьянской семьи играл важную особую роль в ведении хозяйства. Семейные ценности с наступлением коллективизации и уничтожением религиозных центров трансформировались. Основы крестьянского жизненного уклада были прежде неразрывно связаны с христианскими обычаями, которые регулировали не только нормы семейных отношений, но и строго определяли порядок сельскохозяйственных работ, каждый праздник имел особое значение в деле посева или уборки урожая, праздники же определяли и выходные дни, в которые труд на земле был строго запрещен. С наступлением изменений в сфере производства сельскохозяйственной продукции в конце 1920-х гг. традиционный уклад крестьянской жизни стал необратимо трансформироваться. Видя бесперспективность, слабую оценку своего труда, отсутствие необходимых продуктов питания, грабительские методы коллективизации, крестьяне осознали безысходность своей борьбы, активное сопротивление сменилось пассивным, а за его основу был принят массовый отказ от работы.

Отсутствие стимулов для улучшения производительности труда привело к дальнейшему распространению безразличного отношения к производству сельскохозяйственной продукции и безответственным отношением к производимым продуктам. Пассивное сопротивление крестьян Среднего Поволжья аграрной политике советского руководства не ограничилось этапом проведения коллективизации как таковой, а продолжилось и после окончательного установления колхозного строя. Безразличие к плодам собственного труда крестьянского населения продолжалось и усугублялось с годами. Тех, кто проявлял излишнюю инициативу, подвергали гонениям и осуждению. Последствия отчуждения колхозников от труда на земле находят свое отражение в запустении и вымирании многих сел, деревень, посёлков и селений на Средней Волге и утрате множества ценных традиций, которые в прежние времена составляли основу уклада жизни сельских жителей и в сфере сельскохозяйственного производства, и в семейно-бытовых отношениях.

Трансформация идентичности свелась в этом случае к потере связи между крестьянином и трудом на земле, основанной на многолетних традициях. Новые формы сельскохозяйственного производства не предполагали передачи традиций, а базировались на новых ценностях.

Вся богатая обрядовая культура, предшествовавшая началу сельскохо-

¹ ГАУО Ф. Р-597. Д. 5. Л. 11, п. 8.

зяйственных работ весной и завершению уборки урожая осенью, отмирала естественным путем. Колхозник был вовлечен в механизм производства сельскохозяйственной продукции на «благо советского общества». Новые крестьяне – колхозники оказались оторванными от своей укоренённой идентичности, в то время как новая идентичность, насаждаемая при разрушении предыдущих основ, не сформировалась должным образом, а осталась поверхностной и номинальной, так и не закрепившись в деревне в том виде, в каком ее планировали советские «творцы».

А. Р. Гапсаламов

ИСТОКИ «ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЧУДА» ОТДЕЛЬНОГО РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Республика Татарстан – уникальный в экономическом измерении регион Российской Федерации начала XXI в. Процесс адаптации хозяйства к быстроменяющимся политическим условиям позволил появиться многоукладной, эффективной, а главное – перспективной экономике. Изучение опыта и исторических этапов развития промышленности Республики Татарстан (Татарской АССР) позволяет выявить факторы, проанализировать условия и обстоятельства, способствующие росту экономики республики в XX в.

Многие экономические процессы восходят к прошлому веку. В начале XX столетия промышленность Казанской губернии развивалась достаточно быстрыми темпами, по некоторым отраслям опережая средние показатели по стране. К 1914 году на территории губернии было 406 крупных предприятий с общей стоимостью годового производства около 25 млн рублей. Кроме того, имелось свыше 4 тыс. мелких предприятий с оборотом менее 1 тыс. рублей в год на каждое. Социально-экономический облик губернии характеризовался концентрацией фабрично-заводских предприятий в нескольких крупных городах (85 % всего производства). На первом месте в этом ряду стояла Казань (71 % от всего производства), далее шли Чистополь, Бондюг, Кукмор.

В годы первой мировой войны те отрасли промышленности, которые обслуживали потребности армии, испытывали временный подъём. В этот период возникло даже несколько новых предприятий, вызванных к жизни спросом на некоторые товары для армии. Но в целом военное время тяжело повлияло на состояние предприятий. Часть предприятий, в особенности винокуренных, сильно пострадала во время революций. Новая власть сразу же столкнулась со множеством трудностей, таких, как изношенное оборудование, перегруженность предприятий малоквалифицированной рабочей силой.

Начавшаяся гражданская война, одним из театров военных действий которой была Казанская губерния, не позволила произвести перевод промышленности на мирные рельсы по намеченному плану. В конечном счете это привело к тому, что

в летние месяцы 1921 г. промышленность республики переживала настоящую катастрофу, и перед местным совнархозом вплотную стоял вопрос о прямой гибели тех немногих предприятий, которые кое-как еще работали. В результате республика оказалась с огромным количеством предприятий, частично или полностью прекративших работы за недостатком сырья. В тех же отраслях промышленности, которые еще функционировали, остро не хватало рабочей силы, так как голод заставил рабочих искать работу в других, более благоприятных регионах. Нужда в продовольствии влекла за собой и прогулы, число которых на некоторых предприятиях доходило до 50 и более процентов.

Оборотные средства, которые выделялись, были крайне недостаточны и в значительной части неликвидны, оборудование изношено и требовало постоянного ремонта. Покупательная способность населения (на 94 % земледельческого и переживавшего тяжёлые последствия голода) была ничтожна. Поэтому приходилось часто менять организационные формы управления предприятиями, производить дальнейшие сокращения их числа и концентрацию производства на наиболее мощных заводах с переводом на консервацию или полную ликвидацию наиболее слабых, для подъёма которых не хватало средств.

В столь неблагоприятных условиях республика подошла к периоду индустриализации. Место Татарской республики в системе промышленного развития страны было неоднозначным. По проекту первого пятилетнего плана предусматривалось снижение удельного веса промышленности автономной республики в системе индустрии СССР: по наметке Госплана СССР – с 0,39 % до 0,38 %, по планам ВСНХ РСФСР – до 0,23 %.

В результате объём капитальных инвестиций по республике был сокращён в 2 раза против проекта районной секции Госплана РСФСР и в 4 раза против наметки Госплана ТАССР. Удельный вес Татарии по капитальным вложениям в промышленность, находящуюся на территории РСФСР, снизился с 0,3 % в 1929/30 гг., до 0,25 % в 1930/31 гг., при одновременном повышении удельного веса всех других национальных республик (кроме Крымской)¹.

Несмотря на слабую поддержку со стороны государства, промышленность республики продолжала двигаться вперед. Удельный вес валовой промышленной продукции в общем объёме продукции народного хозяйства республики постоянно увеличивался: в 1925/26 гг. он составлял 35,8 %, в 1927/28 гг. – 37,3 %, в 1928/29 гг. – 39,9 %, в 1929/30 гг. – 43,6 %². В то же время внутри промышленности в годы первой пятилетки в Татарской АССР быстро увеличивался удельный вес отраслей промышленности группы «Б», а не группы «А», как это было в целом по стране. Шёл медленный процесс превращения республики в регион с преобладающей промышленностью. Несомненно, ключевыми факторами здесь явились применение труда местного населения, переводимого из села в город, и структурные перестановки в системе управления отраслями индустрии.

¹ НАРТ (Национальный архив Республики Татарстан). Ф. Р-1150. Оп. 1. Д. 253. Л. 12.

² НАРТ. Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 1 191. Л. 1.

Вторая половина 1930-х гг. явилась временем ускоренного развития оборонной отрасли советской промышленности. На нужды армии направлялось более четверти всех капитальных вложений, выделенных промышленности в годы третьей пятилетки. В это время в стране развернулась реконструкция имевшихся и строительство новых военных заводов, осваивалось производство новых видов вооружения. При этом важное значение отводилось обеспечению вооруженных сил новейшей военной техникой (танками, самолетами, огнестрельным оружием). Особенно чётко данная тенденция прослеживалась на региональном уровне. В Поволжье в указанный период появилось девять авиационных заводов и было реконструировано также ещё девять заводов¹.

На территории Татарской АССР промышленное развитие было ориентировано на дальнейшее развитие химических и строительных производств: постройка цементно-тукового комбината на гиссах Камского Устья, строительство завода СК, постройка производств на базе залежей битумных пород в Сюкеево, дальнейшее развитие добычи естественного асфальта в Шугурове и Сугушле². Были созданы новые отрасли промышленности, такие как производство искусственной кожи, холодильная и консервная промышленность³.

Начало войны стало серьезным испытанием для советской экономики: значительная часть западных территорий (более развитых районов) оказалась захваченной врагом, гибель большого количества жителей, разрушения, мобилизация трудоспособного населения. Военные действия не могли не отразиться и на развитии промышленности. В первые месяцы войны по отдельным наркоматам снижение норм выработки продукции было незаметным, промышленность работала практически с полной загрузкой. К примеру, по наркомату местной промышленности Татарской АССР план невыполнения за 7 месяцев 1941 г. составил всего 0,3 %⁴. Однако, по мере развития военных действий кризис промышленности всё более увеличивался.

Помимо общеэкономических причин, снижавших показатели республиканской промышленности в начальный период войны, которые в достаточной степени разобраны в исторической литературе, нами выделяются и специфические, относящиеся непосредственно к ТАССР. К ним мы сегодня относим: плохую организаторскую работу министерств, управлений, предприятий; тяжёлое финансовое положение; недостаток трудовых ресурсов; слабое использование местных ресурсов; простои из-за отсутствия сырья, материалов и транспорта; неудовлетворительное материально-техническое снабжение и многие другие причины. Но постепенно республика стала выдвигаться на передние позиции как тыловая промышленная база страны. Газета «Красная Татария» писала, что «в республике не найти ни одной фабрики, ни одного

¹ Кондратенко Е. Ф. Промышленное строительство в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам Среднего Поволжья): дис. ... канд. ист. наук. – Пенза, 2002. – С. 25.

² НАРТ. Ф. Р-1150. Оп. 1. Д. 185. Л. 161.

³ Зайцев А. И. Подъём экономики и культуры Татарии за сорок лет. Краткий историко-экономический очерк. – Казань, 1957. – С. 41.

⁴ НАРТ. Ф. Р-3049. Оп. 6 доп. Д. 12. Л. 2–3.

завода, ни одной мастерской, которые в той или иной степени не выполняли бы фронтные заказы»¹.

В Казани и районных центрах началась переориентация промышленности на выпуск военной продукции, возникли и стали развиваться новые отрасли промышленности (приборная, резиновая, химико-фармацевтическая и др.²), появились новые предприятия. Одновременно руководство начало сворачивать экономически неэффективные предприятия. В республике был развернут приём, размещение и запуск эвакуированных предприятий. Всего за время войны на территории республики было размещено более 70 предприятий.

Переломным моментом в развитии республиканской промышленности стали 1950-е годы. В этот период в мире начался новый этап в развитии экономики, ознаменованный началом научно-технической революции. Затронули данные процессы и Советский Союз. Для сохранения международного политического и военного паритета с западными странами СССР вынужден был в короткие сроки нарастить экономический потенциал и прежде всего такую его составляющую, как промышленность. Не могли не начаться изменения и на уровне региональной промышленности. На республиканском уровне начались структурные реорганизации, направленные на увеличение и на качественный подъём отдельных отраслей экономики, которые, в свою очередь, изменили и валовые показатели роста. Уже в годы четвертой пятилетки (1946–1950) общий объём промышленной продукции возрос на 58 %, годовые темпы прироста равнялись в среднем 9,5 %. В некоторых приоритетных отраслях рост был ещё выше. В результате, если в 1955 г. темпы роста валовой продукции промышленности по стране по отношению к 1950 г. составили 185 %, то в Татарской АССР – 216 %, в 1960 г. – 304 % и 349 % соответственно.

Данному росту способствовало то, что в послевоенное время, начиная с четвертой пятилетки и вплоть до середины 1960-х годов, капиталовложения в народное хозяйство ТАССР неуклонно увеличивались, на основе чего росла материальная база, основные фонды и другие составляющие экономики республики. При этом с конца 1950-х годов основная часть капитальных вложений (около 60 %) ежегодно направлялась на развитие промышленной сферы³.

Столь существенный экономический рост был следствием государственной политики, проводимой в республике и направленной на становление ряда отраслей экономики. Приоритетное развитие получило строительство объектов химической, нефтегазодобывающей, нефтеперерабатывающей промышленности и машиностроения, на развитие которых были направлены основные капиталовложения⁴. К примеру, если в 1955 г. (в сравнении с 1940 г.) валовая

¹ Красная Татария. – 1942. – 7 янв.

² Татария в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Сборник документов и материалов. – Казань, 1963. – С. 91–92.

³ НАРТ. Ф. Р-1296. Оп. 27/2. Д. 2/11. Л. 181.

⁴ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. А-259. Оп. 45. Д. 1985. Л. 253; то же. Оп. 45. Д. 3448. Л. 236.

продукция пищевой промышленности республики возросла на 144 %, мыловаренная и парфюмерная – на 186 %, швейная – на 194 %, кожевенно-меховая и обувная – на 219 %, то продукция химической промышленности за этот же период возросла до 279 %, строительных материалов – на 573 %, а продукция машиностроения – на 3596 % (т. е., почти в 36 раз)¹. В целом за счёт развития новых для республики отраслей удалось привлечь значительные капитальные средства. Если в среднем в СССР капиталовложения в промышленность в 1964 г. (по отношению к 1958 г.) возросли на 165 %, то по Татарской АССР – на 430 %².

Итогом экономических изменений 1950–1960-х годов стали высокие темпы промышленного роста. По этому критерию республика значительно превосходила общесоюзные показатели, а в ряде отраслей являлась лидером. Рост экономики за счёт валовых показателей на начальном этапе НТР был выгоден республике. Благодаря обильному финансированию, увеличению производственных мощностей, произошли положительные изменения в инфраструктуре региона и его социальной сфере. Доля городского населения за послевоенный период заметно увеличилась и к середине 1960-х годов составляла примерно половину от числа всех жителей.

Вместе с тем, мощный индустриальный рост республиканской экономики в послевоенный период был следствием не продуманной стратегии дальнейшего развития региона, а лишь реакцией на реальные потребности советской экономики в топливе и продукции химической и машиностроительной индустрии. Начиная с 1960-х годов, динамика промышленного роста республики начала медленно, но неуклонно замедляться. Усугубили ситуацию диспропорции в отраслевой структуре. В то время, когда основные средства направлялись в тяжёлую промышленность, легкая и пищевая промышленность испытывали острую нехватку финансирования.

И если в 1960-е годы нормы плановых показателей практически ежегодно перевыполнялись, то уже в 1970–1980-е годы результаты стали резко снижаться. По таким показателям, как годовой объём выпуска, реализация продукции, производительность труда, снижение выпуска низкокачественной продукции, очень часто наблюдалось невыполнение. И даже если в отдельные годы нормы плана оказывались перевыполненными, то это происходило только за счёт результативности отдельных крупных предприятий. Все это говорило о том, что общие тенденции кризиса командной экономики затронули и ТАССР.

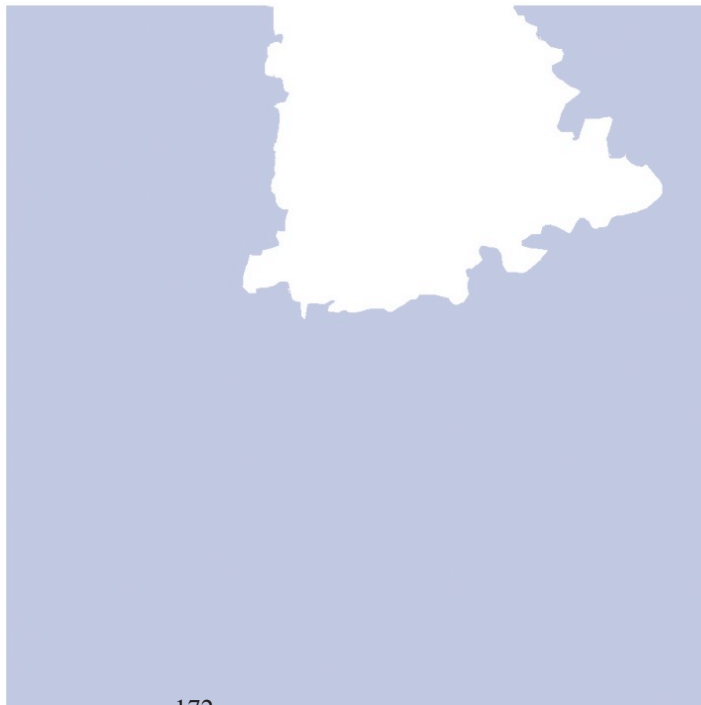
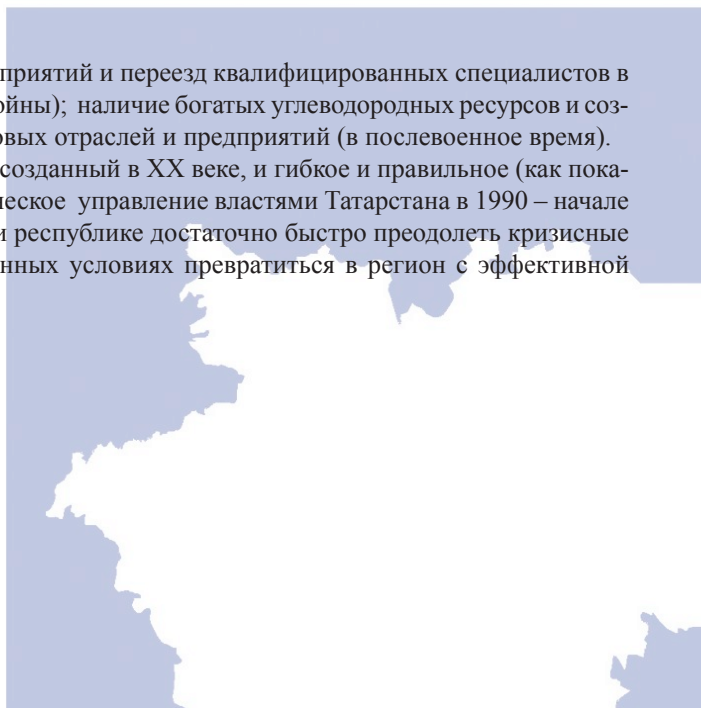
Ключевыми факторами роста республиканской промышленности в XX веке в разное время становились: необходимость создания в связи с германской военной угрозой оборонно-промышленных предприятий в Поволжье и сопутствующих этой сфере производств (в довоенный период); эвакуация

¹ Абрамов П. В. Развитие экономики Татарской АССР за годы Советской власти. – Казань, 1960. – С. 12.

² Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1965 г. – М., 1966. С. 60; НАРТ. Ф. Р-1296. Оп. 27/2. Д. 2/11. Л. 54–55; то же. Оп. 27/2. Д. 161. Л. 110–111.

промышленных предприятий и переезд квалифицированных специалистов в республику (в годы войны); наличие богатых углеводородных ресурсов и создание на этой базе новых отраслей и предприятий (в послевоенное время).

Запас прочности, созданный в XX веке, и гибкое и правильное (как показало время) экономическое управление властями Татарстана в 1990 – начале 2000 годов позволили республике достаточно быстро преодолеть кризисные явления и в современных условиях превратиться в регион с эффективной экономикой.

СОВРЕМЕННОСТЬ

Г. П. Сидорова

УЛЬЯНОВСК – КУЛЬТУРНАЯ СТОЛИЦА ПОВОЛЖЬЯ: ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Одна из типичных особенностей российской ментальности, как убедительно показал профессор И. В. Кондаков, – разрыв между внешними условиями существования, грубостью быта и утонченной жизнью духа¹. Хотя «утончённая жизнь духа» массового человека вызывает большие сомнения, но она допустима. Что касается разрыва, то в современной российской провинции он очевидно и устойчиво сохраняется. Так, в течение ряда лет в Ульяновске реализуется мегапроект «Ульяновск – культурная столица», главная цель которого, как сообщается на официальном сайте Министерства искусства и культурной политики Ульяновской области, – «формирование новой культурной политики, связанной с глобальной задачей не только модернизации инфраструктуры сферы культуры, но и образа жизни людей, их мышления. Здесь культура должна выступить «локомотивом» региональной экономики»². Местными властями Ульяновск позиционируется как «культурная столица» (чего?), а также как «опора души и державы». С целью модернизации мышления людей связана задача формирования региональной идентичности: люди должны начать идентифицировать себя как жителей «культурной столицы» и, соответственно, «опору державы».

Сам проект и его задача, без сомнений, заслуживают всяческих похвал. А какие основания имеются у местных властей для провозглашения Ульяновска «культурной столицей»? Значительное количество художественных и художественно-просветительских проектов, которые щедро инвестируются, например, Международный фестиваль кино и телепрограмм для семейного просмотра имени В. Леонтьевой «От всей души», открытие Театра юного зрителя, Малой сцены драмтеатра, музея Аркадия Пластова, Дворца творчества для детей и молодежи, креативного пространства «Квартал», а также проведение международного культурного форума и региональных Дельфийских игр. Если полистать хронику новостей культурной столицы, которая

¹ Кондаков И. В. Культура России. Глава II. Часть 1. Русская культура: краткий очерк истории и теории. Учебное пособие для студентов вузов. – 2-е изд., исп. – М., 2000. – 314 с.

² Сайт министерства искусства и культурной политики Ульяновской области. URL: ulminicult.ru (дата обращения 11.11.2014).

ежедневно приходит на мою электронную почту, то складывается впечатление, что в городе действительно кипит культурная жизнь: фестивали, конкурсы, выставки, мастер-классы, джазовые и симфонические концерты. *Достаточно ли этого, чтобы считать Ульяновск «культурной столицей»?* Для ответа на вопрос надо определиться с понятием «культура».

В современной науке культуру понимают как *многомерную целостность, способ и результат внебиологической деятельности человека, направленный на жизнеобеспечение, в совокупности всех форм предметности – материальных, духовных и художественных*. Но в массовом сознании неизменным остается представление о культуре как об искусстве, преимущественно художественных или художественно-просветительских событиях. Это можно объяснить как проявление указанной особенности российской ментальности – стремления к «утонченной жизни духа». Сплошь и рядом употребление понятия «культура» недалеко уходит от незабвенной фразы: «Какая у нас тут культура? Ни кино, ни танцев...» (х/ф «Дело было в Пенькове»). Организаторы международных форумов, претендующих на научность, также сводят понятие «культура» к искусству: Третий Международный культурный форум (Ульяновск, 2013) предложил участникам «Культурную программу» (художественные события), «Деловую программу» (пленарное заседание, доклады), «Специальные мероприятия» (дискуссии и круглые столы). Лекторам возрождаемого общества «Знание» сотрудники областной администрации рекомендуют «по возможности по окончании лекции организовывать культурные мероприятия». Следуя этой логике, лекция не является мероприятием культурным... *Итак, в дискурс о культуре, на основании чего Ульяновск позиционируется как культурная столица Поволжья, входят, в первую очередь и главным образом, искусство и наука.*

Между тем с позиций современного научного понимания в содержание культуры включаются не только идеи, ценности, символы, не только религия и искусство – явления духовного и художественного порядка, но и явления материальные: орудия труда, жилище и производство, средства коммуникации, предметы быта и т.п.¹ С культурой связаны не только достижения в области науки, искусства и просвещения, но совокупность материальных и духовных проявлений эпохи в их переживании общественным сознанием².

Системный взгляд на культуру представляет её как *многомерную целостность, сверхсложную систему*. В системной модели культуры М. С. Кагана элементами культуры являются три подсистемы – *материальная, духовная, художественная*, складывающиеся в соответствии с тремя объективными целями человеческой деятельности – удовлетворением потребностей реального бытия, передачей опыта, сближением человека с человеком в коллективах.

¹ Мосолова Л. М. Методологические проблемы освоения мирового культурного наследия в контексте глобализации // Методология культурологического исследования: Сборник научных трудов. – СПб.: Астерион, 2006.

² Кнабе Г. С. Эти пятьдесят лет // Вопросы литературы. – 2007. – Март.

Роль материальной подсистемы определяется потребностью общества в жизнеобеспечении. Это вся область материально-производственной деятельности человека и ее результаты. Формы материальной предметности – *техническая вещь и социальная организация*. Роль духовной подсистемы заключается в управлении материальной практикой. Художественная подсистема (в первую очередь, искусство) играет роль самосознания культуры, становится ее собственной образной рефлексией, «зеркалом»¹. В системной модели культуры М. С. Кагана равнозначными и взаимосвязанными культурными потребностями человека признаются *вещи, знания, ценности, проекты, другие люди*. Известный российский культуролог А. Я. Флиер в морфологии культуры выделяет следующие сферы жизнедеятельности: хозяйственная культура; правовая культура; политическая культура; философская культура; научная культура; религиозная культура; художественная культура; культура массовой информации; информационно-кумулятивная культура; культура межпоколенной трансляции социального опыта; культура физической и психической репродукции².

Но в новостях сайта «Культурная столица» не бывает информации о достижениях в развитии материальной подсистемы, связанной с «удовлетворением потребностей реального бытия». На фоне абсолютно преобладающей информации о событиях в сфере художественной культуры, иногда появляется информация о событиях в сфере научной и физической³ культуры, *но нигде нет информации о достижениях в сфере хозяйственной культуры. В дискурс местных властей о культуре не входит сфера хозяйственная – хозяйственная повседневность*. Это и есть разрыв между грубостью быта и утонченной жизнью духа.

В связи с узким пониманием культуры в Ульяновске бытовое благоустройство, особенно жилых районов, построенных в 1970-х и 1980-х годах, где проживает большая часть населения, остается неудовлетворительным, *за исключением центра города и тех дорог, по которым из аэропорта доставляют в центр высоких гостей*, всюду грязь, отсутствующая или забитая мусором ливневая канализация. Те дороги, по которым высокие гости не ездят, а также (и особенно) тротуары, остановки транспорта сделаны или ремонтируются грубо, небрежно. Внутри жилых кварталов, строго говоря, имеются лишь фрагменты дорог. Дворы многоквартирных домов, площадки для мусора находятся в жалком, нередко в ужасающем состоянии. Газоны (точнее, то, что называется газонами) и скверы завалены бутылками из-под пива: во-первых, в городе нет пунктов приёма стеклянной и пластиковой посуды, во-вторых, у многих любителей пива отсутствуют навыки оставлять пустые бутылки в урнах и контейнерах для мусора. Часть маршрутных такси всегда грязны

¹ Каган М. С. Философия культуры. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996. – С. 129–132.

² Флиер А. Я. Культурология для культурологов: Учеб. пособ. для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей. – М.: Академический проект, 2002.

³ Интерактивно-познавательная программа «Если хочешь быть здоров!» 2 ноября 2014..

снаружи и внутри. В подъездах многих многоквартирных домов постоянная грязь и выброшенный из квартир ненужный хлам. Мебель в вузовских аудиториях студентами безжалостно разрисовывается и залепляется жвачками. Рядовому человеку очень сложно организовать свой отдых на единственном в Правобережье городском пляже из-за крайне неудобной, практически отсутствующей дорожно-транспортной инфраструктуры. И так далее. Все описанное – это «грубость быта». Из-за грубости быта Ульяновск не является городом, комфортным для проживания. А комфортность проживания, как известно, – важнейший критерий столичного статуса. Существующий разрыв между грубостью быта и созданием условий для «утонченной жизни духа» препятствует формированию у человека самоидентификации с жителем «культурной столицы». Рационально или интуитивно человек в окружении грубого быта отказывается считать себя жителем «культурной столицы». У него не возникает желания лишней раз выйти из дома в грязный, убогий двор, пройти по разбитому тротуару, по лужам (потому что не работает «ливневка») на разбитую и грязную остановку общественного транспорта, чтобы доехать до филармонии и насладиться концертом джазовой музыки. Конечно, значительная часть жителей Ульяновска привыкла просто не замечать грубость быта, но самоидентификация как жителей «культурной столицы» у них в *ситуации разрыва* не формируется.

Таким образом, в контексте идентификации Ульяновска как «культурной столицы» и формирования региональной идентичности важнейшей задачей является преодоление узкого понимания культуры. Об успехе в этой деятельности можно будет говорить тогда, когда в содержание понятия «культура» начнут включать не только проведение художественных выставок и фестивалей, открытие новых театров, музеев и т.п., но и хозяйственную культуру, высокое качество *повседневной жизни* людей. Когда рядовому жителю обычного микрорайона в любой части «культурной столицы» станет удобно и приятно выйти из дома в чистый двор, пройти по ровной на всем протяжении дороге, по освещенной улице на благоустроенную остановку маршрутки, чтобы посетить выставку, посмотреть премьеру в театре и послушать научно-популярную лекцию...

Л. Ю. Лукичева

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МАЛОГО ГОРОДА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В современном мире наряду с процессами глобализации в мировом обществе идут процессы индивидуализации городов и регионов отдельных стран. Современное состояние любого региона страны определяется его

историей развития. Не случайно на сегодняшний момент стал актуальным вопрос идентичности. Что же понимается под региональной идентичностью как таковой? В чем заключается специфика идентичности населения малого города? Существуют ли реальные различия между идентичностью малого города и мегаполиса, и как это отражается на их социально-экономическом и культурном развитии?

Для того чтобы попытаться ответить на данные вопросы, проведём анализ таких основных понятий, как идентичность (социальная, региональная), город (малый город), самосознание и др.

Термин «идентичность» впервые стал использоваться социологами в 50-е гг. XX века и обозначал некую попытку самоопределения человека в субъективной реальности с определённой картиной мира, принципами и формами взаимодействия. Существует достаточное количество классификаций идентичности – по территориальному, национальному, культурному и др. признакам. Теорию социальной идентичности связывают с такими именами, как Г. Тейфел, Дж. Тёрнер и Дж. Мид¹. Социальная идентичность, по мнению ученых, включает в себя когнитивные схемы, поведенческие стратегии и аффективное подтверждение. Для современного мира характерны постоянные изменения, множественность знаний, что приводит к неустойчивости и гибкости социальной идентичности.

Городская идентичность (как и региональная) – компонент социальной идентичности, некий результат идентификации с группой людей, составляющей население того или иного города, и противопоставленная населению других городов. Идентичность города всегда аутентична, т. е. воспринимается и разделяется всем населением города (основывается на общих представлениях).

Региональная идентичность как объект социологического анализа отличается смысловым многообразием, что предполагает комплексное междисциплинарное исследование данного социального феномена. Во-первых, необходимо отметить влияние физического пространства (территориальная идентичность – соотношение индивида с «местом») на региональное сознание. Во-вторых, региональная идентичность связана с символическим представлением жителей о родном регионе и о себе в частности². Исследования отечественных социологов доказывают, что государственные, административные и этнические границы играют существенную роль в формировании и последующей динамике региональной идентичности³. Формирование идентичности становится приоритетом региональной политики и социально-экономического развития,

¹ Tajfel H. Social identity & intergroup relations. – Cambridge, Paris, 1982; Turner J.C. Social comparison & social identity: some prospects for intergroup behavior // Europ. J. of Soc. Psychol; Mead G.H. Mind, self and Society. – Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1946.

² Назукина М. В. Граница в дискурсе идентичности региональных сообществ России // Вестник Пермского ун-та. Сер.: Политология. – 2007. – № 1. – С. 11–17/

³ Кувенева Т. Н., Манатов А. Г. Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе // Социологические исследования. – 2003. – № 7. – С. 84–105.

главными целями которых являются повышение капитализации региона и привлечение инвестиций в регион (образовательных, культурных и др.)

Результаты ряда исследований показывают, что региональная идентичность – феномен, который отражает преемственность самосознания местных общностей¹. Составные идентичности носят региональный характер и никак не сводятся к характеристикам возраста или уровня образования, а традиция не является единственным источником формирования идентичности. Культурные контрасты, в том числе между соседними регионами, весьма существенны. Такая структурированность пространства осознается населением и представлена в виде региональных символов – основные достопримечательности города, по которым его узнают даже за его пределами. Региональная идентичность связана и с различными региональными историями успеха (представлениями о будущем региона). Это могут быть истории об экономическом возрождении региона, о создании комфортных условий для жизни и работы в регионе. Также сюда можно отнести и историческое прошлое.

Таким образом, в зависимости от исследовательского интереса, знаний о тех или иных процессах, контекста исследований региональная идентичность может быть рассмотрена в очень широком диапазоне тем: от символического освоения пространства до региональной культуры, от ценностной основы закрепления социальной общности до использования региональной уникальности в прагматических политических и экономических целях².

Вопрос о наличии регионального самосознания является дискуссионным. Есть крайняя позиция, что для России характерна «аспатиальность», означающая, что россияне не чувствуют пространства и его дифференциации (Л. В. Смирнягин³). В России в силу исторических особенностей культурные границы между различными территориями сильно размыты. Все это сказало на отсутствии «исторических культурных провинций» в нашей стране. За годы советской власти культурные различия между территориями стали еще менее заметными. Однако все это не является свидетельством отсутствия самого феномена региональной идентичности.

Региональное самосознание не является новым феноменом в российской истории. Межрегиональные различия политико-культурного характера существовали и в Российской империи, и в СССР, и в России. Различия сглаживались, подавлялись в виду идеологического табу, стирались в результате миграционных процессов, но они не были искоренены. Сегодня происходит частичное возрождение регионального самосознания в традиционных формах (казачество, дружинники и др.) а также появляются его новые формы в нашей стране. Стремительные темпы урбанизации в современном обществе

¹ Крылов М. П. Региональная идентичность в историческом ядре европейской России // Социологические исследования. – 2005. – № 3. – С. 13–23.

² Еремина Е. В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа // Региология. – 2011. – № 3. – С. 216–222.

³ Смирнягин Л. В. Русские в пространстве и пространство русских // Знание – сила. – 1995. – № 3. – С. 73–80.

позволяют говорить об идентичности на уровне городов, различных населенных пунктов.

Что же подразумевается под малым городом? Существует достаточно много классификаций и определений понятия город. В основном города классифицируются по численности населения. Выделяют мегаполисы (несколько сросшихся городов); крупнейшие города (более 500 тыс. жителей); крупные города (от 250 до 500 тыс. жителей); большие города (от 100 до 250 тыс. жителей); средние города (от 50 до 100 тыс. жителей); малые города (менее 50 тыс. жителей)¹. Однако в обыденном сознании одной из самых популярных «классификаций» остается разделение городов на «столичные» и «провинциальные», «мегаполисы» и «малые города». При этом основания для различия мегаполисов и малых городов крайне неоднозначны, т.к. в современном быстро меняющемся обществе происходит стирание границ данных противопоставлений.

Суммируя идеи Г. В. Аكوпова, Т. В. Иванова и др., можно выделить следующие критерии для дифференциации городов:

1. Самый распространенный критерий – численность населения. Однако стоит обратить внимание на следующий момент. «Столично-провинциальные отношения» между городами складываются не в рамках страны в целом, а в рамках отдельных регионов, крупные города в которых становятся центрами, приобретая «столичный» статус и оставляя средним и малым городам роль областной периферии (В. В. Вагин)².

2. Доступность различного рода ресурсов для населения (экономических, политических, культурных и др.).

3. Образ жизни жителей. Согласно результатам исследований Ж. Д. Ефремовой, образ жизни, типичный для провинции, отражает основные черты традиционного русского менталитета³:

- бинарность, сочетание черт, составляющих абсолютные смысловые противоположности;
- тяготение к одному из полюсов и постоянный переход из крайности в крайность;
- тяга к абсолютным ценностям и связанные с этим утопизм сознания, склонность к глобальному переустройству всей жизни;
- консерватизм социально-политических, социально-экономических и ценностных установок населения.

4. Пространственно-временной критерий (Г. В. Аковов⁴). Для крупных городов типично большое количество значимых событий в единицу времени,

¹ Хорев Б. А. Территориальная организация общества. – М., 1981.

² Вагин В. В. Русский провинциальный город: ключевые элементы жизнеустройства // Мир России. – 1997. – № 4.

³ Ефремова Ж. Д. Формирование и функционирование менталитета населения малого провинциального города: Автореф. ... дис. канд. соц. наук. – М.: РАНХиГС, 2006.

⁴ Аковов Г. В. Российское сознание: историко-психологические очерки. – Самара: Сам-ГПУ, 2002.

некий «ритм, темп» жизни как в историческом, так и в культурном плане. Также значимым отличием является «силуэт» города – размеры городского пространства, удалённость от центра, характер застроек и т. д.

5. Социально-психологическая обстановка. Сюда можно отнести степень социального самочувствия населения, специфику контактов жителей города. Идеальным представляется город, в котором имеется возможность выгодного трудоустройства, высокий уровень жизни соответствует высокому уровню достатка, развитая инфраструктура и благоприятный климат (как экологического, так и социального планов).

Региональная идентичность малого города – достаточно многогранный феномен. Ее изучением занимаются географы, историки, социологи, психологи и многие другие. Формирование и развитие региональной идентичности это одна из перспективных задач государства. Через эффективную политику брендов, через повышение уровня инвестиционной привлекательности повышается качество и уровень жизни населения, а также социальное самочувствие.

С точки зрения социологического подхода, наиболее адекватным является определение региональной идентичности как результата когнитивного, ценностного, эмоционального процессов осознания принадлежности индивида к своему региональному сообществу, проявляющихся в созидательной деятельности на благо своего региона, укреплении его места и роли в системе территориальных общностей, формировании имиджа региона. Специфика идентичности малого города заключается не только в территориальном делении и количестве населения, но еще и в наличии особого социально-психологического феномена группового самосознания (символы города, общие пути, темп жизни, историческое прошлое, важность будущего успеха).

Попробуем рассмотреть на конкретном примере признаки региональной идентичности и соответствие понятия «малого города» применительно к Ульяновску. Ульяновск сегодня достаточно крупный город Приволжского федерального округа. Численность населения Ульяновской области (на начало 2014 года) составляет 1267561 чел., в том числе городское население 940852 чел. (из них в областном центре – 619 492 чел.), сельское население – 326709 чел. (по данным Федеральной службы государственной статистике по Ульяновской области). В состав Приволжского федерального округа также входят такие города-миллионники как Нижний Новгород, Казань, Самара, Уфа, Пермь, Волгоград. Из этого следует, что касаясь первого критерия – численности населения – Ульяновск больше относится к провинциальному городу в регионе, т.к. роль лидеров играют Казань, Самара и Нижний Новгород.

Что касается социального самочувствия населения, то картина выглядит следующим образом: необходимые ресурсы (экономические, культурные, образовательные) в городе имеются, однако не соответствуют запросам и возможностям населения. Население гордится своим историческим про-

шлым: «Ульяновск – это родина талантов». С Симбирском-Ульяновском связаны судьбы многих выдающихся людей: историографа Н. М. Карамзина, писателей И. А. Гончарова, Д. В. Григоровича, Скитальца (П. С. Петрова), А. Коринфского, поэтов Н. М. Языкова, Д. Д. Минаева, Д. Н. Садовникова, Д. П. Ознобишина, Д. В. Давыдова, художников А. А. Пластова, Д. И. Архангельского, композиторов А. А. Варламова, О. С. Станкевича, просветителей И. Н. Ульянова и И. Я. Яковлева, декабристов А. И. Тургенева, В. П. Ивашева, архитекторов Ф. О. Ливчака, А. А. Шодэ, Ф. Е. Вольсова, биолога А. А. Любишева, ботаника В. В. Благовещенского, зоолога С. А. Бутурлина, дирижера Э. А. Серова, политического деятеля В. И. Ульянова (Ленина). Вера населения в будущий успех региона также отражается в таких проектах, как «Ульяновск – авиационная столица. К взлету готов», «Ульяновск – культурная столица» и др.

Социально-психологическая обстановка в городе позитивно-устойчивая. Высок уровень толерантности. В Ульяновской области созданы и функционируют такие национально-культурные автономии, как:

- Ульяновская областная мордовская национально-культурная автономия (УОМНКА);
  - Ульяновская областная татарская национально-культурная автономия (УОТНКА);
  - Ульяновская областная чувашская национально-культурная автономия (УОЧНКА);
  - Ульяновская региональная еврейская национально-культурная автономия;
  - Ульяновская региональная немецкая национально-культурная автономия.
- В Ульяновской области созданы общественные организации:
- Димитровградское отделение общероссийской общественной организации «Объединение украинцев России» «Украинское землячество» «Краяна»;
  - Региональное отделение Общероссийской общественной организации «Союз армян России» Ульяновской области («САР»);
  - Ульяновская азербайджанская общественная организация «Низами» (УАОО «Низами»);
  - Ульяновское региональное отделение общероссийской общественной организации «Всероссийский азербайджанский конгресс»;
  - Ульяновская региональная узбекская общественная организация «Восток»;
  - Ульяновская общественная организация «Симбирский центр славянской культуры»;
  - Ульяновская местная общественная организация вьетнамского общества «Солидарность» (УМОО).

Все это может свидетельствовать о том, что г. Ульяновск относится к «малому городу». Региональная идентичность малого города способствует развитию культуры, толерантности в обществе. Территориальное деление на несколько небольших районов обеспечивает сплочённость жителей и более эффективное руководство. Все это способствует повышению социального самочувствия жителей, а следовательно, и успешному развитию города.

С. Н. Шаповалов

СИНЕРГИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КУЛЬТУРНО-ДЕЛОВОМ ЦЕНТРЕ «CHINA WORLD»

Идентичность (англ. *Identity*) – свойство психики человека в концентрированном виде выражать для него то, как он представляет себе свою принадлежность к различным социальным, национальным, профессиональным, языковым, политическим, религиозным, расовым и другим группам или отождествление себя с тем или иным человеком как воплощением присущих этим группам или общностям свойств¹.

Идентичность – чувство тождественности человека самому себе, ощущение целостности, принимаемый им образ себя во всех своих свойствах, качествах и отношениях к окружающему миру².

Идентичность – это представление человека о самом себе, возникающее в результате его взаимодействия с социокультурной средой, другими людьми, усвоения идей, ценностей и представлений, заложенных в культуре общества³.

Идентичность – житейский и общенаучный термин, выражающий идею постоянства, тождества, преемственности индивида и его самосознания.

Идентичность – соответствие, мыслимое в совершенстве (в формулировке Ф. Брентано)⁴.

Условно идентичности можно разделить на естественные, которые не требуют вмешательства в их обновление и развитие, и искусственные, нуждающиеся в таковом.

К первым относятся такие идентичности, как этнические, расовые, территориальные (ландшафтные), общемировые, видовые.

Ко второй категории относятся такие идентичности, как национальные, профессиональные, договорные, конфессиональные, региональные, (суб)континентальные, сословные, классовые, зодиакальные, групповые.

Идентичность россиянина по вертикали снизу вверх можно обозначить как территориальную (помним про эффект матрёшки: место проживания (село, посёлок, город), место деятельности (обычно равен месту проживания и (или

¹ См. Идентичность URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (Дата обращения 11.11.2014).

² См. Лейбин В. М. Словарь-справочник по психоанализу – М.: АСТ, АСТ Москва, 2010.

³ Матецкая А. В. Социология культуры: учебное пособие – Ростов н/Д: Феникс, 2007. – С. 98.

⁴ Брентано Ф. Избранные работы. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1996. – С. 33.

субъекту России), национальную, религиозную, языковую, государственную, евразийскую (здесь остановимся).

Идентичность гражданина КНР, китайца, характеризуют идентичности территориальная, национальная, религиозная, языковая, государственная, азиатская.

Для ответа на вопрос «Почему возникла потребность сопоставления российской и китайской идентичностей в настоящее время?» необходимо прежде всего определить что-то общее между ними, что позволяет более или менее чётко отделить их от европейской идентичности (американские идентичности в данной статье не рассматриваем).

Итак, что общего в наших идентичностях?

Это базовые ценности на уровне конкретного человека, самоосознаваемой личности. Это стремление к безопасности, готовность к компромиссу, миролюбие, самоуважение, трудолюбие, моногамность семейных отношений, отношение к детям, отрицание неестественных сексуальных проявлений, готовность к саморазвитию, патриотизм, уважение к государству и его лидеру, умение подчиняться и спланироваться при возникновении внешних угроз.

А в чём отличие на том же уровне? В языке, обычаях, религии, истории, пище, природе и экологии, в коллективизме, уважении к государственному механизму и правосудию, в отношении к своему здоровью, в готовности иметь много детей, поведении в незнакомой обстановке (нестандартной ситуации), в отношении к своему социальному статусу.

На территориальном уровне общее в идентичностях: административно-территориальное деление, инфраструктурное обустройство территорий, подбодие органов власти и управления, судоустройства.

Отличия на территориальном (региональном уровне) вырастают из отличий на уровне субъектном плюс многократное превышение в количестве населения на одну единицу (регион).

Китайская национальная идентичность не требует доказательств, поскольку общеизвестно, что на сегодня Китай является самой древней существующей ныне цивилизацией с богатейшей задокументированной историей. С 2003 года Китаем заявлена новая идеология общения с внешним миром. Ее основой стало древнее конфуцианское мировоззрение единения без унификации. В современном политическом контексте эта фраза Конфуция истолкована как желание Китая укреплять мир, гармонию и сотрудничество с Западом (единение) без перехода на позиции союзника Запада и признания его ценностей (унификации). Мир и развитие являются основными критериями для анализа Китая международного порядка и международной ситуации.

Российская национальная идентичность во многом связана с историей Российской империи и особенностями периода существования СССР. В Советском Союзе существовала одна доминирующая (как самая большая на данной территории этническая группа) нация – русские, которая служила

основанием для формирования нового советского народа. Этническая группа русских, населяющая современную Россию, только увеличилась за счет отделения союзных республик, где русские были в меньшинстве.

Религиозные идентичности Китая и России имеют общие концепты, такие как терпимость, целостность, уважение к другим конфессиям, связь с культурой и историей территории, понимание понятий «мы» и «они», стремление к мирному развитию.

Отличия религиозных идентичностей яркие, уникальны, самобытны.

В Китае широко распространены буддизм, даосизм, конфуцианство и сравнительно небольшую долю занимают иудаизм, ислам, православие, католицизм. Причем даосизм и конфуцианство более относятся к философским конструктам, чем к религиям в общепринятом понимании.

В России развиты православие, ислам, иудаизм, католицизм. В меньшей мере – буддизм, лютеранство, протестантизм.

Одним из важнейших факторов, формирующих идентичность, является язык.

Языковые идентичности наших стран отличаются коренным образом как в письменности, так и в речи, а схожесть имеется в наличии основного государственного языка и общих правил письма в обеих странах.

Китайская языковая идентичность отличается особой философской основой языка. В речи – тональностью слога, в зависимости от которой меняется значение слова, а в письме – многочисленностью знаков иероглифической письменности (самый полный словарь иероглифов по состоянию на 2008 год насчитывает 85 568 символов).

Российская языковая идентичность. Русский язык – основа межнационального общения в нашей стране, один из основных факторов российской идентичности. Помимо своих коммуникативных свойств, он обогащает личность, так как это язык великой литературы и общей для всех народов России истории.

Государственные идентичности Китая и России схожи в неагрессивной внешней политике, приоритете одного языка, имперскости в прошлом и потенциальной имперскости в будущем, в поисках наиболее оптимальных путей развития и наличии совпадающих внешних и внутренних вызовов. Для гражданина государственная идентичность – это индивидуальное чувство принадлежности к общности граждан своего государства, позволяющее гражданской общности действовать в качестве коллективного субъекта.

Различия, конечно, тоже имеются. В динамике роста благосостояния страны и её граждан, в отношениях с иными развитыми странами, в количестве народонаселения, в географическом расположении, в богатстве полезных ископаемых и т. п. Важный момент: если Россия стремится к ускорению темпов своего экономического развития, то Китай осознанно его притормаживает с целью выравнивания уровня благосостояния всех слоёв населения и увеличения среднего класса.

Китай – азиатская страна. Азиатская идентичность сводится в основном к конфуцианской культуре государств Восточной Азии. Общий культурный фактор этих стран – конфуцианство как политико-этическая мысль или философия, хотя в систему азиатских ценностей входят также буддизм, легизм, шаманизм. Конфуцианство, буддизм, легизм и даосизм отличаются друг от друга во многих отношениях. Но взгляды их последователей сходятся на понимании коллектива как семьи, получения служебного статуса без соперничества, плавного рассредоточения власти, автоматического порядка подчинения и коллективного характера принятия решений. Коллективность – это вовсе не обмен личной независимости на безопасность, а необходимый, правильный образ жизни каждого китайца. Причем такая система взаимодействия обеспечивается без особых усилий и самовоспроизводит себя от поколения к поколению.

Россия – страна, расположенная как в Европе, так и в Азии, в связи с чем и возникает понятие «евразийская идентичность». Учёные связывают возникновение этого термина с отказом России от европейской интеграции в пользу интеграции с центральноазиатскими странами. Причём евразийское движение, зародившееся в среде русской эмиграции в 1920–1930-е гг., приобрело особую популярность в XXI веке. Истоки евразийства обычно возводят к славянофильской традиции.

Как полагает политолог Андреас Умланд, евразийцы «поддерживали антизападные, изоляционистские, империалистические и идеократические аспекты раннего советского режима и видели в нем частичную преемственность царской империи»¹. А русский философ Николай Бердяев высказался таким образом: «Евразийство есть прежде всего направление эмоциональное, а не интеллектуальное, и эмоциональность его является реакцией творческих национальных и религиозных инстинктов на произошедшую катастрофу» (Октябрьскую революцию – Ш.С.)².

Россия соединяет европейскую и азиатскую цивилизации совершенно особым способом, и поэтому сама Россия выступает как самостоятельная цивилизация.

Европейскую же идентичность сегодня рвёт на части как огромное количество внутренних политических, социальных и экономических конфликтов, так и её невозможность ресурсно ответить на внешние вызовы. А вызовы имеются и со стороны США, и в результате российских ответов на вводимые ЕС санкции. Впрочем, построенная на принципе избегания «дефицита демократии» европейская идентичность ещё имеет шанс помочь ЕС стать разумной и устойчивой наднациональной демократией.

Имеет право на жизнь китайская концепция многополярного мира: «одна

¹ Умланд А. Постсоветские правозащитные контрэлиты и их влияние в современной России (на примере восхождения Александра Дугина) / Авторизованный перевод с английского А. Каплуновского, Е. Сивуды и Н. Куленко // Неприкосновенный запас. – 2008. – № 1 (57).

² Бердяев Н. Евразийцы // Путь. – 1925. – № 1. – Сент. – С. 134–139.

великая страна и могучие страны», где для китайцев великой страной являются США, а могучими – Россия, Китай и Япония.

В системе противовесов реалии современной жизни так или иначе объективно сближают наши страны, что проявляется в расширении культурных и деловых связей, увеличении двустороннего туристического потока.

К вопросу о российско-китайской идентичности.

Внутренние сходства государственного и общественного устройства наших стран, внешние неблагоприятные факторы, совпадающие во многом политические взгляды наших лидеров позволяют надеяться на многолетнее успешное сотрудничество в самых разных сферах, что и подтверждают встречи руководителей России и Китая на самых различных уровнях.

Расширяются рамки сотрудничества в здравоохранении, промышленности, образовании, науке и инновациях, туризме, в том числе познавательном и историческом.

Особое значение для китайцев имеет Симбирск–Ульяновск, родина Владимира Ленина – основателя СССР, основоположника теории социализма, идеи которого положил в фундамент современного китайского государства Мао Цзэдун, основатель и Председатель КНР до 1976 г. Китайцы убеждены, что корни их сегодняшнего успеха были заложены россиянином Владимиром Лениным; им хочется посетить места, где жил и работал человек, чьи идеи так успешно воплощены в жизнь.

И если китайским туристам интересно место рождения и первых лет жизни будущего вождя мирового пролетариата, то следует пользоваться этим уникальным преимуществом перед любой иной точкой земного шара.

Таким образом мы отвечаем на вопрос о важности Ульяновска как места синергии двух идентичностей.

Синергия (греч. *Συ너지α* – сотрудничество, содействие, помощь, соучастие) – суммирующий эффект взаимодействия двух или более факторов, характеризующийся тем, что их действие существенно превосходит эффект каждого отдельного компонента в виде их простой суммы.

Туризм – мощный инструмент для выявления эффекта синергии двух культур и получения взаимовыгодного экономического эффекта.

Есть спрос – разумно сделать и предложение, обеспечив туристам из КНР интересные объекты для осмотра, интересный исторический визуальный, аудиоряд, возможность прикоснуться к истории, к истории государства, которого уже нет, и к истории современной России, выросшей из Советского Союза.

Учёт особенностей китайских граждан, описываемых выше, позволяют прогнозировать приток в Ульяновск китайских специалистов для обслуживания туристического потока (переводчиков, поваров, экскурсоводов, персонала гостиниц, научных работников и студентов). В отличие от туристов, с интересом знакомящихся с особенностями российского сервиса и быта, чей интерес не иссякнет за 7–9 дней турпоездки, этим специалистам значительно

комфортнее будет проживать в аутентичной среде, питаться китайскими блюдами, жить в китайских гостиницах, смотреть телеканалы на родном языке, пользоваться своей литературой и языком.

Таким образом появляется запрос на уютную среду в месте длительно проживающих в Ульяновске граждан Китая. И этим местом задуман Культурно – деловой центр «China World» (КДЦ). Этот проект будет реализован как место компактного проживания, досуга и отдыха граждан Китая, туристов и деловых людей, которых будут принимать и обеспечивать всем необходимым китайские специалисты, работающие в Ульяновске. КДЦ – это уникальная совокупность зданий и сооружений со всеми национальными, культурными, историческими традициями древнего Китая, в котором использованы новейшие урбанистические подходы и технологии.

Туристы КНР, российские и иностранные туристы получают возможность приехать, остановиться, переночевать, отдохнуть, продуктивно поработать, провести деловые встречи с партнёрами, получить информационную и иную помощь, развлечься и приобрести различные товары и сувениры. Здесь эффект синергии в том, что задуманный проект будет полезен и выгоден не только живущим в Ульяновске китайцам и китайским туристам, но и россиянам, туристам, студентам, специалистам, а также иностранным гостям города.

КДЦ «China World», как один из вариантов может быть единым целым, неким минигородом, где и туристы, и студенческая молодёжь, деловые люди, научные и творческие работники, мастера искусств и ремёсел, специалисты по китайской медицине, мастера тай-чи и кун-фу, спортсмены, музыканты, художники, писатели, поэты, актёры могли бы свободно общаться, проживать, демонстрировать свои умения, делиться знаниями и опытом, участвовать в событийных мероприятиях и обучать всех желающих своему мастерству.

Местом притяжения туристических потоков и точками синергетического эффекта могут стать и «Музей СССР в Ульяновске», и «Красный маршрут» – туристический маршрут по городам Ульяновск (Симбирск), Казань, Санкт-Петербург, Москва, где родился, учился, работал Владимир Ленин.

Чем может быть наполнен КДЦ?

Примерный набор функциональных комплексов будет состоять из такого перечня объектов: выставочные павильоны; гостиничные корпуса; залы-клубы различной тематики; кино-концертные площадки; действующие студии; спортивные площадки; лектории;

– образовательные центры: тай-чи, кун-фу, каллиграфии; языковых курсов; библиотеки; чайной церемонии;

– учебные заведения и студенческие кампусы, совместные кафедры; научные и «хай-тек» центры; оздоровительные центры; гипермаркеты китайских товаров для населения; кафе, бары, чайные, рестораны; магазины сувенирной

продукции; открытые площадки для проведения массовых событийных мероприятий, уличных представлений и ярмарок; автостоянки.

При наличии в пространстве ККДЦ совместных образовательных, оздоровительных и иных учреждений можно рассчитывать на приток российской и китайской молодёжи с проживанием в студенческих кампусах. Усматривается возможность создания в Ульяновске факультетов или филиалов крупных китайских вузов с кафедрами искусства, истории, китайского языка. Возможно совместное создание образовательных учреждений с авторитетными российскими вузами. И над этим вузы двух стран уже работают.

Ульяновская область обладает редчайшей национальной многоликостью, поэтому актуален событийный туризм. Он интересен для иностранных туристов и для обитателей ККДЦ «China World». Это двусторонний этнотуризм.

Основания для становления российско-китайской идентичности:

– схожесть в базовых человеческих ценностях, отношении гражданина к государству; сходстве в политических процессах (в т.ч. в молодёжной политике) и симметричных ответах на внешние вызовы;

– взаимное притяжение, интерес к историческому опыту другого государства и желание его использовать на благо своей страны (Ленин, Мао Цзэдун, Конфуций, Лао Цзы);

– интересные и глубокие особенности, отличия в истории культуре, питании, медицине, образовании, религии, науке и искусстве.

Таким образом многие события, происходящие в мире, на территориях России и Китая могут быть выгодно использованы в формировании российско-китайской идентичности с целью получения концентрированного взаимного синергетического мультипликативного эффекта. Для получения качественного эффекта синергии важно определить границы свободы и предоставить китайской стороне максимально возможную полноту и свободу действий участия в проектировании, строительстве и деятельности КДЦ, аутентичного историческому образу Китая.

Ю. В. Шагунова

КРИЗИС НАВЯЗАННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Какой была дореволюционная идентичность? Тут исследователи не сходятся во мнениях. Российская империя была слишком неоднородной – в социальном, экономическом, культурном, религиозном отношениях. Условия жизни, а значит, и мироощущение, и самосознание, и самоидентификация российских подданных разнились довольно серьёзно. Географическая разбросанность и разобщённость, сословное неравенство, многоконфессиональность – всё это оказывало своё влияние на формирование российской идентичности. Едва ли

можно сказать, что основой самосознания отдельных индивидов становилось имперское мироощущение – оно, скорее, стало актуально сегодня, когда тотальная информатизация общества позволяет любому его члену отслеживать и анализировать межгосударственные, международные, геополитические процессы и осознавать масштабы и важность происходящего, как если бы принимаемые решения о судьбах мира были его собственными. Двести лет назад ощущением имперского величия могли с большой долей вероятности похвастать лишь наиболее просвещённые члены общества, коих было не так много. Для остальных же в качестве критериев идентичности вполне подходила уваровская триада – православие, самодержавие, народность.

Что же произошло в 1917? Революция уничтожила самодержавие. С православием чуть позже покончило советское правительство. Осталась одна «народность». Но именно она как ничто другое подходила для формирования новой идентичности – социалистической, в основе которой лежала теория идеального общества, универсальной народности. И именно она по идеологическому замыслу и стала основой самосознания советского человека. Народность потеряла свою национальную окраску, оставив коллективистские начала, сопричастность к делам общества. Революция не просто изменила страну. Она нанесла удар по идентичности России, которая формировалась веками. Однако сказать, что идентичность была уничтожена полностью, нельзя. Скорее, она была «подменена». Причём подменена весьма умело.

Многие исследователи сходятся в том, что советский опыт формирования новой идентичности на сегодняшний день лучший и едва ли не единственный состоявшийся в мировой истории. Это не случайно: советское государство на обломках имперской идентичности за предельно короткий исторический период планомерно и систематизированно создала свою – новую, совершенно оригинальную надэтническую, надкультурную, надконфессиональную и надсоциальную идентичность. Формула Сталина оказалась куда более эффективной, нежели уваровская триада: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникающая на базе общности четырех основных признаков, а именно: на базе общности языка, общности территории, общности экономической жизни и общности психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры». В кратчайшие сроки была создана новая нация – нация людей самых разных этнических, религиозных, культурных, социальных принадлежностей. Нация советских людей, где индивид идентифицировался с обществом, а общество – с государством. Индивидуальности стирались в угоду единой универсальной «советскости».

Конечно, смена/подмена идентичности давалась нелегко.

Первыми её сформулировали и приняли столицы и крупные города. Именно столицы – наиболее гибкие и открытые для больших перемен. Аккумуляция человеческих, экономических, политических, культурных и всех прочих ресурсов позволяет им довольно быстро менять свою идеологическую и

ментальную окраску, пусть иногда и методами шоковой терапии. Совершенно иначе обстоит дело на периферии – в маленьких и удалённых городах, деревнях, поселениях. Там консервативный, патриархальный уклад жизни меняется гораздо сложнее. На те перемены, что в столицах происходят за считанные месяцы, здесь могут уходить года. Люди на местах идентифицируют себя, скорее, с родной землёй, с местным укладом жизни, нежели с идеологизированными установками, насаждаемыми «сверху». А потому смена идентичности, самосознания может происходить довольно долго – поколение за поколением. На то, чтобы принять новую ментальность, тем более, не «прожитую», не продиктованную насущным днём, а навязанную извне, малым городам требуется время.

Трагедия маленького Симбирска состояла в том, что у него этого времени не было. Небольшой, довольно консервативный городок, ещё так недавно верноподданный романовской империи, буквально в одночасье должен был отказаться от самоё себя и принять новую идентичность – так же скоро, как это сделали столицы. По сути, обстоятельства и его отныне делали одной из столиц – идеологической. Но был ли он к этому готов? Нет. Он не обладал ни столичной гибкостью, ни необходимыми ресурсами, ни готовностью к большим переменам. Как и любому другому провинциальному уголку, отдалённому от эпицентра эпохальных событий для смены прежней идентичности на советскую Симбирску требовалось время.

Так, многие простые симбиряне переживали настоящую личную трагедию, когда взрывали храмы их города. Для людей это был шок, их лишали довольно серьёзной части их мироздания, одного из столпов существующей идентичности. Но в то же время, будучи жителями родины Ленина, они, согласно установкам молодого государства, не имели права на своё горе – они должны были быть авангардом торжества советской идеологии над российской идентичностью. Взгляды со всего мира с этого момента были обращены на них. Не имея времени на нормальную логичную идеологическую и идентификационную перестройку, они были вынуждены стать демо-версией советской идентичности, которая демонстрировалась отныне всему миру. Те перемены, которые и столицам давались нелегко, маленький провинциальный Симбирск–Ульяновск был вынужден принять вопреки всем законам течения социально-культурных процессов. Отныне он из тихого города со спокойным укладом жизни становился эталоном советскости для всего мира. Очевидно, это отразилось на всех сферах его жизни. Неузнаваемо изменился облик города, стал другим уклад жизни горожан, их самосознание менялось с невероятной скоростью. Форсированная советская идентификация Симбирска не могла не отразиться коренным образом на самосознании его горожан.

Ирония судьбы состоит в том, что не успел Ульяновск «вжиться» в новый образ, принять новую идентичность и подчинить себя ей, как СССР пал. Декабрь 1991 года, ознаменовавший конец эпохи СССР, вызвал новый кризис

идентичности – на этот раз на всей территории постсоветского пространства. Следуя законам исторического процесса, вновь столицы перестраивались быстрее, отдалённые города медленнее, и лишь Ульяновск опять оказался в критической точке: навязанный ему извне образ идеологической столицы в одночасье потерял и свой смысл, и свою притягательность для внешнего мира. И вновь кризис идентичности поразил регион гораздо глубже, нежели прочие аналогичные города. Советская идентичность, некогда в обход всех законов социального развития навязанная городу и в страшной исторической ломке им принятая, отныне стала неактуальной, и тем самым лишила Ульяновск его новой естественной идентичности. Город потерял себя и потерял ощущение того, каким ему должно быть. Как в пословице: «Взлетел выше – больше падать».

Сквозь призму описанной проблематики довольно интересным выглядит проект создания в Ульяновске «Музея СССР» – масштабного проекта, призванного продемонстрировать всем желающим эпоху страны, давшуюся великим трудом и потерями. Ключевым вопросом является то, что именно и как именно представит своим посетителям музейный комплекс. Что он должен продемонстрировать, чтобы даже случайные визитёры прониклись «советским духом», чтобы увидели это невероятное государство во всей его многогранности и противоречивости? На наш взгляд, главным «экспонатом» этого комплекса должна стать именно та самая советская идентичность, которая столь трагично отразилась на судьбе провинциального Симбирска, заставив его утратить своё истинное лицо, не приобретя взамен нового. Именно Симбирск как никто другой пережил насильственную идентификацию, именно здесь она была представлена в самом своём расцвете, и именно поэтому здесь её можно «сделать» музейным «экспонатом».

«Музей СССР» должен стать в первую очередь инвент-проектом, музеем-событием, проходя через который, каждый посетитель сможет примерить на себя ту, искусственную, советскую идентичность. Здесь нет как таковой цели детально продемонстрировать непростой советский быт, тяжести военных лет, подвиги пятилеток или диссидентство, но есть необходимость заставить каждого почувствовать на себе, чего стоило русскому народу в одночасье стать советским, где-то преступив через себя, где-то, напротив, приняв новый облик с радостью, – а затем в то же одночасье лишится своего особого мироощущения. Главным объектом воздействия в Музее СССР должны стать личные эмоции, ощущения, переживания пришедших сюда. Если получится затронуть именно их, тогда проект «Музей СССР» действительно станет уникальным и позволит сохранить советское государство в истории максимально непредвзято и точно.

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ

А. В. Кобзев

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX–XX вв.¹

Среднее Поволжье – один из многих регионов страны, для которого как в прошлом, так и в настоящее время характерен достаточно сложный, пестрый этнический и конфессиональный состав населения. По замечанию Р. Г. Кузеева, в условиях интенсивных миграционных процессов в XVI–XIX вв. практически для всех народов Среднего Поволжья была характерна дисперсная картина расселения. При этом в пределах отдельных уездов и волостей могла сохраняться и нередко сохранялась моноэтническая структура населения². По данным Памятной книжки-адрес календаря за 1877 год, в Симбирской губернии насчитывалось 110 татарских населённых пунктов, 303 чувашских и 158 мордовских³. С 1897 и по 1911 годы общее количество селений в Симбирской губернии выросло на 110 населённых пунктов с 1868 и до 1978 поселений⁴. К 1911 г. количество смешанных сел и деревень, поселков и хуторов достигло 114. Среди них 25 селений русско-чувашских, 2 русско-татарских, 22 русско-мордовских, 3 чуваше-мордовских, 2 мордово-татарских, 23 чуваше-татарских и 1 чуваше-мордово-татарское⁵. В отличие от соседней Казанской губернии в Симбирской губернии в дореволюционный период ни в одном из уездов нерусское население не представляло численного большинства. Мусульмане, будучи второй крупной конфессиональной группой после православных христиан, только в Буинском уезде составляли треть всего населения и были самым заметным нехристианским анклавом⁶.

Так же как и во многих других губерниях Среднего Поволжья в Симбирской

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 14-11-73005 «Стратегии социо-культурного и демографического воспроизводства устойчивых малых социумов нетитульных этносов в русской среде (на примере сёл Симбирской губернии XVIII – начала XX вв.)».

² Кузеев Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. – М., 1992. – С. 163–164, 278.

³ Памятная книжка-адрес календарь. – Симбирск, 1879. – С. 93.

⁴ Николаев Г. А. Сельское народонаселение Казанской и Симбирской губерний в конце XIX – начале XX вв. // Состав и положение населения Чувашии в XVIII – начале XX вв. – Чебоксары, 1990. – С. 85.

⁵ Там же. С. 78.

⁶ Кобзев А. В. Исламская община Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. – Нижний Новгород, 2007. – С. 21–28.

губернии были районы компактного проживания этнических групп, и в то же время имели место взаимопроникновение этносов и возникновение множества пограничных районов. Колонизационные процессы, происходившие в Среднем Поволжье, сопровождалась такими явлениями, как аккультурация и ассимиляция. В условиях дисперсного расселения и иноэтничного окружения неизбежно возникали локальные этнические группы и поселения. Воспроизводство и поддержание этнокультурной и этноконфессиональной идентичностей в подобных местах расселения обеспечивались взаимодействием множества факторов. Конфессиональная принадлежность, религиозно-бытовые традиции и нормы повседневной жизни, социальный статус, характер хозяйственных занятий и наконец собственно фактор иноэтничного окружения способствовали определённой мобилизации населения на основе этнокультурной идентичности. Важнейшим механизмом воспроизводства и поддержания локальной этнической группы и её идентичности была стратегия семейно-брачных отношений. Последние могли быть как экзогамными, т. е. направленными на заключение браков с жителями других этнически родственных сел, так и эндогамными, когда поддержание этничности обеспечивалось преимущественно за счет жителей одного села или внутри своего же социума.

Изучение стратегии семейно-брачных отношений в локальных поселениях Симбирской губернии второй половины XIX – начала XX в. в условиях доминирующего иноэтничного окружения на предварительном этапе предполагает постановку и решение целого ряда исследовательских задач, в том числе первоначальную выборку локальных поселений на основе критериев иноэтничности. Основным источником выявления локальных поселений Симбирской губернии в иноэтничном окружении послужили Списки населённых мест, издававшиеся на протяжении второй половины XIX – начала XX веков (особенно за 1896 и 1913 годы), а также Подворная перепись Симбирской губернии 1910–1911 годов. В них указан этнический состав селений волостей Симбирской губернии. В Списках населённых мест за 1880 и 1884 годы подобная информация отсутствует. Единственное, что указывается это конфессиональная принадлежность жителей, которая частично прослеживается по наличию православных церквей и мечетей. В Списке населённых мест Симбирской губернии 1863 года есть сведения об этническом составе селений, но сами деревни не сгруппированы по волостям, что затрудняет выявление локальных поселений в иноэтничном окружении на волостном уровне.

На основе анализа сведений списков населённых мест Симбирской губернии за 1896 и 1913 годы в 8 уездах было выявлено в качестве объектов первоначальной выборки 65 селений. Критерием отбора был этнический состав волостей в уездах губернии. Прежде всего, внимание обращалось на такие волости, в которых доминировала одна этническая группа, а другая представляла явное этническое меньшинство, локализованное в одном или нескольких селениях, либо и вовсе была локальной поселенческой группой в этнически и

порой конфессионально неоднородном селении. Учитывая то обстоятельство, что в Симбирской губернии в целом преобладало русское население, составившее к концу XIX в. 68,3 % всех её жителей¹, соответственно, нерусское население – чуть более одной трети населения, были отобраны локальные татарские, чувашские и мордовские селения в доминирующей русской среде. Кроме того, в поле зрения попали локальные группы нерусского населения в этнически неоднородных населенных пунктах губернии. Как отмечалось выше, ни в одном из уездов нерусское население не представляло численного большинства. Достаточно компактно мордва располагалась в Ардатовском и Алатырском уездах, чувашаи – в Курмышском и частично в Буинском уездах, наконец татары проживали преимущественно в Буинском, Курмышском и Симбирском уездах. В Сенгилеевском, Сызранском и Ардатовском татары-мусульмане образовывали небольшие анклавы.

Среди 65 локальных поселений, располагавшихся в иноэтничном окружении, в первоначальной выборке оказались 12 чувашских, 24 мордовских, 5 татарских, 2 русских, 5 татаро-чувашских, 1 мордово-чувашское, 2 татаро-мордовских селений; 8 русско-чувашских селений, 1 русско-мордовское селение и 1 русско-татарское селение. Все эти 10 групп локальных населенных пунктов укладываются в 7 типологических моделей, включающих различные вариации, выстраиваемые в зависимости от включенного этнического компонента.

1-й тип: «Русские в этнически однородном нерусском окружении»:

- модель 1.1.: русские среди преобладающего татарского населения;
- модель 1.2.: русские среди преобладающего чувашского населения;
- модель 1.3.: русские среди преобладающего мордовского населения.

В Симбирской губернии были выявлены три русских селения, подходящих под модели 1.2 и 1.3: селения Русские Тимяши и Новые Выселки в чувашское среде и д. Тазино в мордовском этническом окружении. Модель 1.1. в губернии не прослеживается.

2-й тип: «Нерусское население в русском окружении»:

- модель 2.1.: татары в преобладающей русской среде;
- модель 2.2.: чувашаи в преобладающей русской среде;
- модель 2.3.: мордва в преобладающей русской среде.

В изучаемом регионе были выявлены все три модели 2-го типа, что, в общем-то, закономерно, учитывая тот факт, что русские в губернии в целом составляли почти 70 % всего населения и проживали во всех уездах. В свою очередь, нерусское население, хотя было представлено во всех уездах и губерниях, но в основном концентрировалось в Буинском, Курмышском, Алатырском, Ардатовском и частично Карсунском уездах.

¹ Димитриев В. Д. Чувашские исторические предания. – Ч. 3. – Чебоксары, 1988. – С. 37–38; Бусыгин Е. П., Зорин Н. В., Шабалина Л. П. Хозяйство и материальная культура русского населения Ульяновского Поволжья в конце XIX – начале XIX вв. – Казань: Издание Казанского ун-та, 1982. – С. 6–9.

Модель 2.1. представлена следующими селениями: Новые Тимерсяны, Татарские Шатрашаны, Ломаты, Мачкоозерово. Особый случай представляют селения Сенгилеевского уезда — Калда и Старое Тимошкино. Оба селения образовывали моноэтничную татарскую волость в уезде, в том время как в самом уезде преимущественно проживало русское население. Татары, образуя компактные массивы населения, проживали в Курмышском, Буинском и частично в Симбирском уездах. Всего насчитывается 7 таких татарских селений.

Модель 2.2. включает 8 чувашских селений: Шумерля, Старый Тукшум, Сенькино, Федькино, Байдулино, Малячкино, Байдеряково и Новая Назаровка.

Наконец модель 2.3. по количеству селений значительно превосходит модели 2.1. и 2.2. По спискам населенных мест было обнаружено 23 мордовских селения: Кисленка, Александровка, Навать, Золотушка, Нижние Коки, Томылово, Кузоватово, Кивать, Шелехмет, Рождественское, Еделево, Новая Бекшанка, Ждамеркино, Атрат, Кученяево, Селищи, Игнатовка, Инелеи, Нагорная (Вишенки), Киржеманы, Кочкурово, Торновая. Столь высокая частотность позволяет предположить, что в этой модели можно наблюдать большую степень взаимосвязанности между русским и мордовским населением в Симбирской губернии.

3-й тип, наименее распространённый в губернии: «Нерусские в этнически однородной нерусской среде»:

– модель 3.1., условно ее можно назвать татарской, теоретически включает два подтипа:

– подтип 3.1.1. татары в преобладающем мордовском окружении; подтип не был выявлен в Симбирской губернии;

– подтип 3.1.2. татары в преобладающем чувашском окружении. Известно всего три деревни этого подтипа: Богдашкино, Татарские Тимяши и Именево;

– модель 3.2., чувашаи, включает также два подтипа:

– подтип 3.2.1. чувашаи в преобладающем мордовском окружении; этот подтип также не был выявлен;

– подтип 3.2.2. чувашаи в преобладающем татарском окружении; этот подтип представлен селением Энтуганово.

– модель 3.3. мордва, включает два подтипа:

– подтип 3.3.1. мордва в преобладающем татарском окружении;

– подтип 3.3.2. мордва в преобладающем чувашском окружении.

Оба подтипа модели 3.3. в Симбирской губернии отсутствуют.

4-й тип: «Русские в полиэтничной неоднородной среде»:

• модель 4.1. русские в полиэтничном татаро-мордово-чувашском окружении. Такая модель прослеживается в селе Бездна Буинского уезда Городищенской волости. Мало того, что жителями села являются русские и чувашаи, в

самой волости 2 татарские деревни, 2 татаро-чувашские деревни, 3 чувашских деревни, 1 мордовская деревня и 2 мордово-чувашских деревни. Другими словами, в селе Бездна русские образуют не столько локальное моноэтническое поселение, сколько локальную группу населения;

- модель 4.2. «Русские в татаро-чувашском окружении». К этой модели можно отнести селения Убеи и Русское Дуваново, также находящиеся в Буинском уезде, но в Убеевской волости;

- модель 4.3. «Русские в татаро-мордовском окружении». В Симбирской губернии она не была выявлена;

- модель 4.4. «Русские в мордово-чувашском окружении». Такая модель была обнаружена в Муратовской волости Буинского уезда. Так же, как и в модели 4.1., в с. Балабаш-Нурусово проживала локальная группа русских. В Муратовской волости 18 чувашских деревень, 1 татарская деревня, 1 мордовская деревня и 1 мордово-чувашская деревня;

5-й тип: «Нерусские в нерусском этнически неоднородном окружении»:

- модель 5.1. «Татары в мордово-чувашском окружении»;

- модель 5.2. «Чуваши в мордово-татарском окружении».

В Симбирской губернии модели 5.1. и 5.2. не выявлены;

- модель 5.3. «Мордва в татаро-чувашском окружении» включает с. Большая Батырево Батыревской волости Буинского уезда.

6-й тип: «Нерусские в этнически неоднородном окружении с наличием русского этнического компонента»:

- модель 6.1. «Татары в русско-мордово-чувашском окружении». К данной вариации можно отнести д. Чичканово Муратовской волости Буинского уезда;

- модель 6.2. «Чуваши русско-мордово-татарском окружении». В рамки данной вариации укладываются селения Верхние Тарханы, Елховоозерное и Кайсарово;

- модель 6.3. «Мордва в русско-чувашско-татарском окружении» характерна для селений Шамкино и Возжи.

7-й тип: «Нерусские в биэтническом окружении с русским компонентом»;

- Так же как и модель 7.1. последующие включают два подтипа с разной этнической составляющей – «Чуваши в биэтническом окружении с русским компонентом»;

- подтип 7.1.1. «Чуваши в русско-татарском окружении» – селения Большой Сайман и Эзекеево;

- подтип 7.1.2. «Чуваши в русско-мордовском окружении» – селения Новые Чукалы, Смолькино, Верхняя Туарма, Кармалейка, Новое Качаево;

- модель 7.2. «Татары в биэтническом окружении с русским компонентом»;

- подтип 7.2.1. «Татары в русско-чувашском окружении» – селения Сорока Сайдаки, Ахметлей, Большой Сайман;

- подтип 7.2.2. «Татары в русско-мордовском окружении» – селения Новые Маклауши, Погребовский Выселок;

- модель 7.3. «Мордва в биэтническом окружении с русским компонентом»:

- подтип 7.3.1. «Мордва в русско-татарском окружении» – селения Новые Маклауши и Старые Маклауши;

- подтип 7.3.1 «Мордва в русско-чувашском окружении» – селения Мордовская Бектяшка и Бахилово.

Предлагаемая типология локальных поселений Симбирской губернии в иноэтническом окружении является рабочей и прежде всего выступает инструментом в поиске закономерностей в стратегиях выстраивания брачных отношений, а не застывшей и окончательной схемой. Система компонентов, характеризующих каждый из типов локальных поселений, определяется объективным фактором – этническим составом региона, соотношением русского и нерусского населения на уровне уездов, волостей и отдельных селений. Другими словами, типология локальных поселений в иноэтническом окружении в качестве рабочего инструмента достаточно вариативна и учитывает специфику разных регионов Среднего Поволжья и, соответственно, может быть применима к другим регионам. Предложенная типология локальных поселений с точки зрения иноэтнического окружения с учётом наличия источников (прежде всего, метрических книг) позволяет изучить не только стратегии семейно-брачных отношений, но и реконструировать сеть социального взаимодействия на локальном и межрегиональном уровнях, уточнить особенности колонизации Средневожского региона и Симбирской губернии.

В. В. Галиндабаева

КРЯШЕНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И КОНСТРУИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: МАССОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ЭЛИТАРНЫЕ ВЕРСИИ

Существует несколько элитарных концепций исторической памяти кряшен, которые конкурируют друг с другом последние 25 лет в Татарстане. Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук РТ (Республики Татарстан) в данном поле занимает доминирующую позицию, так как активно продвигает свою версию через учебники, научные и научно-популярные издания. «Центр изучения истории и культуры крещёных татар и нагайбаков» Академии РТ возглавляет Геннадий Макаров, который одновременно возглавляет в Казанской государственной консерватории им. Н. Г. Жиганова кафедру татарской музыки и этномызыки. Радик Исхаков, который работает в данном отделе, написал основные разделы по крещёным татарам в семитомном издании института

истории «История Татар с древнейших времен». Общественная организация кряшен РТ, возглавляемая генеральным директором холдинга «АК Барс» И. М. Егоровым, претендует на роль представителя интересов и взглядов кряшен, проживающих на территории республики. Организация контролирует издание единственной кряшенской газеты «Туганайлар» / «Родные мои» (<http://www.tuganaylar.ru/>). Учредителем газеты является холдинг «Татмедиа», который является собственностью министерства земельных и имущественных отношений РТ, то есть, контролируется кругами, близкими к бывшему президенту М. Шаймиеву и сегодняшнему президенту РТ Р. Минниханову. Данная организация связана с молодежной организацией кряшен «Бэрэжэт» / «Благая весть», которая представляет кряшенскую молодежь на форумах татарстанской (татарской) молодежи. Государственный фольклорный ансамбль «Бермячек» / «Вербица» (директор А. Поляков) также связан с республиканской организацией кряшен и с академией наук РТ. Многие руководители фольклорных объединений одновременно работают в консерватории, филармонии, КФУ и Академии РТ.

У Татарстанской митрополии РПЦ существуют свои интересы в поле политики исторической памяти. Кряшенскую духовную миссию возглавлял отец Павел Павлов – настоятель церкви иконы Тихвинской Божьей Матери г. Казань, а сегодня его сменил отец Дмитрий Сизов, молодой священник из села Кряш-Серда Пестречинского района РТ. Всего в РТ семь священников, которые могут служить на кряшенском языке. РПЦ продвигает свою версию в основном среди своих прихожан, средний возраст которых в Казани около 60 лет, а в сельской местности – 30 лет. Общественная организация кряшен Казани (А. Фокин, М. Семенова) и приволжское отделение Российского института стратегических исследований (РИСИ) (Р. Сулейманов) предлагают версию истории, которую в рамках умеренной национальной татарской концепции характеризуют как радикальную. Данные организации транслируют свои версии через интернет, федеральные информационные порталы, а также социальные сети.

Выделение категории «кряшен», «крещенов», или «крещеных татар», в переписи 2002, 2010 годов стало одной из острых политических проблем в Татарстане. Известно, что уже в 1920 и 1926 годах кряшены фиксировались в качестве отдельной единицы учета и не включались в число татар. Их численность вместе с нагайбаками (казачьим сословием кряшен) превышала 120 тысяч человек. В 1989 году кряшены ходатайствовали о выделении для них в переписи отдельной категории. Однако как в 1989 году, так и в последующие десятилетия, официальные представители республики успешно блокировали попытки отделить кряшен от татар. Несмотря на сопротивление республиканской элиты, в 2002 году перепись зафиксировала 24668 кряшен, в 2010 году – 34822 кряшена, которые, тем не менее, были отнесены к группе татар. Лидеры кряшенских организаций утверждают, что кряшен в РТ намного

больше. Дело в том, что многих кряшен, проживавших в сельской местности, переписчики записали в татары¹.

Политический дискурс региональной элиты о «единстве нации» активно поддерживает Институт истории Академии РТ. В семитомном издании Академии РТ «История Татар» описана доминирующая в республике версия истории кряшен. В соответствии с данной версией, кряшены появились XVI–XVIII вв., когда часть татар приняла православие. Выделяют старокрещеных и новокрещеных татар. Старокрещеные появились в XVI в. (в 1555 году), а новокрещеные татары появились в XVIII в. в ходе принудительной христианизации². Определяя, что кряшены произошли от татар, ученые выделяют два критерия: лингвистический и культурный. Кроме всех прочих признаков, указывают также и на то, что в XX в. одновременно с ликвидацией православной миссии и процессами секуляризации произошло массовое «отпадение» татар от православной церкви и возвращение их в ислам³. Таким образом, кряшены представляются субконфессиональной общностью в составе татар⁴.

Формирование данной группы татар происходило, по мнению историков, в период с XVI в. (присоединения Казанского ханства к Российскому государству) до конца XIX в. Большая часть татар, принявших христианство под давлением миссионеров, в скором времени «отпадала» обратно в ислам либо тайно продолжала совершать мусульманские обряды. Борьбу с «отпавшими» историки называют репрессиями, которые были нацелены на запугивание населения и возвращение этого населения в православие⁵. «Отпадали» как новокрещеные, так и старокрещеные. Основная причина этого процесса – формирование единой татарской нации и создание единого культурно-информационного пространства. То есть, уход из православия был связан с «их желанием интегрироваться в татарское культурное и национальное пространство, возможным лишь при условии принадлежности к мусульманской конфессии»⁶. Реисламизация татар была бы необратимой, если бы не деятельность Н. Ильминского и его ученика В. Тимофеева, которая была направлена на введение богослужения на национальном языке и создание национальных кадров православного духовенства. Главной целью деятельности Ильминского

¹ Соколовский С. «Татарская проблема» во всероссийской переписи населения // Ab Imperio. – 2002. – № 4. – С. 207–234.

² Исхаков Р. Р. Религиозные верования и православные институты у крещеных татар и нагайбаков // История Татар с древнейших времен в семи томах. Том 6. Формирование татарской нации XIX – начало XX века. – Казань, 2013. – С. 434.

³ Исхаков Д. Взгляд на всероссийскую перепись из Татарстана // Ab Imperio. – 2002. – № 4. – С. 235–250.

⁴ Исхаков Д. М. Татары: популярная этнография (этническая история татарского народа). – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – С. 11.

⁵ Исхаков Р. Р. Христианское просвещение и религиозные движения (реисламизация) крещеных татар в XIX – начале XX вв. Сборник материалов и документов / сост., автор вступительной ст., примечаний, научно-справочного аппарата Р. Р. Исхаков. – Казань: Изд-во «Ихлас»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. – С. 6–12.

⁶ Там же. С. 16.

авторы считают русификацию татарского населения с помощью внедрения православной культуры через обучение в школах¹.

Исследователи считают, что христианизация насильственными и мягкими методами в целом не имела успеха, так как «отпадение» носило массовый характер. Христианство представляется религией абсолютно чуждой для татар. С одной стороны, насильственную христианизацию рассматривают как фактор консолидации татар на основе мусульманской культуры². С другой стороны, христианизация татар представляется одной из трагедий народа, которая последовала за потерей независимости Казанским ханством. В 2005 году вышел фильм «Зулейхо», который также показывает процесс христианизации татар в русле умеренной национальной татарской концепции. Данный фильм повествует о судьбе женщины по имени Зулейхо, которая прошла многие испытания по вине православных миссионеров, но не отказалась от истинной веры отцов – ислама.

В региональных СМИ разгорелась дискуссия по данному фильму. Основной вопрос заключался в том, что данный фильм не соответствует историческим реалиям, а также способствует разжиганию межнациональной вражды. Хотя сюжет фильма разворачивается в конце XIX – начале XX вв. герои фильма употребляют понятия, которые появились только в XX в.: «национальная интеллигенция», «национальная политика» и т.п. В то же время, никто не осуждает переход многих представителей татарской знати в православие..

Значительная часть учебников по истории написана в русле умеренной татарской концепции, в соответствии с которой агрессивная политика христианизации потерпела провал, так как церковь была занята больше материальными приобретениями в Волго-Уральском регионе. Главным итогом христианизации авторы считают культивирование чувства недоверия и вражды между крещёными и некрещёными татарами³.

В рамках радикально-национальной татарской концепции крещение татар рассматривается как один из главных инструментов уничтожения татарской нации, который Российская империя применяла в течение пяти веков. Агрессивная руссификация не только позволяла снизить число татар, но и за счет крещёных татар улучшить генофонд русской нации. Лука Канашевич, возглавлявший новокрещённую контору, описывается как «бес в человеческом облики». Христианизация рассматривается как форма геноцида татар, который прекратился, только благодаря постоянному сопротивлению татар-мусульман⁴.

В своей деятельности республиканская организация крымцев ориентирована

¹ Исхаков Р. Р. Христианское просвещение и религиозные движения. – С. 20–25.

² Исхаков Д. М. Татары: популярная этнография (этническая история татарского народа) – Казань: Татар.кн.изд-во, 2005. – С. 70–72.

³ Гилязов И. А., Пискарев В. И. История Татарстана, вторая половина XVI–XVIII века. Учебное пособие для 7 класса общеобразовательной школы. – Казань: Хэтер, 2012. – С.39, 70–71.

⁴ Лотфуллин И. М., Ислаев Ф. Г. Джихад татарского народа. Героическая борьба татар-мусульман с православной инквизицией на примере истории новокрещённой конторы. – Казань, 1998. – 156 с.

на фольклорные события: организация фестивалей, выставок, проведение круглых столов по фольклору и т.п. На страницах газеты «Туганайлар» трудно найти статьи об истории крымцев раньше XVIII–XIX веков. С одной стороны, авторы, на труды которых опираются официальные власти РТ, печатаются на страницах единственной крымцевской газеты «Туганайлар». Однако акценты в оценке деятельности того же Ильминского значительно смещаются. Если в семитомном издании «История Татар» система школ Ильминского рассматривается как метод русификации, то на страницах газеты эти школы оцениваются как важный вклад в образование крещёных татар¹. С другой стороны, данная организация издает статьи и книги, которые представляют крымцевскую концепцию истории. Организация проводит мероприятия и принимает резолюции, которые также поддерживают крымцевскую концепцию.

Объяснить это можно тем, что организация пытается лавировать между интересами республиканской элиты и интересами национального движения крымцев. Именно по этой причине самый острый вопрос, вопрос о происхождении крымцев, почти не обсуждается на страницах газеты. За все время существования электронной версии «Туганайлар» (4 года) мы нашли 2 статьи, в которых ставится этот вопрос. В первой статье член правления организации Т. Дунаева рассматривает труды учёного М. Глухова, который утверждал, что крымцы происходят от керантов, живших в VIII в. и исповедовавших несторианство. В этой же статье приводятся данные о принятии булгарами христианства: «В 619 году болгарский правитель Бу-Юрган (Орган) для укрепления союза с Византией с частью болгар принял православное христианство в греческом городе Херсонесе (Корсуни), который булгары называли Крымцы». Также в статье перечисляются уже известные косвенные факты, которые указывают на то, что крымцы являются потомками доисламского населения Волго-Уральского региона² (Дунаева, 2012). Вторая статья анонимного автора рассказывает о деятельности газеты «Керэшэн сузе» / «Крымцевское слово», которая издавалась в Набережных Челнах с 1993 по 2002 год. Данная газета была закрыта, потому что активно печатала материалы о происхождении крымцев от болгарских христиан. Однако в каждой статье наравне с болгарской версией происхождения крымцев озвучивается и версия Дамира Исхакова о татарском происхождении крымцев.

Таким образом, начало истории крымцев отодвигается до VIII в. и вписывается в историю тюркского населения региона. Подчёркивается, что христианство крымцев приняли добровольно до прихода русских на территорию Казанского ханства. История крымцев с VIII по XIX вв. почти не освещается. Основная часть публикаций по истории посвящена уже XIX–XX вв. Николай Ильминский и его ученик Василий Тимофеев возглавляют пантеон великих героев этого периода. В 2012 году вышел фильм об Ильминском «Апостол

¹ Исхаков Р. Р. Истоки // Туганайлар. – 2013. – 28 окт.

² Дунаева Т. Максим Глухов и проблемы изучения истории крымцев // Туганайлар. – 2012. – 30 нояб.

Поволжья»¹. Последние годы проводятся конференции и круглые столы, посвященные его деятельности. Однако, кроме них, среди героев кряшенской истории называют и Кузьму Минина, до крещения носившего имя Кириши Минибаева, Ф. Ф. Ушакова, Д. В. Давыдова и многих других².

Деятельность Н. Ильминского рассматривается как эпоха расцвета кряшенского народа. Двадцать статей так или иначе рассказывают о нём. Если в рамках умеренной татарской концепции Н. Ильминский представляется просветителем, который смог остановить реисламизацию кряшен, то в кряшенской концепции он – спаситель кряшенской нации от отатаривания. Деятельность Ильминского по введению богослужения на кряшенском языке, созданию алфавита, переводу священных текстов на кряшенский, созданию системы школ позволила сохранить самобытность и самосознание кряшен. Информации об отпадениях, о которых так много пишут татарские исследователи, нет на страницах газеты.

Советский и современный периоды оцениваются как трагическое время для кряшен, которые потеряли право на самоопределение и стали объектом республиканской политики по ассимиляции кряшен татарами. В советский период кряшены лишились наследия Ильминского и его ученика Тимофеева. Национальную политику по отношению к кряшенам на страницах газеты некоторые авторы называют «Стратегия татарстанского правительства по ликвидации кряшенского народа»³ (Максимов, 2014). Необходимо отметить, что такого рода радикальные статьи в основном печатаются в газете на татарском языке.

П. М. Гаврилов, Герой Советского Союза, занимает особое место в истории советского периода. Он руководил обороной Брестской крепости, прошел концлагеря в Германии. В графе национальность у Гаврилова написано было «татарин», и сам он себя называл «крещеным татарин», но кряшены его считают своим национальным героем. В его родной деревне открыт Дом-музей им. П. Гаврилова⁴ (Малов, 2012). В одном учебнике 2009 года издания авторы называют его «наш земляк майор П. М. Гаврилов»⁵ (Галлямова, 2009: 116). В учебнике за 2012 год почти тот же состав авторов называет Петра Гаврилова «сыном татарского народа» (Галлямова, 2012: 107). Среди героев-кряшен упоминаются многие имена, но Гаврилов самый известный и популярный. Кстати, награду свою он получил почти через 10 лет после окончания войны, так как долгое время его подвиг не признавали.

РПЦ рассматривается как главный союзник кряшенского народа. Врагами кряшен рассматриваются, в первую очередь, руководство ТАССР, которое взяло курс на ассимиляцию кряшен. Внутренними врагами считаются казанская

¹ Муллина И. Ильминский – апостол Поволжья // Туганайлар. – 2012. – 6 июля.

² Филиппов А. С. Герои-кряшены. Из серии «Золотой фонд кряшен». – Казань: Слово, 2009. – 78 с.

³ Максимов Н. Керешен "бетерелерге тиеш"ле халык түгел // Туганайлар. – 2014. – 28 марта.

⁴ Малов М. Трибунал для героя со счастливым концом // Туганайлар. – 2012. – 30 нояб.

⁵ Галлямова А. Г., Иванов А. А., Пискарев В. И., Султанбеков П. М. История Татарстана и татарского народа. XX – начало XXI в. Учебное пособие для 11 класса общеобразовательных учреждений. – Казань: Хэтер (ТАРИХ), 2009. – С. 107.

организация кряшен и поволжское отделение РИСИ (ПО РИСИ), которые своими действиями пытаются нарушить сложившийся в республике статус-кво кряшен.

Данные организации не зависят от ресурсов внутри республики. Казанская организация не владеет помещением и не получает никаких пожертвований, как республиканская организация, поэтому её представители занимают более радикальную позицию по кряшенскому вопросу. Цель организации – добиться признания кряшен отдельным тюркоязычным народом, который не имеет отношения к татарам. Главная критика со стороны казанской организации и ПО РИСИ заключается в том, что республиканская организация не представляет интересы кряшенского народа, так как напрямую зависит от татарской элиты. ПО РИСИ и казанская организация активно проводят круглые столы и другие публичные мероприятия по кряшенской проблеме.

Версия истории РИСИ и казанской организации мало отличается от той, что публикуется на страницах «Туганайлар». История кряшен начинается с кераитов, исповедовавших несторианство, а версия Д. Исхакова о происхождении кряшен считается неверной. Взятие Казани в 1552 году рассматривается как вхождение в состав православного государства, а не как потеря государственности. Главное отличие данной версии от версии республиканской организации заключается в оценке событий XX века. Советский период в истории кряшен по трагичности сравним только со взятием Казани и потерей независимости татарами в умеренной татарской версии истории¹. В целом, история конструируется вокруг сюжета жертвы, которой кряшены стали в ТАССР и РТ. Попытка слияния кряшен и татар на секулярной основе не увенчалась успехом, потому что кряшены представляют собой отдельный народ, который невозможно механически соединить с другим народом². В то же время эксперты ПО РИСИ указывают на то, что кряшены, скорее, обрусевают, чем отатариваются (ВПЭ-3).

РПЦ также является важным агентом формирования исторической памяти кряшен. Представители РПЦ в силу своего статуса взаимодействуют со всеми организациями, которые претендуют на представление кряшенских интересов. Историю кряшен они начинают с болгарского периода, а именно, со времени, когда жил святой мученик Авраам Болгарский – XIII в. Старокрещёными в этой версии истории называют кряшен, которые добровольно приняли христианство до 1552 года, а новокрещёными – тех, кто принял православие в результате миссионерской деятельности РПЦ после XVI в. Именно новокрещёные и

¹ Фокин А. Кряшены как объект национальной политики // Национальное самоопределение кряшен: история и современность. Материалы третьих публичных чтений ученого-кряшеноведа М. С. Глухова, посвященных его 75-летию (23 ноября 2012 г., Казань). – Казань: Юр-Кард, 2013. – С. 86–104.

² Сулейманов Р. Кряшенское национальное движение на современном этапе: противостояние татаризации и исламизации // Национальное самоопределение кряшен: история и современность. Материалы третьих публичных чтений ученого-кряшеноведа М. С. Глухова, посвященных его 75-летию (23 ноября 2012 г., Казань). – Казань: Юр-Кард, 2013. – С. 75–85.

отпадали обратно в ислам, а старокрещёные оставались в православии: «Но старокрещёные – это те, кто были крещены до взятия Казани, считалось. А новые – когда вот миссия пошла, как контора стала работать новокрещёнская, вот неевангельскими методами некоторых татар обращали» (интервью КВЭ-2). Неевангельские методы церковь использовала не по своей воле, а по приказу государства.

Периоды Тюркского каганата, Золотой орды, Казанского ханства, присоединение к Московскому государству в данной версии истории отсутствуют. В основном внимание приковано к XIX в., деятельности Н. Ильминского. Николай Ильминский выступает уже не просветителем, а святым: «Ильминского надо оставить отдельно. Это фигура, которая под категории национальных героев не подходит. Он апостол, труды его равноапостольские. Действительно, это человек, который азбуку создал, письменность, как для славян Кирилл и Мефодий» (Интервью КВЭ-2). Некоторые деятели Татарстанской митрополии уже несколько лет готовят документы для канонизации Ильминского именно в Казани, но пока эта идея не находит отклик в высших кругах митрополии, глава которой старается поддерживать лояльные отношения с региональной политической элитой (ВПЭ-5).

Советский период в православной версии также трагичен, как и в других версиях, но по иной причине. В советское время происходит, во-первых, секуляризация кряшен, во-вторых, отатаривание кряшен, которые посещают татарские школы, учат татарский язык и записываются во всех документах как татары. Самосознание народа в этот период сохранилось благодаря семейной памяти, а также православной вере (во многих семьях сохранились часословы, которые издавали Ильминский и Тимофеев). По мнению кряшенских священников, только в православии может сохраниться кряшенство. Необходимо отметить, что кряшенский диалект сейчас используется только для общения внутри семьи и служения литургии в церкви.

В целом кряшенскую версию поддерживает Общество русской культуры РТ, которое А. Л. Салагаев возглавлял на протяжении двадцати лет, с 1993 по 2014 год: «Кряшены – это народ, который существовал и принял христианство еще до Ивана Грозного, финно-угорский народ, у них письменность никогда не была исламская, то есть, арабской вязью они никогда не писали, у них был алфавит русский. Татарам не выгодно, чтобы кряшены были самостоятельным народом, иначе количество татар сразу уменьшится» (ВПЭ-9). По последней переписи татары пока составляют большинство населения – 53,2 %, русские – 39,7 %, и выделение группы кряшен приведет к изменению процентных распределений. Но если опираться на данные переписи, то признание кряшен не может серьёзно поколебать позиции татарского большинства: татары потеряют всего 0,8 %¹. При высоких показателях миграционного и естественного при-

¹ Национальный состав населения Республики Татарстан // Сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан URL: <http://www.tatstat.ru/VPN2010/DocLib8/%ED%E0%F6%20%F1%EE%F1%F2%E0%E2.pdf>, (Дата обращения 28.06.2014.)

роста такая потеря для татарского большинства не имеет решающего значения. Однако, если верить данным экспертов, что кряшен в Татарстане не менее 200 тысяч (около 10 %, а не 0,8 %), то тогда разрыв между русскими и татарами значительно сокращается.

О происхождении кряшен в повседневных представлениях самих кряшен господствуют два исторических мифа:

1. Кряшены появились до вхождения Казанского ханства в состав Московского государства. Слушатели воскресной школы при кряшенской церкви при опросе называют V век как дату появления кряшен (КВМ-4). Другие версии в основном опираются на сведения о святом мученике Аврааме Болгарском, то есть, ведут историю кряшен с XIII в. (КВМ-1, КВМ-2, КВМ-3). В целом эта версия соответствует тому, что говорят и представители РПЦ: кряшены, или старокрещёные, приняли христианство добровольно до прихода русских.

2. Кряшены появились в период взятия Казани. В ходе поездки в село Кряш-Серда священник рассказал, что местные жители считают, что их предков крестил сам Иван Грозный, когда завоевал Казань. Иван Грозный ездил по Волго-Уральскому региону и крестил население. Те поселения, в которые он по каким-то причинам не заезжал, остались татарскими. Священник рассказал эту историю как анекдот. Однако в исследовании Кукмора, которое проводила Рамина Абилова, также повторилась эта история, но уже со стороны татарских респондентов, которые объяснили существование соседней кряшенской деревни тем, что до соседей Иван Грозный доехал, а до них не смог, поэтому они остались татарами, а их соседи стали кряшенами.

По периодизации истории представления кряшен, которые не участвуют в национальном движении, достаточно размыты. Для некоторых период до присоединения к Москве – золотой век кряшен, так как до этого момента никто не подвергал сомнению их самобытность: «Золотым веком кряшен все-таки было время до Ивана Грозного, когда никаких таких вопросов не возникало. Ильминский просто внес понимание в вопросы самоопределения, осветил все эти вопросы, мне кажется» (КВМ-1). Другие рассматривают деятельность Ильминского и его учеников как самый благоприятный период в истории народа: «Когда отец Василий Ильминский, нынешний митрополит Макарий издали азбуку, перевели <...> Это был расцвет, потому что сразу после этого появилась национальная элита. Между прочим, среди них очень много ученых, героев». В целом кряшены ничего, кроме происхождения своих семей и деятельности Ильминского, не знают. Иногда даже не могут вспомнить имена Ильминского и Тимофеева, а обозначают их как деятелей, которые перевели Библию.

Однако советский и современный период все информанты оценивают одинаково негативно. Повествование об этом периоде у всех информантов сводится к описанию дискриминации своих родителей, бабушек и дедушек, а также и своего личного опыта дискриминации по этническому принципу. Одна из слушательниц воскресной школы высказалась так: «В нашей респу-

блике кряшены между двух жерновов были, русские говорили – вы не русские, татары говорили – вы нам изменили, приняли христианство» (КВМ-4). Руководитель этой школы рассказал историю своего личного опыта дискриминации в советский период, когда он работал на большом казанском заводе: «Вот мероприятие какое-то – собрание, конференция, всех регистрировали, в том числе обязательно был вопрос – национальность. Я сам лично говорю «татарин». <...> Стоял вопрос выдвижения председателя профкома <...> 15 тысяч тогда работали, в том числе рассматривали мою кандидатуру. Директор завода говорит, я начальником отдела был, меня уважали, со мной считался, всегда задавал вопросы. А тут говорит – какой татарин, как я объяснюсь в Обкоме, что он татарин?!» (КВМ-4). На вопрос, как можно отличить татарина от кряшена, если последние являются только субэтносом, нам ответили, что по имени и фамилии. Кряшены носят русские имена и фамилии.

Таким образом, если на высшем уровне республики был принят курс на ассимиляцию кряшен татарами на секулярной основе, и все кряшены записывались татарами (в паспорте и во всех других документах), то на уровне повседневного взаимодействия граница между двумя группами строго соблюдалась. Пётр Гаврилов, главный герой советского периода, известен не только тем, что был одним из последних защитников Бреста, но в большей степени о нём рассказывают как о примере дискриминации кряшен в советский период.

Анализ форумов показывает, что основные дискуссии, которые ведутся в печатных СМИ, отражаются и на форумах. Кряшенский вопрос поднимается в связи с насильственной христианизацией татар и всероссийской переписью. На татарских сайтах Институт этнологии и антропологии РАН называется «Тишковским институтом», который стремится расплыть татарскую нацию. На кряшенских сайтах обращаются к экспертизе специалистов данного научного института.

По предварительным данным массового опроса, большинство респондентов независимо от этнической идентификации выбрали следующий вариант ответа в вопросе № 30: кряшены – это часть татарского народа, исповедующая православие (55,4 %). Второй по популярности ответ: кряшены – это самостоятельный тюркоязычный народ, исповедующий православие (23,8 %). Около 19 % не смогли ответить на вопрос. Таким образом, пока мы можем утверждать, что версия истории, которая обеспечена самой широкой инфраструктурой (учебники, Академия наук РТ и т.д.), оказывает самое значительное влияние на массовые представления о кряшенах. Это подтверждают и ответы на вопросы 31 и 32. На вопрос о том, когда появились кряшены, 41,1 % ответили, что кряшены появились в период правления Ивана Грозного. Предками кряшен 17,2 % опрошенных считают болгар, 14 % – тюркские племена, 11,4 % – татар. В то же время опрос свидетельствует и о том, что многие не имеют определенных представлений о кряшенах и их истории. Так, треть респондентов не смогла ответить на эти вопросы.

Н. А. Шкердина (Саранск)

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ МИР РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. (на примере мордовского края)

Вопросы вероисповедания и религиозной политики на протяжении практически всей истории существования Российского государства играли важную роль во внутривосточной жизни страны. В связи с этим интерес к этноконфессиональному развитию России и ее регионов не угасает на протяжении последних десятилетий. Вполне объяснимо внимание, которое уделяется исследованию духовной жизни населения мордовского края, ведь именно здесь на протяжении нескольких столетий мы можем наблюдать национальное, религиозное и культурное многообразие.

Население мордовского края было многонациональным, что, несомненно, оказало влияние на особенности этноконфессиональной ситуации, сложившейся в регионе на рубеже XVIII–XIX вв. Этнокультурный облик мордовского края в этот период отличался своим неповторимым колоритом. Преобладающими этносами в регионе были русские, мордва и татары.

Власти прилагали всевозможные усилия для приобщения мордвы к православию. Однако эти меры не всегда были эффективны. По официальным данным, к началу XIX в. мордва была крещена, стала считаться народом православным, но она и по сей день сохраняет некоторые остатки своих прежних, языческих, дохристианских верований и обрядов. Часть из них бытует сама по себе, в первоначальном виде, часть же – в синкретической форме, в контаминации с русским православием, причем в таком симбиозе, что вполне обоснованно можно говорить об особом, мордовском варианте русского православия. Даже к концу XVIII – началу XIX вв. пережитки язычества не были вытеснены из религиозного сознания мордвы, что позволяет утверждать о существовании в регионе религиозного синкретизма.

В этот период сохранялись отзвуки веры мордвы в антропоморфных (человекоподобных) божеств. К этому времени в религиозном сознании мордвы уже укоренилась «идея верховного бога», который стоял на вершине мордовского пантеона¹. Верховный бог – творец (демиург) у мордвы-мокши упоминается под именем Шкай, а у мордвы-эрзи – Нишке. Кроме теонима Нишке, мордва-эрзя верховного бога называла также Нишкепаз (паз – бог), Верепаз (вере – верх, верхний), а мордва-мокша – Шкай, Вярде Шкай (вярде – верх, верхний), Оцю Шкай. Образ верховного бога – демиурга, по мнению Н. Ф. Мокшина, был создан мордвой по типу инязора (ине – великий, азор – хозяин) – у эрзи, оцязора (оцю – великий, азор – хозяин) – у мокши. Антиподом Шкаю (Нишке) была злобная сущность Идемевсь².

¹ Мокшин Н. Ф. Языческие верования мордвы и ее христианизация // Мордва: историко-культурные очерки. – Саранск, 1995. – С. 306.

² Мокшин Н. Ф. Религиозные верования мордвы. – Саранск, 1995. – С. 40–41.

Шкай (Нишке) возглавлял обширный пантеон антропоморфных божеств и был творцом (демиургом) мира¹. Мордовская мифология сохранила имена множества антропоморфных богов: леса (вирь) Вирь-атя (атя – мужчина, старик), земли (мода, мастор) Мода-атя, воды (ведь) Вель-атя, ветра (варма) Варма-атя, огня (тол) Тол-атя, дома (кудо) Куд-атя и др., считавшихся мужьями женских божеств. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что среди божеств мордовского пантеона встречается также большое число женских божеств: леса (вирь) – Вирь-ава (ава – женщина, мать), земли (мода, мастор) – Мода-ава (Мастор-ава), воды (ведь) – Вель-ава, ветра (варма) – Варма-ава, огня (тол) – Тол-ава, дома (кудо) – Куд-ава и т. п. Н. Ф. Мокшин считает, что такое количество женских божеств у мордвы было наследием эпохи материнского родового строя.

Небесные тела и силы природы у мордвы отождествлялись с божествами солнца (Чи-ава), луны (Ков-ава), ветра (Варма-ава), огня (Тол-ава), грома (Пурьгине-паз), молнии (Ёндо-паз) и т.д. Традиционно божества мордовского языческого пантеона покровительствовали не только определенным силам природы, но и связанным с ними занятиям².

В религиозно-мифологических воззрениях мордвы значимое место занимали не только антропоморфные божества, но и зооантропоморфные предки (люди-птицы, люди-кони, люди-рыбы, люди-медведи, люди-пчелы), образы которых сохранились в её фольклоре. Согласно мордовскому фольклору, эти божества «жили» в «мифическое время», «древнейшее время»³.

Подобные представления были отголосками тотемизма как одной из архаичных форм религии. В мифологии мордвы сохранились упоминания об оборотнях и брачных союзах между людьми и животными. Это нашло свое отражение в мордовском фольклоре. В иносказательной форме до нас дошли отголоски дохристианских культов тотемов-прародителей (медведя, утки и т.д.). Есть мордовские сказки, в которых говорится о браках между животными (медведями, змеями, птицами) и людьми⁴. Подобные сюжеты встречаются у многих финно-угорских народов России.

О присутствии у мордвы отголосков тотемизма свидетельствует обычай, зафиксированный П. И. Мельниковым, «давать новорожденным имена птиц, как, например: Торай (гусь), Тырпыр (дикий голубь) и тому подобное»⁵. Пережитком тотемизма являлся обычай использовать в качестве оберегов черепа лосей, лошадей, медведей, баранов, быков и т.д., которые выставлялись в виде апотропеев (оберегов) на пасеках, в конюшнях, амбарах и других хозяйственных постройках. Вешая на воротах хлева лапу медведя, мордовские

¹ Мокшин Н. Ф. Указ. соч. С. 99; Юрченкова Н. Г. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформация. – Саранск, 2009. – С. 107–111.

² Мокшин Н. Ф. Указ. соч. С. 40–41, 50–53, 54–60, 61–62, 63–64, 65–68, 72–74.

³ Мельников П. И. (А. Печерский) Очерки мордвы. – Саранск, 1981. – С. 51–52; Мокшин Н. Ф. Указ. соч. С. 44.

⁴ Мокшин Н. Ф. Указ. соч. С. 43–46.

⁵ Мельников П. И. (А. Печерский) Очерки мордвы. – Саранск, 1981. – С. 24.

крестьяне полагали, что она будет оберегать их скот от «нечистой силы». В качестве оберега, обладающего исцеляющей силой, они использовали также змеиные шкурки (слинявшую змеиную кожу). Как индивидуальные амулеты использовали зубы и когти хищников¹.

Все мордовские божества в народном сознании приобретали двоякую сущность. В зависимости от обстоятельств они могли в равной мере быть как добрыми, так и злыми. Если божеств в определенное время не задабривали жертвами, они могли причинить, по мнению мордвы, немало вреда в виде града, засухи, неурожаев, мора скота и т.д. Чтобы добиться покровительства божеств, на местах их предполагаемого обитания – в лесах, на полях, у рек и родников, озер, в жилищах, дворах, банях и т.д. устраивались моления (озкст), на которых совершались определенные ритуалы, приносились соответствующие жертвы, возносились специальные молитвы (озномат – у эрзян, или озондомат – у мокшан)². С помощью молений, жертвоприношений, многочисленных магических обрядов и ритуалов мордва старалась не только защититься от негативного воздействия сил природы, но и пыталась управлять ими.

Руководили обрядами и ритуалами на молениях избранные старики. Особенностью духовно-культурной жизни мордвы было отсутствие жреческого сословия. Функцию жрецов на волостных и общинных молениях выполняли наиболее уважаемые пожилые мужчины и женщины³. Домашние моления и жертвы традиционно совершал старший мужчина в доме, а в известных случаях – и старшая женщина⁴.

Несмотря на уничтожение властями священных рощ и мольбищ в XVIII в. и в первой половине XIX в., у мордвы продолжали сохраняться в лесах тайные молитвенные места (керемети)⁵. В них традиционно проводились большие волостные и общинные моления. Каждая семья приносила продукты для ритуальной трапезы, вносила денежную долю на приобретение жертвенного скота, утвари, ритуальных предметов и т.д.⁶

Моления мордвы носили общинный, семейный и индивидуальный характер. Очень редко проводились волостные моления. Причинами для их проведения могли быть засуха, град, эпидемия и т.д. Общинные моления традиционно были приурочены к весенне-летним и осенне-зимним циклам сельскохозяйственных работ⁷.

¹ Мокшин Н. Ф. Указ. соч. С. 44–45.

² Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, украшений, забав, вероисповеданий и других достопримечательностей. Ч. 1–2. – СПб., 1799. – С. 46.

³ Георги И. Г. Указ. соч. С. 46; Паллас П. С. Петра Симона Палласа путешествие по разным провинциям Российской империи. – СПб., 1809. – С. 142.

⁴ Милькович К. Быт и верования мордвы в конце XVIII столетия // Тамбовские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1905. – № 18. – С. 825.

⁵ Паллас П. С. Указ. соч. С. 111.

⁶ Смирнов А. П. К вопросу о происхождении татар Поволжья // Вопросы этногенеза, – № 2, – 1946. – С. 37–50; Tallgren A. M. L'epoque dite d'Ananino dans la Russie Orientale. Helsinki, 1919. P. 76.

⁷ Козлова К. И. Этнография народов Поволжья. – М., 1964. – С. 143–144.

Основным моментом всех озксов было жертвоприношение божествам, их кормление. Оно преследовало цель приобрести расположение и покровительство божеств. С этой же целью на озксах произносились озномы – молитвы. В дни наиболее важных озксов не работали. Семейные моления, как правило, проводились по необходимости и были связаны с жизненным циклом человека (рождение, свадьба, похороны и т.д.). Их совершали в случае «болезни, или другого злключения, после рождения дитица, для памяти умерших и пр.»¹.

Индивидуальные религиозные обряды были связаны с магическими ритуалами, призванными оградить от порчи, колдовства, болезней и т.д.

Борьба православного духовенства с язычеством и миссионерская деятельность уже в первой половине XIX в. способствовали встраиванию элементов православия в религиозное мировоззрение и духовно-культурную жизнь мордовского народа. В быт мордвы входят православные иконы, которые наделяются особой, чуть ли не магической силой. Особо почитаемым у мордвы был лик Николая Чудотворца. Этого святого мордва даже возвела в ранг паза – божества², что было типично для мордвы. Например, божества грома и молнии (Пурьгине-паз и Ендол-паз) мордвой отождествлялись с Ильей-пророком и т.д. В духовном сознании мордвы язычество причудливым образом уживалось с православием, что находило отражение в религиозных обрядах и ритуалах. Это можно проследить, если детально исследовать аграрный культ, тесно связанный с сельской общинной организацией и семейно-родовым культом предков³.

Православие проникает в духовно-культурную жизнь мордвы, её религиозные воззрения, но не вытесняет язычество. Происходит смешение дохристианских и христианских религиозных представлений⁴. Язычество было тесно связано с хозяйственной и социальной жизнью мордвы, оно продуцировалось нормами замкнутой общинной жизни, передаваясь из поколения в поколение⁵. В то же время христианство уже основательно встраивается в систему духовно-культурной жизни мордвы, но многие его абстрактные религиозно-философские и мировоззренческие установки ещё остаются недоступными для понимания рядовых общинников.

Мордва не была уникальной в том, что в системе её религиозных воззрений и духовной жизни продолжали сохраняться элементы язычества. В духовной жизни татар-мишарей мордовского края в первой половине XIX в. также сохранилось немало элементов домусульманских верований.

Под влиянием православия к началу XIX в. у татар-мишарей мордовского края подверглось существенному изменению почитание умерших соплеменников. Большую роль в этом играла вера в человеческую душу.

¹ Паллас П. С. Указ. соч. С. 143.

² Георги И. Г. Указ. соч. С. 46.

³ Мордва: Историко-этнографические очерки. – Саранск, 1981. – С. 196.

⁴ Юрченков В. А. Хронограф. – Саранск, 1991. – С. 249.

⁵ Тумайкин В. П. Крестьянская община мордвы в XVII–XIX вв. // В братской семье: По материалам респ. науч.-теорет. конф. «Мордовия в братской семье советских народов»: сборник. – Саранск, 1981. – С. 268.

Из домусульманских представлений у татар-мишарей, по мнению Р. Г. Мухамедовой, прослеживается вера в неуспокоенные души «нечистых» покойников (самоубийц, колдунов, злых людей). Подобные религиозные представления были распространены у многих тюркских и финно-угорских народов Поволжья. Такие души, по поверьям татар-мишарей мордовского края, долгое время обитают на земле, причиняя неприятности¹. Как и у мордвы, у татар-мишарей «нечистых» покойников обвиняли в стихийных бедствиях (засухе, граде, буре, и т.д.), неурожаях и прочих неприятностях.

Суеверный страх перед потусторонним миром способствовал развитию у татар-мишарей мордовского края довольно сложного культа предков, который к началу XIX в. испытал на себе существенное влияние православия и мордовского язычества. Отмечается, что татары-мишари, как и мордва, считали, что дух покойного «незримо присутствует» на поминках. Его «угощали», обращались к нему как к присутствующему участнику трапезы, а затем «провожали» за ворота. Существовали некоторые особенности при совершении поминальных жертвоприношений: рыба была предназначена для давно умерших людей, овечка – для умерших недавно (на сороковой день или годовщину), а на третий, седьмой, девятый дни резали курицу. В дни поминовений предков татары-мишари обязательно раздавали подавание соседям².

Общие поминки у татар-мишарей выражались в массовом посещении кладбища в дни Курбан-байрама и Ураза-байрама для индивидуального совершения моления у могил родни, имеющего преимущественно мусульманский характер. У некоторых татар-мишарей мордовского края под влиянием православия поминки стали совершаться в дни церковных праздников – в семик, на Пасху, Покрова и т.д. Поминки на Пасху назывались у татар-мишарей «день выхода покойников». Считалось, что души предков в этот день посещали своих потомков³.

Элементы архаических представлений о могуществе природных стихий продолжали сохраняться в религиозном сознании татар-мишарей в первой половине XIX в. Это наглядно иллюстрируется наличием в системе религиозных верований татар-мишарей отголосков культов земли, огня, солнца и воды. Следы культа земли прослеживаются в символическом приношении ей крови жертвенных животных во время религиозных обрядов, разбрасывании круто сваренных яиц на пашне, орошении куриной кровью только что вырытой могилы и т.д.⁴ Почитание огня у татар-мишарей мордовского края сохранилось в виде «кормления огня» – обычая бросать в горящую печь кусочки масла, готовящейся пищи и небольшое количество пива. Переежитком этого культа

¹ Мухамедова Р. Г. Татары-мишари. – М., 1972. – С. 182; Татары Среднего Поволжья и Приуралья / ред. Н. И. Воробьев, Г. М. Хисамутдинов. – М., 1967. – С. 356.

² Татары Среднего Поволжья ... С. 349.

³ Татары Среднего Поволжья ... С. 350.

⁴ Мухамедова Р. Г. Указ соч. С. 357.

является представление огню или очагу новорожденных детей и снох после совершения свадебных церемоний¹.

В обрядовой жизни татар-мишарей мордовского края сохранились пережитки культа солнца. Солнцу посвящали жертвоприношения животного со шкурой белого цвета. Отголоском культа воды являлось бросание в реку или другой источник воды крупы, соли, кусочков ткани. Желая вызвать дождь, татары-мишари окунали петуха, который был символом рассвета и солнца, в воду или приносили в жертву белого коня². Под влиянием христианства гром у татар стал связываться с Хызр-Ильясом, который отождествлялся с русским Ильей-пророком³.

Среди татар-мишарей мордовского края в первой половине XIX в. была распространена вера в разнообразных духов. В мифах и поверьях часто упоминался домашний дух ой-иясё, который можно сравнить с домовым у русских. Он предстал перед людьми в облике старика с длинными волосами. В фольклоре татар-мишарей фигурирует «хозяин хлева» – абзар-эже, являющийся людям в виде маленького человека или домашнего животного. Подобные персонажи можно найти как в мифологии мордвы, так и русских. К числу мифологических существ у татар принадлежит также бичура – домашний дух. Она в представлении татар-мишарей показывалась людям в виде крохотной женщины в старинной одежде или старичка в красной рубахе. В отличие от ой-иясё (домового) бичура могла обитать далеко не в каждом доме. По мнению Я. Д. Коблова, бичура была татарским аналогом Юрт-авы – богини очага дома в мордовском пантеоне. Местом обитания этого духа был подпол или баня. Бичуру, как и прочих духов, было принято задабривать пищей⁴.

У татар-мишарей, как у мордвы и русских, в этот период была широко распространена вера в лесного духа шурыле, который описанием очень похож на лешего. По татарской мифологии он живет в дремучих лесах и похож на высокого, заросшего волосами человека⁵. Этот лесной дух часто путает странников, вторгшихся в его владения. Сохранилось предание, в котором фигурируют лешие обоих полов, причем описание облика шурыле женского рода имеет много общего с внешностью мордовской Вирь-авы⁶.

В начале XIX в. в среде татар-мишарей встречались предания и о водных духах. Главным среди духов воды был су-бабасы (водяной дед), под началом которого были су-эясе – его сын и рядовые духи су-анасы, очень похожие на славянских русалок. Вера в некоторых из этих духов сохранилась практически до начала XX в.

Встречаются упоминания о вере татар-мишарей в злых духов – албастов. Рассказы о подобных существах были широко распространены в мифологии всех тюркских народов с некоторыми вариациями. У татар-мишарей они являлись людям то в виде уродливого человека с когтями, то в виде большого воза или стога (скирды, сломанного дерева). Этот дух, как правило, стремился нанести человеку какое-нибудь физическое увечье¹.

Мусульманское и православное духовенство вело борьбу с отголосками язычества, бытовавшими среди татар-мишарей в первой половине XIX в. Но довольно большой ареал распространения вышеописанных суеверий свидетельствует о живучести пережитков языческих верований и архаических культов в среде татар-мишарей.

В первой половине XIX в. в повседневной культуре татар-мишарей мордовского края прослеживается влияние русской православной культуры. Это нашло отражение в поговорках татарского народа: «До наступления дня Николы не бывает лета»; «До наступления дня Николы не бывает зимы» (по старому стилю дни Николы были 9 мая и 6 декабря); «День Покров пришел – зима пришла»; «Ильин день прошел, и лето прошло»; «Настал день Спаса, и работа настала» и т.д.² Другим примером такого взаимодействия являлось проникновение в быт и делопроизводство татар-мишарей христианского календаря, хотя религиозные праздники они неизменно праздновали по лунному календарю.

Руководство духовно-культурной жизнью татарских общин мордовского края находилось в руках местного духовенства, которое пользовалось непрекращаемым авторитетом³. Сведения о духовной жизни и культуре мусульманских общин мордовского края в первой половине XIX в. носят отрывочный характер. Из официальных источников известно, что в этот период в регионе было несколько молитвенных домов и только одна каменная мечеть, построенная в 1818 г. в с. Татарское Акашево Темниковского уезда⁴. Наиболее благочестивые татары-мишари, исповедовавшие ислам, совершали паломничество в Казань, а наиболее состоятельные отправлялись в Мекку. Строительство мечетей на территории мордовского края начинается преимущественно в пореформенный период. Духовное образование татары, населявшие мордовский край, получали в медресе Пензенской, Тамбовской, Казанской и Оренбургской губерний. В первой половине XIX в. наличие медресе на территории мордовского края также не зафиксировано⁵.

Соседство православия и ислама на территории мордовского края в первой

¹ Татары Среднего Поволжья ... С. 357; Мухамедова Р. Г. Указ. соч. С. 43.

² Татары Среднего Поволжья... С. 359–360.

³ Там же. С. 360.

⁴ Коблов Я. Д. Мифология казанских татар. – Казань, 1910. – С. 2–3.

⁵ Коблов Я. Д. Указ. соч. С. 3; Насыров Кайюм. Поверья и обряды казанских татар, образовавшиеся мимо влияния на жизнь их суннитского магометанства // Записки императорского Русского Географического общества по отделению этнографии. Т. 6. – 1880. – С. 23.

⁶ Религиозные верования народов СССР. В 2-х т. Т. 2. – М., 1931. – С. 227.

¹ Коблов Я. Д. Указ. соч. С. 3.

² Татары Среднего Поволжья ... С. 321.

³ Шайхиев Р. А. Роль мусульманского духовенства в жизни татарского общества в XVII–XIX вв. // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. Материалы чтений. 1982 г. – М., 1985. – С. 189.

⁴ Надырова Х. Роль ислама в развитии архитектуры Волго-Камья // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье. – Казань, 2002. – С. 126.

⁵ Кудяева Л. В. Начальные училища для детей татар мордовского края конца XIX – начала XX вв. // Современные проблемы психолого-педагогических наук. Вып. 4. – Саранск, 1995. – С. 86.

половине XIX в. не было отмечено серьезными конфликтами на религиозной почве. Во многом это было обусловлено сравнительно небольшим количеством татар-мишарей, которые здесь проживали не одно столетие в нескольких селах Темниковского и Спасского уездов Тамбовской губернии, в селах Краснослободского, Инсарского, Саранского уездов Пензенской губернии¹. Сами татары-мишари жили довольно замкнутыми моноэтническими общинами. Они не стремились распространять свои религиозные воззрения среди мордвы и русских. Кроме того, часть татар-мишарей еще во второй половине XVIII в. была обращена в православие².

Главной задачей для православного духовенства была необходимость воспрепятствовать отпадению от православия немногочисленных крещёных татар. В то же время процесс реисламизации новокрещёных татар, происходивший на территории Симбирской, Пензенской, Казанской, Тамбовской и др. губерний, сыграл важную роль в пересмотре политики государства по религиозной унификации этого этноса³. В этот период духовенство мордовского края отказалось от агрессивной политики христианизации татар-мусульман.

Для преодоления языкового барьера указом от 22 января 1803 г. духовному начальству Поволжских епархий было предписано перевести на татарский язык «Символ веры» и некоторые употребительные православные молитвы. Обращалось внимание на необходимость активизации миссионерской деятельности среди крещёных татар, изучения церковным причтом смешанных приходов татарского языка, чтения проповедей на родном языке прихожан⁴.

Впрочем, стремление духовного ведомства изменить сложившуюся религиозную ситуацию, качественно улучшить постановку проповеднической деятельности не привело к заметным изменениям в религиозном сознании татар-мишарей. Православное духовенство, не владевшее татарским языком и не обладавшее специальной подготовкой, не смогло решить возложенные на него задачи. Священников-миссионеров, обладавших подобными навыками, были единицы. Сами новокрещёные не были готовы к отказу от прежнего конфессионального состояния и действительному принятию христианства. В результате в 1830 – 1840-е гг. крещёные татары-мишари Спасского уезда Тамбовской губернии неоднократно отказывались от посещения храмов и выполнения православной обрядности⁵. Нередко вслед за этим следовали выступления. В результате деятельность по христианизации татар-мишарей была смягчена.

Подводя итог, можно сказать, что духовно-культурный облик мордовского края в первой половине XIX в. отличался пёстрым этноконфессиональным составом. Колоритным элементом духовной жизни населения мордовского края

¹ Шайхиев Р. А. Указ. соч. С. 189.

² Исхаков Р. Р. Миссионерство и мусульмане Волго-Камья (последняя треть XVIII – начало XX в.). – Казань, 2011. – С. 24.

³ РГИА (Российский государственный исторический архив) Ф. 796. Оп. 84. Д. 4. Л. 31.

⁴ Малов Е. А. Православная противомусульманская миссия в Казанском крае в связи с историей мусульманства в первой половине XIX в. // Православный собеседник. – 1868. – № 2. – С. 325.

⁵ Исхаков Р. Р. Указ. соч. С. 41; НАРТ. Ф.1. Оп.2. Д. 292. Л.1–1 об.

в первой половине XIX в. было сохранение языческих религиозных воззрений и пережитков архаических культов. Язычество продолжает играть значимую роль в духовном сознании мордвы, однако под влиянием православия оно начинает трансформироваться, вбирая в себя христианскую атрибутику. Следование православию для основной массы населения мордовского края носило внешний, во многом формальный характер. Однако отдельные его элементы начинают уже проникать в духовное сознание мордовского народа.

Не менее ярким элементом духовной жизни мордовского края было сочетание пережитков архаических верований и традиций ислама, которые продолжали сохраняться в мифологии, фольклоре, обычаях и обрядовом комплексе татар-мишарей мордовского края. Попытки обращения татар-мишарей в православие в первой половине XIX в. успехом не увенчались. Можно сказать, что значительная часть населения региона, несмотря на правительственные мероприятия по христианизации, не отказывалась полностью от своих религиозных воззрений.

Д. Ш. Муфтахутдинова

НОВАЯ МУСУЛЬМАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: КТО ОНИ И КЕМ ХОТЯТ БЫТЬ?

Сегодня девушки в хиджабах – довольно обыденное явление в городах и поселках России, особенно в республиках, населённых этническими мусульманами, такими как Татарстан и Башкортостан. Однако лет 10 назад отношение к ним в светском обществе было весьма настороженным. Так кто же они, молодые мусульманки? Этим вопросом я как преподаватель политологии в Российском исламском институте города Казани задалась, начав преподавать в новом для меня рабочем месте. Моими респондентами стали девушки 18-19 лет, студентки 1 и 2 курсов, обучающиеся по специальностям экономика, лингвистика и теология. Я попыталась проследить процесс религиозной социализации молодых мусульманок, то есть, процесс становления идентичности этнических мусульманок, по факту своего происхождения, в «практикующих мусульманок». До поступления в Российский исламский институт многие из них не исполняли основные требования повседневной мусульманской религиозной практики и не носили хиджаб¹. Ношение мусульманской формы одежды в Российском исламском институте является обязательным как для студентов, так и для преподавателей. Статья написана на основе включенного наблюдения и письменного опроса 30 девушек вышеупомянутого вуза. Все респонденты должны были дать

¹ Хиджаб (араб. преграда, завеса) – чадра, паранджа, покрывало, накидка, надеваемая женщиной-мусульманкой при выходе на улицу. В настоящее время наибольшее распространение получил упрощённый вариант хиджаба – головной платок и не подчеркивающее фигуру длинное платье.

развернутый письменный ответ на вопрос: «Что для Вас значит ношение мусульманского платка или хиджаба?».

На сегодняшний день это религиозные девушки 18–19 лет, исполняющие все традиционные обряды мусульманской религии. Опрос проводился в конце декабря 2013 года, т.е., когда девушки прочились один семестр в упомянутом вузе. Эти девушки, как правило, горожанки второго поколения из этноориентированных татарских семей, родители которых имеют средне - специальное или высшее образование.

В наше время интерес к ценностной интерпретации женской мусульманской идентичности проявляется как за рубежом, так и в нашей стране. К наиболее интересным зарубежным работам по данной теме можно отнести труды профессора парижской Высшей школы социальных исследований (Париж) Нилюфер Голе,¹ профессора социологии Чикагского университета Сабы Махмуд², американского социолога, социального философа, профессора Гарвардского университета Сейлы Бенхабиб³. Все они на сегодняшний день работают в университетах Запада, а по происхождению выходцы из восточных стран (Турция, Египет). Из авторов, занимающихся данной проблематикой в России, хочется выделить работы Гюзель Сабировой⁴, Ирины Кузнецовой-Моренко⁵, Даниса Гараева⁶ и др.

По методике, разработанной Е. А. Ходжаевой и Е. А. Шумиловой, исследовавших уровень религиозности мусульманской молодёжи, мы обратимся к категории «традиционные мусульмане»⁷. Под категорией «традиционные мусульмане» мы имеем в виду верующих людей, исполняющие все мусульманские традиционные обряды и ритуалы (намаз, ритуальное омовение — тахарат и пр.), а также придерживающихся постов (ураза).

¹ Gole, Nilufer. *The Forbidden Modern: Civilization and Veiling*. Ann Arbor: University of Michigan Press; 1996.

² Saba Mahmood *Feminist Theory, Embodiment, and the Docile Agent: Some Reflections on the Egyptian Islamic Revival* // *Cultural Antropology* № 6(2). 2001. PP. 202–236.

³ Бенхабиб С. Притязания культур. Равенство и разнообразие в глобальную эпоху. – М.: Логос, 2003.

⁴ Как стать и остаться мусульманкой: опыт разных поколений / под ред. С. Шакировой *Женская устная история: гендерные исследования*. Ч. II. – Б.: ОФ «Центр издательского развития», 2005.

Сабирова Г. А. Мусульманские идентичности и дискурсивная традиция ислама в постсоветской России // *Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики*. – М., 2008.

Сабирова Г. А. Формирование религиозной идентичности в мегаполисе (на примере женщин-татарок, обучающихся на религиозных курсах в Москве): автореф. дисс. ... кандидата социологических наук. – М., 2006.

⁵ Кузнецова-Моренко И., Салахутдинова Л. Новые мусульманки Татарстана: к вопросу о становлении социальной группы, в: С. Р. Касымовой (ред.). *Гендер: традиции и современность. Сборник статей по гендерным исследованиям*. – Душанбе, 2005.

⁶ Гараев Д. Платки, французский президент и гражданские права. URL: http://www.liveinternet.ru/users/abu_umar/post105811499 (Дата обращения 4.03.2014).

Гараев Д. Женская мусульманская религиозность как объект современных социальных исследований. – URL: <http://emuslim.net/vremya-islama/info-isl...> (Дата обращения 4.03.2014).

⁷ Ходжаева Е. А. Шумилова Е. А. Возрождение религии и этническая идентичность татарской молодежи в республике Татарстан // *Социологические исследования*. – 2003. – № 3.

Опрос наших респондентов подтвердил тезис о том, что традиционная религиозность неразрывно связана с этнопсихологической идентификацией личности и этноисторической самоидентификацией народа. Так, одна из опрошенных студенток пишет: «Я счастлива ношением платка, счастлива, что я мусульманка. Это наша традиция и наша народная особенность. Спасибо нашим бабушкам и прабабушкам, которые сумели сохранить эти традиции, и в годы завоевания Казанского ханства и в годы крещения. Я горда за свою нацию!» (№ 4). Другая заключает: «Платок для меня является признаком веры и почитанием традиций своего народа» (№ 28)¹.

Социологи В. П. Баранников и Л. Ф. Матронина отмечают, что «традиционную религиозность отличает искренность, и в то же время, весьма поверхностное проникновение в сущность веры, которая интуитивно воспринимается как истинная». С этим утверждением нельзя полностью согласиться. На вопрос «поверхностного» или «глубокого» проникновения в сущность веры индивидом весьма трудно определенно ответить, здесь, скорее, правы верующие, утверждающие, что «об этом знает только Всевышний». Однако все опрошенные нами девушки продемонстрировали возвышенное отношение к мусульманской религии и Всевышнему. Приведем несколько примеров из их ответов: «Для меня счастье быть в исламе, жить по законам Всевышнего Аллаха, благодарить Его за каждый прожитый день, который он нам преподносит» (№ 23). «Мир так многообразен и удивителен. Смотря на мир широко открытыми глазами, и замечая все его загадки, превосходства, многогранность, невольно задумываешься, как же сложно он устроен. И размышляя над всем этим, возникает мысль, что он не мог сам по себе возникнуть. Необъятные просторы галактик, планеты, которые не сталкиваются друг с другом, горы, которые служат опорой для мира – все это подсказывает, что создатель всего – идеален, несхож ни с каким из творений, без каких-либо изъянов, превосходит» (№ 10).

В ответах девушек присутствовал и некоторый романтизированный образ мусульманских девушек: «Красоту девушки можно сравнить с жемчужиной. Её устричная раковина защищает жемчужину от морских животных и сохраняет её внутреннее блестящее великолепие. Именно такую защиту даёт нам платок. Он защищает нас от нескромных взглядов, травм, вреда. Мы носим платок, зная, что это дарит нам достоинство, красоту и уважение. Пряча женщину в хиджаб, Всевышний бережет своё драгоценное создание, защищая хрупкую и нежную натуру женщины» (№ 12).

В ряде сочинений девушки демонстрировали сугубо догматический подход, но таких ответов было немного (всего 4). Приведем, к примеру, два из них. После цитирования аятов² из Корана студентка пишет: «... каждый мусульманин, удостоившийся чести принять ислам, должен относиться с оптимизмом ко всем его предписаниям и запретам, стараясь претворить их

¹ Здесь и в дальнейшем под номером в скобках подразумеваются ответы респондентов, принявших участие в нашем исследовании.

² Аят – наименьший выделяемый отрывок коранического текста, «стих» Корана.

в свою жизнь. Где бы ни находился мусульманин, чем бы ни занимался, он должен решать все свои вопросы в соответствии с исламом. И это единственный признак искренности веры. Каждый мусульманин, который искренен в своей вере, должен знать и верить в то, что каждое повеление ислама не только соответствует природе человека, но и ведет его к истинному счастью и спасению. Одним из таких спасительных повелений нашей великой религии является прикрытие головы платком для мусульманки» (№ 1). Ещё одно откровение: «Выставление тела напоказ несет для них опасность, как в этой, так и в следующей жизни. Если мусульманки не последуют за этим повелением Аллаха и Его посланника Пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует) и не будут выполнять все другие предписания своей религии, то они потеряют честь и достоинство, которыми Аллах наделил их. Таким образом, они лишат себя счастья в жизни земной, так и награды в жизни вечной» (№ 9).

Девушки пишут и об ответственности, которая появилась в них с началом поддержания религиозной практики: «Молитва пять раз в сутки напоминает нам о Всевышнем, о том, что мы мусульмане. А платок напоминает нам об этом постоянно. Я считаю, что платок – это половина веры, потому что с ним меняется характер, и поведение. Чувствуешь глубокую ответственность, ведь ты носительница веры» (№ 7).

Респондент под № 5 пишет: «Женщина в хиджабе свободна – свободна от болезни раздетого общества». Как видим, в ответах девушек присутствует не только догма, но и протест против «культу тела и секса».

Наряду с догматикой ислама во всех сочинениях присутствует рационализация своего выбора мусульманской идентичности. «Немусульманка, выходя из дома, надевает самую лучшую одежду, максимально подчеркивающую её телесные достоинства (но там она никому не нужна), а дома ходят в потертой, старой одежде. Она живёт для наслаждения, страстей и толпы, а не для семейного счастья. Мусульманка же бережёт свою красоту только для своего мужа. Для всех её красота закрыта, а дома она носит самую лучшую одежду. Это укрепляет семью и способствует царствованию в такой семье любви, ласки, уважения, взаимопонимания и счастья» (№ 6).

Одна из опрошенных девушек отметила, что хиджаб оберегает женщин от насилия. «Насилие над женщинами в нашей стране стало такой привычной новостью, что когда мы слышим об этом, не удивляемся. Ведь эти вещи не происходят просто так, это от того, что женщины не закрывают свою красоту и привлекают внимание мужчин. По мнению многих мусульманских ученых, стыдливость, целомудрие и хиджаб позволяют женщине сохранять и увеличивать свой авторитет перед мужчинами» (№ 23).

Побудительными мотивами для ношения хиджаба для них стали, кроме сугубо религиозных целей, также и чисто обыденные, прагматичные, а именно: удачное замужество и расширение социальных связей. То есть, они используют

религиозность как ресурс, который помогает повысить авторитет в семье и общественной жизни.

Представительницы данной религии воспринимают обязанности по отношению к семье как освященные исламом. Основное требование к мужу у татарских девушек – чтобы он был мусульманином, желательно татарин. Девушки-мусульманки не приветствуют межэтнические браки, считая их нежелательными. Однако религиозная идентичность для них более важная, чем этническая.

Интересно, что, несмотря на то, что девушки, исследуемые мной, очень юны, они уже ориентированы на детей. Одна из них пишет: «Дети для меня, как маленькие лучики солнца, которые согревают даже в самые морозные дни» (№ 14).

Ответы девушек на наш вопрос разбивают стереотип о мусульманках как затворницах. «Ношение платка – это не отделение от окружающего мира, от общества, замкнуться в себе и сидеть дома. После того, как я надела платок, я не перестала общаться с друзьями, продолжаю активно участвовать в общественных делах. Платок дает мне душевное спокойствие и чувство свободы» (№ 8).

Интересно отметить, что одежда мусульманских девушек в Казани, хоть и закрытая, но красивая и довольно яркая. Мало кто из них надевает платья из темных тканей, а темных платков вообще почти не встретишь. Этот факт можно объяснить татарской традицией – татарские женщины не одевались в темную цветовую гамму даже в старости. Также можно отметить, что чем ярче у девушки платок и одежда, чем более модный у них покрой, тем дальше они от мусульманской ортодоксии. Заметим, что в Казани уже давно сложился рынок брендовой мусульманской одежды, а показы мусульманской моды стали регулярными. Мусульманки носят свою одежду с учетом того, что окружающая их среда является модернизированной и светской.

Хочется отметить, что решив надеть хиджаб, девушки стремятся выбрать одну непротиворечивую для себя идентичность и ощутить «благостное чувство единения» в этой группе. В ней они получают лишь ряд совместимых со своими ценностями ожиданий и на время находят успокоение. Почти все они пишут о душевном комфорте и спокойствии, охвативших их после решения одеть хиджаб. «Первые ощущения, когда ты покрыл голову, неописуемы. Тот поток чувств и эмоций просто не поддается контролю и осознанию. И то ощущение спокойствия и умиротворения, так резко сменившее бурю эмоций, никак не объяснишь» (№ 13).

Мне приходится замечать, что девушек в мусульманских платках становится все больше и больше в светских вузах Казани, но некоторые из них то надевают платок, то ходят без него. Это явление не оказалось незамеченным и моими респондентами. Одна из них пишет: «Сложно надеть платок в первый раз, так как она думает, что выглядит смешно, страшно, необычно <...> Это

так отличает её от других, подруги смеются, сплетничают за спиной. Они боятся потерять место работы, боятся конфликтов с родными, реакции людей на улице <...> Но сняв платок перед ними, она покажет свою слабость и зависимость от этих людей. Но их дружба непостоянна, а вот Аллах никогда не оставит тебя» (№ 15).

Однако приняв ряд неоспоримых религиозных ценностей, отождествляя свою личность с этими ценностями, они привносят в свою жизнь целую серию нарушений межличностных отношений, но таков их выбор, так они самоутверждаются. Таким способом они компенсируют недовольство собой и окружающей действительностью, а религия лучше всего выполняет эту компенсирующую роль. Одна из девушек написала так: « Мы знаем: те, кто осуждает нас за наш платок – неправы. Ведь мусульманки совершают самое важное, что возложено на женщину. Посвятив себя Всевышнему Творцу, они призывают к Нему своими делами, своими словами, своим видом – в этом есть наш подвиг. Подвиг, повторяющийся каждый день. Подвиг, которого не осознают окружающие...» (№ 7) Таким образом, надев хиджаб они становятся более публичными, чем были раньше. Девушки, рассматривая себя со стороны, замечают, что общество налагает на них больше моральных требований, чем к обычным их сверстницам, и нередко манипулируя их идентичностью, сваливают на их голову кучу «сверхдолжных дел».

Необходимо отметить, что в Татарстане изменилась природа этничности, она приобрела латентный характер. Сегодня религиозная и этническая идентификация – это предмет рационального выбора. Используя этническую и религиозную солидарность, мусульманки успешнее адаптируются в современном обществе, которое можно охарактеризовать как атомизированное и индивидуализированное. Девушки в мусульманских платках конструируют новый привлекательный образ современных религиозных татарских женщин в полиэтнической среде. Мы можем предположить, что популярность женщин в хиджабах среди мусульманских этносов в России будет расти.

Другим важным выводом, полученным в ходе анализа идентичностей молодых мусульманок, стало то, что это совершенно новый модернистский проект, альтернативный западным стандартам красоты, моды и телесных практик. В этом заключении мы совершенно согласны с вышеупомянутыми западными и российскими авторами. В целом, как во всем мире, так и в Татарстане, возросшая религиозная активность мусульманок стала вызовом ценностям современного светского национального государства. А исламское движение предлагает альтернативную западной модернизационную модель.

Н. А. Шкердина (Саранск)

ПРАВОСЛАВИЕ И СЕКТАНТСТВО В МОРДОВСКОМ КРАЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Мордовский край в конце XVIII – первой половине XIX вв. отличался пестрым этноконфессиональным составом населения и богатой духовной культурой. Последняя четверть XVIII – начало XIX вв. стали временем закрепления православия в качестве самой влиятельной и распространенной конфессии в регионе. Православная церковь и духовенство начинают играть ведущую роль в духовной и культурной жизни провинциального общества.

С начала XIX в. на первый план РПЦ выдвигает задачу закрепления иногородческого населения мордовского края в православном вероисповедании. С последней четверти XVIII в. распространённым явлением стало участие мордвы в церковной жизни. Клир все активнее формировался из представителей мордовского этноса, перенимавших от русских священников не только грамоту и навыки ведения литургии, но даже фамильные обычаи, то есть, именование по приходам. В русских селах появляются священнослужители из мордвы, а духовное руководство все чаще практикует рукоположение в сан местных жителей, не дожидаясь присылки пастырей из центральных областей. В конце XVIII – первой половине XIX вв. существенно возрастает как авторитет, так и образовательный уровень приходского духовенства.

Новое состояние этого сословия было связано с возникновением системы профессиональной подготовки духовенства. Если до конца XVIII в. подготовка священно- и церковнослужителей велась на местах, а перед рукоположением – в монастырях, то с начала XIX в. многие диаконы и священники проходили обучение в Темниковской, Краснослободской (с 1835 г. при Спасо-Преображенском монастыре) духовных школах или в духовном училище в г. Нижнем Ломове. После обучения в духовных школах и училищах образование продолжалось в Тамбовской (с 1779 г.), Саранской (1787–1803 гг.) и в Пензенской (с 1803 г.) духовных семинариях. Лучшие выпускники семинарий получали право учиться в духовных академиях Москвы, Казани или Санкт-Петербурга. Полностью исчезли начётчики, получившие литургические навыки по преемственности от сельских батюшек¹.

Белое духовенство мордовского края успешно интегрируется в социокультурную жизнь региона. Круг дел священника не замыкался только на религиозном руководстве духовного быта своей паствы. Представители духовного сословия были одними из самых грамотных людей того времени. Они были не только духовными наставниками, но и помощниками по важным бытовым

¹ Бахмутов С.Б., Шилов Н. В. Духовенство православное // Мордовия. Энциклопедия в 2-х томах. Т. 1. – Саранск, 2003. – С. 300; Лапун В. И. Духовная гимназия // Мордовия. Энциклопедия в 2-х томах. Т. 1. – Саранск, 2003. – С. 301.

вопросам: составить деловую бумагу, прошение или разобраться в межевых планах – все эти дела не обходились без священника.

Религиозно-эстетическое влияние христианства в конце XVIII – первой половине XIX вв. в мордовском крае было колоссальным. Христианство все основательнее укореняется в религиозном сознании и мировоззрении населения мордовского края.

В этот период икона становится привычным атрибутом духовной жизни и быта. Почитание икон несло в себе мощный духовно-культурный и эстетический заряд. Для православных церквей местные мастера создают редкие по своей красоте иконостасы с окладами из драгоценных металлов. В начале XIX в. в г. Саранске работало несколько ювелиров, которые занимались изготовлением церковной утвари и драгоценных окладов для икон. Среди них был сын священника Христорождественской церкви Саранска И. Васильев, сделавший в 1802 г. оклады для икон Саранского Петропавловского монастыря. Кроме него, в Саранске в первой четверти XIX в. были известны «золотых дел мастера» братья С. И. и И. И. Дунаевы и «купеческий сын» П. Кузнецов¹.

По заказу духовенства для храмов, церквей и монастырских обителей изготавливали высокохудожественные предметы церковной утвари (иконы, оклады, книжные переплеты и т.д.). Настенные росписи и иконы монастырских и приходских церквей в это время были единственным местом, где основная масса населения могла приобщиться не только к православной культуре, но и к художественной культуре.

Существенное влияние на духовность населения мордовского края имели церковные деятели, ревнители благочестия, наставники и духовные руководители. Благодаря их усилиям, идет процесс встраивания православия в религиозное сознание общества. Показателем успешности их деятельности является постройка в первой половине XIX в. нескольких десятков храмов. В этот период были построены Собор Иконы Божией Матери «Знамение» в Ардатове Ардатовского уезда (1802 г.), церковь в честь Живоначальной Троицы с приделами Неопалимой Купины и Иоанна Богослова в с. Шишкеево Инсарского уезда (1807 г.), церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы в Жегалово Темниковского уезда (1812 г.), Богоявленская церковь в Малых Березниках и Троицкая церковь в Старой Михайловке Саранского уезда (1814 г.), храм Успения Божией матери в Краснослободском женском монастыре (1816 г.), Преображенская церковь в Казенном Майдане Наровчатского уезда (1820 г.), Рождественская церковь в с. Ковыляй Краснослободского уезда (1826 г.) и многие другие².

Конец XVIII – первые десятилетия XIX вв. стали временем развития многих монастырей мордовского края. Монастыри неизменно сохраняют

¹ ЦГА РМ (Центральный государственный архив в Республики Мордовия) Д. 40. Л. 85–86; Воронин И. Д. Саранская живописная школа. – Саранск, 2005. – С. 312.

² Махаев В. Б., Меркулов А. И. Архитектурная история мордовского края – Рузаевка, 1998. – С. 54, 62–63.

роль центров духовной жизни, распространения христианства и православной культуры в регионе. Они располагали богатыми библиотеками и ценнейшими архивами. В этот период практически во всех обителях динамично развивается инфраструктура, строятся новые храмы и церкви, келейные корпуса и т.д. Это было связано с увеличением монастырских штатов и ростом количества верующих, которые совершали паломничество в обители. Подобные процессы можно наблюдать практически во всех обителях мордовского края.

Одним из примеров динамичного развития монастырей мордовского края в конце XVIII – начале XIX в. был Краснослободский Спасо-Преображенский монастырь. В 1796 г. было начато строительство в монастыре каменного Спасо-Преображенского собора с Казанским и Рождество-Предтеченским приделами. Одновременно началось строительство келейных корпусов. Собор был освящен в 1799 г. настоятелем Геннадием по благословию епископа Нижегородского Вениамина. В 1801 г. был освящен Казанский придел, а в 1804 г. – Иоанно-Предтеченский. В 1810 г. была заложена больничная Александро-Невская церковь и колокольня с надвратной Никольской церковью, которая была закончена и освящена в 1855 г. Спасо-Преображенский монастырь был одним из крупных центров религиозной жизни и духовной культуры мордовского края. С 1835 г. в монастыре была открыта духовная школа для подготовки причетников¹.

Другим примером динамичного развития монастырей мордовского края является Саранский Петропавловский мужской монастырь. На его территории в 1815 г. в честь земляков – участников Отечественной войны 1812 г. была построена двухэтажная зимняя Владимирская церковь с приделами Воздвижения Честного креста и Владимирской Божьей Матери. С первых лет существования Владимирской церкви ее убранство пополнялось иконами и церковной утварью. Среди икон этой церкви была размещена одна из местных святынь – древняя копия иконы Владимирской Божьей Матери, которая была выполнена в византийской живописной традиции. На средства верующих был сделан серебряный оклад для этой иконы, который изначально представлял большую художественную и ювелирную ценность².

Первые десятилетия XIX в. отмечены появлением в регионе нескольких женских обителей и ростом женского монашества. В 1810 г. возникает Краснослободская женская община, которая в 1827 г. получила официальное признание в качестве женской монастырской общины. Спустя тридцать лет она была преобразована в Краснослободский Успенский женский монастырь. С 1835 г. по 1854 г. под руководством игумений Олимпиады, а затем Фотинии Краснослободский Успенский монастырь разросся в монастырскую деревню с двумя школами, больницей и обширным хозяйственным комплексом. За эти годы штат монастыря возрос до двух сотен человек³.

¹ Бахмутов С. Б. Монастыри Мордовии – Саранск, 2000. – С. 371, 373.

² Масловский А. Саранский Петропавловский монастырь // ПЕВ. – 1882. – № 18. – С. 21–25.

³ Бахмутов С. Б. Православие в мордовском крае: историко-культурологический аспект. – Саранск, 2006. – С. 41.

В 1812 г. была основана женская монастырская община при Никольской церкви в г. Темникове. С 1823 г. она находилась под личным покровительством и надзором руководства Тамбовской епархии. В 1840 г. женская монастырская община была преобразована в Темниковский Рождественско-Богородицкий монастырь. О динамичном развитии и популярности этой женской обители говорит и тот факт, что с 1812 г. по 1840 г. количество сестёр увеличилось с 24 до 100¹. Монастырь со временем стал законченным архитектурным комплексом. В 1849 г. был заложен собор во имя Рождества Пресвятой Богородицы, славившийся уникальным иконостасом, который отличался не богатыми украшениями, а своим изяществом, исполненным «мастерскою рукою»².

РПЦ всемерно содействовала распространению православия в регионе. Однако параллельно с усилением влияния православия в жизни населения мордовского края в первой половине XIX в. стали появляться представители старообрядческих сект разнообразных толков. По мнению светских и церковных властей, не язычество и ислам, а именно старообрядческие секты представляли серьезную опасность для РПЦ. Они могли дестабилизировать духовно-культурную ситуацию, подорвать достижения РЦП в области христианизации населения.

Исходной формой религиозного сектантства в мордовском крае, как и в России, явилось старообрядчество. Оно представляло собой совокупность религиозных течений, отрицавших обрядовую форму русской православной церкви.

Староверческое сектантство появилось в регионе в XVIII в. Распространялось оно медленно и бесконфликтно. Представители старообрядчества на территории мордовского края в первой половине XIX в. были выявлены в деревнях и селах Наровчатского и Саранского уездов Пензенской губернии, Арзамасского уезда Нижегородской губернии, Темниковского и Спасского уездов Тамбовской губернии, Алатырского и Ардатовского уездов Симбирской губернии³.

Одним из радикальных течений в старообрядчестве, получившим распространение в мордовском крае, была беспоповщина. В регионе она была представлена Спасовым согласием (спасовцы, нетовцы) и поморским толком.

Немногочисленные представители Спасова согласия появились в начале XIX в. в эрзянских сёлах Большие Ремезёнки и Малые Ремезёнки, Мокшалай, Большое и Малое Маресьево Саранского уезда⁴. В 1850 г. нестабильная община нетовцев появилась в с. Соколовка Саранского уезда. Общая численность спасовцев не превышала нескольких десятков человек. Местное население своей заинтересованности к их вероучению не проявило⁵.

¹ Там же. С. 40–41.

² Там же. С. 71.

³ Хвоцев А. Очерки современного раскола и сектантства // ПЕВ. – 1897. – № 14. – С. 491–503; 16. – С. 585–595; № 21. – С. 856–878; № 22. – С. 901–917; № 23. – С. 947–965.

⁴ Пензенская епархия: Историко-статистическое описание. – Пенза, 1907. – С. 92.

⁵ Бахмутов Е. С. Из истории инаковерия в мордовском крае (старообрядчество и сектантство XVIII – XIX вв.) // Саранские Епархиальные ведомости. – 2005. – № 9. – С. 52.

Главной причиной преследования представителей Спасова согласия со стороны светских и духовных властей было отрицание ими христианских таинств, православного священства, обрядности и т.п. Роль РПЦ также ставилась ими под сомнение. Согласно их вероучению, спасение можно получить, вознося молитвы Иисусу Христу (Спасу). Однако к середине XIX в. сторонники Спасова согласия (нетовщины) стали постепенно сближаться по своей идеологии с православием, восприняв некоторые догматы РПЦ, позволившие староверам не только войти в православные общины, но и создать почву для распространения единоверчества. Социальную базу беспоповцев составили зажиточные слои населения, что предопределило умеренный характер их требований и сближение со светской и церковной властью.

Другим течением беспоповщины, появившимся в мордовском крае в 1830-е гг., был поморский толк. Представители этого религиозного направления стали проникать в мордовский край со стороны г. Спасска. Они пытались найти сторонников в с. Жуково, с. Слаим, с. Лачиново (Никольское), с. Ширингуши Спасского уезда Тамбовской губернии. Несмотря на активную проповедническую деятельность, в этих селах раскольники закрепиться не смогли.

Поморский толк получает распространение в первой половине XIX в. среди удельных крестьян с. Явлей, с. Куракино, с. Кладбищи, с. Сурский Майдан, с. Мирехань и др. Алатырского уезда. Более-менее стойкие позиции у старообрядцев поповского толка сложились в с. Булдыгино Спасского уезда Тамбовской губернии¹.

Небольшая группа староверов древлепоморского толка обосновалась в с. Воскресенское Темниковского уезда, где сектанты работали в качестве наемных рабочих на заводе. Там же они пытались проповедовать свои взгляды. Одним из известных поморских агитаторов был Евлампий Иосифов. Его проповедническая деятельность вышла за пределы с. Воскресное. Он и его сподвижники к 1850-м гг. привлекли в раскол несколько семей в с. Теньгушево. Но попытки Е. Иосифова распространить староверчество на другие села Темниковского уезда были пресечены полицией². К 1849 г. представители поморского толка были зафиксированы в селах Бабеево, Жегалово, Девлетяково, Широмасово Темниковского уезда и др.³

К середине XIX в. старообрядцы беспоповского толка появились в с. Воротники Саранского уезда. Их наставником был крестьянин Иван Буров. Он обладал талантом убедительно толковать тексты Священного Писания в свою пользу, отличался фанатизмом. Благодаря своим лидерским качествам, он сумел создать сплочённую группу единоверцев, воспринимавших его как духовного учителя⁴.

¹ Березнеговский С. О начале раскола в Тамбовской губернии // Собрание сочинений протоиерея С. А. Березнеговского. – Тамбов, 1913. – С. 261–290.

² Андриевский А. Е. Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. – Тамбов, 1911. – С. 64.

³ Андриевский А. Е. Указ. соч. С. 32.

⁴ Бурлуцкий И. О начале раскола в пределах Пензенской епархии // ПЕВ. – 1871. – № 12. – С. 353–364.

Кроме беспоповцев, в первой половине XIX в. на территории мордовского края получает распространение «духовное христианство» (духоборство). В отличие от старообрядчества, в мировоззрении которого преобладал мотив идеализации патриархальной старины, духовные христиане выдвигали идеи, присущие реформационным движениям: отрицание церкви, института духовной иерархии и основных христианско-православных догматов, проповедовавшихся православной церковью.

В первой половине XIX в. на территории мордовского края распространяются два течения «духовного христианства» – скопчество и молоканство.

Представители молоканства стали появляться на территории мордовского края в последней четверти XVIII – начале XIX вв. В 1799 г. Пензенская епархия столкнулась с проблемой молоканства: представители секты обнаружили в Наровчатском, Краснослободском и Саранском уездах. Несколько десятков молокан было обнаружено в с. Михайловское, д. Патровка и д. Гавриловка Краснослободского уезда. Несколько семей молокан было в с. Ромаданово Саранского уезда¹. Основателем секты считается Семён Уклеин, первоначально примыкавший к духоборам². Типичную модель поведения молокан сформулировал в своем исследовании епископ Пензенский Афанасий в начале XIX в. Он писал, что молокане «в церкви не ходят, крестного знамения не творят, на исповеди и у св. причастия не бывают, св. иконам не кланяются, священника в дома не принимают, рожденных младенцев не крестят, а нарекают им имена сами, постов не соблюдают и с женами живут произвольно без венчания»³. Иконы сектанты с презрением называли «лопатами»⁴.

Из-за давления со стороны православного духовенства и негативного отношения односельчан некоторые молокане мордовского края изъявляли готовность совершить переселение к единоверцам в Таврическую губернию на так называемые «Молочные воды»⁵.

Первое добровольное переселение молокан из Пензенской губернии в Таврическую губернию состоялось в 1802 г. В 1804 г. выборные от молокан крестьяне от имени единоверцев подали прошение на имя Министра внутренних дел князя В. П. Кочубея с просьбой о переселении на Молочные воды. Среди них был и крестьянин Василий Никитин – выходец из с. Михайловское Краснослободского уезда. Подобные прошения молокане Пензенской губернии подавали в 1805 г. и в 1807 г. Однако власти публично на них никак не реагировали.

Конфессиональная ситуация в селах, где проживали молокане, была довольно сложной. Сектанты не желали исполнять государственные повинности, нести

¹ Краткий церковно-исторический очерк села Ромаданова, саранского уезда // ПЕВ. – 1882. – № 8. – С. 16.

² Буткевич Т. И. (протоиерей). Обзор русского сектантства / Т. И. Буткевич. – СПб., 1859. – С. 281–282.

³ Пензенские духоборцы в 1816 году // Русский архив. 1889. – Кн. 2. – С. 189–383.

⁴ Там же. С. 189.

⁵ Новицкий О. Духоборцы. Их история и вероучение – Киев, 1882. – С. 54.

воинскую службу, находя тому основания в Священном Писании. Открытых конфликтов молокане не провоцировали, но активно пытались проповедовать свои религиозные воззрения, что вызывало недовольство со стороны светских и духовных властей. Например, в 1802–1804 гг. молокане – выходцы из Пензенской губернии – пытались проповедовать на территории Оренбургской губернии, что было пресечено полицией, а проповедники были преданы суду¹.

В 1806 г. пензенский гражданский губернатор Ф. Л. Вигель доносил в г. Санкт-Петербург, что число молокан умножается². Распространение сектанства беспокоило и следующего пензенского гражданского губернатора М. М. Сперанского. В 1816 г. он встречался с представителями молоканских общин в г. Троицке Краснослободского уезда. После этой встречи М. М. Сперанский предложил единственно возможное, по его мнению, средство борьбы с сектантством – «умное и мягкое миссионерство». Он писал, что в местности, где получило распространение сектантство, надо усилить миссионерскую деятельность РПЦ, направляя туда «священников примерной жизни, кротких, поучительных, непритязательных»³.

В начале 1850-х гг. несколько немногочисленных молоканских общин появилось в некоторых селах Саранского, Ардатовского и Наровчатского уездов. Крупными центрами староверчества в мордовском крае этого периода были с. Покровское и д. Рыскина Наровчатского уезда. Односельчане относились к молоканам терпимо, так как сектанты жили замкнуто, вели образцово здоровый образ жизни, не вмешивались в приходскую жизнь. Несмотря на непонимание со стороны местного населения некоторых идейных основ молоканства, старообрядцы пользовались уважением у односельчан за свое трудолюбие, строгость нравов, начитанность. Уровень грамотности среди старообрядцев был довольно высоким⁴. Сами молокане, заметно снизившие пропагандистскую деятельность, не давали особых поводов к своему преследованию⁵.

Самой опасной сектой из всех, когда-либо существовавших на территории мордовского края в первой половине XIX в., было скопчество. Выделившись из среды «духовного христианства», скопцы сохранили многое из православного вероучения и культа, но основную идею христоверия – постоянное «ре-воплощение» Иисуса Христа в избранных людей – они заменили верой, что основатель их секты Кондратий Селиванов – Богочеловек. Для них высшее состояние нравственного совершенства было физическое оскпление, которое исключало всякую возможность грешить⁶.

¹ ГАПО (Государственный архив Пензенской области). Ф. 5. Оп. 1. Д. 2862. Л. 3, 4, 7–11.

² Самарина О. И. Общины молокан на Кавказе: история, культура, быт, хозяйственная деятельность. Дисс. канд. ист. н. – Ставрополь, 2004. – С. 47.

³ Плоткин В. А. Особенности сектантства Пензенской губернии в первой четверти XIX – начале XX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4, Ист. 2011. – № 2 (20). – С. 19.

⁴ Клибанов М. Русское православие: вехи истории – М., 1989. – С. 76.

⁵ Бахмутов Е. С. Указ. соч. С. 46.

⁶ Введенский С. Исторический очерк и характеристика скопческой секты в Симбирской губ. // Симб. Ев. – 1906. – № 17. – С. 534–540; № 18. – С. 578–584.

Первые представители скопчества появились на территории мордовского края в конце XVIII в. Очагом распространения скопчества в регионе стала д. Милютино Алатырского уезда – родина одного из идеологов скопчества богатого купца Семена Михайловича Милютинского.

С 1808 г. скопчество начинает распространяться в Симбирской губернии. С. М. Милютинский развернул агитацию в г. Алатыре, где он владел небольшой фабрикой по прядению шелковых поясов. К 1810 г. в городе сформировалась небольшая скопческая организация, или «корабль». Из г. Алатыря приверженцы скопчества стали распространяться в селах Ардатовского и Алатырского уездов. Появилось даже понятие «милютинская вера»¹.

Большую роль в формировании скопческой общины сыграла сестра С. М. Милютинского Наталья, отличавшаяся красотой, умом и знанием библейских текстов, которые толковала в пользу скопчества. Еще одним идеологом скопчества был родственник С. М. Милютинского унтер-офицер Кирилл Миронов. Выйдя в отставку, он в 1832 г. поселился в г. Алатыре, где и развернул свою агитационную деятельность.

К. Миронов ездил по селам Алатырского и Ардатовского уездов, где привлекал к себе новых учеников. Для увеличения численности сектантов он широко применял благотворительность, жертвовал деньги семьям, попавшим в трудное положение, широко практиковал «покупание» сторонников².

К 1845 г. представители скопческой секты были замечены в селах Миренки, Ичкис, Кладбищи, Стемас, Сара, Сурский Майдан, Кувакино, Порецкое Алатырского уезда и др. Скопцы внешне проявляли себя ревностными христианами: регулярно посещали храмы, выказывали почтительность к духовенству и светским властям. Притворное благочестие воспринималось сектантами как вынужденная жертва ради веры. Сам С. М. Милютинский и его ближайшие сподвижники имели репутацию образцовых прихожан. На самом деле скопцы не признавали священства, отрицали церковные ритуалы и службу, а после причастия обязательно топили баню, чтобы «смыть с себя святое таинство»³.

С. М. Милютинский пытался распространить скопчество среди мордвы, но столкнулся с большими трудностями. Это было связано с тем, что скопцам противостояли приходское православное духовенство, православные миссионеры и староверы, которые также вели свою проповедническую деятельность среди инородческого населения мордовского края, и светские власти. К религиозным проповедям «новоявленных пророков» мордва относилась с крайним недоверием и враждебностью⁴.

¹ Скопческие моления // Симб. Ев. – 1906. – № 19. – С. 597–604.

² Крыжин А. П. Опыт исследования скопческой секты в Симбирской губернии. – СПб., 1867. – С. 35.

³ Кельсиев В. Святорусские двоеверы // Отечественные записки. – 1867. – окт. – С. 583–619; Крыжин А. П. Указ. соч. С. 34.

⁴ Введенский С. Указ. соч. // Симб. Ев. – 1906. – № 17. – С. 534–540; № 18. – С. 578–584.

В 1851 г. власти предприняли решительные меры для пресечения деятельности скопцов. В с. Порецкое была выявлена секта скопцов из 50 человек, лидером которой был С. М. Милютинский. Были проведены массовые аресты. Следствие длилось около восьми лет. С. М. Милютинский не дожидаясь суда, умерев в тюрьме в 1857 г. Многие его упорные последователи были осуждены на «тюремное сидение» и ссылку в Сибирь¹.

Еще одним колоритным религиозным течением, получившим распространение в мордовском крае в конце XVIII – XIX вв., были «субботники» («иудействующие»). Они отвергали православную церковь и исповедовали иудаизм, жили замкнутыми религиозными общинами. Многие из них занимались мелкими промыслами и торговлей. На территории мордовского края в первой половине XIX в. община «субботников», состоящая из нескольких семей, располагалась в с. Кабаево Алатырского уезда Симбирской губернии².

Из других религиозных течений на территории мордовского края к середине XIX в. было зафиксировано христианство григорианского толка, исповедовавшееся несколькими армянами, и около 70 евреев исповедовали иудаизм. Серьезных проблем властям, духовенству и населению христиане западного образца, или «субботники» («иудействующие»), не доставляли³.

Руководство РПЦ не оставалось равнодушным к распространению старообрядческих сект в мордовском крае. Трудность работы со старообрядцами заключалась в том, что в этой среде шло постоянное брожение, местные староверческие начётчики охотно заимствовали идеи любых течений, толков и сект, от рационалистических до мистических. Другой проблемой была острая нехватка православных священников, которые могли бы противостоять сектантам, закалённым прениями и проповеднической работой. Кроме того, далеко не каждый приходской священник был в состоянии выявить скрытых сектантов среди своей паствы.

В этих условиях руководство РЦП поощряло миссионерскую деятельность, которую вело православное духовенство среди русскоязычного и инородческого населения региона. Архиепископ Симбирский Анатолий высоко ценил миссионерский дар отца Иоанна Раждаева, много времени и сил отдававшего работе среди раскольников Спасова согласия в конце 1840-х – 1850-х гг. Миссионерская деятельность отца И. Раждаева в Саранском уезде имела большой успех, число непримиримых раскольников значительно уменьшилось. Следует отметить, что сын и внук И. Раждаева также были православными священниками и продолжили дело деда в борьбе с сектантством в мордовском крае во второй половине XIX в. В 1850-е гг. в с. Мельцаны (Троицкое) Инсарского уезда получил признание за борьбу со старообрядцами местный священник Алексей Мельцанский⁴.

¹ Введенский С. Указ. соч. // Симб. Ев. – 1906. – № 18. – С. 580.

² Бахмутов Е. С. Указ. соч. С. 47.

³ Там же. С. 47.

⁴ Бахмутов Е. С. Указ. соч. С. 47.

Не оставались равнодушными к деятельности раскольников и светские власти. Анализ законодательных мер по отношению к сектантам позволяет сделать вывод о применении запретительно-карательных способов пресечения их распространения. Государство стремилось всеми доступными средствами сдерживать распространение сектантства.

Например, за обращение в язычество или иную неправославную веру предусматривалось уголовное преследование по статьям еще Соборного уложения 1649 г., отдельные положения которого действовали до 1832 г., по «Воинским артикулам» 1715 г. и «Уставам благочиния» 1782 г. Против секты скопцов широко применялись нормы законодательства о членовредительстве. Кроме непосредственно уголовного преследования, применялись меры социально-экономического характера. Указом от 8 ноября 1835 г. старообрядцы лишались права владения домовыми молельнями и вводился запрет на возведение новых молитвенных домов. Согласно правительственному распоряжению от 13 февраля 1837 г. сектантам запрещалось: 1) «записываться в купеческие гильдии, кроме прежде записанных, но и этим последним запретить переход в высшие гильдии»; 2) переходить в городское общество из крестьянского, «хотя бы они получили свободу от помещика», а «приписанным к городскому обществу <...> в другие общества»; 3) «иметь православных в услужении в домах, на фабриках и других заводах»¹. В 1842 г. последовал именной указ, запрещавший сектантам «приобретать крестьян от людей им равных»². С начала 1840-х гг. входит в практику посылка на места чиновников Министерства внутренних дел для изучения раскола и разработки конкретных мер против его распространения. В 1853 г. был образован новый Секретный комитет «для пересмотра постановлений о раскольниках и составления новых правил»³.

Борьба с сектантством занимала значимое место в деятельности РПЦ на территории мордовского края. Однако, кроме сектантства, которое было сравнительно новым элементом в духовной жизни региона, православному духовенству приходилось вести постоянную миссионерскую работу среди мордвы. Несмотря на несколько столетий христианизации населения мордовского края, среди мордвы по-прежнему были широко распространены отголоски языческих верований.

Но все же ведущая роль в духовно-культурной жизни региона в этот период принадлежала РПЦ. Показателем роста духовности населения мордовского края в первой половине XIX в. было разрастание существующих и появление новых обителей, численный рост монашества, строительство церквей и храмов в регионе.

В определённой мере конкурировать с православием пыталось старообрядческое сектантство. Оно, по мнению светских властей и духовенства, представляло серьёзную опасность в дестабилизации роли РПЦ на территории

¹ Собрание постановлений по части раскола. – СПб., 1858. – С. 241–242.

² Полное собрание законов Российской империи. Т. XVII. – СПб., 1871. – С. 237.

³ Собрание постановлений по части раскола. В 2-х т. Т. 1. – Лондон, 1863. – С. 270.

мордовского края, где коренное население в своих религиозных воззрениях сохраняло пережитки язычества. Однако раскол здесь отличался разобщённостью и малочисленностью. Влияние сектантства ограничивалось не только духовенством, но и правительством, которое путем применения жестких карательных мер стремилось противостоять распространению сектантства и иных неправославных конфессий в регионах Российской империи. В силу этого старообрядчество не оказало серьёзного влияния на духовную жизнь основной части населения мордовского края.

Л. Н. Лютов

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННАЯ ОПОРА СОПРОТИВЛЕНИЯ ДЕРЕВНИ РАСКРЕСТЬЯНИВАНИЮ. НАЧАЛО 1930 ГОДА (Ульяновский округ Средне-Волжской области)

С началом 1930 г. «социалистическая реконструкция» деревни вступает в завершающую стадию – стадию насильственной коллективизации, ликвидации крестьянства как социального слоя, породившего «капитализм», слоя с культурой, которая не вписывалась в прокрустово ложе идеологических установок правящей партийно-советской номенклатуры.

Крестьянство, сопротивляясь этому, обращается к традиционным для него духовно-нравственным ценностям, потускневшим в пору их огосударствления – религии, церкви. Региональной спецификой Ульяновского округа Средне-Волжской области было наличие на его территории нескольких религий, прежде всего, православия и ислама.

Уполномоченный Ульяновского окружкома ВКП(б) по посевной кампании в Кошкинском районе Соколов в своем отчете от 19 февраля 1930 г. указывал на то, что проведение хозяйственно-политических кампаний в начале года «вызывало резкое и в разных формах сопротивление кулачества, были срывы собраний, злостная агитация и подготовка к открытому выступлению». Например, в селе Мамыково готовилось «контр-революционное выступление к свержению сов. власти»¹, которое удалось предотвратить, благодаря информации «одного партизана чапаевца». Участники подготовки выступления – «бывший белый офицер, жандарм и кулаки» – были арестованы, дело передано ОГПУ. А вот в селе Новая Кармала собрание было сорвано требованиями об освобождении «кулаков и попа от целевых взносов» (кричали: «Поп нам нужен, долой насилие»). В селе Кошки «церковниками» распространялись листовки «явно контрреволюционного характера». В селе Старый Салаван в результате влияния «кельниц-монашек» из колхоза вышло семь хозяйств². В том же

¹ При цитировании сохраняется стиль, орфография и пунктуация документа.

² ГАНИ УО (Государственный архив новейшей истории Ульяновской области). Ф.3. Оп.1. Д. 777. Л. 80.

Кошкинском районе в селе Васильевка «контрреволюционную агитацию» обнаружил кустовой уполномоченный М. И. Долгих. Она выражалась в том, что «наряду со сбором задатков на трактора, производился сбор на церковь, и запись верующих с агитацией, что Советская власть в 1931 году лопнет и пойдет возрождение России». Группа (три «кулака» во главе со священником), занимавшаяся этим, была уполномоченным арестована, а у священника путем целевых обложений был отобран и дом. Сбор на церковь (10 копеек с души) и такая же агитация имели место в селе Тенеево¹.

Уполномоченный по Юмраткинскому сельсовету (Кошкинский район) «сельуполномоченный» И. Березенцев 14 февраля 1930 г., закладывая «фундамент социалистического сектора», «жалл безпощадно...» и докладывал своему начальству – председателю Кошкинского райисполкома: «Досадно то, что противниками колхоза являются особенно бедняки. Прямо ужас»². Сельуполномоченного раздражало и то, что жители села «опасаются нового, для них не виданного», и то, что «разширение упирается еще в то, что чрезвычайно дикий и темный народ» оказался в Юмратке, верящий «всевозможным нелепым слухам распускаемых классовым врагом: кулаком, религиозником фанатиком и монашками понаехавшим сюда не мало». Однако с такими людьми сельуполномоченный поступал решительно. Так, «одного фанатика Мотова отправил в Р.А.О. (районный административный отдел. – Л.Л.)» с просьбой «задержать до окончания сева, даже судить так как кроме разлагающей работы в с. Емуратке [Юмратке] раз'езжал по селам М. Максимкино [Малое Максимкино] и Ст. Максимкину [Старое Максимкино]»³.

Нежелание крестьян вступать в колхоз уполномоченные обычно связывали с противодействием классового врага – «кулаков». Так, уполномоченная по проведению посевной кампании в Мелекесском районе Крюкова, которую РИК направил в село Суходол и где она вместе с другим уполномоченным – председателем кустового объединения колхозов – проработала до 24 января 1930 г.⁴, указывала в докладной записке: «Много времени нам пришлось потратить на борьбу с классовым врагом, который принимал все меры к срыву колхозного строительства в селе». При этом она сетовала, что «кулак открыто почти не выступал, но смело действовал через женщин и церковь»⁵. После того, как колхоз с характерным «крестьянским» названием «Пролетарский путь» был в селе «оформлен», уже через несколько дней в сельсовет с заявлениями о выходе из него «артелями» пошли женщины. По мнению уполномоченной, это было результатом того, что «церковники пустили агитацию, что конец церкви и людям пришел». По ночам в церкви началось богослужение, люди причащались, исповедовались – готовились к Страшному суду. Утверждали,

¹ Там же. Л. 50.

² Там же. Л. 52.

³ Там же. Л. 52 об.

⁴ Там же. Д. 778. Л. 66.

⁵ ГАНИ УО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 777. Л. 67.

кто «замешан в колхоз тот не избежит печати антихриста». Церкви уполномоченные ответили тем, что «было предложено уплатить страховку и пром. [ысловый] налог» (всего более двух тысяч рублей). Церковный же совет ночью, без разрешения сельсовета, проводил в церкви собрание верующих, которое «выносит постановление о сборе этих средств с населения». Уже ранним утром к сбору со словами «за спасение божьего храма и самих себя» приступили 11 человек. Как только об этом узнали уполномоченные, тотчас по селу поехал председатель сельсовета и пресек сбор, арестовав списки дававших и собранные деньги. А в девять вечера по селу прошел слух, что из Ульяновска приехали закрывать церковь. Около нее сразу же собралось много женщин («старух», по мнению уполномоченной). В ответ вечером же уполномоченные собрали кандидатскую группу, где наметили «разоблачить действия церковного совета на бедняцких и женских собраниях, школьном совете, пленуме сельсовета». И «беднота» в принятых резолюциях осудила действия церковного совета, отметив, что «эти действия контрреволюционные, они направлены на срыв колхозного строительства». На некоторых же своих собраниях маргинальные слои крестьянства, воспринявшие классовую «мораль», «требовали попу и церковному совету высшей меры наказания». А деньги – около 500 рублей – не ими собранные, приверженцы новой коммунистической «морали» постановили отдать в качестве задатков на трактора. Женщины села, оправдывая действия церковного совета, уходили с собрания, на котором голосовали за этот грабеж. Даже делегатское собрание женщин поначалу оправдало «церковников». Однако уполномоченная была настойчива, и после «разъяснений и спора» она добилась-таки своего – сознательные делегатки «присоединились к решениям бедняцких собраний». Общих же женских собраний по этому вопросу уполномоченные решили не созывать, а созвать «бедняцко-средняцкие женские собрания». И «женский бедняцкий актив» не подвёл. Более того, «женские бедняцкие собрания дружнее мужских голосовали за осуждение церковников»¹.

Возникновению в деревне атмосферы нетерпимости способствовали методы коллективизации. Не вступившим в колхозы назначали такие целевые взносы, что они их не могли внести ни при каких условиях, а в этом случае их имущество описывалось и выставлялось на «торги», запугивали и тем, что у не вступивших в колхоз заберут скот. При сборе семян в селе Юреево неукоснительно выполнялась директива местного руководства – «берите под метелку», хозяйству оставляли лишь два-три пуда. В коллективизаторском угаре не церемонились и со священниками. В селе Новая Кармала, через речку от Юреево, коллективизаторы «отобрали мед у попа и съели его коллективно»².

Уполномоченные Киселев и Зиновьев запугивали крестьян села Новое Фейзуллово: «Хотите советский путь, а кто не пойдёт – на Китайскую грани-

¹ Там же. Л. 67 об.

² ГАНИ УО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 777. Л. 40.

цу попадет, или сошлют в Северный край». Местные «коллективизаторы» не учитывали религиозные чувства, культурно-бытовые особенности татарского населения этого и других сел. А это вело к «ошибкам». Так, на обсуждение были поставлены вопрос о выселении мулл вместе с «кулаками» и предложение Зиновьева идти на собрание в мечеть¹.

Религиозные институты разных конфессий стали не только основой нравственной консолидации, но и организующей опорой противодействия крестьянства коллективизации, осуществляемой комвластью. В селе Старая Бесовка (Новомалыклинский район) действовавшие там работники ОГПУ через спецаргента, посланного в сельский храм, узнали, что в село «сведения о предстоящем выселении уже просочились», а также и то, что «поп во время службы заявил: “По постановлению церковного совета необходимо провести перерегистрацию верующих, сегодня 28-го, кто сейчас отсутствует, того оповестить, собирайтесь в церкви, мы ударим в набат”». Местная власть, по мнению огпушников, «дала слабину», разрешив собрание с набатом. Они, полагая, что «поп не зря назначает собрание именно на 28», запретили его проведение².

Во второй половине марта 1930 г. на страну и на Ульяновский округ в результате «головокружительных успехов» в деле «соцреконструкции» деревни, достигнутых местным аппаратом власти, направляемым центральной, обрушилась волна антиколхозных настроений. Они проявились, прежде всего, в исходе крестьян из колхозов, который в округе начался с 14 марта, хотя уже и зимой имелись отдельные случаи подачи крестьянами заявлений о выходе из колхозов³.

Вследствие противодействия местной власти этому процессу, которое напоминало крестьянам о насилии, чинимым над ними в начале года, в округе – в период «отлива-прилива» после периода «бури и натиска» в колхозном строительстве⁴ – повсеместно происходили «события». Этим эвфемизмом власть смягчала различные проявления антиколхозных выступлений крестьян вплоть до массовых волнений. И церковь была важным компонентом этих «событий».

Процесс массового выхода из колхозов получил отражение, в частности, в «совершенно секретных» ежесуточных сводках райкомов ВКП(б). Они должны были поступать в окружном ВКП(б) к установленному им «сроку подачи» – к 9 или 10 часам вечера, и просрочка, если и была, то не превышала 30 минут (наряду со сроком подачи в сводках отмечалось и время фактического их получения).

В сводке за 14 марта 1930 г. секретарь Тагаевского райкома ВКП(б) Зайцев в разделе «О выходах из колхозов» (по 13 колхозам) сообщал в окружной штаб

¹ Там же. Л. 89.

² Там же. Л. 56.

³ Там же. Л. 31, 80.

⁴ По представлениям местных аппаратных работников колхозное строительство в начале 1930 г. имело несколько «периодов»: период «бури и натиска» (продолжался с начала насильственной коллективизации до возникшего «головокружения от успехов»), период «отлива-прилива» (с момента фиксации «головокружения от успехов» до 25 марта), период «стабилизации» (после 25 марта).

«обобществителей» о ходившем по району предостережении не только об экономических, но и о духовно-нравственных последствиях обобществления жизни деревни: «Если вступишь в колхозы закроют церкви»¹.

В сводке Промзинского райкома ВКП(б) за 17 марта указывалось, что в селе Болтаевка «распространяется религиозное письмо», которое «усиленно переписывается» (сразу же туда был направлен следователь)². Еще активнее религиозно-нравственный фактор в сопротивлении крестьян коллективизации проявился в селе Ирзянь («религиозно-фанатичное село» – характеризовал его райком). После того, сообщила местная комвласть, как «на днях из Округа отпущен поп и к нему собираются из всех сел религиозники», село оказалось центром, объединяющим крестьян района в их противодействии коллективизации³. А в сводке от 24 марта отмечалось, что по району имелись «ряд требований об открытии церквей». И... райисполком «решил открыть церковь в с. Сыреси»⁴.

Сводка Астрадамовского райкома ВКП(б) по состоянию на 15 марта сообщила о задержании в селе Александровка священника, который «был сдан Уполномоченному ОГПУ, но он его освободил». Тем не менее, «за освобожденным священником ведется наблюдение», а «следственные органы собирают сведения», информировала, перестраховываясь, местная комвласть. В другом селе района – Чилим – был отмечен «случай, жена попа ездила в Москву и видимо имеет определенное задание, агитировать против колхозов». И по этому случаю, заверял райком ВКП(б), «меры принимаются»⁵ тоже. Меры, принятые властью, имели «зимний» (репрессивный) характер. В сводке за 19–21 марта партруководство района рапортовало: «взяли попа, отправили в Ульяновск, жена осталась»⁶. Неопределенность, как и в других районах округа, порождала слухи, которые имели не только антиколхозную направленность, но и религиозно-нравственную. При этом крестьяне, видимо, не делали конфессиональных различий: в качестве защитницы воспринималась не только православная, но и римско-католическая церковь. Так, сводка Астрадамовского райкома ВКП(б) по состоянию на 17 марта сообщала: «Есть слухи, что папа Римский идет и будет воевать и вешать колхозников⁷, что и влияет на колхозное движение»⁸.

¹ ГАНИ УО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 780. Л. 32, 32 об.

² Там же. Л. 85.

³ Там же. Л. 85 об.

⁴ Там же. Л. 152 об.

⁵ Там же. Л. 75 об.

⁶ Там же. Л. 121 об.

⁷ 8 февраля 1930 г. Пий XI в письме кардиналу Помпилиу осудил христианские гонения в СССР. 19 марта 1930 Пий XI отслужил специальную мессу в поддержку преследуемых католиков СССР, осудил убийства священников и «моральное развращение молодежи», что было проинтерпретировано Москвой как объявление «крестового похода» против СССР (http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B8%D0%B9_X1). Видимо, глава римско-католической церкви воспринимался как защитник всего христианства, а остававшиеся в колхозах – как поддерживающие безбожную власть, гонения христианства, как порывающие с традиционной нравственностью.

⁸ ГАНИ УО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 780. Л. 86 об.

В сводке Багдашкинского райкома ВКП(б) за 14 марта отмечалось, что «ведется сильная кулацкая агитация, также сектантами противоколхозная среди женщин»¹. В селе Старые Алгаши 15 марта появились слухи, а среди женщин разговоры (несмотря на принятие нового Устава), в которых наряду с экономическим негативом в околхозивании сельской жизни выделялся социально-нравственный, религиозный: «...Отнимут детей от матерей, а церкви закроют...»². Чтобы приостановить бегство из колхозов³, районные власти пытались запугать даже помогавших крестьянам с составлением заявлений о выходе из колхоза. В отношении «выявленных лиц, писавшие заявления о выходе» в селе Чириково, а среди них «подозревается поп МИХАЙЛОВ или же под его диктовку пишет заявления ВОЛЫНЩИКОВ брат раскулаченного», применялись репрессии⁴. 17 марта Богдашкинский райком ВКП(б) констатировал: «активных выступлений нет», но подспудное недовольство никуда не исчезло. Проявлялось оно и в частых «подпольных собраниях». Так, молодежь села Старые Алгаши «выявила», что 16-го ночью «было подпольное собрание сектантов», которое «проходит часто». И это на фоне того, что вечером 17 марта с «официального» собрания «по принятию нового Устава ушло 60 человек не считая себя членами колхоза, ссылаясь на то, что не были на организационных собраниях». 17-го же руководительница «подпольного собрания» была арестована⁵.

Безрезультатность усилий местной власти остановить отток из колхозов фиксировала сводка Богдашкинского райкома ВКП(б) за 22 марта 1930 г. В продолжавшейся «массовой подаче заявлений о выходе» сводкой отмечалось «заметно сильное движение женщин». Неприятие колхозов принимало организованный характер. В этом важную роль играла церковь (без различия вероисповеданий). Крестьянский мир искал в ней нравственную опору в противостоянии власти, разрушавшей его. В сводке было отмечено, что жители «с. Н.[ижние] Тимеряны ходят в гости и в мечеть», а в «Н.[овых] Алгашах церковь посещают приезжие крестьяне»⁶.

Сводка Ульяновского сельского райкома ВКП(б) за 18 марта фиксировала продолжавшийся в районе выход из колхозов. И хотя «серьезных выступлений» не было, однако на проводимых собраниях имели место «разговоры, о не нужности колхозов», и выдвигалось, по сути, духовно-нравственное «частичное требование о восстановлении церквей»⁷. Сохранение религиозно-нравственных устоев крестьянского мира укрепляло антиколхозное движение, и оно не ослабевало. Так, сводкой Ульяновского райкома ВКП(б) за 22 марта упоми-

¹ Там же. Л. 35.

² Там же. Л. 77.

³ Богдашкинский райком ВКП(б), отмечая в сводке за 16 марта переход на новый устав 24 колхозов района из 27, констатировал их продолжающийся распад (см. Там же. Л. 62.).

⁴ Там же. Л. 62.

⁵ Там же. Л. 108 об.

⁶ ГАНИ УО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 780. Л. 133 об.

⁷ Там же. Л. 104.

налось село Кашинка, где «развилося сильное религиозное движение, разлагающее работу колхозов». В частности, сообщалось, что «на днях в Кашинке проводилось собрание по постановлению ОК и ЦК ВКП(б), настроение было хорошее. Непосредственно после собрания стали поступать заявления об обратном приеме в колхоз». Но тут, «религиозники собрали собрание своего актива, ходили по селу под предлогом переписи верующих, в результате их деятельности прекратился приток заявлений об обратном приеме и были попытки троих уйти из колхоза». Инициаторов быстро выявили. Ими оказались... «бедняк и беднячка»: Як. Меседов, он же «был и церковным старостой», и П. Мучина, которая «до революции имела механическую мельницу». Незамедлительно «о деятельности этих лиц» было «сообщено в РАО»¹.

Сводкой Поповского райкома ВКП(б) за 14 марта 1930 г. было отмечено, что хотя по району «массовых выступлений не было», но активное противодействие колхозному движению оказывали, помимо «кулаков», «религиозники». В селе Лукино, где имелся колхоз «Свяга», «кулак АБАЕВ собирал подписку у крестьян и агитировал о выходе из колхоза», а председатель церковного совета, «женщина беднячка – на ряде собраний выступала очень яростно против колхоза, сама из колхоза вышла»². Выходы из колхозов в районе продолжались, несмотря на появление нового колхозного устава. Так, в колхозе «Красная вышка» (село Белое Озеро) только за вторую половину дня 23 марта, это «после того, как проработали в течение 2-х дней решения ЦК и ОК ВКП(б)», вышли 123 хозяйства. Такая активность крестьян опиралась не только на «проработку» партдокументов, но и «агитацию» священника, т.к. «23 марта выходов из колхоза до обедни не было». С «агитацией» даже «на Игнатовскую (суконную. – Л.Л.) фабрику пришла группа женщин с попом и ходят по домам»³.

Нравственно-религиозный фактор, влиявший на выход из колхозов, был основным и у крестьян Сенгилеевского района. По мнению местного райкома ВКП(б) (его сводка «по состоянию колхозов» на 15 марта 1930 г.): «Причина подачи заявлений вообще по колхозам, происходит на антирелигиозной почве (т.е., в результате антирелигиозной политики власти. – Л.Л.)». Отмечалось, что «по селениям распространяются листовки, так называемые “божье письмо”, которое появилось из пределов Сызранского Округа. Листовки распространяются под лозунгом “спасайте веру и церковь”». Ответственный секретарь райкома ВКП(б) Долгов приводил пример и более активных действий против безбожной коллективизации и участвующих в ней. Так, в селе Тушна «колхозники в церковь не допускаются и у дверей церкви поставлен сторож»⁴. В сводке за 17 марта ОК ВКП(б) информировал им о продолжавшемся в районе распространении «божьих писем». Этому содействовал порядок – «прочитай,

¹ Там же. Л. 157.

² Там же. Л. 36–36 об.

³ Там же. Л. 150 об.

⁴ ГАНИ УО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 780. Л. 80.

сними копию и передай другому». Были и «устные распространения, – больше на тему статьи т. СТАЛИНА»¹.

Сопrotивление коллективизации в Карсунском районе, как и в предыдущих районах округа, также покоилось на нравственно-религиозных началах. Об этом говорит райкомовская сводка за 17 марта. В селе Зимненки (колхоз имени Яковлева) председатель церковного совета Горбунов «выбросил лозунг»: «Кто верит в бога, кто против войны и крепостного права тот переходит на нашу сторону». В ответ местным уполномоченным была «вскрыта группа кулаков и зажиточных. 8 человек арестовано. Материал направлен в следственные органы»². Именно в священнослужителях местные власти видели организаторов сопротивления крестьян коллективизации. Так, кроме того, что «поп» села Мордово-Белый Ключ «в церкви во время исповеди начинает с колхозов “в колхоз не ходи, бог вне колхозов”», он в антиколхозных целях ездил в село Зимненки и «установил связь с попом с. Ермоловки, который после этого провел перепись верующих». Райкомом ВКП(б) было «установлено участие попа с. Мордова в руководстве подпольным собранием против колхозов»³. В татарском селе Уразовка, информировала сводка Карсунского райкома ВКП(б) за 18 марта, не только «самовольно сменили Пред. Сельсовета (он же и председатель колхоза. – Л.Л.), заявив ему, что “коммуниста им в колхоз не надо, и нам нужно посадить своего человека”», но и на общем собрании 15 марта выбрали комиссию, которой поручили осмотреть «занимаемый Красным Уголком дом (бывший муллы), после осмотра означенного дома Кр. Уголок выгнали и вселили мулду». После этого «кулаки» стали выгонять колхозников из занятых ими своих домов и вселяться в них. В ответ райкомом ВКП(б) незамедлительно были приняты меры – «на место высланы Нач.[альник] РАО и Следователь»⁴.

На 25 марта крестьяне некоторых сел (в частности, села Вырыпаевка) ожидали восстания. В силу этого растёт нравственно-религиозный авторитет священников. В сводке райкома ВКП(б) за 19–21 марта указывалось, что когда в село Чуфарово «приехал поп неизвестно откуда, Чуфаровский церковный совет встречал на тройке, попа поместили в б. Красным Уголке (около церкви)»⁵.

Сильные антиколхозные настроения, опиравшиеся на нравственно-религиозные основы, сохранялись в Карсунском районе и далее. Из сводки на 24 марта 1930 г. следовало, что из села Мордово-Белый Ключ «приезжала делегация женщин с требованием отпустить им попа (поп взят Уполномоченным ОГПУ дня три назад)». В райкоме ВКП(б) полагали, что с «приездом нового попа» в село Чуфарово был связан выход из

¹ Там же. Л. 93 об.

² Там же. Л. 89.

³ Там же. Л. 89 об.

⁴ Там же. Л. 110.

⁵ ГАНИ УО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 780. Л. 114.

колхоза 85 хозяйств, хотя 21 марта там был принят новый устав, которой «подписали 106 х-в»¹.

Различные религиозные конфессии оказывали не только духовную поддержку крестьянству, сопротивлявшемуся тотальному разрушению его мира, традиционной морали. Они смогли стать организационной опорой сплочения и противодействия раскрестьяниванию, и во многом потому, что священнослужители были вместе с народом, а не со властью.

НИИ

истории и культуры

¹ Там же. Л. 154.

имени Н.М. Карамзина

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Г. М. Шигабетдинова (Ульяновск)

КУЛЬТУРА РЕФЛЕКСИВНОГО ПАРТНЁРСТВА ЛИЧНОСТИ В ЛОГИКЕ МЕДИАТИВНЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ценности региональной культуры имеют большое значение для жизнедеятельности и сохранения наследия региональной системы. Научные исследования в области культуры направлены на изучение того, как различные общества упорядочивают свое культурное пространство, свои переживания и отношения в разных областях, на выявление соответствующих им символических систем. Нередко подобную систему обозначают когнитивной, неким источником знаний, необходимых членам общества для совместного существования, осваиваемых в процессе инкультурации. Поэтому неслучайным становится определение культуры как индивидуально-типичной когнитивной системы, состоящей из знаний, верований, ценностных представлений, а также правил их организации. А фундаментальным способом познания людьми себя и своего окружения становится индивидуальный опыт.

Территориальная идентичность является результатом отождествления «Я – член территориальной общности». Н. А. Шматко и Ю. Л. Качанов указывают, что каждый индивид обладает образом «Я – член территориальной общности», который вместе со способом соотнесения (сравнения, оценивания, различения и отождествления) образа «Я» и образов территориальных общностей образует механизм территориальной идентификации¹.

Модернизация, развернувшаяся в России, актуализировала имевшее место в истории русской культуры столкновение двух субкультур – консервативной, тяготеющей к воспроизводству общинно-самодержавной культурной архаики, и инновационной, тяготеющей к модернизации общества на основе ценности личности и индивидуальных отношений. В художественной литературе развернулась критика архаики русского человека как субъекта русской культуры и как сдерживающего фактора модернизации. По мнению А. П. Давыдова, исследователя роли «срединной культуры» в русской литературе первой половины XIX века, появились образы, оценивающие русскую субъективность как социальную патологию. Популярными стали высказывания типа: это общество, в котором господствует «зверь», «хищник», «лихой человек» Новикова;

¹ Шматко Н. А., Качанов Ю. Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // СоцИс. – 1998. – № 4. – С. 96.

«общество, проклятое Богом» Фонвизина, общество, в котором доминирует «животное» начало Крылова; «фамусовское общество» Грибоедова и т.д. Возражая таким однобоким, разрушающим связи высказываниям, и особо подчёркивая роль А. С. Пушкина, А. П. Давыдов отмечает, что в творчестве поэта рождалось новое, личностное представление о субъекте. Это представление складывалось особым образом – через формирование новых, «срединных» форм культуры в «сфере между» полюсами-абсолютами¹. Вот тот путь, гениально открытый А. С. Пушкиным, который становится одним из направлений изучения культуры, а именно: поиск в ней культурных форм, несущих в себе более эффективную воспроизводственную логику культуры. Открытие таких форм, их осознание, убеждён исследователь, оказывает влияние на развитие современного общества.

Собственно само понятие «срединная культура» в начале XX века введено Н. А. Бердяевым². А. С. Ахиезер в разработанной им концепции социокультурной динамики общества опирается на понятие «срединная культура» и в качестве основных категорий, описывающих механизмы социокультурных изменений, называет понятия инверсия и медиация³. Инверсия – логика оперирования внутри дуальной оппозиции, полярной смены значений, метания между крайними смыслами, логика статики, сохраняющая традиционную меру взаимопроникновения смыслов полюсов, абсолютизации полярностей. А. С. Ахиезер, объясняя инверсионную логику, считает ее выражением синкретизм, когда субъект не выделяет в явлении отдельные его элементы. Господство инверсии в целом означает преобладание готового, сложившегося опыта над рождением новых культурных смыслов и образцов, преобладание статики, простого типа воспроизводства над динамичным. Ей противоположна медиация (тип логики, на котором вырастают культура и формы социальной жизни, представляющие собой уход от полярных состояний) – способ развития, основанный на синтезе, примирении противоположностей, их взаимопроникновении. Такой способ обеспечивает выход за рамки сложившихся дуальных оппозиций и «наращивание» нового содержания культуры⁴.

Русская литература первой половины XIX в., согласно А. П. Давыдову, не случайно завоевала всемирное признание и получила статус великой. Писатели анализировали то, что можно назвать человеческой реальностью, рефлексией, то есть, изучали понимание человеком жизни, осуществляемое через формы культуры. Глубина и точность видения писателями человеческой реальности в

¹ Давыдов А. П. Проблема срединной культуры в российской цивилизации // Российский цивилизационный космос. – М.: Издательство «Эйдос», 1999. – С. 25–62; Давыдов А. П. «Духовной жаждой томим». А. С. Пушкин и становление «срединной культуры» в России. – М., 1999; Давыдов А. П. Массовый утилитаризм как импульс динамики общества // Общественные науки и современность. – 1998. – № 6.

² Бердяев Н. Судьба России: опыты по психологии войны и национальности. – М.: Мысль, 1990. – 205 с.

³ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта: в 3 т. Т. 3. – М.: ФО СССР, 1991. – С. 371.

⁴ Там же. С. 186.

России, путей её дальнейшего развития создала в российской культуре такой анклав, продвинутость которого до сих пор во многих отношениях остаётся непревзойденной. Добавим, что региональная культура, к каковой мы относим культуру Симбирского–Ульяновского края, содержит в себе огромный потенциал срединной культуры. Адекватно осмысленная логика мышления великих писателей, меценатов, коллекционеров может стать тем необходимым дополнительным цивилизационным ресурсом, который поможет обществу повысить уровень своего самопознания, осмыслить новые пути своего выживания и развития.

Следует обратить внимание ещё на один аспект обсуждаемой проблемы. Региональная идентичность – часть социальной идентичности личности. Для региональной идентификации принципиально важным является представление о территориальных связях – связях, возникающих на основе совместного или соседского проживания членов социальных групп различного масштаба и различной культурной идентификации. Укрепление связей между поколениями, социальными группами, этносами невозможно без развития срединной культуры личности.

Осознание различий между группами общественности увеличивает потребность достижения понимания между взаимодействующими сторонами через дискурс. Необходимость выстраивать диалогическое взаимодействие повышает ответственность самого человека за свои поступки, за умение социально грамотно строить свое поведение. Это обуславливает повышение значимости культуры личности¹. В данном контексте мы рассматриваем значимость развития культуры партнёрства у молодежи. Полагаем, что овладение культурой конструктивного взаимодействия будет способствовать укреплению различных связей личности, в том числе будет способствовать формированию её региональной идентичности.

Мы исходим из того, что построение партнёрских отношений должно происходить на основе осознания своих действий, действий партнера, т.е. на основе рефлексии личности. Мы вводим понятие культура рефлексивного партнёрства. Понимаемая нами культура рефлексивного партнёрства личности – интегральная характеристика личности, представляющая собой способность к равноправному симметричному конструктивному взаимодействию на основе осознания себя, ситуации и партнёра по взаимодействию.

Нами проведено эмпирическое исследование (n, 203) в форме эссе на тему «Как вы понимаете партнёрство?» среди студентов инженерных, экономических и гуманитарных направлений подготовки. Контент-анализ работ позволил выявить и оценить специфические характеристики высказываний респондентов. Во всех эссе подчёркивается значимость партнерства как гуманистической ценности, необходимость выстраивания партнёрских отношений как в дело-

¹ Конев В. А. Философия культуры и парадигмы философского мышления // Философские науки. – М., 1991. – № 6. – С. 16–30.

вой, профессиональной, так и в личной сфере. При этом студенты отметили сложность в построении и поддержании партнёрских отношений, поскольку нередко один из партнёров нарушает нормы взаимодействия, пренебрегает принципами партнёрства (равноправия, взаимовыгодности, диалогичности, открытости и гласности в действиях партнёров). Ранее выработанные партнёрами и принятые положения по-разному могут быть проинтерпретированы партнёрами в ходе непосредственного взаимодействия.

Культура рефлексивного партнёрства как своего рода проекция срединной культуры связана с умением индивида дифференцировать логику инверсий и логику медиации; критически и творчески преодолевать в своем мышлении влияние бинаризма, выходить за рамки сложившихся дуальных оппозиций и «наращивать» новое содержание культуры. Культура рефлексивного партнёрства основывается на «плюрализме понимания», готовности осознать и принять «инаковость» другого¹. Процесс мотивации к выбору конструктивных стратегий взаимодействия в кооперативной деятельности партнёров тесно связан с ценностным сознанием личности, отражающим значимые отношения человека и многообразные условия его жизнедеятельности. От того, как строятся взаимоотношения в системе партнёрства, зависит эффективность партнёрского взаимодействия. Субъекты партнёрства взаимодействуют на основе общих целей и ценностей, формируя и поддерживая во время совместной деятельности межличностные коммуникации. Нравственная сущность требований, предъявляемых к субъектам взаимодействия, выражается в характере взаимоотношений партнёров. Этические нормы и принципы, согласованные и принятые партнёрами, обеспечивают взаимодействие между ними и за пределами данной системы партнёрства – с другими субъектами взаимодействия. Среди этических принципов партнёрства мы выделяем гуманизм, личную ответственность за принятие решений, соблюдение равенства, свободы, автономии.

Процессы инкультурации личности, которая протекает на протяжении всей жизни человека, интенсивнее всего происходит в студенческие годы, когда высока концентрация интеллектуальной информации, нуждающейся в отборе, рефлексии, усвоении. Процесс социализации в период обучения в вузе связан с получением профессиональных знаний, процессом активного межличностного взаимодействия, включения в различные виды социальных практик.

Человекотворческая природа культуры состоит в её способности воспроизводить человека во всей его целостности и всесторонности. В процессе интeриоризации культурных ценностей и смыслов человек обретает способность осуществлять выбор, он способен конструировать альтернативу выбора. Он не только осваивает предшествующую культуру, но и становится способным создавать новые культурные ценности. И в этом процессе меняется сам. Дей-

¹ Bridges David. Education and the Possibility of Outsider Understanding // Ethics and Education. 2009. – Vol. 4. – № 2. – P. 105–123.

ствительным содержанием культуры становится развитие сущностных сил самого человека. «Медиальные» смыслы в русской культуре, берущие начало с А. С. Пушкина, призваны формировать у молодёжи подлинные ценности – связи со своей малой и большой родиной.

Т. А. Парфенова

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЁЖИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Колоссальные масштабы России, её разнообразие природных богатств и положение на границе разных культурных миров предопределили особую сложность формирования и развития российского общества. Миграция народов, их смешение и расселение, этническое, конфессиональное объединение и территориальное разделение стали ключевыми факторами в пространственной дифференциации и регионализации России. Российские регионы – Поморье, Север, Сибирь, Поволжье, Урал, Приморье, Северный Кавказ и др. – представляют собой масштабные территории с нечёткими границами, но сложившейся системой хозяйствования, экологии, социально-духовных отношений и ментальностью, уникальной самобытностью. Границы этих региональных пространств определяются чувством этнической самости живущих в них людей. Фактором развития и существования социально-культурного единства общества и его гражданской проактивности является знание и актуализация особой ментальности регионов.

Поволжье – регион, обладающий специфической ментальностью. Неотъемлемая часть российского цивилизационного пространства, она, в то же время, обладает огромным потенциалом саморазвития. Поволжье – уникальный регион, расположенный на площади 1 млн км², объединяющий сегодня 14 субъектов РФ с населением 30 млн человек, которые составляют представители более 100 народностей.

Региональная идентичность – одна из многих идентификаций, наряду с национальной, этнической, культурной, профессиональной и т.д., совокупность которых и образует идентичность человека. Региональная идентичность человека – это представления человека о себе в сопоставлении с общностью, локализованной в части социально освоенного пространства мира. Основой для региональной идентичности человека является региональная идея, или концепт региона, то есть, та идея отличительности и социальной общности, которая формируется в процессе проживания и освоения людьми определенной территории¹.

¹ Григорьева Н. В. Иерархия территориальных идентичностей в различных возрастных группах населения Псковской области (по итогам социологического исследования весной 2008 г.) // Псковский регионологический журнал. – № 7. – Псков: ПГПУ, 2009. – С. 41–47.

Наряду с региональной идентичностью существует и территориальная, к одному из уровней которой её традиционно относят. Хотя одновременно в бытовом сознании региональная идентичность ассоциируется с этнической идентичностью. Национальную же идентичность будет правильнее отождествлять с государственной идентичностью. Появление в научном мире в конце XIX века в Европе концепции «нация–государство» предопределило иерархическую взаимосвязь перечисленных понятий, которая представлена в таблице 1.

Таблица 1

Иерархия территориальной, политической и этнической идентичностей

Уровень идентичности	Территориальная идентичность	Политическая идентичность	Этническая идентичность
Верхний	Наднациональная	цивилизированная	Метаэтническая
	Национальная	Государственная	Собственно этническая
Средний	Региональная		Субэтническая
Нижний	Локальная		Этнографическая

В кризисной ситуации того или иного государства региональная идентичность может составить конкуренцию национальной идентичности и, получив политический оттенок, поставить под угрозу гражданское единство страны. Считается, что в стабильный период в государстве с устойчивой национальной идентичностью региональная идентичность не выходит на первый план в иерархии территориальных идентичностей и обнаруживается в некоторой системе ценностей и норм жителей региона, в местном фольклоре, преданиях, мифах, местной интерпретации истории всей страны и т.д.¹

Региональная идентичность российского человека, с одной стороны, сосредотачивает жизнь человека и сообщества в определенной местности, делает эту жизнь естественной, доступной и безопасной в своей локальной среде. С другой стороны, в процессе региональной идентификации в рамках российского государства постоянно происходит сравнение одних регионов с другими. Вместе с этим принадлежность к определенной части позволяет индивиду и обществу находиться в разных взаимосвязях с более крупным географическим и социальным пространством всей страны, ощущать свое место в системе социальных отношений².

География, климатические особенности, социально-политические отношения и история региона определяют сущностную характеристику региональной идентичности, которая по своей сути может быть сведена к осознанию индивидом своей принадлежности к конкретному региону. Региональная

¹ Зеленецкая Т. И. Формирование региональной идентичности в образовательном пространстве: автореф. дис. ... канд. соц. наук. – Екатеринбург, 2005. – С. 18.

² Щербина Е. Н. Развитие этнорегиональной идентичности учителя начальной школы в процессе высшего педагогического образования: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Ростов н/Д, 2007. – 22 с.

идентичность как явление двуединое проявляется во внешних и внутренних характеристиках. Внешняя составляющая региональной идентичности показывает себя в отождествлении жизнедеятельности индивида с социальными смыслами того регионального пространства, в котором он находится. Соотнесение себя и своего жизненного пути с духовной составляющей региона, а именно интеллектуальными, эмоциональными явлениями и их материальным наполнением – есть внутренняя региональная идентичность человека.

Концептуальной основой системы сложной взаимосвязи внутренних элементов региональной идентичности является дихотомическая идея региональных сходств и отличий, которая реализуется в рамках связи «Мы – Они». Концепция «Мы – Они» осуществляет отождествление ценностной сферы человека с общей стратегией жизни в регионе, а также формирует у человека представление о целостности и самобытности самого региона. К составляющим региональной идентичности относят пространственно-временные, этнические, религиозные, политические и экономические отношения, образ «Мы», образ «Они», универсальную символику.

Региональная идентичность выполняет ряд функций, способствующих адаптации индивида к обществу и самоорганизации личности. К функциям региональной идентичности относят когнитивную, адаптивную, эмоционально-ценностную, регулятивную. В процессе региональной идентификации личности в обществе происходит усвоение знаний о тождественности и различиях региона, социальных норм поведения и общения. Реализация эмоционально-ценностной функции удовлетворяет потребности личности в принадлежности и уникальности. Регулятивная функция дает возможность контролировать поведение и взаимоотношения носителей идентичности, жителей региона¹.

Единство российского сообщества напрямую зависит от сохранения, развития и приумножения культуры каждой этнической группы. В любой исторический период развития общества важна роль государства и власти во возвращении и развитии социально-культурного прогресса общества. При этом развитие системы ценностей должно ограничиваться некими этнокультурными стандартами, поскольку социальная система конкретной общности тождественна себе лишь потому, что отличает себя от всех остальных. Традиционным способом формирования идентичности гражданина своего государства считается образование. В последнее время в российской науке возрастает интерес к национальной педагогике и феномену региональной культуры в контексте педагогического знания. Многие современные исследователи – В. П. Борисенков, Г. И. Батурина, Г. М. Борликов, Г. Н. Волков, Д. А. Данилов, А. Э. Измайлов, К. Ж. Кожрахметова, О. Д. Мукаева, И. А. Шоров и др. – обращаются к проблемам регионального компонента образовательно-воспитательного процесса, Приоритеты государственной политики в области образования закреплены в таких документах, как «Стратегия государственной национальной политики

¹ Докучаев Д.С. Региональная идентичность российского человека в современных условиях: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Иваново, 2011. – С. 9.

Российской Федерации на период до 2025 года», «Национальная доктрина образования в Российской Федерации до 2025 года», среди которых усиление воспитательного потенциала образовательного процесса, организация гражданско-патриотического воспитания, национальная ориентация системы образования отмечаются как приоритетные направления.

Развитие региональных систем в условиях модернизации российского образования стало важным социально-педагогическим явлением, которое требует углубленного научного исследования. На базе Поволжской государственной социально-гуманитарной академии с 2011 года проводится ежегодное исследование региональной идентичности студентов факультета начального образования. Преподавателями кафедры психологии и социальной педагогики были составлены критерии оценки уровней сформированности региональной идентичности студентов на основе её структуры, в состав которой входят следующие компоненты: когнитивный, эмоциональный, поведенческий. Когнитивный компонент оценивается по таким критериям, как региональное самоназвание и региональная осведомленность, проявляющиеся в определении своей региональной принадлежности, знании этнокультурных признаков и психологических особенностей своей региональной общности и типа личности, формируемого на данной территории. Критериями эмоционального компонента является отношение к жителям своего регионального пространства и других, что проявляется в гражданско-патриотических чувствах, наличии внутренней и внешней связи с духовным богатством региона. Следование и трансляция культурно-исторических традиций своего региона, готовность к самореализации в условиях региона, реализация собственной активной гражданской позиции в рамках региона являются критериями поведенческого компонента региональной идентичности.

Диагностические мероприятия для выявления уровня сформированности региональной идентичности студентов осуществлялись при помощи комплексного анкетирования. В анкету были включены такие разделы, как «Поволжская культура и обряды», «Историко-этнографическое наследие народов Поволжья», «Типичный волжанин», «Гордость Поволжья», «Мое будущее в Поволжье». Диагностические мероприятия осуществлялись в группах студентов на констатирующем и контрольном этапах эмпирической деятельности. Всего в исследовании было задействовано 124 студента (2011–2012, 2012–2013, 2013–2014 учебные года).

Эмпирическая часть исследования заключается в реализации разработанной авторским коллективом кафедры психологии и социальной педагогики модели социокультурного развития студентов, в которую включены такие направления, как формирование региональной идентичности, гражданско-патриотическое воспитание, этнокультурное воспитание, развитие национальной идентификации студентов. Модель социокультурного развития студентов включает целевой, когнитивный, проектный компоненты. Целевой компонент

заключается в оказании помощи студентам в осознании личной значимости в государственных, национальных и региональных общественно значимых событиях. Задачами формирующей деятельности со студентами являются:

- расширение региональной осведомленности студентов;
- осознание внешней и внутренней связи с регионом;
- овладение способами трансляции региональной культуры, готовность к личностной и профессиональной самореализации в условиях региона.

Когнитивный компонент в академическом пространстве реализуется в следующих учебных дисциплинах: «Воспитание в поликультурном пространстве», «Основы этнопедагогики и этнопсихологии», «Социально-педагогическая деятельность в конфессиях», «История развития образования в Поволжье», «Сравнительная педагогика» и др.; тематических семинарах, тренингах, конференциях, которые служат источником новых знаний и опыта межкультурного взаимодействия.

Проектный компонент реализуется в собственно проектной деятельности. Проекты, реализуемые студентами индивидуально, в парах или малых группах, выполняются в течение одного учебного года. Проекты выполняются в национально-патриотической тематике в рамках учебной, воспитательной и внеучебной деятельности. Содержание проектной деятельности направлено на формирование опыта рефлексивного отношения студентов к себе как к субъектам этнической культуры и к людям другой национальности, на освоение ценностей и смыслов собственной жизни, культурного развития, мотивов позитивной деятельности в рамках региона.

Среди самых успешных проектов – проект патриотического воспитания «С чего начинается Родина?» в рамках реализации государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы», разработанный авторским коллективом кафедры психологии и социальной педагогики для начального звена школы, который стартовал на базе ГБОУ Самарской области СОШ № 1 п.г.т. Суходол Сергиевского района Самарской области в 2012 году под руководством студентки ФНО ПГСГА Новичковой Е. М. Данный проект освещался на многих научно-практических конференциях и конкурсах: Всероссийский конкурс «Национальная идентичность России: кто мы, и кем мы хотим быть?», Самарская областная студенческая научная конференция, Всероссийский конкурс в области педагогики, воспитания и работы с детьми школьного возраста и молодежью до 20 лет «За нравственный подвиг учителя». Проект является лауреатом VI Стипендиального конкурса, организованного Самарским региональным благотворительным фондом «Самарская Губерния», победителем Конкурса социально-психолого-педагогических проектов ПГСГА.

Также среди студенческих работ можно отметить следующие проекты: победитель Самарской областной студенческой научной конференции в 2013 году – проект «Народная игрушка как средство воспитания детей дошкольного

возраста» (Белова Е. В.); участники Всероссийского конкурса «Национальная идентичность России: кто мы, и кем мы хотим быть?» – проекты «Гражданином быть обязан» (Долбня А. А., Салахова Р. М.), «Нравственный путь» (Шемелова О. Ю., Мурзаева Т. Ю., Субханкулова Л. А.), «Национальная идентичность в полиэтнической России» (Казумова А. Р., Крылова А. С.), «Духовные ценности и нравственные начала российского общества» (Реутова Л. А., Яшина В. В.), «Духовно-нравственное воспитание младших школьников через ознакомление с традициями, ценностями и культурой русского народа» (Аитова Ю. В., Куприянова И. В.); участники Третьей всероссийской конференции «Грани науки 2014» – исследования «Социальное воспитание младших школьников» (Платова Ю. А.), «Гражданско-патриотическое воспитание младших школьников» (Андреева М. В.), «Пути формирования основ гражданского воспитания у детей 9–10-летнего возраста» (Долбня А. А.), «Методы формирования нравственных качеств детей 7–8-летнего возраста» (Мурзаева Т. Ю.), «Гражданское образование младших школьников» (Тарасова А. С.); лауреат Всероссийского педагогического конкурса, проводимого Центром дистанционной поддержки учителей «Академия Педагогики» – проект на тему «Этнокультурное воспитание младших школьников» (Камышина Е. С.) и др.

Студенческая проектная деятельность является социокультурным творческим процессом, в рамках которого происходит осознанное становление личности и формирование навыков осознанного выбора. Проектный метод – это уникальная технология работы с молодежью, так как развивает не только умение ориентироваться в нестандартных социальных ситуациях, но и формирует способность к продуктивному общению в поликультурном коллективе. При решении проектных задач, направленных на получение положительного социального результата, происходит формирование активной гражданской позиции студентов, повышается уровень социальной активности. Проектная деятельность в области национальной политики и гражданского воспитания способствует расширению кругозора и осведомленности студентов в области региональных и государственных проблем, формирует личную позицию, повышает интерес к проблемам общества. Проектирование в процессе академического обучения дает гражданско-правовую базу знаний студентам, учит толерантности, социально-правовым основам решения общественных проблем, развивает патриотизм.

Ежегодные диагностические мероприятия по выявлению уровня сформированности региональной идентичности студентов Поволжской государственной социально-гуманитарной академии свидетельствуют о значительном его повышении в результате проектной деятельности. Ответы респондентов свидетельствуют о расширении понятия «малая Родина» (связь не только с городом, областью, но и с регионом). Среди «Я-суждений» наиболее часто избираемыми студентами являются «Я-русский», «Я-россиянин», «Я-волжанин», «Я-самарец». При выявлении этнорегиональной осведомленности среди наиболее значимых факторов этнической принадлежности были названы

национальный язык, национальная культура, обряды и этикет, место рождения. Ответы студентов при определении этнопсихологических особенностей своей этнической группы свидетельствовали о большой информированности в области происхождения своего народа, о его историческом прошлом. Среди типичных характеристик жителей региона Поволжья студенты отмечают душевность, открытость, милосердие. Большинство студентов проявляют активное участие в традиционных праздниках, обращение к фольклору в своей профессионально-педагогической деятельности, использование фольклорных элементов при организации собственного досуга, учёт этнической принадлежности и традиционной культуры окружающих людей.

Учитывая, что в настоящее время проблема формирования региональной идентичности подрастающего поколения и молодёжи остается актуальной, работу над совершенствованием методов и технологий её формирования необходимо продолжать.

Э. Р. Гатиатуллина, А. Ю. Минакова, К. А. Ушакова

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ, ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ, ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Исследование идентичности является традиционной темой в гуманитарных науках, а изучение проблем, связанных с явлениями регионального и кроссрегионального уровня, до сих пор носит эпизодический характер.

По мнению многих исследователей, усиление регионализма наряду с ослаблением национальных государств является одной из тенденций современности и ведёт к возрастанию значимости региональной идентичности. Это обуславливает как экономические, социальные, политические реалии, так и кризис национальной идентичности. Регионы и регионализм имеют давнюю историю в Европе, ведь именно регионы предшествовали возникновению национальных государств и способствовали оформлению возникшей государственной системы. Если для национальной идентичности решающим фактором является гражданская (политическая) общность, то для этнической и региональной идентичности – культурная общность. Регионы же как пространства образуются функциональной практикой, культурой и общей идентичностью, реалиями политической мобилизации и руководства, а также институтами, являясь динамичной социальной конструкцией, в основе своеобразия которой лежат языковые и религиозные особенности.

Современные регионы выходят за рамки национальных государств и активно соперничают друг с другом, выступая в качестве самостоятельных политических единиц. Так, в ряде случаев регионализм выступает как способ

сопротивления изменениям (консервативный и оборонительный регионализм) или, наоборот, как инструмент модернизации (космополитический и прогрессивный регионализм).

В работе «Новый регионализм в Западной Европе» М. Китинг выделяет следующие типы регионов: исторические – народы, обладающие сильным чувством культуры и идентичности, собственными гражданскими интуициями и организациями, а часто и чувством экономического регионализма; институциональные, использующие свои институты для построения вокруг них политического пространства и эффективной системы действия; административные регионы, которым не удалось сформировать чувство общей идентичности и которые не отвечают критериям региона во всех отношениях.

В структуре региональной идентичности Китинг выделяет когнитивную, эмоциональную и инструментальную составляющие. Когнитивная составляющая подразумевает осознание индивидами существования и отличительных особенностей своего региона. Эмоциональная – «способ восприятия людьми региона и степень, в которой тот обеспечивает осто́в общей идентичности и солидарности в возможной борьбе с другими формами солидарности, включая классовую и национальную». Инструментальная – использование региона «как основы для мобилизации и коллективного действия в преследовании социальных, экономических и политических целей»¹.

Региональная идентичность – это социальная конструкция, созданная в специфическом контексте под давлением социальных, экономических и политических обстоятельств, а фактор региональной идентичности является «националитарным» утверждением регионального коллектива, «голосом» региональной группы. Важнейшей функцией регионального самосознания является поиск путей самосохранения региональной общности, в связи с чем некоторые исследователи считают региональную идентичность вариантом этнической или, точнее, субэтнической идентичности.

Следует отметить, что мифологизации подвергаются наиболее значимые для данной общности исторические события (реальные или «изобретенные»), которые становятся для населения региона «избранной общей травмой» или «избранной общей славой», ведь региональная идентификация базируется на прошлом общности.

Формирование идентичности региона может рассматриваться как целеполагающий политический процесс, при этом главным в данном процессе является мотивированная политическая деятельность, направленная на вычленение старых и создание новых региональных символов и образов, которые внедрялись бы в массовое сознание. Немаловажное значение в создании и поддержании чувства социального пространства и ограничении проблем региональной перспективой отводится региональным средствам массовой

¹ См.: Тхагапсоев Х. Г., Гатиатуллина Э. Р. Идентичность: к проблемам методологии // Научная мысль Кавказа. Северо-Кавказский научный центр высшей школы ЮФУ. Вып. № 4 (64). – Ростов-на-Дону, 2010. – С. 16–23.

информации. Региональная идентичность может как вступать в конфликт с национальной идентичностью, так и быть важной ее составляющей, соответственно, существуют автономистские, дезинтеграционные регионализмы и регионализмы интеграционные, впрочем, «водораздел» между национализмом и регионализмом совершенно не ясен и становится еще менее ясным по мере переустройства государства.

Региональную идентичность можно сменить как профессиональную, хотя утрата региональной идентичности и обретение новой занимает порой длительное время, сопоставимое с жизнью поколения, что порой приводит к более долгой адаптации сельских жителей, переехавших в город, и наоборот. В связи с этим мы можем утверждать, что «земляки» переносят на новую почву не только привязанности, но и фобии, предрассудки, которыми отличалась их социальная жизнь на малой родине, что не всегда ведет к взаимной склонности, к солидарному воздействию. Вместе с тем, эти локальные волны неизбежно сталкиваются и в случае их несовместимости создается дополнительная волна маргинализации.

В качестве примера можно привести депортацию в середине XX века ряда малых народов (балкарцев, карачаевцев, чеченцев, ингушей и др.). Для них это был катаклизм, что вызвало не только всплеск самосознания вплоть до этноцентризма, но и тенденцию к геронтоморфности молодого поколения, которое вынуждено было расти в более жестких условиях в Средней Азии¹. Одним из проявлений такой геронтоморфности стал резкий рост рождаемости, что, как известно, является маркирующей чертой геронтоморфности, в то время как инфантильное общество, как правило, не склонно к высокой рождаемости. Такой процесс неизбежно сгладились бы аккультурацией, но столкновение подчас несовместимых ментальностей может вызвать ответную волну еще более масштабной стратификации и маргинализации.

Впрочем, не только народы, подвергшиеся насильственной депортации на Северном Кавказе, столкнулись с проблемой локального всплеска геронтоморфности – это можно отнести ко всем социумам и культурам, втянутым в локальные войны и конфликты. А что касается народов Кавказа и кавказского региона, они значительно позже других, более благополучных регионов Советского Союза, преодолели послевоенную разруху середины XX века, а значит, и затухающая волна геронтоморфоза/педоморфоза здесь прошла с отставанием по фазе от общероссийской волны, сохраняя и сегодня большую геронтоморфность кавказских культур, явно ввергая их в шумный конфликт с современной российской массовой культурой – культурой неотеничной, а главное, провоцируя «убегание кавказского социума в этничность» региональной идентичности.

Как выйти из этой ситуации нарастающего взаимного отчуждения куль-

¹ Гатиатуллина Э. Р., Тайсаев Д. М. Феномен неадекватных страхов в современном обществе // Дискуссия; Институт современных технологий управления. Вып. № 9 (39). – Екатеринбург, 2013. – С. 12–15.

тур и региональной раздробленности? Ответ очевиден – чем толерантней взаимоотношения культур, тем больше шансов на выравнивание культурных ментальностей и преодоление маргинализации.

В настоящее время более актуальна иная проблема, когда все более динамичные социальные сдвиги в обществе приводят к маргинализации значительной части населения отдельных регионов и даже государств, и, несмотря на то, что мотивационная и каузальная сущность этих процессов также лежит в плоскости личностных адаптаций, а точнее, личностной инадаптивности, исследовать данную проблему уже не достаточно на личностном уровне. Здесь требуется комплексный социокультурный подход к проблеме. В частности, на Северном Кавказе резко возрастающая роль новых правовых отношений все чаще вызывает внутренний конфликт со старой мировоззренческой структурой, всё ещё значительной мере ориентированной на родовые (трайбалистские) правовые отношения. Это может проявляться во множестве неадекватных проявлений вплоть до аномии. И проблема заключается отнюдь не в нежелании жить по новым общепринятым правилам, а во внутреннем конфликте аксиологического характера, например, при несовпадении нового закона со старой, глубоко заложеной, иногда даже архетипически, моралью. Данный процесс, маргинализируя традиционные кавказские культуры, зачастую провоцируя ещё более глубокий дрейф в этничность, в противовес национальному, «провоцирует еще более сильную волну этноцентризма – проблема нарастает как снежный ком, по принципу «положительной обратной связи». Истоки трайбализма лежат в родоплеменных отношениях. В совсем недавнем прошлом они обеспечивали весьма эффективный механизм саморегуляции отношений традиционных культур. Принадлежность к роду давала не только определённые права, но и предписывала каждому члену рода вполне конкретные обязательства перед собственной общиной. Нарушение этих обязательств весьма эффективно пресекалось. Вместе с тем, как права, так и обязанности, в том случае, если ты не принадлежишь к данному роду, могли регламентироваться не так жестко либо вообще не регламентироваться. Модель строилась на тех же принципах реципрокных альтруистических взаимоотношений¹.

Анализ ситуации с формированием новых «представлений о себе» в современном мире показал, что проблема региональной идентичности продолжает оставаться наиболее значимой, а социально-политические и экономические трансформации в нашей стране породили новую этнополитическую и социально-психологическую реальность, с которой еще предстоит освоиться. Современные процессы поиска новой региональной идентичности разными группами, рост этнических миграций, формирование общегражданской идентичности, изменение структуры индивидуальной и групповой этнической

¹ Гатиатуллина Э. Р., Орлов А. Н. Маргинализация как социальный феномен в контексте современных глобализационных процессов // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2013. – № 4. [Электронный ресурс]. URL: – http://www.muiiv.ru/vestnik/pdf/eu/eu_2013_4_63_68.pdf (Дата обращения 16.12.2014)

идентичности в контексте процессов глобализации мира ведут как к нивелированию идентичностей социальных групп, так и к порождению новых типов социальной и индивидуальной идентичности, открывая всё новые и новые пласты проблематики идентичности.

В. М. Журавлёв (Ульяновск)

УСКОРЕНИЕ ИСТОРИИ НА ПРИМЕРЕ МОДЕЛИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ (988–2030)¹

В работе строится эмпирическая модель развития России в период от Крещения Руси до 30-х годов XXI века. Модель опирается на ранее высказанную идею² об ускорении истории цивилизации в эпоху технологических преобразований от колеса до настоящего времени.

Данная работа посвящена проверке общей идеи ускорения исторического развития на некоторых фактах из истории России за последнюю тысячу лет. Идея о том, что число событий, влияющих на общий ход эволюционного развития человечества, растёт со всё увеличивающейся скоростью, высказывалась в ряде работ. Информацию, аналогичную той, которая излагается в данной публикации, можно почерпнуть в книгах Ярослава Кеслера «Русская цивилизация». Другой источник, который может служить прямым доказательством существования ускорения исторического прогресса, – это прямой подсчёт количества заметных научных открытий в разные эпохи, приходящихся на один и тот же интервал времени, например, 100 лет или 10 лет. Такой анализ можно провести на основе сведений, приведённых в книге Ю. А. Храмова «Физику»³ на стр. 403–485. Из списка открытий, отнесённых к конкретным датам, можно сделать вывод, что число фундаментальных открытий растёт со временем с ускорением, возможно, экспоненциально. Из этого можно сделать и другие выводы в форме модели развития человечества на ближайшие десятилетия, но мы остановимся только на одном.

Это проблема, которая часто обозначается в литературе как конец истории в том или ином виде, а в религиозной литературе – как «конец света». В упомянутой книге Я. Кеслера имеется график в форме прямой, которая описывает линейное уменьшение интервала времени между отдельными открытиями в зависимости от времени, прошедшего от условного момента открытия колеса. Прямая заканчивается где-то в середине XXI века пересечением прямой

¹ Сам доклад был сделан на 7 Сытинских чтениях в октябре 2012 года под названием «Ускорение исторического процесса: факты и модели». Данный материал был представлен в рамках секции «Математические методы и информационные технологии в историко-краеведческих исследованиях» 05–06 октября 2012 года.

² Кеслер Я. Русская цивилизация. – М.: Русский двор, 2001; Он же. Русская цивилизация. Вчера и завтра. – М.: ОЛМА-ПРЕСС; ОАО ПФ «Красный пролетарий», 2005. – 510 с.

³ Храмов Ю. А. Физики. Биографический справочник. – Киев: Наукова думка, 1977. – 509 с.

с осью абсцисс, что означает достижение такого состояния общества, при котором фундаментальные открытия должны совершаться через практически нулевой интервал времени, что невозможно, исходя из разумных соображений о творческой деятельности человеческого мозга. Следовательно, можно ожидать, что где-то незадолго до этого момента времени человечество перейдёт в некоторое своё новое состояние.

График, приведённый в книге Я. Кеслера¹, не имеет достаточной точности и убедительности, но представляет вполне ясную идею, которая может быть проверена различными способами. Можно в связи с этим вспомнить законы Мура и т.п. Однако если такой процесс реально существует, то можно ожидать, что его можно проследить не только в научной или технологической области, но и в области изменений духовного, политического и социального устройства общества. В данной работе приводятся конкретные факты, указывающие на то, что ускорение исторического прогресса можно увидеть на примере исторических изменений Русского общества. Под термином Русское общество здесь понимается совокупность всех граждан Российского государства в различных его формах существования на протяжении всего исследуемого отрезка времени. При этом считается, что фундаментальные основы мировоззрения у всех представителей этого общества близки к друг к другу и не зависят от национальных отличий отдельных групп населения. Именно об эволюции таких общих фундаментальных элементов мировоззрения и пойдёт речь далее.

Описание математической модели

В начале рассмотрим исходную модель, а затем уже вычислим её параметры, исходя из исторических фактов. Обозначим через t_k моменты времени, которые соответствуют событиям, которые фиксируются как фундаментальные. Индекс $k = 0, 1, 2, \dots$ нумерует события в порядке приближения их к настоящему времени. Время, прошедшее между двумя событиями, равное $\Delta t_k = t_k - t_{k-1}$, согласно модели, должно уменьшаться со временем по линейному закону:

$$\Delta t_k = t_k - t_{k-1} = b - at_k, \quad (1)$$

В этой модели необходимо определить два числа a и b . Для вычисления этих чисел необходимо знать три даты событий. Например, пусть заранее известны три первых даты t_0, t_1, t_2 , тогда имеем следующие два соотношения:

$$t_1 - t_0 = b - at_1, \quad t_2 - t_1 = b - at_2, \quad (2)$$

Решая эти два линейных уравнения относительно a и b , находим:

$$a = -\frac{t_2 - 2t_1 + t_0}{t_2 - t_1}, \quad b = (1+a)t_1 - t_0 = b = (1+a)t_2 - t_1 \quad (3)$$

Эти значения параметров модели позволяют определить момент времени достижения нулевого интервала T_0 , т.е. момента, когда между очередными

¹ Кеслер Я. Русская цивилизация. Вчера и завтра. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – С. 98.

событиями интервал времени будет равен 0. Этот момент определяется соотношением:

$$T_0 = b/a. \quad (4)$$

Оценим погрешность вычислений, если сами даты определены неточно. Имеем:

$$\delta a = -\frac{2t_2 - 3t_1 + t_0}{t_2 - t_1} \delta t_2 + \frac{4t_1 - 3t_2 - t_0}{t_2 - t_1} \delta t_1 + \delta t_0$$

$$= \left[2 - \frac{t_1 - t_0}{t_2 - t_1} \right] \delta t_2 - \left[3 - \frac{t_1 - t_0}{t_2 - t_1} \right] \delta t_1 + \delta t_0$$

или

$$|\delta a| = \left| 2 - \frac{t_1 - t_0}{t_2 - t_1} \right| |\delta t_2| + \left| 3 - \frac{t_1 - t_0}{t_2 - t_1} \right| |\delta t_1| + |\delta t_0|$$

Аналогично для b :

$$\delta b = (1+a)\delta t_1 + t_2 \delta a - \delta t_0,$$

или

$$\delta b = (1+a)|\delta t_1| + t_2 |\delta a| + \delta t_0.$$

Отсюда видно, что погрешности могут быть весьма существенными при неточном определении моментов времени. Особенно это касается величины a . Поэтому в дальнейшем мы для оценки погрешности будем поступать другим способом. Будем строить модель на основе данных по границам интервалов, в которых, предположительно, могут лежать значения моментов времени переходов.

Вычисление параметров модели

Рассмотрим вопрос о том, какие события из истории России следует отнести к «фундаментальным», то есть, тем, которые реально изменяли ход истории. В этом отношении не всегда можно найти единодушие, но можно выделить такие исторические события, после которых общество меняло образ мысли и мировоззрение. Если сформулировать вопрос именно таким образом, то ответы оказываются более стандартными. Перечислим эти события:

Событие	Начало	Окончание
Крещение Руси	$t'_0 = 988^{*1)}$	$t''_0 = 1100^{*2)}$
Реформы Петра I	$t'_1 = 1698^{*3)}$	$t''_2 = 1721^{*4)}$
Октябрьская революция	$t'_3 = 1917^{*5)}$	$t''_3 = 1922^{*6)}$
Перестройка	$t'_4 = 1985^{*7)}$	$t''_4 = 1993^{*8)}$

* См. комментарии к выбору границ интервалов в приложении.

Следует отметить, что каждое из этих событий трудно отнести к одному

моменту времени, поскольку на изменение образа мысли общества затрачивается достаточно большой промежуток времени. Поэтому в таблице приведены лишь основополагающие даты, которые соответствуют началу процесса преобразования менталитета в форме конкретных действий общества или верховной власти и их окончание (приблизительное).

Поскольку для вычисления коэффициентов модели a и b требуется три даты, то данная таблица может быть использована не только для вычисления чисел a и b в исследуемой модели, но и её при проверке на одном из событий списка. В качестве исходных дат возьмём три даты, начиная с реформ Петра I. Брать в качестве даты Крещение Руси трудно из-за точно неустановленных временных рамок процесса обращения русских княжеств в православную веру. Но проверить обратным счётом эту дату будет возможно. В качестве дат t_1, t_2, t_3 выберем середины отрезков времени, указанных в таблице. Имеем:

$$t_1 = 1711; t_2 = 1920; t_3 = 1991.$$

Подставляя эти числа в выражения для a и b , находим:

$$a = 1,94; b = 3940,0.$$

При этом соответствующий «средний момент» эпохи Крещения Руси примерно равен 1095 году. Момент нулевого интервала определяется в этом случае следующей датой:

$$T_0 = -b/a = 2027,5.$$

Средний момент следующего ментального перехода после перестройки определяется датой $t_1 = 2015,1$. Т.е., мы сейчас должны проходить период ментального переворота. Следующий за этим ментальный переворот будет в 2023 году. После 2015 года мы вступаем в непрерывную череду переворотов, которая заканчивается в 2017 году переходом в новое состояние общества.

Насколько такие оценки точны? Это можно оценить с помощью вычисления погрешностей. Рассмотрим модели, построенные по границам интервалов. В этом случае по начальным датам интервалов имеем:

$$a_- = 2,2; b_- = 4475,9; T_0^- = 2015,6; t_0^- = 992,7; t_4^- = 2006,1; t_5^- = 2012,7.$$

Соответственно, оценка по верхнему краю интервалов такова:

$$a_+ = 1,83; b_+ = 3720,2; T_0^+ = 2031,8; t_0^+ = 1152,0; t_4^+ = 2018,1; t_5^+ = 2027,0.$$

Как видно, полученные крайние оценки вполне укладываются в обоснованные сроки для Крещения Руси. Полученный интервал таков: 992–1150. Это даёт повод относиться к данным построениям с определённой долей уверенности в их правильности. Все данные по исходной модели представлены на рис. 1.

Прогноз состояний представлен на рис. 2. Из анализа полученных результатов можно сделать следующие основные выводы. Первый состоит в том, что начиная с 2006 года, что можно сопоставить с началом общемирового кризиса, начало которого относят к 2008 году, все интервалы между переворотами сливаются в одну сплошную полосу переходов, поскольку начало нового наступает раньше, чем заканчивается предыдущий. Более того, по нижней оценке

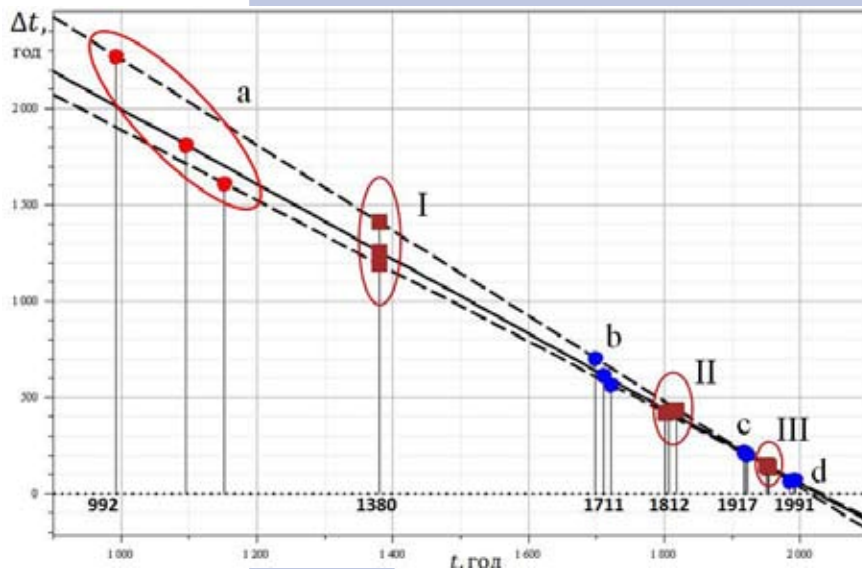

Рис. 1: Графики изменения периода между сменой образа мысли: а – Крещение Руси, б – реформы Петра, с – Революции 1917 года, d – Перестройка; I – Куликовская битва, II – Отечественная война 1812 года, III – Великая Отечественная война 1941–1945.

момент точки нулевого интервала относится уже к 2015 году, что может означать, что со следующего года мы можем увидеть крайне серьезные изменения в структуре как России, так и мирового сообщества. Эта область помечена на рис. 2 треугольником. Область достижения нулевого интервала обозначена на рисунке через T_0 . Завершение преобразований, по всей видимости, следует ожидать где-то после 2032 года. Дальше модель уже не работает.

Войны

При обсуждении данной модели на сайте www.spacephys.ru (<http://www.spacephys.ru/chto-nas-zhdet-posle-2012-goda>) высказывались соображения относительно того, что в модели никак не проявляются важнейшие войны. Например, Куликовская битва (1380 г.) или Отечественные войны 1812 и 1941 годов. Однако интересным фактом является то обстоятельство, что если использовать модель, построенную по данным периодов смены образа мысли, то выясняется, что даты «фундаментальных войн» также оказываются на прямой модели. Если использовать параметры модели, то находим, что используя дату Куликовской битвы, получаем примерно дату войны 1812 года.

Для каждой из моделей имеем:

$$t_{w1812}^+ = 1801; t_{w1812}^- = 1807; t_{w1812}^0 = 1818;$$

$$t_{w1941}^+ = 1950; t_{w1941}^- = 1952; t_{w1941}^0 = 1954;$$

$$t_{w1996}^+ = 1996; t_{w1996}^- = 2001; t_{w1996}^0 = 2002;$$

Интервал для Отечественной войны 1812 года вполне соответствует реальному, а интервал Великой Отечественной войны сдвинут на 5 лет дальше истинного положения, но попадает на начало холодной войны. Следующий интервал соответствует войнам на Кавказе в 1995–2000 годах. Из этого следует, что и другие даты истории России образуют последовательности, которые хорошо согласуются с предложенной моделью. Все эти данные помещены на рис. 1. На рис. 2 данные о прогнозе войн не помещены, поскольку они практически уже начинают совпадать с самими моментами преобразований.

***

Предложенная модель основывается на некоторых закономерностях, которые выявлены в общем ходе истории России и имеют некоторые аналоги в мировой истории. Например, период реформ Петра I совпадает с серьезными изменениями в мышлении европейцев в связи с возникновением науки о мире почти в современной форме (имеется ввиду появление механики Ньютона, оптики и математического анализа) и использованием этих знаний для изменения технологического уклада общества. Это, очевидно, признак изменения образа мысли всего европейского общества. Период Февральской-Октябрьской революций в России соответствует Первой мировой войне и очень серьезному изменению образа мысли европейцев в связи с этим. То же можно сказать и о перестроечных преобразованиях в России. Запад также серьезно изменился. Период Крещения Руси совпал с общим расколом Христианского мира на Православную и Католическую церкви. В целом можно констатировать, что

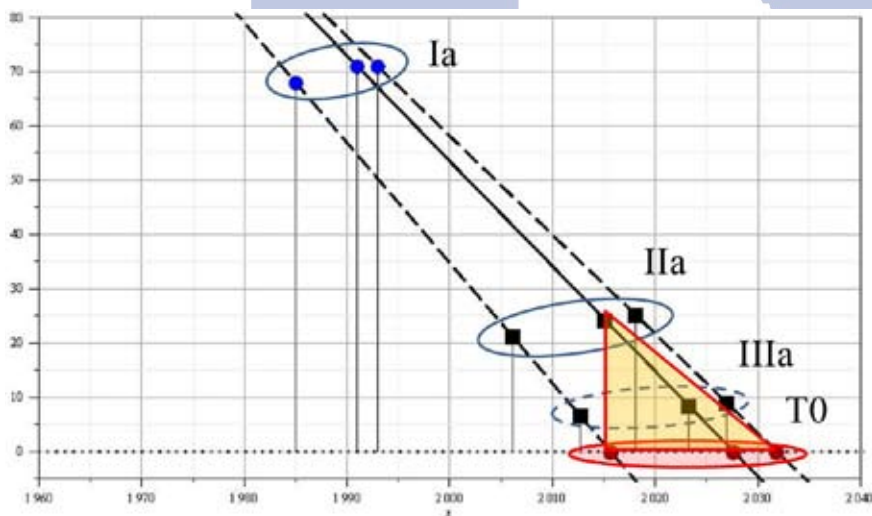

Рис. 2: Модельный прогноз смены состояний общества: Ia – Перестройка, IIa – текущий кризис, IIIa – следующий кризис, T_0 – момент нулевого интервала. Треугольник – область начала перманентного изменения состояния

модель, хотя выглядит несколько нумерологической, тем не менее, основывается на понятных идеях. Проверка её будет осуществляться в ближайшие годы. В связи с этим было бы интересно понять механизм такого поведения общества, что, возможно, помогло бы предсказать в какой-то мере то, что нас ждёт за 2032 годом.

Сам механизм такого поведения общества (или даже этноса) не совсем ясен. Кроме общего предположения о накоплении информации, сложно указать явную причину смены образа мысли всем обществом за относительно короткий период времени. Можно также предположить, что в формировании такого поведения важную роль играет рефлексия, т.е. то, как общество выглядит в мыслях своих субъектов. Смысл такого предположения состоит в том, что со временем представление об обществе в умах большинства людей, живущих в нём, меняется с положительного на отрицательное, что приводит к преобразованию общества. Можно также усмотреть некоторую аналогию с циклами пассионарности Гумилева¹. Однако у Гумилева циклы пассионарности имеют гораздо большую продолжительность и порождаются некоторыми внешними факторами для этноса.

Все эти объяснения не дают ответа на вопрос – почему процесс, изображённый на графиках, имеет вид прямой и возможны ли отклонения от этой зависимости? Можно сделать одно общее предположение, которое способно дать общее направление количественному объяснению обнаруженной закономерности. Основная идея состоит в том, что скорость эволюции определяется ростом численности этноса. На возможность такого объяснения наталкивают модели демографического роста. В соответствии с этими моделями рост населения подобен гиперболической кривой с сингулярностью в первой четверти XXI века. Такой график, в частности, имеется и в книге Кеслера². В реальности рост населения может замедляться в ближайшее время. Поэтому, если связь наклона модельной прямой связана с народонаселением, то прямая должна уменьшать свой наклон, и точка достижения момента нулевого периода может удаляться в будущее, но, скорее всего, незначительно. Все это можно проверить лишь с помощью дополнительных исследований.

Приложение

Приведём комментарии к выбору границ интервалов событий.

- 1) 988 – классическая дата начала Крещения Руси Князем Владимиром.
- 2) 1100? – дата окончания Крещения точно не определена. В документах упоминается, что в христианство переходили отдельные княжества и в XI веке.
- 3) 1698 – год возвращения Петра I из Европы, с чего и начинается эпоха реформ Петра I.

¹ Гумилев Л. Конец и вновь начало. – М.: Издательство АСТ, 2004. – 415 с.

² Кеслер Я. Русская цивилизация..... С. 99.

4) 1721 – год принятия Петром титула Императора можно считать формальным завершением эпохи реформ.

5) 1917 – год начала Февральской и Октябрьской революций можно считать моментом, когда образ мысли стал меняться во всём обществе, а не у отдельных социальных групп.

6) 1922 – год окончания гражданской войны и образования СССР вполне можно считать годом завершения очередной эпохи ментального переворота в обществе.

7) 1985 – год официального начала перестройки.

8) 1993 – разгром Белого Дома в Москве – год, когда общество формально согласилось с результатами перестройки.

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ABSTRACT

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ИСТОРИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

REGIONAL IDENTITY IN THE HISTORICAL AND CULTURAL SPACE OF RUSSIA

Липатова Н. В. (Ульяновск) Идентичность и её региональное изменение

Ключевые слова: идентичность, культура, общество, социальные практики, пространство, регион.

Аннотация: региональная идентичность как фактор развития региона. Обзор материалов конференции, концепция сборника.

Lipatova N. V. (Ulyanovsk) Identity and its regional dimension

Keywords: identity, culture, society, social practices, space, region.

Abstract. The review of Materials of the First Volume of Conference and the characteristic of the reports devoted to problems of regional identity presented.

ОПЫТ EXPERIENCE

Прокопенко С. А. (Ульяновск) Сопоставление зарубежного и российского опыта конструирования региональной идентичности

Ключевые слова: региональная идентичность, регион, центр, периферия, федерализм, модель развития.

Аннотация: анализ по базе Dialnet зарубежного (западного) опыта конструирования региональной идентичности в 1990–2000-е гг. по следующим направлениям: выявление теоретических подходов и теоретической модели феномена; анализ общей и особенной российской ситуации в глобальном контексте; учёт ульяновской региональной специфики.

Prokopenko S. A. (Ulyanovsk) The comparison of foreign and Russian experiences in construction of regional identity

Keywords: regional identity, region, center, periphery, federalism, development model.

Abstract. The article analyzes works from the Dialnet database about western experience of construction of regional identity in the 1990–2000th years. The analysis carried out in the following directions: identification of theoretical approaches and theoretical model of a phenomenon; the analysis of the general and special the Russian situation in a global context; accounting of the Ulyanovsk regional specifics.

ПРОСТРАНСТВО SPACE

Замятин Д. Н. (Москва) Идентичность и территория: гуманитарно-географические подходы и дискурсы

Ключевые слова: территориальная идентичность, территория, пространственность, гуманитарная география, локальный миф, гений места, культурный ландшафт, гетеротопия.

Аннотация: в статье рассмотрены основные гуманитарно-географические подходы к изучению понятия территориальной идентичности. Предложена модель пространственных представлений, включающая понятие территориальной идентичности. Исследованы взаимосвязи территориальной идентичности с локальными мифами, географическими образами и культурными ландшафтами. Проанализирована когнитивная эффективность понятий гетеротопии и гения места в контексте развития понятия территориальной идентичности.

Zamyatin D. N. (Moscow) Identity and territory: humanitarian and geographical approaches and discourses

Keywords: territorial identity, territory, spatiality, humanitarian geography, local myth, genius of a place, cultural landscape, heterotopy.

Abstract. The main humanitarian and geographical approaches to the study of a concept of territorial identity are considered in the article. The model of spatial ideas including the concept of territorial identity has been offered. Interrelations of territorial identity with local myths, geographical images and cultural landscapes have been investigated. Cognitive efficiency of heterotopy concepts and the genius of a place in the context of developing the concept of territorial identity are analyze.

Смирнягин Л. В. (Москва) Региональная идентичность и вернакулярный район

Ключевые слова: типология и районирование, идентичность, вернакулярный район, самоорганизация общества, сравнительный анализ России и США, вернакулярные районы Нью-Йорка.

Аннотация: статья написана на материалах двух студенческих практик в г. Нью-Йорк (США) летом 2013 и 2014 гг. Исследуются вернакулярные районы Манхэттена. Оценивается степень взаимозависимости региональной идентичности и вернакулярного района. Сравняется опыт США и России.

Smirnyagin L. V. (Moscow). Regional identity and vernacular district

Keywords: typology and division into districts, identity, vernacular area, self-organization of society, comparative analysis of Russia and the USA, vernacular districts of New York.

Abstract. The article deals with the materials of two student's practices in New York (the USA) in the summer 2013 and 2014, during which were studied vernacular areas of Manhattan. The degree of interdependence of regional identity

tity and vernacular area estimated. The experience of the USA and Russia having practical value compared.

Русин Д. В. (Ульяновск). Вернакулярные районы города Ульяновска (на примере правобережной части)

Ключевые слова: вернакулярный район, город, география, Ульяновск.

Аннотация: в статье рассматривается структура вернакулярных районов правобережной части города Ульяновска.

Rusin D. V. (Ulyanovsk). Vernacular districts of right-bank Ulyanovsk

Keywords: vernacular district, city, geography, Ulyanovsk.

Abstract. In the article the author considers the structure of vernacular districts of Ulyanovsk right bank.

Пивцайкина О. А. (Саранск) Усадебная архитектура в региональном ландшафте: памятники дворянской культуры мордовского края конца XVIII – первой половины XIX вв.

Ключевые слова: дворянская усадьба, мордовский край, архитектура, дворяне, Желтухины, Огаревы, Полянские, Румянцевы, Струйские.

Аннотация: в статье рассмотрены особенности архитектурного решения дворянских усадеб мордовского края. Автор приводит детальное описание родовых имений известных дворянских родов: Желтухиных, Полянских, Огаревых, Струйских, Румянцевых. Наряду с архитектурными зарисовками представлены краткие биографические сведения о владельцах усадеб, раскрывается их влияние на культуру мордовского края.

Pivtzaikina O. A. (Saransk) Country estate architecture in a regional landscape: monuments of noble culture of the Mordovia land at the end of XVIII – the first half of the XIX centuries

Keywords: a nobleman estate, Mordovia land, architecture, noblemen, the Zheltukhins, the Ogarevs, the Polyanskys, the Rumyantsevs, the Struyskys.

Abstract. The features of architectural concept of noble estates of the Mordovia land considered in the article. The author provides a detailed description of ancestral estates of the known noble families: the Zheltukhins, the Polyanskys, the Ogarevs, the Struyskys, the Rumyantsevs. Along with architectural sketches short biographical data are presented information about estate owners, their influence on culture of the Mordovian territory has also been discovered

Шигапов С. Р. (Томск). Двойственность религиозного ландшафта томско-чулымской тайги (2-я пол. XIX – нач. XX вв.)

Ключевые слова: Томск-Чулым, тайга, религиозный пейзаж, заселение Сибири на рубеже XIX–XX вв., религия в Сибири в XIX–XX вв., топонимы.

Аннотация: в статье рассматривается взаимодействие процессов крестьянской колонизации Сибири и христианизации населения, влияние старообряд-

цев, паломников на новые географические наименования населённых пунктов, особенности строительства храмов на территории томско-чулымской тайги.

Shigapov S. R. (Tomsk). Duality of a religious landscape of the Tomsk-Chulyum taiga (the 2nd half of the XIX – the beginning of the XX centuries)

Keywords: The Tomsk-Chulyum taiga, a religious landscape, settling of Siberia at the turn of the XIX–XX centuries, religion in Siberia in the XIX–XX centuries, placenames and names of settlements in Siberia.

Abstract. The article deals process of peasant colonization of Siberia in the end of the XIX century and mass evangelization of the population in this territory. The influence of the starovers and pilgrims on the taiga landscape, the construction peculiar features of the of churches and settlements considered in the article.

ЛИЧНОСТЬ PERSONALITY

Зубова И. Л. (Ульяновск). Динамизм образа Симбирска–Ульяновска в фотоработах Леонида Лазарева

Ключевые слова: Л. Н. Лазарев, фотоискусство, фотографии Ульяновска, идентичность Симбирского–Ульяновского края, история Ульяновска.

Аннотация: в фотоработах Л. Н. Лазарева, сделанных в разные годы, находит выражение идентичность Симбирского–Ульяновского края. Интерес представляют сами образы, связанные с историей и культурой края, и особенно те, которые стали произведениями искусства, а также анализ их подвижности, вызванный сменой состояний их автора, Ульяновска и жизни страны.

Zubova I. L. (Ulyanovsk). Dynamism of an image of Simbirsk-Ulyanovsk in L. Lazarev's photoworks

Keywords: L. N. Lazarev, photoart, photos of Ulyanovsk, identity of the Simbirsk and Ulyanovsk territory, history of Ulyanovsk.

Abstract: Identity of the Simbirsk and Ulyanovsk territory in L. N. Lazarev's photo works of different years is present. The images connected with history and culture of the territory and especially those, which became works of art caused by many factors analyzed.

Платцева Д. Г. (Ульяновск). Взгляд молодого фотографа на региональную идентичность

Ключевые слова: фотография, Ульяновск, Волга, Черемшан, Императорский мост, Президентский мост, самоидентификация, региональная идентичность.

Аннотация: данная публикация содержит размышления молодого фотографа о роли фотоискусства в формировании региональной идентичности. Идентичность Ульяновска и области в восприятии автора связана с водными ресурсами, формирующими особенности географического и социокультурного пространства региона, мироощущения. Словесные рассуждения о восприятии

региональной специфики подкрепляются визуальными образами, созданными авторами.

Plattseva D. G. (Ulyanovsk). Reflectios of a young photographer about regional identity

Keywords: photo, Ulyanovsk, the Volga, the Cheremshan, Emperor's Bridge, President's Bridge, self-identification, regional identity.

Abstract. This publication contains reflections of a young photographer about a photoart role in the regional identity formation. Identity of Ulyanovsk city and Ulyanovsk region in the author's perception is connect with the water resources (Volga, Sviaga, Sura, Cheremshan) that make features of geographical and socio-cultural space of the region, mode of life. The verbal reasoning about the perception of regional specifics is supported with the visual images created by the authors.

Дзикун А. Н. (Ульяновск). Личность Н. М. Карамзина как фактор формирования региональной идентичности ульяновцев

Ключевые слова: Н. М. Карамзин, историческая личность, региональная идентичность, Симбирск, Ульяновск, историческое пространство.

Аннотация: вступая в неразрывную связь с настоящим, историческая личность оказывает влияние на формирование исторического пространства современных горожан, на региональное самосознание. Она выступает одним из факторов формирования региональной идентичности. Исходя из названных положений, автор рассматривает спор о месте рождения Н. М. Карамзина, выявляет роль его личности и наследия для жителей Симбирска-Ульяновска.

Dzikun A. N. (Ulyanovsk). N. M. Karamzin's personality as a factor of forming a regional identity of Ulyanovsk residents

Keywords: N. M. Karamzin, historic figure, regional identity, Simbirsk, Ulyanovsk, historical space.

Abstract. Being in an indissoluble link with the present, the historic figure has impact on formation of historical space of contemporary citizens, on regional consciousness. It acts as one of the factors of formation of regional identity. Starting from the outlined provisions, the author considers a dispute about N.M. Karamzin's birthplace; reveals a role of his personality and his heritage for residents of Simbirsk -Ulyanovsk.

Дидковская Н. А. (Ярославль). Власть в системе авторства культурного текста Ярославля

Ключевые слова: российская провинция, жизнеустроительная модель, коллективные и личностные культурные стратегии, культуроцентричная ориентация власти, ярославская губерния, А. П. Мельгунов, Ф. И. Лощенков.

Аннотация: в статье анализируется зависимость динамики культурной жизни Ярославского региона от личности его правителей на при-

мере генерал-губернатора Ярославского и Вологодского наместничества А. П. Мельгунова и Первого секретаря Ярославского областного комитета КПСС Ф. И. Лощенкова. Предпринятое автором исследование коллективных и личностных культурных стратегий ярославской провинции в исторической ретроспективе и на современном этапе позволяет утверждать, что эпицентрами созидательных импульсов, обладающими глубокой укорененностью в культуре городского универсума, масштабностью и разнообразием интеракций являются две компоненты провинциального культурного локуса: образование и искусство.

Didkovskaya N. A. (Yaroslavl) The power in system of cultural content and code of Yaroslavl: Melgunov & Loshchenkov.

Keywords: Russian province, life organization model, collective and personal cultural strategy, culture-centered orientation of power, Yaroslavl province, A.P. Melgunov, F.I. Loshchenkov.

Abstract. The dependence of cultural life dynamics of the Yaroslavsky region from the personality of its governors analyzed in the article. In quality examples are followed the Governor-general of Yaroslavl and Vologda A.P. Melgunov and the First secretary of the CPSU Yaroslavl regional committee F.I. Loshchenkov. Research by the author of collective and personal cultural strategy of the Yaroslavl province allows claiming that the epicenters of creative impulses are the two components of a provincial cultural locus: education and art possessed deep rootedness in culture of a universum-urbi, different scale and with a variety of interaction.

Пивцайкина О. А., Сульдина Л. В. (Саранск). Илья Васильевич Селиванов: хроника уездного города глазами обывателя. Историко-культурные зарисовки г. Саранска XIX в.

Ключевые слова: А. И. Селиванов, «Провинциальные воспоминания», писатель, литературное творчество, мордовский край.

Аннотация: авторами предпринята попытка воспроизвести картины провинциальной повседневности на примере г. Саранска первой половины XIX в. на основе анализа работ русского публициста Ильи Васильевича Селиванова. В процессе раскрытия темы представлены бытовые зарисовки из жизни обывателей уездного города, его культурная жизнь, выведены художественные образы представителей различных слоев общества.

Pivzaikina O. A., Suldina L. V. (Saransk) Ilya Vasilyevich Selivanov: the chronicle of a provincial city as viewed by inhabitants (Historical and cultural sketches of Saransk in the XIX century)

Keywords: A. I. Selivanov, "Provincial memoirs", writer, literary creativity, Mordovian territory.

Abstract. The authors attempted to reproduce pictures of provincial everyday life exemplified by Saransk in the first half of the XIX century. The analysis made on a basis of the publicist's works Ilya Vasilyevich Selivanov. The cultural life

of provincial town, the artistic images of representatives of various circles of the society have been outlined.

Щукин Д. С. (Саранск) А. И. Пальм – писатель и петрашевец

Ключевые слова: А. И. Пальм, кружок М. В. Петрашевского, петрашевы, литературное творчество, романы, «Алексей Слободин», театральное искусство, драматургия.

Аннотация: в настоящее время в рамках регионального краеведения и истории провинциальной культуры видное, хотя и незаслуженно забытое ранее, место занимает история личности, людей, внесших посильный вклад в духовное развитие родного края, ту или иную лепту в формирование идентичности своего региона. Одной из таких скромных персон, чья жизнь и деятельность является прекрасной иллюстрацией свойственного российской глубинке коренного непафосного патриотического отношения к своей малой родине, является Александр Иванович Пальм – ныне известный, пожалуй, лишь узкому кругу специалистов-литературоведов писатель второй половины XIX столетия. В статье освещены наиболее значимые вехи его непростого жизненного и творческого пути, предпринята попытка осмысления истоков его литературной деятельности и оценки его роли в культурном пространстве России как самобытного представителя провинции – мордовского края.

Schukin D. S. (Saransk) I. Palm – a writer and a follower of M. V. Petrashevsky

Keywords: A. I. Palm, M. V. Petrashevsky's circle, follower of Petrashevsky, literary creativity, novels, «Alexey Slobodin», theatrical art, dramatic art.

Abstract. The men who made a feasible contribution to the cultural and spiritual development of the native land take a prominent place in the contemporary historiography. One of such modest persons was Alexander Ivanovich Palm – nowadays known, perhaps, only to a narrow circle of specialists -literary critics, the writer of the second half of the XIX century, whose life and activity was a vivid illustration of the radical, not pompous patriotic attitude to the characteristic of Russia. The most significant milestones of his difficult life and career are covered in the article. An attempt has been made to understand sources of his literary activity and assess his role in cultural space of Russia as an original representative of the province – of the Mordovian territory.

СОВЕТСКОЕ VS ПОСТ СОВЕТСКОЕ SOVIET VS POST-SOVIET

Тимофеев М. Ю. (Иваново). «Советский город»: инструкция по эксплуатации

Ключевые слова: советский город, туристический объект, «советскость» как ресурс развития, брендинг городов, локальный миф, советская топонимика.

Аннотация: в статье рассматривается советский город как бренд, как туристический ресурс, позволяющий использовать советскость как бренд, создаваемый в настоящее время на территории всего постсоветского пространства.

Timofeev M. Yu. (Ivanovo). «The Soviet city»: maintenance manual

Keywords: soviet city, tourist object, “Soviet ethos” as a development resource, branding of the cities, local myth, soviet toponyms.

Abstract. A brand “the Soviet city” as a tourist resource allowing to using Soviet ethos for the creation of the New considered in the article.

Карбаинов Н. И. (Санкт-Петербург). Советская идентичность в пост-советском Татарстане: массовые исторические представления

Ключевые слова: национальная идентичность, татарская идентичность, типы татарской идентичности, конвенции памяти, войны памяти, опрос респондентов.

Аннотация: в статье приведена социологическая информация о количестве респондентов, транслирующих тот или иной вид исторической памяти Республики Татарстан, выделены события, сыгравшие весомую роль в формировании идентичности людей, выделены их массовые исторические представления, в анализе учтен возрастной критерий. Дана попытка объяснить мотивы ответов респондентов.

Karbainov N. I. (St. Petersburg). Soviet identity in Post-Soviet Tatarstan: mass historical ideas

Keywords: national identity, Tatar identity, types of Tatar identity, convention of memory, memory wars, poll of respondents.

Abstract. Sociological information about a number of respondents of the Republic of Tatarstan representing this or that existing type of historical memory is provide in the article. The events which have played a major role in formation of people’s identity have been outlined. Their mass historical ideas are marked out; the age criterion is concede in the analysis. An attempt to explain motives of respondents’ answers has been given.

Качкина Т. Б. (Ульяновск). Ульяновск родина Ленина: от идеологического символа к туристскому бренду (к проблеме идентичности места)

Ключевые слова: бренд «Ульяновск – родина В. И. Ленина», критерии ти-

пологизации идентичности, политико-идеологические основания конструирования идентичности, идентичность места, идентичность и самоидентификация как признак демократии, выбранная и навязанная идентичность, идентичность как товар, брендиование территории.

Аннотация: в статье затрагивается проблема идентичности места, которая определяется автором, по степени своего проявления как слабая идентичность, нуждающаяся в подкреплении внешними факторами или, точнее, конструктами. Основанием такого – внешнего – конструкта для Симбирска/Ульяновска стала официальная советская идеология, превратившая В. И. Ленина в культовую фигуру мирового масштаба. В статье рассматриваются вопросы, какова судьба идентичности места в Ульяновске, как она меняется и каковы ее перспективы, может ли сегодня бренд «Ульяновск – родина В. И. Ленина» обрести устойчивость как символ и основание новой идентичности.

Kachkina T. B. (Ulyanovsk). Ulyanovsk - Lenin's motherland: from an ideological symbol to a tourist brand (to the problem of a place identity)

Keywords: a brand "Ulyanovsk – V.I. Lenin's motherland", classification of the criteria of identity, political and ideological bases of designing identity, identity of a place, identity and self-identification as a democracy sign, chosen and imposed identity, identity as goods, branding of the territory.

Abstract. The issue of a place identity is analyzed upon in the article. The official Soviet ideology turned V.I. Lenin into a global iconic figure, which became the basis of such external construct for Simbirsk/Ulyanovsk. According to the author, it is a weak identity needing a reinforcement with external factors or, more precisely, with constructs. What destiny of a place identity in Ulyanovsk, how it changes and what its prospects, whether a brand "Ulyanovsk today – V.I. Lenin's motherland" can acquire stability as a symbol and the basis of a new identity.

РЕТРОСПЕКТИВА RETROSPECTIVE

Русина О. В. (Ульяновск). Исторические знания как фактор формирования региональной идентичности

Ключевые слова: составляющие региональной идентичности, способы формирования региональной идентичности, исторические знания как основа региональной идентичности.

Аннотация: в статье выявлены составляющие понятия «региональная идентичность», способы ее формирования и роль исторических знаний для понимания своей региональной идентичности.

Rusina O. V. (Ulyanovsk). Historical knowledge as a factor of forming regional identity

Keywords: elements of regional identity, ways of forming regional identity, historical knowledge as a basis of regional identity.

Abstract. The elements of the concept “regional identity” have been determined in the article. In reports the making concepts "regional identity, ways of its formation and a role of historical knowledge for understanding of the regional identity are revealed.

Морозова Д. Ф. (Ульяновск). Формирование региональной идентичности историками Ульяновска

Ключевые слова: региональная идентичность, музейная работа, историко-культурная память, исторические труды, история Ульяновска.

Аннотация: историография истории регионов России до сих пор остается малоизученной. Все больше чувствуется необходимость её осмысления. Региональная историческая работа одновременно отражает все общероссийские историографические тенденции, но при этом имеет свою собственную специфику и проблематику, таким образом, выделяясь из общей картины, но этим же и дополняя её. Кроме того, труды региональных историков являются одними из главных носителей «культурной памяти» края, тем самым играя немалую роль в определении региональной идентичности. В данной статье рассматривается влияние работы историков Ульяновска на формирование региональной идентичности.

Morozova D. F. (Ulyanovsk). Formation of the regional identity by Ulyanovsk historians

Keywords: regional identity, museum work, historical and cultural memory, historical works, history of Ulyanovsk.

Abstract. The historiography of the history of regions of Russia remains low-studied still. However, the necessity of its apprehension is more and more perceived. Regional historical work at the same time reflected all-Russian historiographic tendencies, but it has its own specifics and problematics, thus distinguishing from an overall picture, and at the same time supplementing it. Besides, works of regional historians are the main for the «cultural memory» of the territory, thereby playing a considerable role in the determination of regional identity, as it is shown for Ulyanovsk region.

Фокеев С. Н. (Ульяновск). Интернациональные связи Ульяновской области: официальные делегации эпохи ленинского юбилея

Ключевые слова: Ульяновск, интернациональные связи, открытие мемориала Ленина в Ульяновске, иностранные делегации в Ульяновске, источники по интернациональным связям, ГАНИ УО.

Аннотация: в статье анализируются материалы Государственного архива новейшей истории Ульяновской области, отражающие развитие интернациональных связей в 70–90 годы XX века. После открытия Ленинского мемориала и празднования 100-летия со дня рождения В. И. Ленина Ульяновск стал третьим по посещаемости иностранцами городом Советского Союза. Внешнее выражение это получило в многочисленных официальных

визитах.. Родину вождя мирового пролетариата посещали как творческие деятели (писатель Роберт Роземонд, путешественник Карло Маури), так и официальные делегации (глава ГДР Эрих Хонеккер, генеральный секретарь ЧССР Густав Гусак). Таким образом, остался большой объём материалов, по которым можно судить о церемониале и протоколе официальных посещений и о реакции горожан.

Fokeyev S. N. (Ulyanovsk). International ties of the Ulyanovsk region: official delegations of the Lenin's anniversary epoch

Keywords: Ulyanovsk, international ties, opening of the Lenin memorial complex in Ulyanovsk, foreign delegations to Ulyanovsk, SACH UO (ГАНИ УО).

Abstract. The materials of the State Archive of the Contemporary History of the Ulyanovsk region are in the article. After a construction of the Lenin Memorial to the 100 anniversary since the birth of V. I. Lenin Ulyanovsk turned into the third city of the USSR on number of foreign tourists. Such creative figures (writer Robert Rosemonde, traveler Carlo Mauri), and by official delegations (the head of GDR Erich Honecker, secretary general of ChSSR Gustav Gusak). visited to the Motherland of "The Leader of the World proletariat". How such position of Ulyanovsk affected feeling of citizens?

Луни Д. И. (Ульяновск). Развитие автоспорта на УАЗе в 1950–2014 гг.

Ключевые слова: Ульяновск, УАЗ, автоспорт, история автоспорта, автомобильный кросс, автокросс, автомобильные гонки.

Аннотация: в статье описывается история появления и развития автоспортивного подразделения на ульяновском автомобильном заводе (УАЗе). Выявляется роль автомобильных гонок в улучшении бренда завода, повышении профессионального мастерства сотрудников автозавода и проверки автомобилей.

Lunin D. I. (Ulyanovsk). Development of motorsport at Ulyanovsk Automobile Plant (UAP) in 1950–2014 years

Keywords: Ulyanovsk, UAZ, motorsport, motorsport history, automobile cross-country, autocross, car racing.

Abstract. The history of emergence and development of an auto sport section at the Ulyanovsk Automobile Plant (UAZ) are describe in the article. The role of a car racing in improving the brand of the plant, increasing professional skill of the staff of the automobile works and checking cars are reveal.

Шафиров А. В. (Ульяновск). Крестьянское хозяйство Симбирской губернии второй половины XIX – начала XX вв. Историкографический обзор

Ключевые слова: историография, аграрная история, трансформация крестьянских хозяйств, стратегии изучения, аграрные отношения, капитализм

в деревне, количественные методы исследования, демографические исследования, географический и психологический подходы.

Аннотация: в статье проанализирована историография трансформации крестьянского хозяйства Симбирской губернии, раскрыты основные достижения предшествующих работ, определена её региональная специфика. Здесь приводятся статьи, монографии, диссертационные исследования, так или иначе касающиеся истории крестьянства и крестьянских хозяйств Симбирской губернии. На основании этого выявлены дальнейшие перспективы исследования указанной темы с учётом новых научных подходов в исторической науке.

Shafirov A. V. (Ulyanovsk). The peasant farming Simbirsk province at the second half of the XIX – early of the XX centuries. Historiographic review

Keywords: historiography, history of agriculture, the transformation of peasant farms, strategy, study, agrarian relations, capitalism in the village, quantitative research methods, demographic research, geographic, and psychological approaches.

Abstract. The article analyzes the historiography of the transformation of peasant farms in Simbirsk province. It discloses the main achievements of previous historians, defines a regional specificity of their works. There are articles, monographs, dissertations and explorations which are connected to the history of the peasantry and peasant farms of Simbirsk province. According to these materials the prospects for further researches of this are define identified, taking into account new scientific approaches in the historical science.

Игнатова Л. В. (Ульяновск). От крестьянина к колхознику: трансформация идентичности крестьян на территории Средне-Волжского края

Ключевые слова: крестьянство, трансформация, идентичность, повседневность, культура, религия, семейные отношения, труд, традиции, Среднее Поволжье.

Аннотация: в статье рассматриваются основные составляющие крестьянского образа жизни, подвергшиеся изменениям в ходе коллективизационных преобразований 1930-х гг.: семейно-бытовые отношения, отношение к труду, религиозные и культурные аспекты. Анализ трансформации идентичности крестьянства с учётом особенностей указанной местности позволил проследить слом старых основ крестьянской жизни и зарождение новых, сохранение её внешних проявлений и особенности столкновений с прежними традициями.

Ignatova L. V. (Ulyanovsk). From the peasant to the collective farmer: transformation of peasants' identity in the territory of the Middle Volga region

Keywords: peasantry, transformation, identity, everyday life, culture, religion, family relations, labour, traditions, Middle Volga area.

Abstract: The main elements of mode of life of the peasants, which underwent

changes in the course the transformations connected with collectivization are considered in article. Family and household relations, attitude to a labour, religious and cultural value in the 1930-s years are considered. The analysis of transformation of identity of the peasantry, taking into account features of the specified district, allowed to trace demolition of old bases of peasants life and origin of new ones, preservation of its external manifestations and peculiarities of collisions with former traditions.

Гансаламов А. Р. (Елабуга). «Экономическое чудо» отдельного региона: на примере модели Республики Татарстан

Ключевые слова: историческое развитие РТ, экономические показатели РТ.

Аннотация: целью научной статьи является изучение этапов развития промышленности Республики Татарстан (Татарской АССР) и выявление факторов и условий, способствовавших росту экономики республики в XX в.

Gapsalamov A. R. (Elabuga). «Economic miracle» of the region: exemplified by the model of the Republic of Tatarstan

Keywords: historical development of RT, economic indicators of RT.

Abstract. The purpose of this article is a studying of the stages of the development of the industry of the Republic of Tatarstan (Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic) and identify of the factors and conditions promoting the economy growth of the republic in the XX century.

СОВРЕМЕННОСТЬ MODERNITY

Сидорова Г. П. (Ульяновск). Ульяновск – культурная столица Поволжья: проблема понимания культуры в контексте идентификации

Ключевые слова: культура, культурная столица, дискурс о культуре, одномерное понимание культуры, российская ментальность, утончённая жизнь духа, грубость быта.

Аннотация: в докладе показано, как дискурс о культуре, сущность которого заключается в одномерном понимании этого феномена, определяет содержание социально-проективной деятельности, направленной на формирование региональной идентичности жителей Ульяновска – «культурной столицы Поволжья».

Sidorova G. P. (Ulyanovsk). Ulyanovsk – the cultural capital of the Volga region: a problem of understanding culture in the context of its identification

Keywords: culture, the cultural capital, a discourse about culture, one-dimensional understanding of culture, the Russian mentality, distinguished life of spirit, roughness of life.

Abstract: It has been shown in the paper how the discourse about culture the essence of which consists in one-dimensional understanding of this phenomenon, determines the content of social and projective activity directed at forming re-

gional identity of the residents of Ulyanovsk – «the cultural capital of the Volga region».

Лукичева Л. Ю. (Ульяновск). Региональная идентичность малого города: социологический анализ

Ключевые слова: глобализация, индивидуализация, региональная идентичность населения малого города, аспатиальность, капитализации региона.

Аннотация: в статье проведён понятийный анализ феномена идентичности малого города, предпринята попытка анализа её специфики и выявления реальных различий между идентичностью малого города и мегаполиса. Автор поднимает проблему влияния идентичности малого города и мегаполиса на их социально-экономическое и культурное развитие.

Lukicheva L. Yu. (Ulyanovsk). The regional identity of a town: sociological analysis

Keywords: globalization, individualization, regional identity of the population of a town, a spatiality, capitalizations of the region.

Abstract. The conceptual analysis of a phenomenon of identity of a town carried out in the article. In article tried to analyses the specifics and real distinctions between identity of a town and a city. The author brings up an issue of the identity influence of a town and megalopolis on their social, economic and cultural developments.

Шаповалов С. Н. (Ульяновск). Синергия российско-китайской идентичности в культурно-деловом центре «China World»

Ключевые слова: идентичность, синергия идентичностей, евразийство, Культурно – деловой центр «China World».

Аннотация: в статье рассматриваются различные аспекты феномена идентичности. Автор поднимает проблему возникновения в настоящее время понятия российско-китайской идентичности, обосновывая положение о возможности превращения Ульяновска в место синергии двух идентичностей, и выдвигает конкретные предложения по организации деятельности Культурно-делового центра «China World».

Shapovalov S. N. (Ulyanovsk). Synergy of the Russian-Chinese identity at the cultural business center «China World»

Keywords. Identity, synergy of identities, Eurasianism, The cultural business center “China World”.

Abstract. Various aspects of the phenomenon of identity considered in the article. The author raises the problem of emergence of the concept «the Russian-Chinese identity» at present, proving the provision on possibility of transforming Ulyanovsk into a place of synergy of two identities, and makes specific proposals on the organization of activity in the Cultural - business center «China World».

Шагунова Ю. В. (Ульяновск). Кризис навязанной идентичности

Ключевые слова: навязанная идентичность, смена/подмена идентичности, советская идентичность, советскость.

Аннотация: в статье поднимается проблема трансформации идентичности населения провинциального российского города после 1917 г. Автор анализирует процесс смены/подмены идентичности, обретения и утраты советской идентичности на примере Симбирска/Ульяновска. Сквозь призму описанной проблематики рассматривается проект создания в Ульяновске «Музея СССР».

Shagunova Yu. V. (Ulyanovsk). The imposed identity crisis

Keywords: imposed identity, identity change/substitution, Soviet identity, Soviet's ethos.

Abstract. The issue of transformation of the population's identity of a provincial Russian town after 1917 touched upon in the article. The author analyses the process of change/substitution of identity, acquisition and loss of Soviet identity exemplified by Simbirsk/Ulyanovsk. Through a prism of the described problematic, the project of establishing «The Museum of USSR» in Ulyanovsk is considered.

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ PEOPLES AND RELIGIONS

Кобзев А. В. (Ульяновск). Типологизация локальных поселений Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: типология локальных поселений Ульяновской области, татары, мордва, чуваша, русские, национальности, локальные поселения.

Аннотация: в статье представлена типология локальных поселений по этническому признаку на основе источников (прежде всего, метрических книг), позволяющая изучить стратегии семейно-брачных отношений, реконструировать сеть социального взаимодействия на локальном и межрегиональном уровнях, уточнить особенности колонизации Средневолжского региона и Симбирской губернии. Данная методика может быть использована при анализе поселений других областей.

Kobzev A. V. (Ulyanovsk). Classification of local settlements in the Simbirsk province in the second half of the XIX – the beginning of the XX centuries

Keywords: typology, local settlements, Ulyanovsk region, nationalities, Tatars, Mordovians, Chuvashs, Russians.

Abstract. The author investigates marriage strategy of the different national groups according of the registers of births and marriage. Typology of local settlements of the Simbirsk province and marriage practices presented in the article based on to the ethnic environments of the local population. This technique can be use in the analysis of settlements of other regions.

Галиндабаева В. В. (Казань). Кряшенская идентичность и конструирование исторической памяти: массовые представления и элитарные версии

Ключевые слова: история кряшен, национальности Республики Татарстан, идентичность кряшен.

Аннотация: в статье изложены основные версии происхождения кряшен, подробно зафиксированы хронологические рамки их происхождения согласно разным концепциям, указаны известные представители народности.

Galindabayeva V. V. (Kazan). Kryashen identity and designing of historical memory: ideas masses and elite versions

Keywords: history of Kryashen, nationalities of the Republic of Tatarstan, Kryashen identity.

Abstract. The main versions of the Kryashen origin have been state in the article; a chronological framework of their origin according to different concepts is recode in details. Known historic figures of the nationality have been identified.

Шкердина Н. О. (Саранск) Этноконфессиональный мир российской провинции первой половины XIX в. (на примере мордовского края)

Ключевые слова: мордовский край, мордва, татары-мишари, религиозный синкретизм, язычество, мифология, общинные моления, домусульманские верования, культы, миссионерская деятельность.

Аннотация: статья посвящена исследованию религиозных воззрений мордовского и татарского народов, проживавших на территории мордовского края в конце XVIII – первой половине XIX вв. Автор анализируются традиционные верования мордвы и татар мордовского края. Кроме того, автором рассматриваются отдельные аспекты взаимодействия православия и дохристианских верований мордвы и домусульманских религиозных воззрений татар-мишарей на территории мордовского края.

Shkerdina N. O. (Saransk) The ethnoconfessional world of the Russian province of the first half of the XIX century (exemplified by the Mordovia land)

Keywords: Mordovia land, Mordva, Tatar Mishars, religious syncretism, paganism, mythology, communal prayers, Pre-Muslim beliefs, cults, missionary activity.

Abstract. The article is devote to the study of religious views of the Mordvins and Tatar people living on the territory of the Mordovian region at the end of the XVIII – the first half of the XIX centuries. The author analyzes traditional beliefs of the Mordovia's and Tatars of the Mordovia land. Besides, the author considers separate aspects of interaction of Orthodoxy and pre-Christian beliefs of Mordvins and Pre-Muslim religious views of the Tatar Mishars in the territory of the Mordovian region.

Муфтахутдинова Д. Ш. (Казань). Новая мусульманская идентичность: кто они и кем хотят быть?

Ключевые слова: хиджаб, практикующие мусульманки, женская мусульманская идентичность, религиозная активность мусульманок, современная религиозная татарская женщина.

Аннотация: поднимая проблему ценностной интерпретации женской мусульманской идентичности, автор стремится проследить процесс религиозной социализации молодых мусульманок. На основании проведённых автором исследований в статье делается вывод о том, что используя этническую и религиозную солидарность, мусульманки успешнее адаптируются в современном обществе, конструируют новый привлекательный образ современных религиозных татарских женщин в полиэтнической среде. Возросшая религиозная активность мусульманок становится вызовом ценностям современного светского национального государства.

Muftakhutdinova D. Sh. (Kazan). New Muslim identity: who are they and what do they want to be?

Keywords: hijab, practicing Muslim women, female Muslim identity, religious activity of Muslims, a contemporary religious Tatar woman.

Abstract. Bringing up a question about interpretation of female Muslim identity, the author strives to trace the process of religious socialization of young Muslim women. According to the author, Muslim women using ethnic and religious solidarity, more successfully adapt in the contemporary society, create a new attractive image of contemporary religious Tatar women in the multiethnic community. However, the increased religious activity of Muslim women becomes a challenge to the values of the contemporary secular national state.

Шкердина Н. О. (Саранск) Православие и сектантство в мордовском крае в первой половине XIX в.

Ключевые слова: мордовский край, мордва, православие, монастыри, миссионерская деятельность, сектантство, старообрядчество, беспоповщина, Спасовцы, древлепоморский толк, духовные христиане, скопцы, молокане, субботники.

Аннотация: статья посвящена исследованию роли русской православной церкви в духовной жизни и социокультурном пространстве мордовского края в конце XVIII – первой половине XIX вв. Большое внимание уделяется описанию сект, которые получили распространение в мордовском крае в первой половине XIX в. В связи с этим автор рассматривает отдельные аспекты взаимодействия православия и сектантства в поликонфессиональном и многонациональном пространстве в регионе.

Shkerdina N. O. (Saransk) Orthodoxy and heresies in the Mordovian region in the first half of the XIX century

Keywords: Mordvinia's land, Mordva, Orthodoxy, monasteries, missionary

activity, sectarianism, Old Belief, bespopovets (a orthodox sect without a priest), the Spasovs, ancient pomor interpretation, spiritual Christians, spadones, Molokans.

Abstract. The article is devoted to the study of a role of Russian Orthodox Church in spiritual life and socio-cultural space of the Mordovian territory at the end of the XVIII – the first half of the XIX centuries. Much attention paid to the description of sects, which gained distribution in the Mordovian region in the first half of the XIX century. The author considers separate aspects of interaction of Orthodoxy and sectarianism in polyconfessional and multinational space the region.

Люттов Л. Н. (Ульяновск). Религиозно-нравственная основа сопротивления деревни раскрестьяниванию. Начало 1930 года. (Ульяновский округ Средне-Волжской области)

Ключевые слова: крестьянство, деревня, коллективизация, сопротивление, религия, христианство, ислам, церковь, нравственность, мораль, Ульяновский округ, Средне-Волжская область, Среднее Поволжье.

Аннотация: в статье на основе архивных документов исследуется ситуация в Ульяновском округе Средне-Волжской области, спецификой которого было наличие на его территории нескольких религий (прежде всего, христианства и ислама). Внимание уделяется новому аспекту исследования сопротивления крестьянства насильственной коллективизации – обращению к традиционным для него духовно-нравственным ценностям (религии, церкви), потускневшим в пору их огосударствления. В работе показано, что Церковь была не только нравственной, но и организующей опорой противодействия крестьянства осуществляемой комвластью коллективизации. Опорой крестьянства, сопротивлявшегося разрушению их мира, традиционной народной морали и нравственности, оказались церкви разных религий. Церковь смогла стать опорой (духовной и организационной) сплочения и сопротивления раскрестьяниванию, во многом потому, что священники были с деревней, а не со властью и государством.

Lyutov L. N. (Ulyanovsk). Religious and moral foundation of the peasant resistance against the collectivization. Beginning of 1930 (Ulyanovsk district of the Middle Volga region)

Keywords: peasantry, village, collectivization, resistance, religion, Christianity, Islam, Church, morals, Ulyanovsk district, Middle Volga region.

Abstract: New aspects of resistance of the peasantry to violent collectivization in the Ulyanovsk district of the Middle Volga region in the article are considered. The Author showed that the Church and the Muslim communities were moral and organizing bastions of the resistance of the peasantry to the collectivization, which carried out by the communist authorities. The Priests and the Mullahs turned out to be a support of the peasantry resisting against the destruction of their world, traditional religious and ethnic values.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ VIEWPOINT

Шигабетдинова Г. М. (Ульяновск). Культура рефлексивного партнёрства личности в логике медиативных социокультурных изменений: региональный аспект

Ключевые слова: культура личности, культура рефлексивного партнёрства, медиативные социокультурные изменения, региональная идентичность.

Аннотация: в статье анализируется процесс формирования культуры рефлексивного партнёрства, которое рассматривается в контексте медиативных социокультурных изменений в региональном разрезе. В качестве механизма формирования культуры рефлексивного партнёрства рассматривается восхождение личности к подлинным ценностям связи со своей родиной, реализация которых обеспечивает сохранение или изменение жизнедеятельности индивида, социальной общности и общества в целом.

Shigabettinova G. M. (Ulyanovsk). Culture of the personality's reflexive partnership in logic of meditative, socio-cultural changes: regional aspect

Keywords: culture of the personality; culture of reflexive partnership, mediative socio-cultural changes, regional identity.

Abstract. The formation process of culture of reflexive partnership is analyzed in the article. Its process is considered in the context of mediative of socio-cultural changes in terms of a certain region. The address of the personality to the true values of link with the homeland is considered. The realization of it provides preservation or change of activity of the individual, social community and society in by of a reflexive partnership culture.

Парфенова Т. А. (Самара) Формирование региональной идентичности молодежи в образовательном пространстве

Ключевые слова: идентичность, образование, эмпирическое исследование, поволжская идентичность.

Аннотация: в статье освещаются такие вопросы, как социально-психологические подходы к определению составляющих региональной идентичности, взаимосвязь понятий региональная идентичность и национальная идентичность. Автор приводит результаты эмпирического исследования по формированию поволжской региональной идентичности молодежи в условиях вуза.

Parfyonova T. A. (Samara) The formation of regional identity among young people in educational space

Keywords: identity, education, empirical study, Volga region's identity.

Abstract. Such issues as social and psychological approaches to the determination of the elements of a regional identity, interrelation of concepts "regional identity" and "national identity" covered in the article. The author gives the results of empirical study on the formation of the Volga region's regional identity among students.

Гатиатуллина Э. Р., Минакова А. Ю., Ушакова К. А. (Москва). Историко-культурные, территориальные, этнокультурные и национальные аспекты исследования региональной идентичности

Ключевые слова: региональная идентичность, аспекты исследования региональной идентичности, факторы формирования национальной идентичности.

Аннотация: в статье представлены аспекты региональной идентичности, факторы, на неё влияющие, определена значимость понятия «национальная идентичность» для характеристики такого вида социума как нация.

Gatiatullina E. R., Minakova A. Yu., Ushakova K. A. (Moscow). Historical and cultural, territorial, ethno-cultural and national research aspects of regional identity

Keywords: regional identity, aspects of research of regional identity, factors for formation of national identity.

Abstract. The aspects of regional identity, factors influencing it are present in the article. The importance of the concept "national identity" for the characteristics of such community as a nation has been determined.

Журавлёв В. М. (Ульяновск). Ускорение истории на примере модели исторического развития России (988–2030)

Ключевые слова: математические методы, модель, история России, развитие, модельный прогноз смены состояний общества.

Аннотация: в статье предложена эмпирическая модель развития России в период от Крещения Руси до 30-х годов XXI века. Модель опирается на ранее высказанную идею об ускорении истории цивилизации в эпоху технологических преобразований от изобретения колеса до настоящего времени.

Zhuravlyov V. M. (Ulyanovsk). The model of a historical development of Russia as a example of a acceleration of the History

Keywords: mathematical methods, model, history of Russia, development, model of the society state change.

Abstract. The empirical model the development of Russia from Christianization of Kievan Rus the 30-s of the XXI century given in the report. The model relies on the idea of the acceleration of civilization history during an era of technological transformations.

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Галиндабаева Вера Валерьевна (Казань), научный сотрудник НОЦ Центра культурных исследований постсоциализма Казанского (Приволжского) федерального университета.

Гапсаламов Алмаз Рафисович (Елабуга), кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и менеджмента Елабужского института Казанского (Приволжского) федерального университета.

Гатиатуллина Эльвира Ринатовна (Москва), кандидат философских наук, доцент кафедры психологии, педагогики и социально-гуманитарных дисциплин Московского университета им. С. Ю. Витте (МИЭМП).

Дзикун Анна Николаевна (Ульяновск) студентка 3 курса гуманитарного факультета (направление «история») Ульяновского государственного университета.

Дидковская Наталья Александровна (Ярославль), кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии, начальник службы по связям с общественностью и СМИ Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского.

Журавлёв Виктор Михайлович (Ульяновск), доктор физико-математических наук, профессор кафедры Теоретической физики Института математики, физики и информационных технологий Ульяновского государственного университета.

Замятин Дмитрий Николаевич (Москва), кандидат географических наук, доктор культурологии, главный сотрудник, руководитель Центра геокультурной региональной политики, Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева.

Зубова Ирина Львовна (Ульяновск), кандидат философских наук, доцент кафедры истории Отечества, регионоведения и международных отношений факультета гуманитарных наук и социальных технологий Ульяновского государственного университета.

Игнатова Людмила Владимировна (Ульяновск), аспирантка Ульяновского государственного университета.

Карбаинов Николай Иванович (Санкт-Петербург), научный сотрудник Социологического института Российской академии наук (СИ РАН).

Качкина Татьяна Борисовна (Ульяновск), кандидат исторических наук, заведующая отделом исследований современных проблем ОГБУ «Научно-исследовательский институт истории и культуры Ульяновской области».

Кобзев Александр Викторович (Ульяновск), кандидат исторических наук, доцент Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова, старший научный сотрудник ОГБУ «Научно-исследовательский институт истории и культуры Ульяновской области».

Липатова Надежда Валерьевна (Ульяновск), кандидат исторических наук, заместитель директора ОГБУ «Научно-исследовательский институт истории и культуры Ульяновской области», доцент кафедры истории Отечества, регионоведения и международных отношений Ульяновского государственного университета.

Лукичева Любовь Юрьевна (Ульяновск), младший научный сотрудник ОГБУ «Научно-исследовательский институт истории и культуры Ульяновской области», аспирант УлГУ.

Лунин Дмитрий Иванович (Ульяновск), студент 5 курса гуманитарного факультета (специальность «история») Ульяновского государственного университета.

Лютюв Лев Николаевич (Ульяновск), доктор исторических наук, профессор Ульяновского филиала РАНХиГС, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института истории и культуры Ульяновской области.

Минакова Анна Юрьевна (Москва), студентка Московского университета им. С. Ю. Витте (МИЭМП).

Морозова Дарья Фаразхановна (Ульяновск), студентка 5 курса гуманитарного факультета (специальность «история») Ульяновского государственного университета.

Муфтахутдинова Дилера Шамильевна (Казань), кандидат исторических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета.

Парфенова Татьяна Александровна (Самара), старший преподаватель кафедры психологии и социальной педагогики Поволжской социально-гуманитарной академии.

Пивцайкина Ольга Александровна (Саранск), научный сотрудник отдела теории и истории культуры ГКУ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия».

Платцева Дарья Геннадьевна (Ульяновск), фотограф, выпускница гуманитарного факультета (специальность «история») Ульяновского государственного университета.

Прокопенко Сергей Алексеевич (Ульяновск), доктор исторических наук, доцент, директор ОГБУ «Научно-исследовательский институт истории и культуры Ульяновской области имени Н.М. Карамзина», профессор Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова.

Русин Дмитрий Владимирович (Ульяновск), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества, регионоведения и международных отношений Ульяновского государственного университета.

Русина Ольга Викторовна (Ульяновск), аспирантка кафедры философии Ульяновского государственного технического университета.

Сидорова Галина Петровна (Ульяновск), доктор культурологии, доцент, профессор кафедры истории и культуры Ульяновского государственного технического университета.

Смирнягин Леонид Викторович (Москва), доктор географических наук, профессор кафедры социально-экономической географии зарубежных стран Географического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Сульдина Людмила Викторовна (Саранск), старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры ГКУ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия».

Тимофеев Михаил Юрьевич (Иваново), доктор философских наук, профессор кафедры философии Ивановского государственного университета, заместитель председателя Центра этнических и национальных исследований Ивановского государственного университета.

Ушакова Ксения Александровна, (Москва), студентка Московского университета им. С. Ю. Витте (МИЭМП).

Фокеев Сергей Николаевич (Ульяновск), студент 5 курса гуманитарного факультета (специальность «история») Ульяновского государственного университета.

Шаповалов Сергей Николаевич (Ульяновск), юрист, аспирант РМАТ, член Экспертного совета Ульяновской области.

Шафиров Андрей Владимирович (Ульяновск), младший научный сотрудник ОГБУ «Научно-исследовательский институт истории и культуры Ульяновской области имени Н.М. Карамзина», аспирант УлГПУ им. И. Н. Ульянова.

Шигабетдинова Гузель Мирхайзановна (Ульяновск), кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Политология, социология и связи с общественностью» Ульяновского государственного технического университета.

Шигапов Савелий Рустамович (Томск), студент исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

Шкердина Надежда Олеговна (Саранск), кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры ГКУ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия».

Щукин Дмитрий Сергеевич (Саранск), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ГКУ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н. В. Липатова.</i> Идентичность и ее региональное измерение	5
ОПЫТ	10
<i>С. А. Прокопенко.</i> Сопоставление зарубежного и российского опыта конструирования региональной идентичности	10
ПРОСТРАНСТВО	16
<i>Д. Н. Замятин.</i> Идентичность и территория: гуманитарно-географические подходы и дискурсы	16
<i>Л. В. Смирнягин.</i> Региональная идентичность и вернакулярный район	36
<i>Д. В. Русин.</i> Вернакулярные районы города Ульяновска (на примере правобережной части)	44
<i>О. А. Пивцайкина.</i> Усадебная архитектура в региональном ландшафте: памятники дворянской культуры мордовского края конца XVIII – первой половины XIX вв.	48
<i>С. Р. Шигапов.</i> Двойственность религиозного ландшафта томско-чулымской тайги (2-я половина XIX – начало XX вв.)	59
ЛИЧНОСТЬ	67
<i>И. Л. Зубова.</i> Динамизм образа Симбирска–Ульяновска в фотоработах Леонида Лазарева	67
<i>Д. Г. Платцева.</i> Взгляд молодого фотографа на региональную идентичность	78
<i>А. Н. Дзикун.</i> Личность Н. М. Карамзина как фактор формирования региональной идентичности ульяновцев	81
<i>Н. А. Дидковская.</i> Власть в системе авторства культурного текста Ярославля: Мельгунов и Пощенков	84
<i>О. А. Пивцайкина, С. В. Сульдина.</i> Илья Васильевич Селиванов: хроника уездного города глазами обывателя. Историко-культурные зарисовки г. Саранска XIX в.	89
<i>Д. С. Щукин.</i> А. И. Пальм – писатель и петрашевец	97
СОВЕТСКОЕ VS ПОСТСОВЕТСКОЕ	108
<i>М. Ю. Тимофеев.</i> «Советский город»: инструкция по эксплуатации	108
<i>Н.И. Карбаинов.</i> Советская идентичность в постсоветском Татарстане: массовые исторические представления	114
<i>Т. Б. Качкина.</i> Ульяновск родина Ленина: от идеологического символа к туристскому бренду (к проблеме идентичности места)	118
РЕТРОСПЕКТИВА	135
<i>О. В. Русина.</i> Исторические знания как фактор формирования региональной идентичности	135
<i>Д. Ф. Морозова.</i> Формирование региональной идентичности историками Ульяновска	139
<i>С. Н. Фокеев.</i> Интернациональные связи Ульяновской области: официальные делегации эпохи ленинского юбилея	142
<i>Д. И. Лунин.</i> Развитие автоспорта на УАЗе в 1950–2014 гг.	147
<i>А. В. Шафиров.</i> Крестьянское хозяйство Симбирской губернии второй половины XIX – начала XX вв. Историкографический обзор	151
<i>Л. В. Игнатова.</i> От крестьянина к колхознику: трансформация идентичности крестьян на территории Средневолжского края	161

<i>А. Р. Гапсаламов.</i> Истоки «экономического чуда» отдельного региона (на примере Республики Татарстан)	167
СОВРЕМЕННОСТЬ	173
<i>Г. П. Сидорова.</i> Ульяновск – культурная столица Поволжья: проблема понимания культуры в контексте идентификации	173
<i>Л. Ю. Лукичева.</i> Региональная идентичность малого города: социологический анализ	176
<i>С. Н. Шаповалов.</i> Синергия российско-китайской идентичности в культурно-деловом центре «China World»	182
<i>Ю. В. Шагунова.</i> Кризис навязанной идентичности	188
НАРОДЫ И РЕЛИГИИ	192
<i>А. В. Кобзев.</i> Типологизация локальных поселений Симбирской губернии во второй половине XIX–XX вв.	192
<i>В. В. Галиндабаева.</i> Кряшенская идентичность и конструирование исторической памяти: массовые представления и элитарные версии	197
<i>Н. А. Шкердина.</i> Этноконфессиональный мир российской провинции первой половины XIX в. (на примере мордовского края)	207
<i>Д. Ш. Муфтахутдинова.</i> Новая мусульманская идентичность: кто они и кем хотят быть?	215
<i>Н. А. Шкердина.</i> Православие и сектантство в мордовском крае в первой половине XIX в.	221
<i>Л. Н. Лютов.</i> Религиозно-нравственная опора сопротивления деревни раскрестьяниванию. Начало 1930 года (Ульяновский округ Средне-Волжской области)	231
ТОЧКА ЗРЕНИЯ	240
<i>Г. М. Шигабетдинова.</i> Культура рефлексивного партнёрства личности в логике медиативных социокультурных изменений: региональный аспект	240
<i>Т. А. Парфенова.</i> Формирование региональной идентичности молодежи в образовательном пространстве	244
<i>Э. Р. Гатиатуллина, А. Ю. Минакова, К. А. Ушакова.</i> Историко-культурные, территориальные, этнокультурные и национальные аспекты исследования региональной идентичности	250
<i>В. М. Журавлёв.</i> Ускорение истории на примере модели исторического развития России (988–2030)	254
АННОТАЦИИ СТАТЕЙ	262
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	282

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

REGIONAL IDENTITY IN CULTURAL SPACE OF RUSSIA.

<i>Lipatova N. V.</i> Identity and its regional dimension.....	5
EXPERIENCE	10
<i>Prokopenko S. A.</i> The comparison of foreign and Russian experiences in construction of regional identity.	10
SPACE	16
<i>Zamyatin D. N.</i> Identity and territory: humanitarian and geographical approaches and discourses.	16
<i>Smirnyagin L. V.</i> Regional identity and vernacular district.	36
<i>Rusin D. V.</i> Vernacular districts of right-bank Ulyanovsk.	44
<i>Pivtzaikina O. A.</i> Country estate architecture in a regional landscape: monuments of noble culture of the Mordovia land at the end of XVIII – the first half of the XIX centuries.	48
<i>Shigapov S. R.</i> Duality of a religious landscape of the Tomsk-Chulym taiga (the 2nd half of the XIX – the beginning of the XX centuries)	59
PERSONALITY	67
<i>Zubova I. L.</i> Dynamism of an image of Simbirsk-Ulyanovsk in L. Lazarev's photoworks.	67
<i>Plattseva D. G.</i> Reflections of a young photographer about regional identity.	78
<i>Dzikun A. N. N. M.</i> Karamzin's personality as a factor of forming a regional identity of Ulyanovsk residents.	81
<i>Didkovskaya N. A.</i> The power in system of cultural code of Yaroslavl: Melgunov & Loshchenkov.	84
<i>Pivtzaikina O. A., Suldina L. V.</i> Ilya Vasilyevich Selivanov: the chronicle of a provincial city as viewed by inhabitants (Historical and cultural sketches of Saransk in the XIX century).	89
<i>Schukin D. S. A. I.</i> Palm – a writer and a follower of M.V. Petrashevsky.	97
SOVIET VS POST-SOVIET	108
<i>Timofeev M. Yu.</i> «The Soviet city»: maintenance manual.	108
<i>Karbainov N. I.</i> Soviet identity in Post-Soviet Tatarstan: mass historical ideas.	114
<i>Kachkina T. B.</i> Ulyanovsk – Lenin's motherland: from an ideological symbol to a tourist brand (to the problem of a place identity).	118
RETROSPECTIVE	135
<i>Rusina O. V.</i> Historical knowledge as a factor of forming regional identity.	135
<i>Morozova D. F.</i> Formation of the regional identity by Ulyanovsk historians.	139
<i>Fokeyev S. N.</i> International ties of the Ulyanovsk region: official delegations of the Lenin's anniversary epoch	142
<i>Lunin D. I.</i> Development of motorsport at Ulyanovsk Automobile Plant (UAP) in 1950–2014 years.	147
<i>Shafirov A. V.</i> The peasant farming Simbirsk province at the second half of the XIX – early of the XX centuries. Historiographic review.	151
<i>Ignatova L. V.</i> From the peasant to the collective farmer: transformation of peasants' identity in the territory of the Middle Volga region	161

<i>Gapsalov A. R.</i> «Economic miracle» of region: exemplified by the model of the Republic of Tatarstan.	167
MODERNITY	173
<i>Sidorova G. P.</i> Ulyanovsk – the cultural capital of the Volga region: a problem of understanding culture in the context of its identification.	173
<i>Lukicheva L. Yu.</i> The regional identity of a town: sociological analysis.	176
<i>Shapovalov S. N.</i> Synergy of the Russian-Chinese identity at the cultural business center «China World».	182
<i>Shagunova Yu. V.</i> The imposed identity crisis	188
PEOPLES AND RELIGIONS	192
<i>Kobzev A. V.</i> Classification of local settlements in the Simbirsk province in the second half of the XIX – the beginning of the XX centuries.	192
<i>Galindabayeva V. V.</i> Kryashen identity and designing of historical memory: ideas masses and elite versions.	197
<i>Shkerdina N. O.</i> The ethnoconfessional world of the Russian province of the first half of the XIX century (exemplified by the Mordovia land).	207
<i>Muftakhutdinova D. Sh.</i> New Muslim identity: who are they and what do they want to be?	215
<i>Shkerdina N. O.</i> Orthodoxy and heresies in the Mordovian region in the first half of the XIX century.	221
<i>Lyutov L. N.</i> Religious and moral foundation of the peasant resistance against the collectivization. Beginning of 1930 (Ulyanovsk district of the Middle Volga region).	231
VIEWPOINT	240
<i>Shigabetdinova G. M.</i> Culture of the personality's reflexive partnership in logic of meditative, socio-cultural changes: regional aspect.	240
<i>Parfyonova T. A.</i> The formation of regional identity among young people in educational space.	244
<i>Gatiatullina E. R., Minakova A. Yu., Ushakova K. A.</i> Historical and cultural, territorial, ethno-cultural and national research aspects of regional identity.	250
<i>Zhuravlyov V. M.</i> The model of a historical development of Russia as a exemple of a acceleration of the History.	254
ABSTRACT	262
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	282

ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

ИМЕНИ Н.М. КАРАМЗИНА

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ИСТОРИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

VIII СЫТИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

REGIONAL IDENTITY IN THE HISTORICAL AND CULTURAL SPACE OF RUSSIA

VIII SYTIN READINGS

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЁННОЙ ПАМЯТИ ИСТОРИКА С. Л. СЫТИНА
Ульяновск, 25–26 сентября 2014 г.

PROCEEDINGS OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL
CONFERENCE IN HONOUR OF THE HISTORIAN SERGEY SYTIN.
Ulyanovsk, September 25–26, 2014

ЧАСТЬ 1

PART I

НИИ

Издательство
«Корпорация технологий продвижения»
432012, Россия, г. Ульяновск, ул. Державина, д. 9а, оф. 1.
Тел./факс: (8422) 38-79-08. E-mail: ktpbook@mail.ru.

Ответственная за выпуск Винник О.К.
Редактор-корректор Егоров К.В.
Художественный редактор Василькин Н.А.
Компьютерное обеспечение издания Долговой Т.Е.

Отпечатано с электронного файла издательства
в ОАО «Областная типография «Печатный двор».
432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарева, 27.
Тираж 200 экз. Заказ №